

A vast field of golden wheat under a clear blue sky. The wheat is in the foreground, slightly out of focus, and stretches to the horizon. The sky is a uniform, bright blue.

АКАДЕМИК
ПАРАХИН

Соль земли

АКАДЕМИК
ПАРАХИН

СОЛЬ ЗЕМЛИ

г. Орёл
2020 г.

Оригинальный авторский текст – Михаил КОНЬШИН.

В книге использованы воспоминания из книги Михаила Васильевича Парахина «О прожитом и пережитом», старшего брата академика Николая Парахина.

Выражаем благодарность всем неравнодушным людям, кто оказал помощь в сборе материалов для этой книги.

Документально-публицистическое издание. Отрывки. Свидетельства. Воспоминания.

Он был невероятно настойчив в достижении цели, которую ставил перед собой, проявлял удивительную восприимчивость ко всему новому, что помогало улучшить научно-экспериментальный и образовательный процесс, безмерно ценил творческий подход к любому делу. Был заряжен огромной, почти немислимой энергией, всегда «напичкан» целой россыпью нетривиальных идей, которыми щедро делился со своими коллегами. Но был твёрдым и бескомпромиссным, не допускал ни малейших послаблений, и в первую очередь к себе, когда речь шла о научных исследованиях, о большой науке.

Яркий учёный, почвовед, великолепный знаток в области земледелия и растениеводства, ему по праву принадлежит открытие двух принципиально новых направлений в аграрной научной сфере. Он был убеждённым сторонником экологизации и биологизации земледелия, которые способствуют сохранению и обогащению плодородного слоя земли.

Николай Васильевич Парахин, академик, ректор Орловского государственного аграрного университета, так много сделавший для становления и развития этого учебного заведения, которое теперь по праву носит его имя.

Эта книга-воспоминание о нём – незаурядном, талантливом человеке и большом учёном.

АКАДЕМИК ПАРАХИН

СОЛЬ ЗЕМЛИ

*Эта книга посвящена
Николаю Васильевичу Парахину,
его непростой, но яркой жизни,
насыщенной множеством
разнообразных сюжетов,
неординарных событий,
волнений и замечательных дел.*

Академик
Николай Васильевич
ПАРАХИН

ВСТУПЛЕНИЕ

У этого красивого монументального здания, стоящего на небольшой возвышенности в районе Весёлой Слободы в городе Орле, непростая, но счастливая история. Появилось оно на пустыре, где ещё лет сорок назад преобладали бурьян да заросли диких кустарников. А что ещё могло расти на Ведьмино поле, как называли этот невзрачный, неухоженный уголок жители Слободы?!

Однако назвать это место городской окраиной было бы несправедливо, поскольку территория вокруг Ведьмина поля обживалась давно: тут ещё в 60–70-е годы прошлого века обосновался крупный дачный кооператив, как грибы росли частные строения горожан с огородами и садами. Место удобное: отсюда до центра города рукой подать, пешком прогуляться много времени не займёт, а уж на транспорте и десяти минут хватит за глаза.

Тем не менее городская застройка с высотными жилыми корпусами, магазинами, родильным домом, регулярным общественным транспортом пришли сюда позже, когда пустырь превратился в обжитое и ухоженное место, а сельскохозяйственный институт, разместившийся в красивых современных корпусах с нестандартной архитектурой, обрел не только неповторимые черты, но и свой особый статус. Статус одного из ведущих и продвинутых вузов Орловщины.

За несколько десятилетий, с тех пор как завершилось основное строительство, территория городского пустыря превратилась в цветущий обжитой уголок. Здесь появились красивые газоны и клумбы, выполненные с любовью по всем законам ландшафтного дизайна, симпатичные тенистые аллеи, прогулочные дорожки и множество цветов повсюду. За четверть века подросли и превратились из юных, почти детсадовских малышек в стройных красавиц зелёные сосны, сибирские лиственницы, строгие ёлочки, аккуратными рядами высаженные перед учебными и административными корпусами.

Здесь, в прохладной тени аллеи, любят погулять и беззаботные студенты, и степенные преподаватели, задумчивые профессора, особенно в те дни, когда солнечные лучи раскаляют окружающий воздух. Приходят молодые мамы с детьми, приезжают свадебные кортежи, чтобы сделать на память фотографии, насладиться красотой и свежестью рукотворного зелёного массива.

В такие минуты обязательно вспомнится человек, благодаря которому этот пустырь стал не просто обитаемой, а весьма привлекательной частью городского ландшафта, превратился в уютный и очень притягательный уголок, наполненный почтением, мечтами и смыслом. Много лет этот человек олицетворял собой всё, что происходило в стенах этого здания и вокруг него, в его многочисленных кабинетах, аудиториях, лабораториях, огромном актовом зале с великолепными люстрами, вызывающими неподдельное восхищение своим изяществом, красотой и размерами.

Его теперь нет в этом здании. Он не пройдёт по коридорам своей весьма характерной, легко узнаваемой и очень динамичной походкой. Не заглянет по-хозяйски в ближайшую аудиторию, не протянет руку идущему навстречу преподавателю или студенту. Не справится в типичной для него манере о делах, о здоровье и настроении. Не посмотрит в глаза и не похлопает дружески по плечу.

Но он всегда присутствует здесь. И зримо, и незримо. Его имя навечно закреплено в названии учебного заведения, что для современной истории Орла явилось событием неординарного порядка.

Весной 2018 года при огромном стечении людей, приехавших со всех уголков Орловщины, из дальних и ближних регионов страны, в присутствии сыновей и внуков был торжественно открыт его бронзовый бюст неподалёку от главного входа в университет, в тенистом уголке парковой аллеи, под сенью посаженных им и уже выросших еловых деревьев.

Парнишка из далёкой орловской глубинки, мечтавший стать председателем колхоза. Преподаватель и ректор, сумевший из обычного провинциального сельхозинститута сделать академию, а затем аграрный университет, вошедший при его жизни в число лучших профильных вузов России. Учёный, чей вклад в развитие аграрной науки страны и, прежде всего, таких её направлений, как почвоведение, растениеводство и кормопроизводство, оценивается как значительный, важный. Продолжатель лучших традиций отечественной агрономии. Автор нескольких принципиально новых исследовательских направлений. Патриот своей большой и малой Родины.

Николай Васильевич Парахин. Доктор сельскохозяйственных наук. Профессор. Академик РАН, вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук. Эта книга посвящена ему, и эта книга о нём, его непростой, но яркой жизни, насыщенной множеством разнообразных сюжетов, неординарных событий, волнений и замечательных дел. Он ушёл в мир иной 6 апреля 2016 года. Но память о нём бережно хранят его коллеги, его многочисленные ученики и выпускники, его последователи и друзья. Именно благодаря им всем вместе, благодаря его семье появилась возможность создать эту книгу.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед выбором

Пожалуй, в судьбе каждого человека есть такие моменты, которые определяют всю его дальнейшую жизнь. Случайность это или закономерность – трудно судить. Вопрос, как говорится, философский. Но, видимо, существует некая предопределённость, не зависящая, как правило, от внешних обстоятельств, а продиктованная, скорее всего, внутренними мотивами, происходящими где-то в глубинах души, и она при внимательном изучении прослеживается со всей очевидностью.

Для будущего академика Николая Парахина таким судьбоносным моментом стало решение поехать на учёбу в Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. В «Тимирязевку», как называли, да и сейчас называют это одно из старинных и весьма уважаемых учебных заведений страны, все те, кто когда-нибудь здесь учился, работал или начинал свой путь в науку.

Казалось бы, ну что в этом может быть такого особенного? Решил человек и решил! Мало ли желающих и тогда, и сейчас, кто мечтал и мечтает попасть в столицу, отучиться и получить диплом об окончании учебного заведения, престиж которого был чрезвычайно высок ещё во времена дореволюционной России?! С Тимирязевкой навсегда связаны имена выдающихся россиян, учёных, исследователей, корифеев аграрной науки Н. И. Вавилова, Д. Н. Прянишникова, А. В. Чайнова. Ими по праву гордится не только отечественная, но и мировая наука, потому что их идеи, их вклад в развитие фундаментальных исследований, имеющих также прикладное значение, поистине бесценны.

Тимирязевка... В этом слове для абитуриентов всех лет было что-то магическое, манящее, как горная вершина, и одновременно пугающее своей недоступностью. Простому сельскому пареньку из далёкой орловской глубинки сама мысль поехать в Москву, в академию, поначалу казалась фантастической, невероятной. А уж о том, чтобы это однажды сбылось, стало реальностью, наверное, не могло присниться даже во сне.

О чём мечтали ребята начала и середины 60-х годов прошлого века? Поступить в институт, где учат на агрономов или, положим, ветеринаров?

ринаров. На худой конец, можно и в техникум по такому же профилю, чтоб вернуться в деревню уже с дипломом, со знаниями. Занять свое место среди специалистов среднего звена, помогать колхозу выращивать на полях больше хлеба, поднять животноводство, увеличить надои на молочной ферме.

Люди, знающие Парахина, те, кто с ним жил и учился, вспоминают, что мысли у него и мечтания, по мере того как он рос и взрослел, были разные. И хотя несложно согласиться с бытовавшим тогда утверждением, что для сельского юноши или девушки, находившихся в определённых условиях и определённой среде, намерение связать свою дальнейшую судьбу с землёй, с сельским хозяйством является вполне естественным, но, что касается нашего случая, всё было не столь очевидно.

Деревенские рассказывали, что в малом возрасте, отвечая на привычный детский вопрос, кем он хочет стать, когда вырастет, Коля Парахин неизменно говорил: «Председателем колхоза. Как наш Тихон Палыч».

Неизвестно, сам ли он дошёл до этой мысли или услышал от кого, только, объясняя свой выбор «почему именно председателем», добавлял: «Потому что он самый главный».

Как это не покажется странным, но впоследствии именно разговор с председателем местного колхоза, возможно, станет решающим аргументом, который в конечном итоге определил выбор вуза и всю дальнейшую жизнь Николая Парахина.

Но в школе, особенно в младших классах, всё обстояло не так однозначно. То он признавался кому-то, что обязательно станет большим начальником, как председатель колхоза или секретарь райкома партии. Потому что видел этих важных людей, когда они приезжали в школу на торжественные мероприятия. А то вдруг неожиданно общал, что решил поступать в авиационный институт, чтобы строить большие самолёты, которые поднимаются в небо. Сам он, правда, до той поры на самолётах ещё не летал, но это было неважно. Главное, его окрыляла мечта. И мечта уносила простого деревенского паренька то в поднебесные выси, то в земные неизвестные дали. Она несла с собой надежду и огромное желание найти своё место в жизни, учиться, получить образование, чтобы вырваться из того тесного круга, в котором жили родители и прошло его детство.

Впрочем, как это часто бывает у многих людей, окончательный выбор оказался другим: для кого-то неожиданным, для кого-то вполне объяснимым.

Но об этом чуть позже. А перед тем как сделать вывод о том, кто или что в наибольшей степени способствовало этому выбору, поведем о некоторых страницах из истории рода Парахиных. Истории невероятной по своему сюжету и чрезвычайно поучительной.

Глава 1.

КОРНИ ФАМИЛЬНОГО РОДА

Легендарный дед Борис

По рассказам, которые удалось сохранить и которые передаются из поколения в поколение, корень рода Парахиных происходит из деревни Парахино, расположенной в десяти верстах от города Ливны Орловской губернии, на вершине Среднерусской возвышенности. Неподалёку от этих мест берут начало сразу две речки, и обе Ливенки, во всяком случае, так говорят в народе: одна из них ручейком вытекает из родника у деревни Мох, а другая – близ деревни Моховское, а расположены они по обе стороны от деревни Полевские. Эти речки-сестрички соединяются неподалёку от Ливен в одну, теперь уже настоящую Ливенку, которая впадает в реку Сосну, приток батюшки Дона.

В той же местности от деревни Шановские Дворы берёт начало речка Медвежье и течёт почему-то в противоположную по отношению к Ливенкам сторону. Впрочем, объяснить сей природный казус несложно, поскольку всё это происходит на самом хребте возвышенности, на его переломе, который и развёл в разные стороны водные пути-дорожки здешних речушек.

Сама деревня Парахино – обыкновенное русское поселение, каких на Руси было множество. До 1917 года она насчитывала около трёхсот дворов.

История названия этой деревни необычна. Жила там когда-то совсем не бедная особа по имени Прасковья, в просторечии Параха. Жители называли её уважительно «Барыня». По складу характера она была доброй, для своего времени необычайно продвинутой, прогрессивной по взглядам, поскольку ещё до официальной отмены императором Александром II в 1861 году крепостного права в России даровала крестьянам свободу, наделила их земельными угодьями.

Радости от этого события у простого люда не было предела. На общем сходе решили с того момента именовать поселение деревней Парахино. При этом всем жителям присваивалась одна и та же фамилия – Парахины. До этого каждый двор имел прозвище. Например, коренной двор предков Николая Васильевича Парахина именовался Косаревы, из чего можно сделать вывод, что в этой семье, по всей вероятности, были исправные косари.

На сходе крестьяне решили поставить церковь во имя святой Параскевы, которая в итоге и была построена силами прихожан и на их средства. В приход этой церкви входили и близлежащие деревни Орлово, Овсянниково и другие. Церковь красовалась в центре ставшего селом Парахино до 1930 года, когда вместе с объединением крестьян в колхозы, часто под нажимом, применяя насилие к тем, кто не хотел отказываться от привычного и устоявшегося частного уклада, громили и храмы.

Кстати, из поколения в поколение передаётся, что колокол этой церкви по силе звука был вторым в округе после колокола в церкви ещё одного села – Лютово.

Прямо перед церковью находилась большая площадь – «выгон», как называли её жители. Эта площадь служила местом утреннего сбора скота перед отправкой его на пастбище. Тут же проводились сходы, а также отправления торжеств в религиозные праздники. Нередко на площади в присутствии всего сельского люда проходили популярные в ту пору народные забавы, к числу которых в первую очередь относились кулачные бои.

По рассказам одного из предков семьи Парахиных – легендарного деда Бориса и других родственников, ни в одной из окружающих деревень не было таких горячих кулачных боёв и схваток, как на выгоне в Парахино. Противоборствующие стороны выстраивались стеной друг перед другом. При этом строго под надзором старших соблюдались правила борьбы, правила боя. Особенно это касалось требования «лежачих не бить».

Старики часто вспоминали одного задиру, физически шуплого на вид мужичка, который выскакивал из своего ряда, ловко наносил удары противникам и, когда была вероятность получить ответный удар, падал на спину с поднятыми руками и кричал: «Чур, лежачего не бьют!» И ему всегда удавалось избежать увесистого тумака. Этот человек всё делал настолько виртуозно и с таким

азартом, что собравшиеся с удовольствием наблюдали подобные сцены, смеялись, приветствуя каждую его забавную выходку. В самом деле, чем не живой спектакль прямо на улице?!

Горячие кулачные схватки являлись неповторимым зрелищем. В основном они проходили в праздничные зимние дни. Пар шёл от раскрасневшихся участников этого народного действа. Каждый хотел показать свою силу. Зрителей собиралось хоть отбавляй – вся деревня от мала до велика! Да ещё из соседних народ приходил.

Как и везде, жители села занимались ведением хозяйства на своих скудных малоземельных участках. А чтобы как-то поправить материальное благополучие семьи многие уходили в зимний период на заработки в город Ливны, благо он был недалеко. Другие уезжали на рудники (так называли работу на шахтах). Один из рода Парахиных, дед Борис, кроме хлебопашества выжигал известь, тесал камни. Так и жили, кое-как сводя концы с концами.

Труд хлебопашца во все века не был лёгким. Соха в то время была основным орудием труда в сельском хозяйстве. Случались неурожайные годы, что грозило бедствием небывалым. Селяне молили Бога, чтобы вовремя прошли дожди. Огромные трудности для любой деревенской семьи были связаны также с недостатком топлива. Солома служила основным средством для отопления, а также для кровли жилого дома и надворных построек. Она же с примесью отрубей либо зерна шла на корм скоту.

Был в роду Парахиных один необыкновенный человек, о котором из уст в уста, из поколения в поколение рассказывают настоящие легенды. Звали его Борис Панфилович, и прожил он немалую жизнь – 72 года. Никто не знал случая, чтобы он когда-либо болел. Никогда Борис не носил рукавиц, а летом – обуви. Был он среднего роста, коренастый, крупный в кости, как говорят в народе. Обладал недюжинной силой. Его кулак по объёму раза в три больше, чем у обычного мужчины. По характеру, вспоминают, был человеком спокойным, но при этом и весьма строгим. Слово Бориса являлось окончательным при решении различных бытовых вопросов. Поскольку летом он не носил обуви, его ноги, в частности стопы, настолько огрубели, что он не чувствовал никаких колючек. Да что там колючки!

Рассказывают в семье такой случай. Однажды дед Борис почувствовал боль в пятке и сказал Васятке (будущему отцу Николая Ва-

ильевича): «Посмотри, что-то колет мне в этом месте». Каково же было изумление всех, кто это видел, когда они вытащили из пятки плоский гвоздь, которым прибивают подковы к копытам лошадей.

Чтобы подчеркнуть богатырскую силу деда Бориса, вспоминают такой факт. Однажды надо было поднести к станку для распиловки дров одно очень большое бревно. Дед Борис один взялся за комель, то есть толстый конец бревна, а трое его уже взрослых сыновей – за тонкий. Дед Борис предупредил только, чтобы не упустили бревно, иначе ему «отсушит» руки.

Как-то в зимнее время домашние поехали с дедом в Ливны овёс продавать. Тяжелые сани попали в большой ухаб на дороге, и лошадь никак не могла сдвинуться с места. Тогда дед Борис выпряг лошадь, взялся за оглобли и вытащил сани, приговаривая при этом: «Эх, Буланчик, где ж тебе справиться, тут я еле вытащил».

Или ещё был случай. В торговый день на базаре в Ливнах возник спор: кто сможет оборвать руками одновременно две струны, сделанные из кишок или жил домашнего скота. Такие струны, высушенные и мастерски отделанные, использовались в шарманках, старинных музыкальных инструментах. Натянутая струна издавала звук в результате трения о деревянный круг, приводимый в движение рукояткой, с нажатием при этом надлежащих клавишей. Дед согласился на условия спора и одним ударом порвал сразу три струны. Тут же он предложил поставить четыре струны, но продавец отказался, сказав, что так он совсем без струн останется.

У деда Бориса было три сына и десять внуков, но не один из них не удался силой в него – настоящего русского богатыря Бориса Панфиловича.

Дед осуждал начинавшуюся коллективизацию, с отвращением воспринимал мысль, что его «насильно загонят» в колхоз. Смерть в 1929 году избавила его от этих жизненных неприятностей.

| Бобылин верх

Но это всё было потом. А ещё раньше, в 1911 году, то есть до Первой мировой войны и обеих революций 1917 года, дед Борис принял решение переселиться из Парахино «на вольное

место». Поводом к такому решению стали материальные трудности в разросшейся семье. Этому же в немалой степени способствовали также перемены в сельском укладе, начатые правительством России того времени, во главе которого стоял, как подтвердила история, дальновидный политик Пётр Аркадьевич Столыпин. Он поощрял выход желающих крестьян из общины в малоземельных густонаселённых районах с предоставлением в новых поселениях земельных наделов на правах аренды, а также льготных кредитов для приобретения земли уже в собственность. Цель была простой и понятной – чтобы трудолюбивые русские люди в новых условиях жили богаче, работая на себя и на общее благо. Такой подход, который в истории получил название «стольпинской реформы», в короткий срок скажется на укреплении мощи России.

В семье Парахиных часто рассказывали о земельной реформе того времени, начавшейся в 1906-м и прекращённой в 1917 году, а имя Столыпина упоминалось в том смысле, что это был умный и много знающий человек. Пётр Аркадьевич Столыпин был смертельно ранен эсером Багровым в Киеве в 1911 году. В том самом году, когда дед Борис со своей семьёй переселился на новое место жительства, находящееся в десяти верстах от села Парахино. У помещицы этого имения переселенцы вначале взяли в аренду сравнительно небольшие по площади земельные угодья – по десять десятин на двор. Одновременно переехали четыре семьи: Парахины, Устиновы, Леоновы и Овсянниковы.

По взаимной договорённости они решили обратиться к соответствующим полномочным органам власти с просьбой об утверждении нового поселения – деревни Цветково с намерением сделать её процветающей, обеспеченной. Но эту их просьбу не удовлетворили, с названием деревни не согласились. В семье с горечью вспоминали об этом: уж очень хотелось деду Борису деревню назвать этим тёплым именем.

Дед после рассказывал, что в уезде им показали карту, на которой «верх» (так назывался большой луг, больше погожий напологий овраг), намеченный к размещению деревни, назывался «Бобылин верх». И нечего, сказали уездные чиновники, тут выдумывать, будет название вашей деревни Бобылёвка.

На новом месте жительства дел было невпроворот, поскольку

всё начинали с нуля, с чистого листа, на пустыре. Наряду с каждодневными заботами о пропитании нужно было строить жильё, возводить хозяйственные постройки. Трудности испытывали невероятные. Только уже после революции, при НЭПе, случился период относительного благополучия.

За сравнительно короткий срок четыре семьи построили десять домов. Нужно было ко всему прочему устроить быт молодым семьям. Учитывая рост количества дворов в новом поселении за счёт выделившихся молодых семей, решили сообща воспользоваться кредитом банка для покупки земли в собственность. Кроме того, все хозяйства, или дворы, как их тогда называли, договорились об общинной форме пользования землёй, для чего создали товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ).

Поля обрабатывали сообща, вместе сеяли и убирали урожай. Делили только уже сложенные в копны снопы зерновых. В копны, которые доставались по жребью, Парахины втыкали веточки клёна. Другие семьи отмечали свои копны ветками деревьев иных пород. Свой урожай каждая семья увозила домой самостоятельно.

На совместные деньги ТОЗа были куплены: трактор «Фордзон», племенные животные, лошади. Один племенной жеребец был серой масти, красавец, его шерсть отливала яблоками. Так говорили мужики.

В период НЭПа завязывалась торговля с иностранными государствами. Этим деревенские и воспользовались и с помощью кредитов Земельного банка купили вышеуказанный трактор небольшой мощности.

Бобылёвские мужики были как на подбор ловкие, мастеровитые. Например, Владимир Дмитриевич был столяром высокой квалификации. Он одним из первых сделал веялку, на которой веял, то есть очищал, зерновые, и не только для себя, но и помогал в данном деле другим. И это в то время, когда крестьяне близлежащих деревень веяли зерно вручную.

Сделал он также крупорушку оригинальной конструкции, которая приводилась в движение с помощью лошади. Устроена она была следующим образом: большой деревянный круг диаметром около 4 метров устанавливался на стальном валу, от которого шёл

привод к крупорушке. На круге с внешней стороны были набиты рейки, по которым ходила лошадь. Круг имел наклон примерно 30 градусов, при этом нижняя его часть уходила под деревянный пол.

Лошадь, привязанная к столбу, шагала по рейкам и вращала круг. За ней надо было присматривать и постоянно подгонять её. Как правило, эту обязанность выполнял кто-нибудь из подрастающего поколения.

Смастерил дед Владимир и молотилку для обмолота зерновых культур. Барабан приводился в движение с помощью двух лошадей, движущихся по кругу. Привод шёл через ремённую передачу к барабану. Но, к сожалению, молотилка имела малую производительность и не могла обслужить всю деревню, поэтому другим дворам приходилось молотить зерно и вручную, цепами.

Кроме того, жители Бобылёвки сообща соорудили пруд, выкопав для этого достаточно объёмный котлован, помогали друг другу строить дома, сажать плодовые деревья, которые здесь как-то по-особенному любили. Деревня утопала в садах. Весной, во время цветения этих садов, в воздухе стояло опьяняющее благоухание. Сады заполнялись жужжанием пчёл и пением птиц. Жители соседних деревень Коптево и Карпово, где дворы были огорожены, жили не так дружно, сады посадить не захотели, хотя им не раз предлагали помощь в этом деле. Вместо этого они продолжали ежегодно ходить в Бобылёвку за фруктами. Да ещё и завидовали, что эта деревня утопает в цветущих плодоносящих деревьях.

Председателем ТОЗа в то время был один из сыновей рода Парахиных – Василий Борисович, отец Николая Васильевича. Он рассказывал позднее, что были у них задумки приобрести электрогенератор небольшой мощности (в период НЭПа их завозили из Англии) и электрифицировать деревню, что могло значительно облегчить быт людей. Но этим мечтам не суждено было сбыться.

Произошла настоящая трагедия. Истые русские крестьяне-трудяги, которые в поте лица боролись за своё материальное благополучие, были разорены, подвергнуты репрессиям, объявлены врагами народа. Многие лишились на долгие годы свободы, а некоторые из них погибли в тюрьмах и лагерях.

| История отца. Пасхальные яйца

Из детства старшим братьям и сёстрам семьи Парахиных запомнилось многое. К примеру, обильные снегопады, когда дом заносило снегом выше окон. Приходилось пробивать проходы в снегу, расчищать тропы к хозяйственным постройкам, колодцу, к соседям, закутам (так назывался в деревне хлев, где содержался скот), а также к риге, то есть специальному нежилому помещению для сушки и обмолота хлебных снопов. Часто снегопад сопровождался усилением ветра. Бушевала вьюга. Не было, казалось, большего удовольствия, чем стоять в это время в затишье, у стены дома. Можно было подолгу вслушиваться в своеобразный вой, который соединял в себе свист ветра, шум деревьев, потрескивание и какие-то удары невидимой силы. Земля в такие минуты сливалась с небом одной белой пеленой.

Зимой на обочинах дороги ставили вешки. Так назывались воткнутые в снег палки, которые не давали путникам сбиться с дороги в ночное время, в туман или снегопад.

Когда обильные снегопады прекращались, то люди постепенно пробивали санный путь. Дороги становились ухабистыми, а в некоторых местах образовывались большие раскаты – боковые уклоны дороги, где можно было очень просто перевернуться на санях.

С приближением весны наступала оттепель, в снегу, на дороге возникали просовы или рытвины, выдолбленные копытами лошадей. В таких условиях неопытный ездок может погнать лошадь, которая, попав в просов, ломает ногу. Такие случаи были.

Большой радостью для жителей деревни, особенно для молодёжи, было появление проталинок – первых участков земли, освободившихся от снега. На них местная ребятня устраивала игры. Самой популярной была лапта. Резиновых мячей не было. Использовались тряпичные, набитые несколькими слоями материи, туго стянутые и прошитые плотными нитками.

Ночи в деревне казались очень длинными. Бывало, проснутся ребята и долго ждут рассвета, хотя взрослые уже на ногах, суетятся, занимаются хозяйством, домашней живностью.

Всё дело в том, что при недостатке керосина люди рано ложились спать, поэтому и высыпались задолго до рассвета. С разви-

тием электрификации ситуация изменилась. При хорошем освещении часть ночи уходит на проведение досуга в семье, на определённые домашние хлопоты. Спать стали ложиться позднее. Иногда засиживались так, что на полноценный сон времени не хватало. Но это не являлось оправданием, вставать всё равно приходилось в тот же ранний час, как обычно. Без всяких скидок.

Деревенская жизнь простая и хлопотная, много в ней и в довоенные, и послевоенные времена приходилось делать вручную. Возьмём для примера, как женщины в зимнее время стирали бельё. На ночь носильные или постельные вещи замачивались в мыльной воде, а утром мужчины или подростки везли их на санях за несколько километров на речку в деревню Медвежье, где из-под горы били ключи и вода не замерзала. Вот в этом месте и происходили стирка и полоскание.

Дед Володя сделал деревянную ребристую стиральную доску (она называлась рубель) и колотушку (валёк), которой женщины колотили бельё, чтобы лучше очистить от грязи. Какое же терпение нужно было иметь, чтобы в студёной ключевой воде да на морозе выполаскивать пропитанные мылом рубахи, рушники, наволочки! Никаких резиновых перчаток, конечно же, в ту пору не было. Да и какие перчатки спасут от ледяной воды? Руки у тех, кто стирал и полоскал бельё, были красные, и женщины периодически отогревали замерзшие ладони и пальцы, засунув их в подмышки.

На Орловщине всегда были хорошие условия для зимней охоты. Особенно много водилось зайцев. Чтобы уберечь от них плодовые деревья, стволы яблонь, груш обматывали соломой. Парахины охотой не промышляли. На всю округу был только один заядлый охотник – Данилка из деревни Полевские.

Когда зацветали сады, их благоухание действовало опьяняюще. Гул пчёл и других насекомых был стройнее и богаче любой мелодии. А сколько радости от первого весеннего грома! Природа словно оживала, раскатистым голосом напоминала о силе пробуждающейся после зимней спячки земли.

Ранней весной праздновалась Пасха. Так сложилось, что мужики из окрестных поселений собирались в деревне Тёмное катать в кругу разноцветные пасхальные яйца.

Василий Борисович Парахин, отец будущего академика, по рассказам, всегда выигрывал. Когда кто-то из детей шёл с ним на

праздник, он просил дома всего один десяток яиц, а возвращались с целой корзиной, да ещё все карманы яйцами были забиты. Отец вообще был ловким и смекалистым. Ему не было равных во всей округе в игре в карты, в того же подкидного дурака.

Летом два праздника особо радовали сельского жителя, давали расслабление от тяжёлого труда – Вознесение и Троица. Это время, когда перед сенокосом луга и леса покрывались массой разноцветья. Место проведения торжеств было установлено в давние времена, ещё до революции, по общей договорённости церковных приходов и деревенских общин. Тёмный лес был очень удобным местом для этих целей. Он тянулся километра на два по одну сторону широкого луга. На лугу косили сено, а после сенокоса луг использовали как пастбище для скота.

На лугу, в самом низу, имелась достаточно удобная площадка, где водили хороводы. Многие с удовольствием танцевали, причём не только молодёжь, но и люди среднего возраста. Играли гармошки. Гармонисты (было несколько: в каждой деревне обязательно имелся свой гармонист, порой не один) соперничали друг с другом, развлекали и собирали вокруг себя народ. В ту пору гармонь играла особую роль, поскольку не было других музыкальных инструментов, которые служили бы отрадой для души в дни народного веселья.

Молодёжь в такие дни веселилась буквально до упаду. Девушки и женщины вытаскивали из сундуков и надевали свои лучшие платья. Природное разноцветье смешивалось с пестротой праздничных нарядов. Хохот, смех слышались повсюду. В вихре танца все казались необыкновенно красивыми. На лужайке образовывалось несколько кругов танцующих. Здесь же часто молодые люди знакомились. После гулянья парни шли провожать девчат. Словом, кипела незатейливая, но настоящая людская жизнь.

| Трагедия

Ничто не предвещало беды для продолжавших трудиться на уже обжитой земле жителей Бобылёвки. Но она пришла.

А началось всё с того, что однажды районное начальство предложило взять под опеку, иными словами, принять в своё товарище-

ство по совместной обработке земли (ТОЗ) жителей деревни Коптево, расположенной в двух километрах от Бобылёвки. Было известно, что жители Коптево не отличались усердием в работе и не стремились к улучшению условий жизни. Так уж повелось, что они довольствовались малым и не беспокоились о высоких урожаях.

Но бобылёвские крестьяне оказались с характером и на сходе были единодушны во мнении: отказать новым членам в приёме ТОЗ, председателем которого на тот момент был Василий Парахин. Василий Борисович потом говорил сыновьям, вспоминая этот момент своей жизни, что, вероятно, партийные и советские органы расценили отказ как несогласие с политикой коммунистической партии, на тот период ВКП(б), что и сказало в дальнейшем на судьбе жителей деревни, членов ТОЗа.

В период сплошной коллективизации все десять хозяйств Бобылёвки были объявлены кулацкими, мужиков – глав семей арестовали по приговору Елецкого окружного суда в 1930 году и осудили на 15 лет каждого, в том числе, как гласил приговор, на пять лет лишения свободы, пять лет высылки из Орловской области и пять лет поражения в правах. Каких именно прав лишались осуждённые, в приговоре не разъяснялось.

При этом никакого расследования проведено не было, акцию совершили в кратчайшие сроки. В приговоре в отношении Василия Парахина говорилось, что он как председатель ТОЗа создал общество кулаков, взял денежную ссуду в три тысячи рублей и разделил её между этими кулаками. Семьи осуждённых лишили средств к существованию, так как у них изъяли рабочий скот (лошадей), продуктивный скот (коров, овец). Отобранный в частных бобылёвских подворьях скот приняла коммуна «Искра», центр которой находился в деревне Щербачи.

По рассказам людей, переживших всё это, рабочий и продуктивный скот вскоре был уничтожен. Ухоженных, вскормленных лошадей из Бобылёвки в коммуне безжалостно использовали на тяжёлых работах. Некоторые из них сразу были загнаны плёткой. На их телах появились язвы от неприлаженных хомутов.

На оставшихся жителей Бобылёвки повесили ярлык кулаков, а в 1937 году – и врагов народа. И это в отношении людей, которые в поте лица трудились на своих земельных наделах и хозяйствах без применения наёмного труда, людей, которые мате-

риально жили в больших трудностях. Все они до единого ходили в лаптях и самотканой одежде. На всю деревню были одни сапоги, которые выдавались жениху в день его свадьбы. Запаса продуктов питания для людей и корма для скота в большинстве семей едва хватало до нового урожая.

Холсты женщины ткали зимой на примитивном станке, отбеливали (или, как говорили в деревне, «белили») летом на лужайке у пруда. Холсты длиною примерно по пять-шесть метров смачивали водой и расстилали на траве. И так несколько раз. Солнце, воздух и вода делали своё дело: серые холсты становились белыми. Мужчины плели лапти, валяли валенки. Из овечьих шкур, то есть из овчин, выделанных ими же с помощью ржаной гущи, шили верхнюю тёплую одежду.

Такова была жизнь и быт так называемых кулаков-богачей. В надежде на отдачу в будущем хозяева деревни укрепляли ТОЗ, отказывая при этом себе в улучшении текущего материального положения.

Однако вернёмся к теме. Что же произошло дальше с осуждёнными на пятнадцать лет бобылёвскими мужиками? Вскоре после вынесения приговора, возможно, под влиянием вышедшей статьи Иосифа Сталина «Головокружение от успехов» Орловский областной суд большинству из них изменил приговоры, отменил наказание в виде лишения свободы, оставив в силе высылку и поражение в правах. Но к этому времени прежние приговоры были приведены в исполнение, и Василий Парахин был доставлен в город Кемь, в лагерь, расположенный на печально известных Соловках. 500 лет, с момента появления на Соловках первых монахов, здесь не было тюрем. Монахи своими руками строили монастырь, ставший впоследствии всемирно известным памятником архитектуры и одним из главных духовных мест православия, прокладывали каналы, соединяющие озёра, сооружали переходы и дамбы между островами. В 1923 году, через шесть лет после революции, здесь был устроен лагерь, который получил название СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения. Сюда ссылали политических противников партии большевиков – кадетов и эсеров, белогвардейских офицеров, участвовавших в Гражданской войне, и других несогласных с советской властью людей. Позже, в 30-е годы, армию соловецких заключённых пополнили против-

ники коллективизации и так называемые кулаки. В их числе оказался и Василий Парахин.

Чтобы ускорить его освобождение, брат первой жены Василия, Аким Владимирович, выехал к нему с копией определения областного суда об изменении приговора. Василий Борисович был освобождён из лагеря, но не имел права прибыть к месту постоянного жительства в течение пяти лет. Он, как и большинство «оправданных» мужиков из окружных деревень, вынужден был устроиться на временное поселение в городе Ефремове Тульской области в семидесяти километрах от дома. Несколько позже работал простым рабочим в подмосковном ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт).

Три года, пока отец отбывал наказание, семья Парахиных была без коровы. За молоком ходили в близлежащие деревни, получали его в основном в обмен на фрукты. В трудное время выручали огород и сад, вернее то, что в них выросло. В зиму заготавливали картофель, в кадушках замачивали яблоки и ставили их в кладовой, а свежие укладывали на чердаке на солому. Зимой яблоки замерзали, но, когда они оттаивали, их с удовольствием ели.

Интересный момент: никто из односельчан, кто остался в деревне Парахино и не переехал в период стальной реформы в Бобылёвку, не пострадал в то смутное время. Репрессиям подверглись только те, кто выехал на другое место жительства: на хутора, в коммуны.

В конце концов, истёк пятилетний срок высылки Василия Борисовича, и он вернулся домой. Переехать в другую местность, о чём иногда заходил разговор, не было ни средств, ни возможности.

| Не кулак – так просто враг

ТОЗ в Бобылёвке, конечно же, распался. На его базе был организован колхоз. Самым же невероятным было то, что бывшего кулака вскоре избрали бригадиром, а чуть позднее – председателем колхоза. Но в этой должности ему не суждено было долго проработать. 20 ноября 1937 года арестовали девять человек всё из той же Бобылёвки, по одному из каждого дома. Забрали в их числе и колхозного председателя.

К тому дню, когда арестовали Василия Парахина, за окном уже лежал снег. Около полуночи в дверь постучал председатель сельского совета Сальков, с которым председатель колхоза был в дружеских отношениях. Ничего не подозревая, Василий Парахин открыл дверь. Вместе с председателем сельсовета в дом вошли два милиционера.

Аресты, как правило, производились ночами. Это, по всей вероятности, была такая тактика устрашения, тактика создания видимости борьбы с врагами народа, которые прячутся за каждым углом, и накрыть их, застать врасплох можно только ночью.

У не посвящённых в тонкости действия репрессивного механизма создавалась при этом полная иллюзия о наличии повсюду этих самых врагов, а значит, и уверенность в правоте органов местной власти.

Милиционеры сразу, без соблюдения каких-либо формальностей и сохранения правовых гарантий, начали обыск. Вообще никакие права человека в то время не соблюдались. Картина выглядела удручающе. Семья Василия Борисовича была большая – девять человек, одних детей – шестеро. Жена его очень болела, в колхозе работал только он один. Помогать по хозяйству и приглядывать за детьми Василий Борисович попросил свою старшую сестру Прасковью.

Жили, как и многие в то время, очень бедно. По вечерам сам Василий Борисович и старший сын Михаил плели лапти или чуни, как их называли крестьяне. В доме было пусто. Спали зимой на земляном полу, на соломе. Самые младшие из детей помещались на печи, тётя Прасковья Борисовна – на конике (так назывался большой деревянный ящик вроде сундука, в который складывалась обувь для того, чтобы она высохла за ночь).

В избе была одна большая комната примерно пять на шесть метров. В углу размещалась немалых размеров русская печь. Около неё всегда стояла деревянная лохань для сбора остатков пищевых продуктов и тёплой воды на корм скоту. На время зимних морозов в избу брали со двора телёнка, если отёл коровы приходился на холодную пору. Спасали также в избе ягнят и поросят. И такая картина была едва ли не повсеместно.

Построить капитальный утеплённый хлев для скота у многих деревенских жителей не было ни сил, ни средств. Да и топлива не

хватало даже на одну печь, потому что солому в колхозе давали только для того, чтобы подправить крышу дома. Иногда люди ходили за дровами в Тёмный лес.

Вот в такой обстановке, по воспоминаниям Михаила Парахина, старшего брата Николая Васильевича, проводился обыск в момент ареста отца.

В доме сразу все встали. Милиционер поднял с коника тётю и стал выбрасывать из ящика всю обувь: лапти, валенки, а также портянки, онучи, которыми укутывали зимой ноги от стопы до колен.

Когда обыск закончили, Василию Борисовичу предложили одеться. Все поняли, что его забирают, начался крик и плач. Жена Василия Борисовича держала на руках восьмимесячную дочь Клаву. Дети вцепились в отца и кричали не своим голосом. Милиционеры стали их отрывать и разбрасывать, как котят. Наверно, это был самый ужасный и самый трагичный момент в семье Парахиных.

Утром стало известно, что в эту ночь арестовали всех мужиков в Бобылёвке. Для Парахиных и всех таких же семей наступило мрачное время. Они оказались на положении семей репрессированных врагов народа. Михаил бросил школу: на него, как на старшего из детей, легли все тягости быта.

Помимо решения бесконечных домашних забот, он почти ежедневно носил отцу передачи в предварительную тюрьму в посёлок Красная Заря. В основном передавал сухари из чёрного ржаного хлеба, которые перед этим сушили в печи. Иногда удавалось передать кусочек сала и сушёные яблоки. Через два месяца отца этапировали в Ливенскую тюрьму, которая и сейчас стоит на возвышенности на виду у всего города.

Чтобы сделать передачу в Ливенскую тюрьму, нужно было ночь отстоять в очереди, и это в зимние холода. Принимали ограниченное количество передач – приходилось умолять дежурных у тюремных ворот, чтобы взяли скудный узелок с продуктами.

После возвращения из лагеря Василий Борисович рассказывал, что суда над ним не было. О том, что он приговорён к десяти годам лишения свободы, ему стало известно лишь на Дальнем Востоке по прибытии к месту отбывания наказания в совхоз «Ачинский» вблизи города Свободного (название, согласитесь, звучит, как насмешка). Позже был этапирован в Коми АССР, в лагерь посёлка Кожва, где работал на лесозаготовках.

Ему были предъявлены нелепые обвинения. Его судила заочно так называемая тройка – не предусмотренная законом судебная инстанция.

После ареста председателя в колхозе проводилось собрание, на котором представитель районных органов власти, а также начальник отдела внутренних дел рассказывали колхозникам о замыслах врагов народа, в частности председателя колхоза Василия Парахина. Старший сын председателя Михаил был на этом собрании, сидел, забившись в угол. Можно себе представить, какково ему было слушать явную ложь на отца и сдержаться, чтобы не закричать в ответ клеветникам.

Одно из нелепых обвинений состояло в том, что по инициативе председателя в деревне Карпово был построен погреб для хранения картофеля и других овощей. Мало того, оказывается, Василий Борисович не только был инициатором, но и принимал непосредственное участие в строительстве погреба, выводил каменные своды. Этому он научился у своего отца – Бориса Панфиловича (деда Бориса).

На колхозном собрании начальник милиции Лукьянченко заявил, что председатель колхоза построил погреб с заведомой целью погубить людей, дескать, погреб обязательно завалится, как только внутрь кто-нибудь зайдёт.

Когда через десять лет Василий Борисович вернулся из лагеря, он попросил тракториста несколько раз проехать по насыпи погреба. Тот выполнил просьбу и своим трактором старательно «проутюжил» поверхность погреба. Своды выдержали. Не выдержал только бывший председатель – он закурил и не смог сдержать слезу.

В судебном деле есть расписка охранника Ливенской тюрьмы, написанная на клочке грязной папиросной бумаги, без фамилии, подпись неразборчивая: «Принят арестованный Парахин». Имеется ордер на его арест от 20.11.1937 г., а также постановление «тройки» Орловского областного суда, где обвиняемому Василию Парахину установлен срок 10 лет. Бланк постановления отпечатан типографским способом, подписи неразборчивые, без указания фамилий.

Суда в юридическом понимании как такового не было. Имеется протокол очной ставки с некими Хохониным, Степановым, двумя братьями Борисовыми и женой одного из них. Оформлен

протокол также на обыкновенном листе без штампов и печати, подпись следователя неразборчива.

Ни с одним фактом, приводимым доносчиками, Василий Парахин не согласился. Он всё отрицал, то есть виновным себя не признавал. Это, собственно, и спасло его от расстрела.

При допросе следователь ему сказал: «Признания твои, Парахин, не нужны. Главное, подтверждают свидетели».

В обвинительном заключении сказано: продал племенного жеребца без решения правления колхоза, 20 маток лошадей были покрыты, но не принесли приплода из-за неправильного их использования. Вёл контрреволюционную деятельность: поддержал Гамарника, Пятакова (репрессированы за якобы антисоветскую деятельность. Кто такие Гамарник, Пятаков, деревенские мужики понятия не имели). 20 га земли (не указано, что там за посев) не были прополоты. При уборке комбайном теряется много зерна.

Наказание Василий Парахин отбыл полностью, так и не узнав, за что.

В 1956 году, уже когда не стало Иосифа Сталина, Василий Парахин обратился в областную прокуратуру г. Орла с просьбой о реабилитации. В заявлении указал, что очная ставка со «свидетелями» длилась в течение трёх минут. Протокол очной ставки прочесть ему не дали, но, когда он его подписывал, заметил пустые места напротив своих ответов, а в 1956 году при ознакомлении с протоколом пустых мест не было. Значит, его ответы были сформулированы и записаны самим следователем позже.

Встретился Василий Борисович, выйдя из тюрьмы, и со своими доносчиками. В том же 1956 году они показывают совсем другое: дескать, их принудили, заставили оболгать человека, а они смалодушничали. Хохонин просил у него прощения.

Остается добавить, что через год после того, как арестовали Василия Борисовича, умерла его жена Евдокия Владимировна (ей было 38 лет). Детей спасла (именно так) его сестра Прасковья. Она никогда не была замужем и полностью посвятила себя шестерым малолетним детям. Старшему из них, Михаилу, исполнилось 16 лет, младшей – Клаве – полтора года.

Вернувшись в деревню, Василий Борисович вторично женился на односельчанке Полине Фёдоровне Овсянниковой. От этого брака 18 мая 1950 года на свет появился сын Коля, будущий академик.

В центре – Василий Борисович Парахин, глава семьи; слева – его жена Полина Фёдоровна с маленьким сыном Колей на руках (будущим академиком); справа – Михаил Овсянников, сын Полины Фёдоровны от первого брака, и сестра Прасковья Борисовна. В верхнем ряду стоят дочери Василия Борисовича Клавдия и Зинаида.

Коля Парахин.

Отец Василий Борисович.

Глава 2.

НА ПУТИ В СВЕТЛОЕ ЗАВТРА

| Пора взросления

В 50-е и 60-е годы XX века жизнь в небольшой деревушке Бобылёвке, входившей тогда в состав Новодеревеньковского района, как и во всех окрестных поселениях, не отличалась большим разнообразием. Те же крестьянские заботы по уходу за огородом и личным подворьем, что и тридцать, и сорок лет назад. Скрытая подёнщина на колхозных полях и фермах, разбавленная заверениями с разных высоких трибун в скором наступлении светлого будущего, работа «за палочки», то есть трудодни, не оплачиваемые живым рублём, составляла основу стимулирования к труду. Это в кинокартинах той поры жизнь в деревне и крестьянский труд выглядели таким весёлым праздником, чуть ли не идиллией. В реальности жизнь была тяжелой. С ранней весны и до поздней осени сельские жители не знали ни покоя, ни отдыха. Вставали, как правило, ни свет ни заря, чтобы успеть накормить скотину на собственном дворе, растопить печь, приготовить какую-никакую еду. А потом уже – в колхоз, на работу.

Парахины, так же как и многие другие в деревне, жили не просто бедно, а очень бедно. Их старенький дом, доставшийся ещё от деда Бориса, выглядел ветхим, убогим. С низкими окнами, даже без завалинки. Полы были земляные, потолков в сенях не было. Из мебели большой деревянный стол, несколько лавок, сундук да прочая нехитрая утварь.

Несмотря на то что война была уже далеко позади и жизнь понемногу обретала другие очертания и краски, Николаю в детские и подростковые годы, конечно, досталось. Хотя бы просто потому, что он был поздним, последним ребёнком, оставался с матерью, с отцом. К тому времени, когда он заканчивал школу, они уже были немолоды.

Старшие сёстры и братья, которые были в семье и по отцовской, и по материнской линии, выросли, разъехались кто куда один за другим. Многие домашние дела легли на плечи младшего из сыновей. Поэтому отдыхать и бездельничать было некогда. После школы подростка на столе ждал простой деревенский обед, в основном состоявший из щей и картошки. И за работу. А дел в доме всегда хватало: воды принести, дров нарубить, в саду, если не полоть, поливать, мало что вырастет. Хотя бы те же яблоки с веток снять, набрать корзину, уложить в сених на солому. Вот уголь колхозная машина привезла, без него дом в зимние месяцы не обогреть. Уголь надо перетаскать в сарай, не будет же посреди улицы такой чёрной горкой лежать. Люди не поймут: так в Бобылёвке не принято.

До определённого времени, когда у родителей ещё имелось достаточно сил, в хозяйстве и животные были, и птица: корова, поросята, куры, гуси. С весны до поздней осени – огород. Копать приходилось руками, всё под лопату. Посадить, прополоть, полить. Николай никогда не ленился, потому что понимал: отцу с матерью одним управиться со всем хозяйством тяжело. А без огорода, своей картошки, помидоров, огурцов, капусты пережить долгую зиму было невозможно. В конце лета и дальше, по осени, всё, что выращено на грядках, в саду, шло на засолку. Огурцы, помидоры солили в больших деревянных бочках, сверху бочку накрывали деревянной крышкой, крышку придавливали гнётом, в качестве которого выступал увесистый булыжник. В широкой деревянной кадлушке шинковали капусту, вместе с ней или в отдельную посудину закладывали кочаны, разрезанные пополам. Мочили в таких же кадках антоновские яблоки, добавляя для лучшего вкуса и сохранности мёд.

Все эти продуктовые домашние изыски, считавшиеся чуть ли не деликатесами, на стол попадали не каждый день, в основном по праздникам, когда приезжали гости, собиралась родня. Но праздники проходили, и жизнь катилась прежней своей колеёй.

Те, кто помнит о той поре, знают, как трудно приходилось с кормами для домашней скотины. Если ты не тракторист, не комбайнёр или шофёр на колхозной машине, а просто работающий по наряду, то есть куда пошлют, готовься, что животные на твоём подворье будут зимовать впроголодь.

Много лет спустя, вспоминая то время, Николай Васильевич рассказывал, как в зимнюю пору ходили по ночам с деревенскими мужиками к колхозным стогам, чтобы принести охапку соломы или сена. Хотя «сено» – это слишком громко сказано: его и в колхозе всегда не хватало. А без этих ночных рейдов корова с телёнком да пара овец до весны могли не дожить.

Денег в семье практически тоже не было, считали каждую копейку. Да и откуда им взяться? Простым колхозникам, работавшим по нарядам, платили мало, а выкроить на продажу из личного подворья удавалось не всегда, потому что самим нужно было что-то есть.

Но деревенские пацаны об этом тогда не задумывались. Жизнь воспринимали такой, какая она была. Верили, что когда-нибудь всё изменится, наступит, наконец, то светлое завтра, о котором пишут в газетах и говорят по радио.

В те годы мир узнавали по книжкам, много читали. Но, говорят, что в детстве Николай, несмотря на свою любознательность, также как и другие ребята, долгое время не знал, что такое поезд, поскольку вживую никогда поездов не видел. Бобылёвка и большинство окрестных деревень стояли в стороне от железной дороги.

Первый раз ему представилась возможность поехать на поезде в 12 лет. Группу школьников, активистов пионерского отряда и лучших в учёбе, через районный отдел народного образования поощрили поездкой в Ленинград. Радости было – не передать!

Когда стали собираться в дорогу, выяснилось, что у Парахина на выход надеть совершенно нечего. Заштопаннные брюки, поношенная рубашка да телогрейка не первой свежести. У себя, в деревне, в школе такая одежда сойдёт, поскольку внимания на это не обращают, а вот ехать в город, да ещё в Северную столицу...

Директор школы, осмотрев экскурсантов, попросил Парахина снять телогрейку и дал ему свой плащ.

– Ну-ка, Николай, примерь вот это, – сказал он, помогая подростку облачиться в одежду с чужого плеча. Плащ был длинный, явно не по размеру, волочится чуть ли не до земли, плечи висят. Рукава закатали, подобрали в талии, подпоясали. – Ладно, сойдёт, – одобрил директор. – Великовато чуток, но хотя бы внешний вид поприличней.

Те, кто был в той поездке, вспоминали: где-то на улице, на

вещевом лотке, торговали всякой хозяйственной мелочью, и Коля увидел складной перочинный ножик. Глаза загорелись – надо купить! Это ж, какая штукавина! В школе все ребята лопнут от зависти! Ни у кого из деревенских такой вещицы не было.

Стоит у лотка, держит в руке три рубля. Очереди своей дожидается. И ловит мух. Смотрит, а трёх рублей в руке уже нет. Кто-то незаметно вытащил эту его несчастную денежку. Горевал сильно, но урок на всю жизнь усвоил: в городе зевать и расслабляться не надо. Народ здесь всякий бывает: хитрый, проворный.

Деревня Бобылёвка, с тех пор как её основали переселенцы из села Парахино, то есть, считай, за полвека, сильно не разрослась. Те же полтора десятка дворов, скромные крестьянские хатёнки. А вокруг – удивительно красивые места. Тут же, неподалеку, был пруд, котлован под него вырыли и заполнили водой сами местные жители. У пруда валялся большой природный камень, местные называли его «Голыш». По рассказам, камень лежал здесь испокон веков, когда ещё никакого поселения не было и в помине. Никто не знает, как он сюда попал. Может быть, занесло его в ледниковый период, может, ещё каким-то образом. Но уж точно не с неба свалился...

Племянник Николая Васильевича, Валерий, сын старшего брата Михаила, вспоминал:

– В детстве мы с Колей часто устаивали игры у этого камня. Представляли, что это мотоцикл, садились по очереди: то он впереди в качестве рулевого, то я. В руках вместо руля – обыкновенная палка, и мы, изображая своими голосами несущийся с бешеной скоростью мотоцикл, пригибались и откидывались вбок на будто виражах, как бы перескакивали через косогоры и ямы, мчались куда-то вдаль.

Это запало на всю жизнь. Других-то развлечений, велосипедов, игрушек и прочего по существу не видели. Уже когда выросли, приезжая в опустевшую Бобылёвку, где не осталось ни одного дома, обязательно находили тот самый камень и с азартом усаживались на свой «мотоцикл». Взрослые, уже седовласые дяди – а вот расстаться с детской памятью, с тем, что в те незабвенные годы доставляло удовольствие и радость, что наполняло часы досуга мечтами о лучшей жизни, которая обязательно наступит – с настоящим мотоциклом или машиной – никак не могли. Да и

не хотели, потому что глубоко в сердце и в душу запали детские годы и те нехитрые мальчишеские игры.

Дом у Парахиных был, как у всех, маленький, старый, подпёртый к тому времени какими-то деревянными слегами. Крыша покрыта соломой.

Тамара Васильевна, жена будущего академика, вспоминала: когда приехала сюда с Николаем в первый раз, многому удивилась. Он, конечно, обо всём рассказывал, как бы готовил меня, что семья живёт скромно, жильё далеко не новое, можно сказать, убогое, ещё с допотопных времён. Но вот крышу такую, крытую соломой, видела впервые.

Хорошо, что Николай Васильевич потолок к приезду жены сделал и пол постелил в коридоре. Но бедность и скромность сквозили во всём. Разумеется, не только одни Парахины жили в такой нищете. Считай, вся деревня богатствами не отличалась, несмотря на то что народ здесь всегда жил своими трудами, был работающим.

В военные годы даже немцы Бобылёвку проигнорировали, видимо, ввиду совершенной непрезентабельности крестьянских домов.

Был у Парахиных замечательный сад, в котором росли и радовали урожаем яблони, вишни, сливы, смородина разная, малина. В доме имелся подвал, где хранили запас продуктов на зиму: картошку, соленья, мясо свиней, сало, которое специально готовили, натирали солью и складывали то в ящик, то в большую эмалированную кастрюлю.

Из еды, как водится в русской деревне, любимым блюдом была картошка. Николай Васильевич, тогда ещё Коля, особенно обожал жареную, которую готовили на свином сале, с луком. Когда появлялась в доме мука, главным образом в праздники, мама Полина Фёдоровна пекла блины. Блины, испечённые её руками, он мог есть в любом количестве и, кажется, не чувствовал насыщения, но было это нечасто, только когда приезжали гости. Любил со сметаной, сливочным маслом, при этом посыпал блины тоненько сахаром. Такие детские предпочтения остались до конца его дней. Мёд любил, потому что у отца было несколько семей пчёл, немало, как правило, три-четыре улья.

Процесс скачивания мёда был не то чтобы праздником, но зрелищем для детворы невероятным. И, самое главное, вкусным.

Рамки с запечатанными сотами по две штуки вставляли в специальный отдел машины, которая называлась медогонкой, потом крутили ручку, а дальше под действием центробежной силы соты разрывались, и мёд разбрызгивался по стенкам и стекал на дно медогонки.

Свежий гречишный или цветочный мёд, а также ломтики вошины из рамок с запечатанными пчелиными сотами были не просто вкусными, а божественными. Кажется, это лакомство можно было есть бесконечно. Но, во-первых, мёда получалось не так уж и много, и его надо было припасти на весь год, для зимы, чтобы пить с ним чай, макая сухарём или сушкой. Опять же к праздникам, для гостей, а также на случай, если кто-то простудится, заболит. И потом, сладкий мёд быстро давал насыщение, много-то сразу не съешь...

Пруда с насыпью в Бобылёвке тоже давно нет. А ведь когда-то был он не такой уж и маленький – 40 на 30 метров, и в нём даже купались и взрослые, и дети. Одни говорят, что пруд попросту высох, другие утверждают, что в какой-то момент высокое половодье прорвало земляную насыпь, и вода ушла. Восстанавливать её было некому, да и незачем. Берега заросли кустами и разной сорной растительностью.

Сейчас уже и от самой Бобылёвки ничего не осталось. Нет её вовсе, один лишь бурьян напоминает о той деревне.

Но это так, к слову о том, что всё в нашем мире течёт, всё меняется...

| Школа

Школьная учёба будущего академика разделилась на три разных периода. В младших классах ребята из Бобылёвки и других окрестных деревень ходили в Протасовскую начальную школу, что была в Щербачах. Этот населённый пункт располагался примерно в трёх-четырёх километрах от той же Бобылёвки. Казалось бы, недалеко, в тёплые погожие дни пробежаться утром по просёлочной дороге, мимо березовой рощи, вдоль хлебных полей было одно удовольствие. Красота, свежий воздух, птички поют. Безмятежность и радость на сердце.

Восьмилетняя школа находилась в Медвежках – так в народе

называли деревню Медвежье. Эта деревня была километра на три подальше от Щербачей. Но и это расстояние бобылёвские ребяташки, уже повзрослевшие, приученные к ежедневной дороге в одну и в другую сторону, преодолевали без особых вопросов. Посложнее было весной, в распутицу, когда таял снег, либо осенью, если поливали дожди. Просёлочные дороги раскисали, грязь налипала на обувь. Утром приходилось раньше вставать, а в ненастье надо было носить сапоги, сушить одежду, приводить в порядок обувь. Иногда ребяташек в такую погоду подбрасывали до школы сердобольные деревенские мужики, главным образом, на тракторных тележках, необорудованных, без всяких сидений. На этих тележках, как правило, перевозили корма для колхозного скота и всякие другие грузы. Но неприхотливым деревенским пацанам и такая услуга была за счастье.

Сложнее было зимой, особенно если метель забивала все стёжки-дорожки. У кого из ребят были лыжи, тот использовал такой способ передвижения. Но большинство ходили в школу пешком, и валенки были для этого самой бесценной обувью.

Ну а заключительные школьные годы Николай Парахин провёл в селе Покровском. Добираться сюда было далеко, поэтому с приходом осенней непогоды ребята из Бобылёвки и других отдалённых деревень селились в пришкольном интернате.

Сам интернат представлял собой старенькое двухэтажное здание с деревянными скрипучими полами, не слишком удобной мебелью, печкой для отопления и обогрева помещений.

Условия жизни были, конечно, не самые лучшие. Многие ребята жили здесь с 5-го класса, практически всю неделю были оторваны от дома, от родителей. Разные по характеру, темпераменту, поведению и привычкам, по своим способностям и привязанностям. Но, как ни странно, жили дружно, нескучно, ссоры случались, но серьёзных конфликтов не было.

Школа в ту пору была перегруженной, помещений не хватало, поэтому занятия проходили в две смены. В классах, а их было по два-три параллельных, насчитывалось по 36 учеников и даже больше. Нагрузка на учителей, конечно, была очень серьёзная. Но при этом школьная жизнь кипела, всем было интересно: и ученикам, и учительскому коллективу, поскольку мероприятий проводилось много, в том числе вне утверждённой программы.

По мнению племянника Николая Васильевича Валерия, среди причин, повлиявших на выбор жизненного пути будущего академика, кроме самой обстановки, в которой жили тогда, примера и воспитания родителей, можно назвать наличие подходящих условий в школе, работа в ученической производственной бригаде, на пришкольном участке. И одно, и другое было настоящей гордостью школы, поэтому хочется рассказать о них несколько подробнее. А что такое пришкольный участок в те, теперь уже далёкие годы? Само слово «участок» звучит как-то мелко.

Во-первых, начнём с того, что это был большой настоящий сад площадью никак не меньше полутора гектаров, и на нём одних только плодоносных яблонь насчитывалось где-то под тысячу штук. Сад заложили после войны, в 1951 году, рядом со школой, на пустыре, благо места здесь было в достатке, земля не использовалась, зарастала бурьяном. Идея с садом понравилась всем: и жителям деревни, и районному начальству, и здешнему колхозу. Но особенно вдохновила, конечно, школу, поскольку располагать таким богатством, как собственный земельный участок, дальновидные преподаватели считали настоящей удачей и роскошью. Это и для учёбы, для практических занятий огромный плюс, и хорошее подспорье с продовольственной точки зрения, поскольку время было трудное, страна напрягала все силы, чтобы подняться из руин, и лишних продуктов питания, разумеется, не было.

Сама идея закладки собственного сада вызвала огромный энтузиазм школьного коллектива. Работали все, включая даже учеников младших классов. И на уроках труда, и после уроков. Убивали бурьян на пустыре, разбивали строго по натянутому шнуру аллеи и рядки для посадки деревьев, рыхлили землю, готовили лунки.

Яблони привозили из Елецкого плодпитомника, саженцы некоторых деревьев ученики приносили из дома, поскольку родители тоже подключились к работе и оказывали посильную помощь.

Постепенно сформировались так называемые старый сад и новый сад. Завезли и высадили саженцы красивых елочек – и вот уже через год-другой подрастает еловая аллея, её пересекает липовая. Тут же высаживаются экзотические туи, кустарники кизила и боярышника. А летом в саду благоухают жасмин и великолепные розы, у входа на участок посетителей встречает плакучая

ива, а вдоль всей территории раскидывают свои ветки огромные тополя. Чуть позже формируется ещё одна аллея с неизвестным до этого в здешних местах ягодным кустарником – иргой.

Для охраны саженцев от вездесущего деревенского скота огромная школьная территория обносится изгородью и окапывается глубоким рвом.

Непосредственно школьный, так называемый бахчевой, участок был сформирован на территории нового сада, по обе стороны от еловой аллеи. Помидоры, огурцы, капуста, экзотический для того времени шпинат, кабачки и патиссоны выращивались здесь в немалых количествах.

Но это не только нужные продукты для школьной столовой. На участке проводятся опыты с разными культурами, школа выходит со своими результатами к учёным известной на всю страну Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции, которые поощряют учеников и педагогов и помогают им в работе. Итог – достижения школы заносятся на Доску почёта ВДНХ СССР, а учебный участок занимает первые места в областных конкурсах юных натуралистов и огородников. Пример школы становится заразительным для всей окрестности – в скором времени яблоневые сады появляются у многих местных жителей.

Сад быстро стал одной из главных достопримечательностей села Покровского. Вдоль еловой аллеи и старого сада были сделаны красные дорожки. Красными они были потому, что посыпались песком красноватого цвета, который находили в одном из местных карьеров. Дорожки смотрелись просто великолепно, радовали глаз и вызывали настоящую гордость за школу, но требовали особого ухода, особенно после дождя, поскольку песок размывало, он перемешивался с грязью, с землёй, поэтому приходилось снова восстанавливать их, привозить свежий песок, поддерживая тем самым рукотворную красоту на территории сада.

Конечно, для учеников главной заботой был всё-таки пришкольный участок – ему уделялось основное внимание. Для этого существовала летняя практика. Ребята по большей части всё делали сами и делали аккуратно: грядки формировали по линейке, рассаду высаживали, натягивая длинный шнур. Конечно, всё это проходило под присмотром учителей. За каждым классом были закреплены определённые культуры: фасоль, огурцы, помидоры,

морковь, лук и много другого. Применялись даже некоторые научные способы, например для фасоли так называемый квадратно-гнездовой способ размещения семян.

После весенней посадки требовалось прополоть грядки от сорняков, поливать, заботиться об урожае. Для этих целей была создана ученическая производственная бригада, которой во время учёбы в Покровской школе руководил Николай Парахин. Дел у бригады было много – помимо традиционной прополки, окучивания и полива растений, на её плечи ложился также сбор ягод красной и чёрной смородины, клубники сорта Виктория, которую тоже выращивали в немалом количестве.

Здесь же, на участке, были оборудованы парники для выращивания рассады, их нужно было ежедневно вовремя открыть, закрыть, полить рассаду водой. Летом, во время каникул, ребятам из Бобылёвки и других дальних деревень преодолевать десять–двенадцать километров до школы всякий раз было всё-таки накладно, поэтому поступали так: устанавливали график дежурства на школьном участке для тех учеников, которые жили в самом Покровском или соседних поселениях, расположенных недалеко от школы. И никто особенно не роптал, поскольку понимали: по-другому нельзя, так будет справедливо.

| Что нарушил директор

По свидетельству учительницы русского языка и литературы Венеры Ивановны Внуковой и одноклассников Парахина, Николай очень любил летнюю практику. Часто приходил на участок с кем-то из ребят или со всей бригадой, если предстояла какая-нибудь масштабная работа. Нередко это происходило без учителя. Ему доверяли, потому что все много раз убеждались: он умеет и работу организовать, и дисциплина у него какая следует. Сам любил и с лопатой, и с тяпкой управляться на грядке не хуже взрослых.

Между прочим, школьная бригада трудилась не только на своём участке – частенько помогала и колхозу в выращивании и уборке урожая. Например, тяпали свёклу, тогда эту операцию повсеместно делали вручную. Убирали картофель, который колхоз-

ные механизаторы распахивали копалкой. Ворошили сено и собирали его в копны, много чего другого делали. При этом ездили на колхозные поля, которые располагались не только вокруг Покровского, но и в Щербачах и Медвежках.

Дел в деревне, начиная с весны и до самых морозов, всегда хватало. И никто не припомнил случая, чтобы Николай когда-либо отказался от работы, что-то придумал, нашёл причину для того, чтобы пропустить, не прийти, устроить себе внеплановый отдых. Наоборот, он с удовольствием ходил на работу, ни от чего не отказывался, всё, что связано с землёй, растениями, ягодами, плодовыми деревьями, ему нравилось, вызывало у него неподдельный интерес и готовность попробовать самому, сделать своими руками. Это было заметно, и скрыть такое увлечение было невозможно. Он никогда не фальшивил, на стремился делать вид, что ему это нравится, нарочито работать на публику. В его годы да ещё в деревне, где отношения между людьми по большей части были открытыми, без всяких хитростей, любая фальшь и неестественное поведение от сельского народа не спрячутся.

Его очень ценили и уважали в школе. Не только за учёбу – за многое. Была в нём этакая, может быть, не соответствующая возрасту деловитость. По утверждению Венеры Ивановны, Николай Парахин был забавным мальчиком, любознательным, из числа тех, с кем не соскучишься. Любил задавать вопросы, причём на самые разные темы, не только по школьным предметам. Всё его интересовало, до всего надо было докопаться. Даже в житейских мелочах. Кто, почему, как, зачем? Это его постоянные вопросы учителям.

– Помню, когда он пришёл в 9-й класс и мы только что познакомились, – вспоминает Венера Ивановна, – теща своё мальчишеское любопытство, задаёт мне неожиданный вопрос:

– Венера Ивановна, а сколько вам лет?

А лет мне было в ту пору уже за 30, мой учительский стаж к тому времени насчитывал больше 10 лет. Я, конечно, поняла его далеко не деликатный вопрос, но что поделывать, не осекать же ученика и не отчитывать за это в первый день знакомства. К тому же известно, что ребята в этом возрасте всегда интересуются симпатичными молодыми особами противоположного пола. Некоторые стесняются задавать подобные вопросы, а вот ученик 9-го

класса Парахин преодолел эту юношескую стеснительность. Говорю ему в тон его вопроса:

– Вообще-то, Коля, у женщины не принято спрашивать о возрасте. Это неприлично. Ей столько лет, на сколько она выглядит.

А он не сдаётся:

– Вам 25?

Я ему:

– Совершенно верно. Ты сразу угадал, даже в паспорт заглядывать не нужно. Моему старшему сыну Мише 13 лет. Выходит, родила я его в 12, а замуж вышла в 11 лет.

Он захохотал.

– Ой, Венера Ивановна, извините, как же я так не подумал.

Мне кажется, вот таким непосредственным человеком он оставался всю свою жизнь. И учился при этом легко, можно сказать, с азартом. Знания имел хорошие, глубокие, никак не поверхностные. Практически по всем предметам. Потому что много читал, спрашивал, любил уточнять, если что-то казалось неясным. Был очень естественным и открытым мальчиком. Этим выделялся среди сверстников. За что и заслужил уважение.

Венера Ивановна в подтверждение своих слов приводит такой пример. Все знают, что по школьным правилам учитель не должен здороваться с учеником за руку. Так вот директор Покровской школы Виктор Никитович Внуков, муж Венеры Ивановны, это правило нарушил, потому что почти всегда прилюдно, на глазах у школьников с Николаем Парахиным здоровался за руку. Но это не было проявлением фамильярности или простодушием со стороны учителя, а говорило только об одном – уважении директора к своему ученику. Нет, Коля Парахин не был любимчиком, как принято в таких случаях говорить. Он был просто лучшим, любимым учеником для всей Покровской школы. И для ребят, и для учителей.

Николай очень любил художественную самодеятельность. И в хоре пел, и стихотворения читал (особенно ценил Маяковского), и в сценках разных участвовал. Петь, надо сказать откровенно, не очень любил. Если только со всеми вместе. Литературные вечера, новогодние утренники, праздничные представления, посвящённые дню 8 Марта или 23 Февраля, – он во всём активно участвовал, с удовольствием, без какого-либо стеснения.

Эта его любовь оставалась с ним до последних дней. Он очень гордился замечательным университетским студенческим хором и просто боготворил его. Блестящий коллектив, лауреат многочисленных фестивалей, участник самых престижных конкурсов любительской вузовской самодеятельности.

Между прочим, во время учёбы в десятом классе был один примечательный эпизод. Коля Парахин неожиданно ушёл из интерната на частную квартиру здесь же, в Покровском. Своё решение объяснил просто: хочу сосредоточиться на учёбе, скоро поступать в институт, а здесь бывает очень шумно.

В интернате, что ни говори, на этих двух этажах со скрипучими половицами круглые сутки находилось 140 человек. Скученность невероятная, настоящий муравейник! А он хотел готовиться к урокам в полную силу, чтоб никто не мешал и ничто не отвлекало от домашних и самостоятельных занятий. Родители из своих скудных сбережений платили за частную квартиру какую-то сумму.

Были, конечно, как у всех мальчишек и девчонок в этом возрасте, всякие секреты, которыми они делились с учителями, кому доверяли: кто нравится, с кем хотел бы дружить, кому выражали свои симпатии.

Рассказывают, что во время учёбы в интернате он дружил с одной девушкой из местных. Муж Венеры Ивановны почти каждый день по вечерам посещал интернат. Ну, во-первых, посмотреть, как живёт здесь молодой школьный народ и всё ли там в порядке. Но главное, он играл на аккордеоне, устраивал для ребят танцевальные вечера. Воспитателей привлекал, просил, чтобы учили ребят танцевать, потому что такое умение тоже необходимо для развития, для жизни в обществе.

В интернате всё делалось строго по расписанию, отбой ровно в 10 часов вечера, не позже, поскольку ребята должны хорошо отдохнуть и не спать на уроках. Так вот, иногда Коля подходил к Виктору Никитовичу и просил: «А можно я немного погуляю в саду?» На вопрос «С кем?» честно отвечал: «Да вот с Галей. Мы с ней дружим». И так как Николай был очень дисциплинированным учеником, Виктор Никитович разрешал ребятам полчаса погулять. И Коля ни разу своего директора не подвёл.

Школьной формы у ребят тогда не было, одевались в то, что

имелось от родителей, старших сестёр и братьев, что можно было ещё носить. Что-то родственники или знакомые передавали, если одежда уже не подходила или её некому было носить. А новое купить было негде, да и не на что, потому как денег у людей зачастую едва хватало на самое необходимое. Николай Васильевич потом рассказывал, как мать шила ему из простыни какую-нибудь рубаху, чтобы он мог надеть её, когда приезжали гости, или пойти на школьный праздник.

Вставали рано, в семь часов уже все были на ногах. Шум, гам, беготня. После подъёма и утренних процедур обязательно проводилась зарядка, потом все шли на завтрак, а после завтрака, согласно расписанию, одни садились за парты, другие, если это весна, шли на пришкольный участок, рыхлили землю, высаживали раннюю капусту, огурцы, морковку, столовую свёклу, помидоры.

С девочкой Галей дружба продолжалась не меньше года. Потом Николай поступил учиться. Он – в Москве, в Тимирязевке, она – здесь. Видимо, в большое чувство эта дружба не переросла. Встречались, конечно, когда он приезжал на каникулы. Но не более того. Серьёзных намерений, во всяком случае, с его стороны так и не возникло.

В очередной раз, когда произошла такая встреча, он подарил ей какую-то очень ценную книгу, купленную в Москве, и, прощаясь, сказал:

– Галя, это наша последняя встреча. Не хочу тебя обманывать, но я встретил другую девушку. Это моя судьба.

Речь шла о Тамаре, Тамаре Васильевне, его будущей жене.

С Галей не сложилось, но он по отношению к ней поступил честно, как настоящий мужчина.

Это была юность, у всех случались такие истории. Первые встречи, первые расставания. Жизнь набирала свои обороты и шла по своим законам, не всегда логичным, не всегда понятным и не всегда устраивающим нас.

| Про медаль

В школе многие годы не утихали разговоры о том, почему Николай Парахин, способный парень и, без сомнения, лучший уче-

ник, получил вместе с аттестатом не золотую, а серебряную медаль. По всем критериям он шёл именно на золотую, поскольку был круглым отличником, к тому же возглавлял школьную комсомольскую организацию, руководил ученической производственной бригадой. И вообще имел непререкаемый авторитет во всём: в учёбе, общественной работе, слыл этаким заводилой всех школьных мероприятий. Сам он, конечно, не особо задумывался насчёт медали, хотя знал, что при поступлении в вуз наличие такой награды даёт серьёзные преимущества. Но вот на золотую не вышло... А случилось вот что.

По словам Венеры Ивановны, в контрольном сочинении на экзамене Парахин допустил некоторые помарки. Ошибки были не грамматические, а стилистические. Например, неверно построено предложение – есть такие особенности построения речи в русском языке, но они, как правило, больше знакомы профессионалам, людям, которые близко связаны с языковыми нормами.

Однако не это могло быть главным. Скорее всего, судьба медали зависела не только от письменного экзамена по русскому языку и не от мелких стилистических погрешностей. Тогда существовали жесткие разнарядки на всё, в том числе и на школьных медалистов, то есть своеобразные квоты, которые спускались сверху, из высоких чиновничьих инстанций. Количество золотых и серебряных медалей было ограничено. Для каждого района устанавливалось определённое число медалей, и выйти за цифру было весьма сложно. Под их число подгонялось и количество учеников, кто мог получить такую медаль. Учитывались все нюансы, характеризующие претендента, а не только его знания. Любой негативный штрих, проступок, неудачно сказанное слово или чьё-то мнение могли решить судьбу ученика, оценки которого, полученные за все годы учёбы, давали ему право рассчитывать на золотую или серебряную награду. Важным аргументом служило также участие в жизни школы, выполнение общественных нагрузок и поручений.

Что касается общественной работы, у Николая Парахина с этим был полный порядок. Он брался за всё с необыкновенным азартом, легко, без напряжения, и всё у него получалось на удивление здорово, как будто человек всю жизнь только и делал, что готовил собрания, придумывал сценарии праздничных вечеринок,

организовывал субботники по уборке территории вокруг интерната и школы, работал на пришкольном участке.

В школе учился легко, занимался много, не ленился, любую свободную минуту – с книжкой, с учебником. Любил математику, но и по всем остальным предметам успевал на отлично. Ребята, кто учился с ним в одном классе, часто подглядывали в его работы, списывали решение задач. Он не жадничал: и списывать давал, и объяснял, если кто к нему обращался. Нос не задирали, хотя знания для ученика сельской школы были у него весьма приличные.

– Не скрою, с сочинениям я ему иногда помогала, – вспоминает Венера Ивановна. – Что-то подправлю, что-то подскажу. Именно из-за сочинения он всё-таки получил не золотую медаль, а серебряную, – настаивает она. – Хотя и это по тем временам для выпускника обычной сельской школы было событием невероятным. Но мы боролись за него, отстаивали. И я лично, и директор школы не один раз ездили в райцентр, в роно (так тогда в обиходе назывался районный отдел народного образования), хлопотали, рассказывали, доказывали, что Коля Парахин заслуживает самой высокой школьной награды. Но, оказывается, чтобы получить золотую медаль, надо было обращаться выше, в область, доказывать там. Так что в районе шансов на успех у нас было немного.

Между прочим, эта медаль Парахина была одной из трёх серебряных, что получили выпускники Покровской школы за все прошедшие годы. Она ему помогла, поскольку по условиям того времени при поступлении в вуз он мог сдавать всего один экзамен по любому из четырёх предметов. И Коля блестяще с этим справился, получив пятёрку по химии.

Кстати, саму медаль, так сказать, в натуральном виде Николай Васильевич получил много лет спустя, когда уже был ректором сельскохозяйственного института.

А история вышла следующая. В Орёл с рабочим визитом приехал министр высшего и среднего образования страны, и как-то в разговоре за дружеским ужином Николай Васильевич ему рассказал, что медаль-то он в школе заслужил, но реально её так ему и не вручили. Не было их в наличии в те годы. Дефицит. Пообещали, что вручат потом. Прошли годы. Всё забылось.

Министр, надо полагать, тут же принял экстренные меры. Дал поручение кому следует, и через небольшой промежуток

времени справедливость была восстановлена: ректор получил заслуженную медаль за свои школьные успехи.

– К моему юбилею, – продолжает свой рассказ Венера Ивановна, – уже будучи ректором, известным человеком, он написал статью в газете «Орловская правда», которая заняла целую полосу. Это было так неожиданно и, конечно, трогательно. Я думаю, в моём лице он хотел выразить любовь и признательность всем учителям школы, а так как я была, по его утверждению, его любимым учителем, то эту газетную публикацию он посвятил мне.

Была у него ещё одна любимая учительница, которая преподавала математику. Но она учила в другой школе, в восьмилетней, в селе Щербачи. Сейчас этой школы здесь уже нет. Но Николай Васильевич, приезжая в Покровское, всегда с теплотой вспоминал каждого из учителей, которые учили его грамоте и письму в начальной школе, в восьмилетке.

Поступив в Тимирязевку, Николай родную школу не забывал, приезжал сюда много раз, привозил подарки, дарил цветы. Его благодарность и признательность людям, которые помогли ему подготовиться и определить дорогу в жизни, была естественной, искренней. Открытость и душевная теплота, которых он никогда и ни от кого не прятал, были присущи ему во всяком поступке, в любом, большом или маленьком деле.

ДОРОГАЯ ВЕНЕРА ИВАНОВНА!

«Слово учителя обладало магической силой для каждой семьи, независимо от того, учится их ребёнок или нет. Учитель был врачом человеческих душ...»

Уважаемая Венера Ивановна! Дорогая наша! Знаю, что, прочитав эти строки, Вы скажете: «Не я же одна такая». Это правда. Просто через Ваш труд, Вашу жизнь я говорю о великом народном учителе, который своим примером через знания своих учеников восстанавливал нашу страну после войны, верил и верит в огромную созидательную силу нашего народа. Именно Вам, а также нашим родным и близким учителям Протасовской начальной, Медвежской восьмилетней и Покровской средней школ и многим, многим другим, кто ставил нас на ноги и отпускал в мир новых больших знаний, мы кланяемся и говорим: «Спасибо, Учитель!»

Из статьи Н. В. Парахина в газете «Орловская правда»

Надо заметить, что при всём прилежании в учёбе, отличных оценках и активном участии в школьной жизни Николай вовсе не был этаким рыхлым и «книжным» мальчиком.

– Он с малых лет отличался крепким, можно сказать, мужским характером. Нытиком и слабаком не был точно, – вспоминает племянник Николая Васильевича Виктор Васильевич Тимонин. – Когда нужно было постоять за себя, не боялся пустить в ход кулаки.

– Однажды, – рассказывает Виктор Васильевич, – с ним повздорили трое деревенских парней и решили его проучить. Трое на одного – нечестно, силы явно не равные. Но Николай не испугался. Драка была, ещё какая: с фингалами, разбитыми носами, ссадинами на лице. Но эти трое одолеть его не смогли, получили достойный отпор. И, в конце концов, отстали.

– Действительно, он с детства был не робкого десятка, – добавляет ещё один Тимонин – брат Виктора Васильевича Александр. – Никогда не забуду одну случившуюся в те годы историю. Мне было семь или восемь лет, а Николай уже учился в девятом классе. Наша семья жила в деревне Щербачи, мы строили в тот момент кирпичный подвал, чтобы хранить картошку и другие продукты-припасы. Николай приехал к нам, чтобы помочь.

Возле дома стояла запряжённая лошадь, я один сажу в телеге, жду отца, которому нужно было куда-то поехать. Вдруг ни с того ни с сего лошадь рванула с места и понесла телегу вместе со мной по улице. Я, хоть и маленький, пытаюсь её удержать, натягиваю вожжи. Да куда там! Прёт как угорелая, не разбирая дороги.

Первым среагировал Николай, бросился наперерез, ухватил лошадь под уздцы, буквально повис на ней. Лошадь в итоге остановилась.

Мужики потом говорили:

– Ну ты, Колька, даешь! Смотри-ка, не стушевался. Да так ловко у тебя получилось. Просто молодец!

Он и по жизни своей всегда был таким – не из пугливых. Такую дорогу прошёл, не каждый осилит.

| Между небом и землёй

Итак, школьная учёба подходила к концу, и Коля Парахин по совету близкого родственника Валерия, который был сыном

старшего брата Михаила, решил поступать в Харьковский авиационный институт. Но что-то его смущало, Валерка это почувствовал. Они списались. Николай на 1 мая приехал в Белгород, где жила дочь одной из сестер Василия Борисовича Анна. Она же сестра Николая по отцу.

На тот момент её судьба уже сложилась и сложилась довольно удачно – она занимала не последний пост в областном комитете партии. К её мнению в большой семье Парахиных прислушивались, и оно было очень весомым.

Анна Васильевна жила в достатке, была гостеприимной и отличалась разумным подходом к жизни. Но даже по тому обычному, незамысловатому разговору, по тому, что спрашивала, обращаясь к Валерию, Анна Васильевна, нетрудно было догадаться, что предпочтение она отдает именно профессии авиационного инженера и, конечно же, институту, первый курс которого закончил Валерий Парахин.

Николай, сидя на диване, вроде бы не возражал, всем своим видом показывая, что он не против такого выбора.

С Валеркой, правда, был более откровенным и опять делился своими сомнениями, дескать, вдруг не осилит экзамены и останется на бобах. Может, всё-таки куда попроще попробовать?..

Валерий, как человек, уже понюхавший студенческого пороху, успокаивал:

– Да брось ты, Колька! Сам знаешь: не боги горшки обжигают. Я же поступил, всё получилось, хотя поначалу тоже сомнения были, даже мандраж. Хорошо, Анна Васильевна вовремя поддержала, настроила. Тут главное, что? Не дрейфить. Ты же отлично учишься, базовые знания у тебя есть. А с подготовкой, если хочешь, чтоб уж наверняка пройти, я помогу.

Еще в начале года Валерий передал Николаю специальные учебники для поступающих в вузы по физике, математике, химии: целых три тома Ландберга, «Качественные задачи» Тульчинского, учебник по математике Антонова, по химии – Хомченко. В те годы все эти книги были весьма дефицитными. Материал в них был гораздо шире и глубже, чем в школьной программе. Будущий академик штудировал их от корки до корки, коротая за книгами все вечера.

По предложению Анны Васильевны и, видимо, чтобы укрепить

выбор Николая, ребята решили просто на один день съездить в Харьков и поближе посмотреть на институт. А что? А вдруг понравится? Хотя что можно почувствовать, тем более понять, обозревая архитектуру учебных или административных корпусов пусть бы и престижного учебного заведения?

Студенческий городок Харьковского авиационного института был на окраине города. Пришли в общежитие, где жил Валерий Михайлович, посидели в комнате. Потом осмотрели из-за забора территорию института, перед возвращением в Белгород погуляли по центру Харькова.

Как это повлияло на выбор Николая Парахина? Трудно сказать.

В десятом классе, ещё до экзаменов, он стал собирать документы, которые каким-то образом могли помочь при зачислении в вуз: разные справки, рекомендации, характеристики. Такой совет давали школьные учителя, заинтересованные в том, чтобы их ученики не останавливались на среднем образовании и шли учиться дальше. В отношении Парахина все были уверены: с его знаниями и отношением к учёбе он обязательно будет студентом вуза. Какого? Вот тут, как ни странно, мнения неожиданно разделились. По информации, которая доходила от одноклассников, с кем общался Парахин, получалось, что его предпочтение всё-таки остаётся за Харьковским авиационным.

– Поначалу, собственно, так и было, – подтверждает Валерий Михайлович, который поддерживал с Николаем связь.

Но что творилось в тот момент у самого Николая, какие мысли и чувства будоражили его душу, об этом знали немногие. Конечно, отцу и матери, которые были уже немолоды, не хотелось, чтобы сын уезжал насовсем из деревни, как сделали это старшие сёстры и брат. А потому, всячески поощряя стремление Коли получить приличное образование, они нет-нет да и заведут разговор, что в деревне, дескать, тоже можно прилично устроиться. Жизнь поменялась, вон электричество повсюду, телевизоры в домах появились. Колхоз на ноги поднимается, ток построили, разной техники, сеялок, веялок, тракторов да комбайнов сколько за один только год получили.

Иногда, как бы между прочим рассуждая о колхозных делах, отец вспоминал о том времени, когда сам председательствовал

в деревне. Давно это было, ещё до войны, он был тогда молодым, напористым. И хоть недолго пробыл в этой должности, но кое-что сделать всё же успел. А то, что не дали, сотворили такое и с ним, и с другими деревенскими мужиками – так что об этом теперь толковать? Люди из властных структур сами не ведали, что творят, слепо исполняли то, что им сверху спускали. Да и запуганы были, боялись, верили тем, кому всюду мерещились враги и вредители.

Отец, как ни странно, вовсе не был против колхозной системы. Считал, что колхоз, если делать здесь всё по уму да всем миром, получается та же коммуна. А у председателя, если он с головой, есть много возможностей по части организации производства, улучшения жизни сельского населения.

Николаю интересно было слушать отца. Парень в силу возраста, может, и не до конца понимал всю ту ужасную несправедливость, которую власть сотворила по отношению к его родителю, но по-своему жалел отца и гордился им. Гордился, как тот перенёс невероятные трудности, которые выпали на его долю, и остался человеком, не обозлился, не потерял веру в людей.

Иногда, когда в таком разговоре обсуждали колхозное житьё-бытьё, начало посевной или уборочной и прочие дела, которые затрагивали всех жителей деревни, а также то, как вело себя колхозное руководство, Николай спрашивал у отца, трудно ли быть председателем.

Василий Борисович пожимал плечами.

– Легко живётся бездельнику, а тому, кто болеет за дело, легко не выходит. Председатель – он кто? Считай, что первый человек в колхозе. Ему и ответ держать по любому вопросу. А это значит, надо сто раз подумать, прежде чем к нужному решению прийти. Людей не обманешь, они всё видят. Ты у них как будто под микроскопом, весь, целенький, как на ладони. Заслуги твои в расчёт не берутся: это потом, с годами человеку хвалу воздают. А в обыденной жизни в первую очередь людям видны твои промахи – что сделал не так, не то слово сказал. И с этим трудно поспорить, раз ты на этом заметном посту, предназначенном людьми управлять. Потому как не всякому дано и не всякому дозволено стоять у руля. А ты что, в председатели хочешь попасть? – неожиданно обращался он к сыну.

– Да это я так, – смущался Николай, – интересно же. А что, разве нельзя в председатели? Вот отучусь, приеду сюда, может, и председателем стану.

– Ну что ж, – соглашался отец, – дело верное. Учишься ты неплохо, книжки читаешь. В школе тебя секретарём по комсомолу выбрали. Такое доверие от людей заслужить надо. Способных на такую работу немного, их, считай, из всей массы людей выявляют, через сито просеивают. Ищут такого, чтоб другие слушали, понимали и соглашались с его идеей.

Рассуждения эти, само собой, не могли пройти мимо ушей 16-летнего парня. Ему нравилась деревня, несмотря на всю неустроенность и трудности сельского быта, осеннее и весеннее бездорожье, долгие снежные зимы с сугробами под самую крышу. Но ведь тут и раздолье. Одни яблоневые сады чего стоят! Таких садов во всём районе не сыскать! Цветут по весне – глаз не нарадуется! Будто белый пожар. Пчелы жужжат, с цветка на цветок перелетают. Птицы с раннего утра заливаются. Жаворонки в небе, скворцы. А соловьи! Как поют соловьи в здешнем саду, в соседней роще! Это же с ума можно сойти!

Все эти звуки и запахи, свежесть луговой травы и садов после летней грозы и ливня, кажется, впитались в самое сердце, в каждую клеточку кожи с малых ребячьих лет, да так, что забыть это, выветрить из себя, заменить чем-то другим невозможно до окончания дней.

Но, размышляя о будущем, он не мог не думать о самых близких и дорогих ему людях – о матери и отце. Как они будут одни, без него? Кто им поможет, приглядит за хозяйством, за домом? Отец хоть и крепкого корня, но здоровье после всего пережитого не самое лучшее. И с каждым годом силы у них будут уходить, справляться со всеми делами станет сложнее.

А учиться надо, он это понимал. Нужна профессия, такая, чтоб по душе, чтобы можно в ней показать себя в полную силу, проявить всё то, на что ты способен. Чтобы близкие люди и все, кто тебя знает (первым делом свои, деревенские), гордились тобой и не говорили вслед, как некоторым в колхозе, что этот человек не работает, а только делает вид и числится на работе, будто срок отбывает.

Мысли его в такие минуты всё больше обращались к деревне,

к тому, что он видел вокруг себя, к чему привязан был с детства. Всё здесь до последней мелочи было знакомо: люди, с которыми жил одной жизнью, их повседневные хлопоты, переживания, радости и печали. Ему нравилось, как сеют и убирают хлеб, как ходят в поле комбайны и течёт из бункера в кузов грузовика ручеек спелого зерна. Дальше это зерно повезут на ток, откроют борта машины и будут сгребать широкими деревянными лопатами и скребками, а потом перебрасывать в огромные кучи, веять, просушивать, и после просушки снова загружать в машины, чтобы отправить зерно: какое – в райцентр, в закрома государства, а какое – на колхозный склад, на прокорм скоту, на семена для будущего сева.

Он сам вместе с другими ребятами любил работать на колхозном току, на просушке и подработке зерна, и в поле, где с помощью волокуш, нехитрых самодельных поддонов, связанных и сбитых из берёзовых веток, собирал и отвозил для скирдования солому, оставленную комбайнами после обмолота пшеничного или ржаного участка.

Как ни странно, всё это трогало его и отзывалось в душе с большей теплотой и доверием, чем мысли о самолётах. Может быть, потому что он чувствовал свою причастность ко всему, чем жила деревня, лучше знал и понимал эту сторону жизни, а значит, ощущал себя увереннее, видел для себя вполне понятную и доступную цель? И это подспудно, может быть, ещё не вполне осознанно, исподволь подвигало его к моменту выбора?

Была, конечно, наряду со всеми прочими и ещё одна веская причина, определившая в итоге его жизненный путь. В этом он признается потом, много лет спустя, в одной откровенной беседе. И заключалась она в следующем.

Готовясь к поступлению в институт, Николай понимал, как не просто придётся ему в учёбе. Нет, трудности его не пугали, прожить в городе и на стипендию можно, другие ведь как-то живут. Пугало другое – то, что родители станут ему помогать, отдавая последнее. А он этого не хотел и даже боялся, поскольку семья жила скромно, лишнего в доме ничего не было. С продуктами ещё как-то обходились за счёт огорода, домашней скотины. Голода не испытывали. А вот, что касается денег... Он размышлял о том, как стать максимально самостоятельным, не висеть на

родительской шее, где заработать денег, чтобы и себя прокормить, и, может быть, отцу с матерью чем-то помочь. Жизни городской он не знал и едва ли себе представлял, как там, в городе, всё обернётся. А вышло иначе, да так, что об этом и подумать было нельзя.

Уже по весне, в один из дней, случайно или нет, по своей инициативе или по просьбе отца, но Николая пригласил к себе в контору не кто иной, как сам председатель колхоза имени Свердлова Тихон Павлович Трофимов. И разговор у них получился на удивление откровенный.

– Ну что, Коля, – говорил председатель, усаживаясь за стол, заваленный бумагами. – Слышал я, учиться ты собираешься. В город едешь, в институт поступать. Определился уже, по какой специальности?

– Пока нет, дядя Тихон, ещё ведь экзамены в школе надо сдать, – уклончиво ответил Николай, явно не ожидавший, что председатель станет задавать ему такие вопросы.

– Ну экзамены – это штука такая... Куда от них денешься? Да и пройдут они, не мы, как говорится, первые, не мы последние. А что дальше хочешь учиться, я одобряю. Дело правильное. Без учёбы сегодня, сам знаешь, никак невозможно, даже в деревне. Времена другие настали. А парень ты толковый, давно за тобой приглядываю. Прилежание любишь, книги. Так что, думаю, специалист из тебя выйдет какой следует. Нам сегодня хорошие специалисты с образованием во как нужны.

Председатель помолчал, поглядывая на Николая, будто делал передышку, чтобы сообщить ему самое важное.

– Или я не прав? – ошарашил он юношу неожиданным вопросом. – Учиться-то, говорю, хочешь? Уже решил, куда поступать?

– Да вот, думаю, – робко отозвался Николай, еще не понимая, к чему клонит председатель. – Время-то ещё есть.

Но говорить ему о своих намерениях не стал.

– А что тут думать. Время, оно, конечно, есть, только смотря для чего. Я тебе вот что скажу, Николай: лучше этого заведения в стране не найти. Поэтому посоветовались мы в правлении и решили послать тебя в Москву, в нашу столицу. Есть там одна академия, где для деревни лучшие кадры готовят. Тимирязевская. Слышал о такой?!

У Николая от неожиданности перехватило дух. Ещё бы ему не слышать?! Тимирязевка была той мечтой, которая казалась ему просто несбыточной. А тут такое предложение...

– Как это, послать? – переспросил он.

– Обыкновенно, Коля, как посылают. От колхоза. Пришла такая разнарядка на район и на область. Будем тебе направление оформлять и посильную помощь оказывать в материальном виде. То есть деньгами. Небольшими, однако ж на пропитание хватит. Отучишься – отработаешь. Конкурс в академию, сам понимаешь, серьёзный, но ты поступишь, я знаю. Поскольку из деревни, от самой что ни на есть земли-матушки, а таких не шибко-то много, я думаю. Всё городские в первых рядах проходят. Да и учишься ты прилично, мне директор школы говорил, на медаль тянешь. Учителя тебя хвалят. Так что готовься, обрадуй отца с матерью.

Сказать, что это был важный момент в его жизни, – значит, ничего не сказать. Получить образование в Тимирязевке, вернуться домой с дипломом агронома, а потом, если всё сложится, самому возглавить колхоз, стать председателем?! Об этом он мог думать разве что в самых смелых своих мечтах!

Много лет спустя, вспоминая об этом разговоре с председателем, который стал поворотным в судьбе и его окончательным решением не идти в авиационный, Николай Васильевич за семейным застольем шутил:

– По этому поводу я скажу так: ещё неизвестно, кто больше выиграл, а кто потерял – авиация или сельское хозяйство.

Это был, конечно, всего лишь посыл, предложение подискутировать за накрытым столом на тему «Что было бы, если...», поэтому, как посыл, как некое абстрактное умозаключение он имеет право на существование. Но факт остаётся фактом: выбрав авиацию, Николай Васильевич Парахин не стал бы тем, кем он стал – известным учёным, ректором одного из лучших в стране сельскохозяйственных вузов, академиком, вице-президентом Российской академии сельскохозяйственных наук.

Но это так, как говорится, тема для общего развития.

Новость, которой поделился председатель колхоза, дома встретили с одобрением.

– Вот и хорошо, Коленька, – не скрывала тихой радости Поли-

на Фёдоровна, мама Николая. – Выучишься – приедешь обратно. Люди и здесь живут. А учёному человеку в колхозе всегда уважение и почёт. И нам с отцом спокойнее будет.

Василий Борисович высказался по этому поводу более дипломатично.

– Ты сам смотри, Николай, и поступай, как лучше, – подвёл он итог семейному обсуждению. – Москва, она большая, может, и там какое дело для себя отыщешь. О нас не беспокойся, мы тут потихоньку будем себе копать.

Но Коля чувствовал: родители жалеют его, привязывать к деревне, к родному дому не стремятся. Конечно, им бы очень хотелось, чтобы младший сын был поближе. Кто же ещё позаботится о них в старости?

По жизни, с самого раннего детства, он был им опорой, испытывал к своим родителям самые нежные чувства. Их непростая жизнь, полная трудов и лишений, то достоинство и терпение, с которыми они принимали все удары судьбы, их человеческое благородство не могли не найти отклик, не поселиться в его душе. Чувство искренней признательности и благодарности матери и отцу, простым и мудрым людям, он навсегда сохранит в своём сердце, до самой последней минуты.

| До и после экзаменов

Летняя Москва встретила его свежим дыханием июльского утра и, несмотря на ранний час, привычной вокзальной суетой.

Он хорошо выучил маршрут: надо спуститься в метро, найти по карте или спросить у дежурного милиционера, как добраться до станции «Петровско-Разумовская». Дальше остановку-другую проехать трамваем или автобусом, номер нужного транспорта лучше уточнить на месте, у кого-нибудь из москвичей. Но можно также пройти и пешком по большой старинной аллее. Говорят, это совсем недалеко, главное, не ошибиться и точно попасть на эту аллею.

Он так и сделал. Какая-то пожилая женщина с красивой причёской приветливо улыбнулась, оглядывая худощавого, скромно одетого парня с небольшим потёртым саквояжем в руке, явно

приезжего, показала дорогу, которая и привела его к главному корпусу академии.

Да, он не стал конструировать самолёты, не поехал в Харьков, куда советовала ему отправиться сестра Анна. В последний момент всё-таки принял окончательное решение и рванул в другую сторону – в столицу.

Единственный предмет – химию, который ему определили как медалисту, сдал на отлично. Но на самом экзамене случился неприятный казус. Об этом при встрече Николай в деталях рассказал Валерию. По его словам, на свой единственный экзамен он пришёл в брюках, которые ему справил мать перед отъездом в Москву. Да вот незадача: каким-то образом он порвал их в районе колена. Наскоро, как мог, заштопал. Но шов был заметен, смотрелся неэстетично.

На экзамене, сидя за столом, он всё время прикрывал шов рукой, чтобы преподаватель не заметил. А тот вдруг подошёл к нему и в категоричной форме потребовал поднять руку, подозревая, что там шпаргалка. Увидел. Понял всё. После короткой паузы произнёс: «Извините». И отошёл.

Николай, довольный, что так удачно всё получилось и что экзамен не стал для него преградой, уже на следующий день собрался домой. Можно было остаться ещё, хотя бы на день-другой, походить по Москве, побывать на Красной площади, в мавзолее. Всего этого он ещё не видел. Но в кармане последние пять рублей. Сколько на них можно прожить? Плюс надо билет на обратную дорогу купить. По всему выходило, что уезжать надо без долгих раздумий.

А тут выяснилось, что вопрос о зачислении пока не стоит, списки поступивших на очное обучение будут вывешены только после того, как закончатся все экзамены. Но это ещё недели две или три, не меньше. Он-то, как медалист, сдавал всего один предмет, который предлагался на выбор. Большинство абитуриентов такой привилегии не имели.

Да и сам вопрос зачисления, сказали ему, решает какой-то декан. Что за декан? Имя это или фамилия, он тогда не знал, а уточнить постеснялся. С другой стороны, какая в том важность? Решил: вот сейчас зайду к нему, выясню, что там и как – и на вокзал. Задачу свою ты выполнил, со знанием дела убеждали ребята

в общежитии, где он остановился на время экзаменов, а зачисление – это простая формальность. Зачем терять столько времени из-за какой-то ерунды? Хотелось поскорее домой, никаких других мыслей в голове в тот момент уже не было.

Но как об этом сказать тому самому декану? Вдруг он не разрешит, не отпустит? Мало ли, какие тут, в академии, правила существуют. Тогда беда. А что у тебя пусто в кармане, кого это волнует? Он ломал голову над тем, что же такое придумать, чтобы получилось убедительно, правдоподобно. И, кажется, одна спасительная мысль, прилетела. Он решительно двинулся на встречу с деканом.

– Здравствуйте. Я поступил на ваш факультет и до сентября уезжаю в деревню, – с порога заявил он мужчине, который сидел в деканате за массивным столом, уткнувшись в бумаги.

Мужчина оторвался от чтения, поднял глаза.

– Поступил? Это кто так сказал? – строго спросил он, разглядывая невысокого щуплого абитуриента.

– Но как же... Экзамен я сдал на отлично, – начал Николай, превозмогая моментально накотившие в сердце робость и страх. – У меня же по школе серебряная медаль. И всего одна четвёрка в аттестате. Значит, по правилам я уже поступил.

– А вот это, молодой человек, решать буду я, а не вы.

Но, сжалившись над смутившимся, покрасневшим до кончиков волос парнем, добавил:

– А что там дома такое случилось, что нужно так уж срочно уехать? Погуляй по Москве, сходи в театр, в кино, на ВДНХ, наконец. Тут, брат, столько всяких красот, не то что недели – жизни не хватит, чтобы всё обозреть.

– Да, понимаете... тут такое дело, – хватаясь за последнюю возможность попасть на вокзал и отправиться домой, начал Николай. – На днях в нашей деревне праздник один. Престольный. Его у нас все отмечают, каждый раз. Дома холодец будут варить из свиной головы и ног, кисель из ягод. Потом пироги с картошкой. Такой стол только три раза в году накрывают. Гостей понаедет. Как же не попасть?

Декан, похоже, впервые услышал столь странное объяснение. Он сначала опешил и даже открыл от удивления рот, а потом вдруг прыснул раскатистым смехом и хохотал так, что, каза-

лось, вместе с ним трясутся все стены в его кабинете. После выбежал в коридор, попросив рассмешившего его паренька остаться и подождать, через некоторое время вернулся и привёл с собой журналиста, представлявшего всесоюзное радио. Рассказывая о том, что здесь произошло, он на все лады повторял состоявшийся диалог с молодым человеком из далёкой орловской деревни, добавляя в него свои комментарии, от которых смех разбирал ещё больше. И при этом несколько раз просил корреспондента запомнить, какие удивительные, а главное, толковые ребята приезжают поступать в Тимирязевку.

Глава 3.

ТИМИРЯЗЕВКА

Дворник по совместительству

Разумеется, Николай Парахин оказался в списках поступивших на первый курс агрономического факультета знаменитой сельскохозяйственной академии. В ту пору ректором академии был Иван Семёнович Шатилов, а деканом агрономического факультета (тем самым, кого так рассмешил абитуриент Николай Парахин) – Борис Плешаков.

Учился будущий академик не то чтобы очень легко, а с большим азартом. Мир открывался перед ним огромной, необъятной кладовой знаний. Ему всё казалось невероятно интересным и значимым. Объём новых понятий, дисциплин и специфических терминов был такой, что ухватить всё разом не представлялось возможным. А он хотел и с головой погрузился в неведомую для него атмосферу студенчества, академической учёбы.

По его собственному признанию, на первых порах казалось, что в сутках слишком мало часов, чтобы всё успеть. Он не вылезал из библиотеки, засиживался за учебниками, рефератами, курсовыми работами до поздней ночи, лишь бы только не упустить что-то важное. Учебный процесс и невероятное количество новых предметов захватили его настолько, что он готов был остаться без обеда, без ужина, но успеть прочитать, уяснить, заложить в память всё, что говорилось на лекциях и о чём сообщалось в толстенных книгах, на которых стояли имена великих учёных.

Его упорство и невероятный интерес к тем дисциплинам, которые были в учебном расписании факультета, быстро принесли свои плоды. Первую академическую сессию сдал блестяще, без единой четвёрки. И это сразу добавило спокойствия и веры в собственные силы.

– Ну вот видишь, всё хорошо, даже слишком, – подбадривал его племянник Валерка, когда они встретились после зимней сессии. – Я же тебе говорил, что не боги горшки обжигают. Везде, и в академиях тоже, учатся такие же люди, как мы с тобой.

– Я очень боялся, что сессию не сдам, провалю, – признался ему Николай. – Корпел над каждой темой, как проклятый. Представляешь, спал, особенно перед сессией, по три-четыре часа. Да и сон куда-то исчез. От волнения, что ли. Но теперь вроде полегче стало.

Его успехи в учёбе, серьёзное отношение к делу, въедливость и завидную осведомлённость по каждой теме быстро заметили и коллеги по факультету, и преподаватели. И, как полагалось в то время, да и сейчас практикуется, его стали тут же выдвигать и выбирать на всякие должности в студенческом сообществе. Сначала избрали комсоргом группы, раз в школе он подобной работой занимался. Потом – секретарём комсомольской организации факультета. И от этого не отвертись, не прикроешься никакими занятиями и занятостью по учебной программе, поскольку в ту пору общественные поручения и общественная жизнь считались обязательным атрибутом в молодёжной среде.

Вскоре, как комсомольского вожака факультета, его начинают приглашать к участию в общественных комиссиях уже в масштабах всей академии, эти комиссии проверяли порядок, дисциплину и быт в общежитиях, где жили студенты, разбирали какие-то жалобы, конфликты, курьёзы.

И тут его тоже заметили. К любому, даже незначительному поручению он подходил не формально, не ради галочки, а с полной ответственностью, как это делал в школе, когда руководил ученической производственной бригадой и стоял во главе комсомольской организации. Старшие товарищи взяли исполнительного и весьма здравомыслящего юношу на заметку, оценили его аккуратность и желание в каждом вопросе докопаться до сути. Как полагается, навели нужные справки, поговорили с обитателями академического общежития. И уже после второго курса Парахина выбирают начальником студенческого городка, что, конечно, для студента считалось очень престижным делом. Не всякому могли доверить такой участок.

Однокурсница Николая Васильевича, ныне профессор ОГАУ Лидия Павловна Степанова, вспоминает:

– Учились мы с ним на одном факультете – агрономическом. Только я по специальности «учёный – агроном-семеновод», а он – «агроном-полевод». Всего на факультете было три группы, кроме наших, где мы с Николаем Васильевичем учились, была ещё группа агрономов по защите растений.

Нужно учитывать здесь ещё одну немаловажную деталь. Ни для кого не секрет, что в ту пору многие ребята, да и девушки тоже, чтобы пополнить свои финансы, старались подрабатывать, поскольку на одну стипендию, тем более в столице, если нет поддержки, прожить тяжело. Время было такое, хотя для студентов, наверное, всех поколений, дополнительный заработок, пусть небольшой, даже разовый, типа разгрузить на станции мешки с мукой или уголь, считался обычным делом. Я, например, с девчонками ходила на авиационный завод, был такой цех или что-то в этом роде на улице Бутырской. Подметали, убирали после рабочей смены стружку на токарном участке, наводили порядок.

Николай Васильевич тоже работал. Ему, как председателю студсовета, разрешено было устроиться дворником. Это считалось неким поощрительным моментом, потому что работа была постоянной и работать нужно было у себя в городке, на месте. Зимой чистил снег, осенью сгребал мусор и листья с дорожек. Рано вставал, ещё затемно. Ему это нравилось, он очень любил, чтобы всё и везде было аккуратно, как полагается.

Жили студенты не сказать чтобы совсем уж бедно, но без всяких изысков и разносолов. Старались из своей небольшой стипендии в 35 рублей (42 была у тех, кто учился отлично) что-то выкроить, сэкономить, чтобы купить себе кое-что из одежды: кофту, пиджак, рубашку, спортивное трико. А когда удавалось ещё подработать, так считали это настоящей удачей.

– Сейчас это кажется невероятным, я своим студентам сегодняшним иногда рассказываю, – продолжает Лидия Павловна, – что во время учёбы, если нам не хватало денег до следующей стипендии, мы шли в наш студенческий магазин (был такой в студгородке академии) и покупали филе трески. Самый дешёвый по тем временам рыбный продукт, можно сказать, деликатес.

Скажите, где это филе трески сейчас и сколько стоит? Жизнь, как ни крути, загадочная штука!

У Николая Васильевича к тому моменту уже не стало отца. Он очень переживал, сокрушался, что мама оставалась одна. И хотя другие дети её не бросали, он чувствовал перед ней личную ответственность. Не отпускал от себя ни в мыслях, ни по жизни. Поддерживал, помогал, как мог, заботился. До последнего её вздоха.

Собираясь на каникулы, каждый раз старался привезти в подарок своим родителям что-нибудь такое, чего они никогда не видели. Например, зефир в шоколаде, мармелад, конфеты монпансье. Ещё бы, это же Москва, там всё по-другому, всё есть, что простому человеку, особенно в маленьком городе или деревне, и увидеть-то невозможно. На этот случай дополнительная студенческая подработка была как нельзя кстати.

Некоторых студентов Тимирязевки, в первую очередь тех, кто учился на факультете агрохимии и почвоведения, здорово выручали геоботанические экспедиции. Лидия Степанова и её сокурсницы в течение трёх сезонов выезжали в Республику Тыва. Было очень выгодно попасть в такую экспедицию, в том числе с материальной точки зрения, потому что за каждый проведённый день, помимо зарплаты, платили ещё так называемые полевые, или, говоря сегодняшним языком, командировочные. А зарплата шла на сберкнижку в Москве. Стимул для студента немаленький, поэтому в геоботанические экспедиции попасть хотели многие.

Правда, деньги, которые членам экспедиции выдавали на руки, всё равно тратить было негде. Кругом горы, ни магазинов, никакой другой цивилизации. По сути, пограничный район с Монголией.

– Однажды, – рассказывает Лидия Павловна, – не успели за-светло добраться до того места, где работали – пришлось остановиться на ночь на берегу озера Урык-нур. Утром просыпаемся, смотрим – рядом юрта стоит, монгольская. Там же в горах ни застав, ни столбов пограничных. Ребята наши пошли, вступили в разговор, стали спрашивать, как живут монгольские братья. Те по-русски всё понимали, поскольку в той стороне издавна какие-то тракты проходят, дороги, общение с русскими идёт постоянное. Монголы нашим отвечают: «Мы сейчас хорошо живём», – «А что, по-вашему, означает хорошо?» – продолжают наши ребята. «У нас в каждой юрте зеркало есть».

У всех, как говорится, свои представления о красивой жизни, о достатке и удобствах быта.

У студентов-агрономов Тимирязевки таких экспедиций не было, они в это время проходили свою практику в хозяйствах, на полях, где выращивались культурные растения.

Николай Парахин лето неизменно проводил в родном колхозе. Его приезду радовались все: председатель, бригадиры, колхозный агроном.

– Ну, рассказывай, как наука? Много ли пользы даёт? – спрашивал председатель, когда Николай заявлялся в деревню и, само собой, заходил в правление.

Вопросы были не праздными, в них слышался некий подтекст, мол, как ты там, парень, не валяешь ли ваньку, хорошо ли себя ведёшь, осваиваешь ли академическую грамоту? Парахина они не смущали. Наоборот, он охотно делился впечатлениями об учёбе, рассказывал, что и эту, летнюю сессию сдал на одни пятёрки. А знания в академии дают самые лучшие: весь человеческий опыт по всяким растениям, по земледелию собран.

– Там такие учебники и столько в них всякого полезного, нового, что обязательно пригодится в работе. Их такие светила науки писали, их знают и ценят по всему миру, – отчитывался он о своих успехах.

– Вот и хорошо, если так, – одобрительно отзывался председатель. – На это и был расчёт, Николай. Верим, что ты всю эту науку освоишь и вернёшься готовым специалистом, который поведёт наш колхоз к новым рубежам.

Николай в этот момент разговора замялся, словно что-то хотел сказать, но стеснялся.

– Но ты, я вижу, не отдыхать же приехал к матери на огород? – словно прочитал его мысль хитрый председатель колхоза.

– Точно, Тихон Павлович. Я хотел спросить: а можно мне поработать в поле, на уборке, с агрономом поехать, с ребятами на комбайне, на тракторе?

– Почему же нельзя? На полную катушку будем тебя использовать. Вот и покажешь на практике, чего твои знания стоят. Но это я так, шучу. Оформим тебя в бригаду, как полагается. Стипендию-то летом, пока ты здесь, платить мы не можем. Поэтому, сколько заработаешь – все твои. И с агрономом общайся, подска-

зывай, если он чего-то не знает или подзабыл уже. Тебе полезно, опыта набирайся, и ему подмога.

В трудах и заботах, на уборке хлеба и подготовке почвы к севу озимых проскочили летние месяцы. Даже с мамой пообщаться как следует не получалось, хотя по хозяйству он всячески старался помочь. Но опять же вечером, что дома сидеть? Вся молодёжь в клубе, там кино, потом – танцы. Умоется, перекусит наскоро, посмотрит на мать, словно заранее извиняется. «Да, иди уж, иди. Что тут дома сидеть, – скажет она. – Но долго не гуляй, завтра ж рано вставать...»

Сколько раз он потом казнил себя за то, что всё куда-то спешил, убегал, вместо того чтобы лишний раз побыть дома с родным и самым близким ему человеком, просто посидеть рядом, поговорить о жизни. Да, это потом, когда приходит осмысление пройденного и обретается жизненная мудрость, мы понимаем цену свои поступкам.

Лето пролетает быстро, и вот уже снова осень. Снова Москва, Тимирязевка, учебники, лекции, семинары, курсовые, коллоквиумы. Обычная студенческая жизнь, разбавленная общественными поручениями и решением бытовых вопросов, которых у начальника студенческого городка всегда хватает.

Иногда на выходные к нему приезжал из Харькова, где учился, племянник Валерий, неунывающий и очень общительный человек. Николай всегда был рад этим встречам, буквально сиял от счастья.

Как правило, такие приезды происходили в пятницу. После разговоров и обмена новостями отправлялись куда-нибудь погулять, благо мест в Москве для этих целей всегда было предостаточно. Но столица страны, ко всему прочему, город совсем недешевый, соблазнов здесь много, вот если б ещё лишние купюры были в кошельках.

Совершив экскурсию на ВДНХ либо ещё куда-то, возвращались домой, в общежитие. А перед возвращением заглядывали в расположенный неподалёку павильон, где на выбор предлагалось целых пять сортов пива. Роскошь по тем временам даже для столицы удивительная.

Ребята не были сторонниками застолий и горячительных напитков, но иногда могли себе позволить по бокалу янтарного на-

питка. За встречу. За то, что молоды. За студенчество. В приоритете, по словам Валерия Михайловича, было пиво «Московское», 53 копейки за бокал.

В один из таких приездов произошёл случай, за который Валерий Михайлович даже спустя годы продолжает себя корить.

– Я приехал в Москву в качестве болельщика на встречу команд КВН Харьковского авиационного института и Минского политеха, – рассказывает Валерий Парахин. – Вечером из автомата звоню в общежитие Николаю, чтобы договориться о встрече. Женщина-вахтёр отказывается звать его к телефону. Мало ли кто будет звонить и просить кого-то позвать?! Следующая пара попыток также успеха не имела.

Спустя какое-то время принимаю неординарное и, как мне казалось, беспроигрышное решение. Забегая вперёд, скажу: Николай обругал меня потом. И было за что.

Короче, я набрал номер и казённым голосом представился: «Капитан милиции Соловьёв, 44-е отделение. Пригласите к телефону Парахина».

Пробьба моментально была исполнена.

С одной стороны, я позвонил вовремя: Николай с Тамарой собирались уйти из общежития в кино. А с другой... Тут я всегда буду себя винить, поскольку создал некий прецедент. Ещё бы – звонок из милиции. В то время чёрт знает что могли подумать про Николая. Хоть и не 37-й год, но разговоры могли пойти неприятные.

Что можно сейчас сказать в своё оправдание? Разве что это: «Молодой был, горячий». Слава богу, никаких последствий того звонка ни для кого не было.

| Пропуск в науку

Конец 60-х и начало 70-х годов прошлого века принято считать периодом благоприятного развития в истории государства, известного в мире по аббревиатуре СССР. Страна торжественно и красочно отметила полувековую годовщину Великого Октября. С экранов телевизоров и по радио ежедневно звучали рапорты о достижениях первого на планете социалистического государства.

Претворялись в жизнь намеченные партией пятилетние планы. Устойчиво работала промышленность. Открывались новые заводы и фабрики, строились дороги, мосты, гидроэлектростанции. Всесоюзную известность и распространение получила орловская непрерывка – поточный метод строительства жилья в городских условиях. Николай об этом читал в газетах, слышал по телевизору и радио. И гордился своими земляками.

Крепла мощь вооружённых сил, которые обзавелись ядерной триадой и обеспечили необходимый военный паритет со своим главным противником – США.

Что касается основной массы простого народа, то жили не сказать чтобы трудно, но так – не богато, не бедно. Однако ж расторможенно, весело.

По утрам люди спешили на работу, вовремя получали положенную зарплату. Влюблялись, женились, растили детей. Учились. Запрос на учёбу, хорошее образование в институте, в техникуме был очень высоким: страна шла вперёд, развивалась, повсюду требовались крепкие, знающие специалисты.

Ходили на демонстрации по большим общенародным праздникам. В колоннах, с красными флагами, звонкими транспарантами, портретами руководителей страны, вождей коммунистической партии.

В эти годы по сложившейся в стране традиции трудовые коллективы брали на себя повышенные обязательства, заявляли о досрочном выполнении заданий и мероприятий пятилетнего плана развития.

Не стояло на месте сельское хозяйство. С развитием машиностроительной отрасли в колхозы и совхозы хлынул поток тракторов, комбайнов, грузовиков, различного прицепного и навесного оборудования. С каждым новым сезоном увеличивался спрос на минеральные удобрения, хотя опытные хозяйственники роптали, дескать, испортим землю химией, чем же органика, то есть обыкновенный навоз с животноводческих ферм, не устраивает? Однако время брало своё. Минеральные удобрения были на порядок дороже, но с ними оказалось меньше возни, проще их вносить на поля. Под них строили химические гиганты, заводы по производству неорганических питательных веществ, создавали специальную технику. К тому же волей-нево-

лей мозолил глаза и бил по престижу страны пример Запада, где химическая поддержка культурных полей стремительно набирала обороты. Разве могли мы не видеть «передовых» тенденций и уступить?!

Пройдёт не так уж много времени, и плоды этой безудержной химизации обернутся громадными проблемами, которые связаны с оскудением плодородных земель, окислением почвы и сокращением гумуса. И уже на самом высоком уровне с использованием умов и знаний лучших учёных, агрономов, почвоведов начнутся поиски путей и вариантов выхода или хотя бы нивелирования этой варварской атаки на естественное плодородие почв. Но всё это будет впереди, через тридцать или даже сорок лет. А пока учёные и преподаватели Тимирязевки учили будущих агрономов, почвоведов, агрохимиков как работать с землёй, вести обработку полей с использованием новых технологий и новых машин, выпуск которых налаживала отечественная промышленность.

Николаю Парахину, окунувшись в водоворот новой жизни, интересно было всё – от бытовых мелочей в студенческом общежитии до оснащения учебных аудиторий, лекционных залов, особенностей во взаимоотношениях молодёжи, приехавшей на учёбу в элитный отечественный вуз со всех концов страны. Многое здесь было похоже на его прежнее интернатовское бытие в Покровской школе, например дисциплина, строгие требования к поведению, посещению лекций, практических и лабораторных занятий. Важной составляющей этой новой реальности было умение организовать свой учебный день, занять и провести с максимальной пользой единственный выходной.

Но самостоятельности и новизны во всём было несравнимо больше. Это естественно, ведь академия – не сельская школа, а ученическая среда – не студенческое сообщество. Сюда приходят уже достаточно взрослые люди, которых не требуется с утра до вечера контролировать, водить за руку, постоянно объяснять всевозможные житейские правила.

Конечно, на первых порах молодому человеку, приехавшему из деревни, в новинку было всё: лекции в огромных академических аудиториях, доктора наук, профессора, академики, которые выступали по самым разным предметам курсовой программы –

от общей тематики до узкоспециальных вопросов. Их выступления, лекции нужно было конспектировать – не записывать всё подряд, а выделять, улавливать, самостоятельно вычленять главные мысли, наиболее существенную, важную информацию. Так было принято. На этом постоянно настаивали сами преподаватели, приучая молодых людей к усидчивости, терпению, умению усваивать максимум необходимых знаний.

Впрочем, конспекты были не самым сложным элементом в учёбе, а студенты, как известно, народ рациональный, творческий, находят выход из любой ситуации. Тут же появлялись «гениальные» идеи, новаторские предложения, чтобы улучшить, облегчить, уменьшить трудозатраты. Например, распределение «по ролям», когда какую-то часть лекции конспектирует один, потом продолжает другой. Отыскивались те, кто владел скорописью, умением стенографировать, и, конечно, наиболее усидчивые, обладающие нестигаемым терпением и любовью ко всякого рода конспектам. Делалось это для того, объясняли «новаторы» и изобретатели подобных «гениальных» идей, чтобы не терять концентрацию, распределить силы на весь учебный день. В чём-то они, разумеется, были правы, поскольку лекционная нагрузка и объём информации были такими, что нормальному человеку усвоить всё это, переварить не представлялось возможным.

Студента Парахина академическая нагрузка никак не смущала. Он не скрывал своих намерений полностью освоить студенческий курс и добиться отличных результатов по итогам экзаменационной сессии.

– Нас, молодых тогда парней и девчонок, приехавших на учёбу в столицу, и только-только начинавших осваиваться в студенческой среде, – вспоминает Лидия Павловна Степанова, – удивляло его умение всё успевать. Мало того, что он не пропускал ни одной лекции, так еще после занятий, перекусив, что называется, на бегу, летел в академическую библиотеку и допоздна засиживался в читальном зале. Листал учебники, читал труды, монографии известных учёных-аграриев, штудировал какие-то отдельные вопросы и темы, которые были по программе и вне программы. Одним словом, проглатывал всё, что считал для себя интересным и нужным. Он испытывал в буквальном смысле голод по

знаниям, хотел в короткий срок восполнить недостаток информации, которую не мог приобрести в тех ограниченных условиях, в которых он рос и жил. Это было заметно, поскольку он хватался буквально за всё, боясь пропустить, не узнать, не усвоить что-либо ценное.

Надо полагать, что с первых дней учёбы Николай Парахин сделал для себя установку учиться не за страх, а за совесть. Это было чувство человека, который считал для себя очень важным, может быть, самым главным моментом не подвести, не опозорить своих земляков, правление колхоза, которое направило его в Москву и платило ему ежемесячное содержание.

«Я не могу приехать домой, – признавался он в разговоре с ребятами, – и на вопрос председателя «Как учёба?» отделаться общей невразумительной фразой типа «Да всё ничего, порядок». Он считал, что не имеет на это морального права. Только глубокие знания и отличные оценки будут единственным и убедительным аргументом для всех его односельчан, что направление в Тимирязевку он получил не напрасно, что оправдывает их доверие на все сто процентов.

И зимнюю, и весеннюю сессию Парахин сдал на отлично, показав при этом объём знаний, которые первокурсникам были несвойственны.

– Этот парнишка далеко пойдёт, – отозвался о нём один из преподавателей. – У него настоящий азарт к учёбе. Будет обидно, если потом расслабится, перегорит.

Конечно, у каждого студента очень скоро появлялись любимые предметы, любимые темы. Это в огромной степени зависело от преподавателя, его умения расположить к себе, заинтересовать, показать то самое ценное, что повлияет на восприятие каждого сидящего в студенческой аудитории. В конце концов, с этого восприятия нередко начинается путь в профессию, определение и осознание своего места в жизни.

– Я думаю, на каждого из студентов, на его будущий выбор очень сильно влияла та атмосфера и то окружение, в которых мы находились во время учебного процесса, – уверена Лидия Степанова. – Дело в том, что начиная со второго курса мы уже непосредственно переходим к специальным дисциплинам, которые обогащают профессионально, приоткрывают дверь в будущую

специальность. Пусть это первые, начальные дисциплины, но они не просто касаются будущего выбора, а прямо влияют на него. И уже затем вольно или невольно мы нацеливаемся на того преподавателя, который нас больше «зацепил», привлек внимание, был по-настоящему убедительным. Мы охотнее идём к нему на лекции, лучше слушаем, доверительнее относимся, благожелательно воспринимаем манеру его выступления, его аргументацию. В конце концов, начинаем так или иначе ему подражать, стараемся быть на него похожими.

У Николая Парахина научным руководителем по дисциплине растениеводство был доцент Олег Гапонов, умный, деликатный, простой и доступный в общении, не лишённый и других положительных качеств. К тому времени он уже имел учёную степень кандидата наук и готовился защищать докторскую.

Вообще, в те годы в Тимирязевке было принято так: доктором наук преподаватель становился тогда, когда успеваел привлечь к своей теме аспирантов, а также подготовить и выпустить нескольких кандидатов наук – своих учеников. Получается своего рода научная лесенка, за которой прослеживается и тематическая, и, если хотите, кадровая преемственность, что можно только приветствовать. То есть на поверку выходит, что твоя уже завершённая работа в виде докторской диссертации является апробированной, узнаваемой, имеющей продолжение в твоих аспирантах и будущих кандидатах наук.

Разумеется, были в числе преподавателей и другие яркие личности, к тому же имевшие имя, серьёзные труды и широкую известность в научной среде. К ним относились в первую очередь профессор академии Иван Алексеевич Каволичев и его коллега Мария Николаевна Першина – удивительные люди с глубочайшими знаниями. Студенты смотрели на них, как на богов. Они притягивали к себе, словно магнит. Невольно возникало ощущение, что ты должен от этого человека что-то перенять. Иначе нельзя: ты многое потеряешь, потом этого у тебя не будет уже никогда. А чему научиться, что перенять? Ну хотя бы вот эту необъяснимую, необыкновенную непринуждённость общения. Достоверность и точность той информации, тех сведений, которые ты получаешь по теме, которую посчитал для себя очень важной. Его жесты, интонацию голоса. Неожиданные паузы, переходы и,

главное, примеры, убедительные примеры, которые он приводит в подтверждение своих мыслей.

Это было сродни искусству, актёрскому мастерству. То, что на самом деле без всяких натяжек переворачивало сознание молодых людей, заполнивших лекционный зал, цепляло их сердце и душу.

Именно личность преподавателя, его умение расположить к себе, заслужить доверие в немалой степени влияли потом на выбор тех, кто принял решение связать свою жизнь с образованием, с научными поисками.

Если оценивать в этом плане студента Парахина, то изначально он представлялся убеждённым практиком. На житейском уровне был сведущ во многих вопросах сельского хозяйства, был настоящим докой по всевозможной деревенской проблематике, и особенно по крестьянскому быту. Это немудрено, поскольку рос человек в каждодневных трудах, многое привык с детства делать своими руками. На земле, в своём домашнем огороде, на школьном участке. Пойти в науку? В сферу теоретических поисков? Поначалу сама эта мысль казалась ему абсурдной. Ну какой из теоретика толк? На что он годится? На колхозном поле лекции читать не нужно. Тут надо пахать, сеять, убирать – делать конкретную работу, которую голыми рассуждениями да книжными теориями не заменишь.

Но уже первая практика в своём же колхозе показала: не всё на хлебных полях делается так, как следует, так, как надо, как об этом рассказывают преподаватели. Что-то упускается при вспашке, при выравнивании пашни во время культивации. Сеялки, бывает, плохо отрегулированы, отсюда образуются огрехи, как говорят в народе, или пустоты на полях. При неровностях поверхностного слоя так же неровно, не на ту глубину заделываются семена. Отсюда вялые, неполноценные всходы, неодинаковое развитие растений даже в пределах одного участка. А в итоге меньшим получается урожай, который, как известно, зависит от многих причин и факторов, на первый взгляд, казалось бы, несущественных и мелких.

На практике требовалось вести дневник – «крестьянскую книжку», как называли её студенты, подробно записывать выполнение всех агроприёмов, подмечать и фиксировать любые недочёты или ошибки, которые допускают агроном, механизатор,

работающие с той или иной культурой. Николай нередко сам садился в кабину к одному из деревенских ребят, помогал, что-то подсказывал, оценивал качество выполняемой операции.

– Слушай, а ты голова, – говорили ему. – Откуда всё это знаешь? Неужели вас и вправду учат работать по науке?! Только мы не скоро ко всему этому придём. Знаешь ли, у людей привычка. Это трудно проходит. Многие считают, что на глазок да по старинке надёжнее. На земле всегда так работали.

Но Николай с таким утверждением не соглашался. В стране уже есть хозяйства, и не одно, а десятки, где успешно применяют передовые технологии, строго соблюдают севооборот, тщательным образом готовят почву для посева, используют лучшие семена, рассказывал он ребятам, с которыми работал в поле. Например, такие хозяйства есть на юге: на Кубани, в Ростовской области. Их опыт изучается, и скоро им будут пользоваться по всей стране.

– Когда проходили практику, – делится воспоминаниями Лидия Павловна, – важная задача любого студента – применить свои знания в деле, проявить себя с лучшей стороны. Поэтому вольно или невольно ты начинаешь смотреть, анализировать, сравнивать то, о чём говорили на лекциях, на семинарах, с тем, что происходит в условиях реального хозяйства, цепляться и заострять внимание на тех или иных моментах практического порядка. Понятно, что разных проблемных вопросов, будь то в растениеводстве или в животноводческой отрасли, в наших колхозах и совхозах тех лет было хоть отбавляй. Как говорится, для тренировки ума неограниченное поле деятельности.

Но это одна сторона вопроса. Вдобавок ко всему практикант Парахин чувствовал свою особую ответственность перед людьми, своими земляками, перед колхозным правлением, поскольку фактически состоял на содержании у хозяйства. И это тоже нужно было оправдывать, доказывать в той или иной форме, что твою учёбу хозяйство оплачивает не напрасно.

А люди не дураки. В деревне не спрячешься. Здесь каждый всегда на виду, любой твой поступок увидят, любое сказанное слово услышат, оценят по-своему, так, как надо. И запомнят надолго. Сельский народ внимательный, и хорошее, и плохое одинаково впитывает. И выводы делает сообразно с теми делами и мыслями, которые от тебя исходят и следуют за тобой.

В летние месяцы, особенно в первые два года учёбы, Николай постоянно пропадал в поле: хотелось и копейку какую-то самому заработать, чтоб одежду, обувь на осень купить, и знания свои, которые он уже приобрёл, показать. Нет, он ничего никому не навязывал. Просто при случае, когда механизаторы останавливали тракторы или комбайны на перекур или на обед, разговор о разных новшествах в земледелии возникал сам собой. Парахин много читал, приводил примеры из опыта хозяйств, известных в разных концах страны. Рассказывал о работе учёных, семеноводов, селекционеров, о новых сортах, которые дают лучший урожай. Ненавязчиво подводил к мысли, что без науки, использования лучших достижений в производстве зерна, кормов добиться высоких показателей будет невозможно. Ребята, с кем ещё в школе учился, ставшие теперь водителями, комбайнёрами, над ним подтрунивали:

– Вот ты придёшь и сделаешь тут всё по науке. Только когда это будет? В нашем колхозе не растерять бы последнее, что имеем. Вон, посмотри, что в коровнике делается. Доярки в резиновых сапогах вилами навоз выгребают. Где она, эта наука?..

Помимо бесконечного, при каждой возможности чтения «умных» книг, как он называл труды известных учёных, в том числе преподавателей Тимирязевки, Николай очень ценил лабораторные занятия. Работа с раздаточным материалом по каждому виду растений. Скрупулёзное изучение отличительных особенностей, характеристик, методов и способов возделывания различных культур. А природа растений многогранна, обширна, их много – сотни и тысячи. Взять хотя бы такую известную всем культуру, как озимая пшеница. На первый взгляд, что тут такого невероятного? На нашем, обывательском уровне всё понятно, всё просто. Семена как семена. Стебель как стебель. Но в том-то и дело, что каждое зернышко для каждого вида или гибрида имеет свои отличия. А их, уже выведенных, существующих сортов, что применяются в хозяйствах страны, насчитывается многие десятки. И всё это нужно знать, моментально, безо всяких усилий определять. У этого сорта колос плотный, у этого, наоборот, рыхлый. Эти семена необходимо хранить при такой температуре и влажности, этим требуются другие условия. И приживутся они не в каждой почве, не

в каждой климатической среде и не в каждой географической местности.

О Боже! Сколько же на земле существует всяких разных семян и разных растений! Неужели всё это можно помнить, знать, отличать?

Кажется, Парахин делал это не просто добросовестно, а даже с каким-то внутренним упоением. Ему нравилось копаться в лабораториях со всем этим немислимым по своему многообразию семенным материалом.

Несколько лет спустя, уже работая в Орловском аграрном университете, он вёл такой предмет, как семеноводство. И студенты знали: тут на авось не прокатит, надо очень хорошо разбираться в вопросе. Иначе «завал». Поэтому к экзамену готовились тщательно.

Ещё о практике, теперь уже о той, что существовала в границах академии. В Тимирязевке в числе обязательных была дисциплина «тракторы и автомобили». Мужская половина студентов обожала технику. Здесь можно было проявить себя наилучшим образом. Да и саму возможность хотя бы на время забыть о лекциях, забыть о конспектах и просто сесть в кабину небольшого, специально придуманного для работы на небольших участках, но настоящего трактора воспринимали как праздник.

Другое дело – студентки. Не сказать, что техника им не нравилась, нет. Тем не менее трактор, комбайн, всякие там плуги, сеялки-веялки не очень ассоциировались с женским образом. Лидия Павловна вспоминает, как первый раз в своей жизни не получила зачёт именно по этому предмету. Дело было на втором курсе.

– Помню этот день, как сейчас, – рассказывает она. – Длительная, изматывающая процедура. С теорией как-то справилась, а ещё нужно было всё показать на практике. Завести двигатель трактора, проехать, развернуться. Потом прицепить инвентарь – плуг или сеялку. Остановиться, отцепить. Это была настоящая мука. Многое не получилось, потому что не было опыта, не было сколько-нибудь серьёзных навыков. В итоге – незачёт. Возвращалась вечером в общежитие в ужасном настроении. Мне казалось, что жизнь моя закончилась. Шла, как в тумане, слёзы душили, мысли всякие в голову лезли, как будто произошла чуть ли не вселенская катастрофа.

Девчонкам, понятное дело, с техникой сложнее разобраться.

Помимо того, что нужно на приличном уровне знать автомобиль, знать трактор, так ещё и весь набор сельхозмашин, различного оборудования, прицепного инвентаря. И не просто знать, различать заводские марки, но всё это наладить, настроить, что было весьма непросто. С правилами, существовавшими в образовательном процессе академии, не поспоришь: и агроном, и почвовед, и студенты других факультетов обязательно должны были проходить и хорошенько усвоить большой перечень машин, потому что изначально у всех была так называемая первая квалификация, объединявшая по общему принципу всех выпускников академии, – учёный-агроном.

Технический парк в Тимирязевке даже в то время был приличный. Вся техника находилась на агрономическом факультете в ангарах третьего учебного корпуса, а также в планетарии (это уже 12-й академический корпус). Всего же учебных корпусов в академии было 17, и внутри каждого располагались огромные лекционные, лабораторные, учебно-методические и прочие помещения. Постройки были старинные, капитальные, с очень красивой архитектурой, широкими лестничными пролётами. Во всём этом была основательность, монументальность, что, конечно, не слишком сочеталось с архитектурой и новыми постройками Москвы 60-х – 70-х годов прошлого века.

Все приезжие, иногородние жили в студенческом городке. Всего в академии имелось три корпуса общежитий, в которых проживало несколько тысяч студентов, в том числе множество молодых людей из стран соцлагеря, а также из дружественных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Бытовые условия не отличались комфортом, были очень скромными. В комнате кровать – тумбочка, ничего лишнего. Жили по четыре человека. Общая кухня в конце коридора. Газовая плита, разделочный стол, умывальник.

Девчонки, как истинные хозяйки, частенько еду для себя готовили сами. Но и многие ребята, большинство из которых жили в основном на стипендию, тоже не обходили кухню стороной, общались к готовке.

Николай Парахин в этом плане не был исключением. Любил готовить картофельный суп. Но особое предпочтение отдавал жареной картошке. Вообще, картофель в его студенческом меню

занимал, пожалуй, привилегированное место. Он мог готовить картофельные блюда в самых разных вариантах – и с мясом, если удавалось привезти из дома кусочек свинины, и пюре, и даже в мундире, если нужно было приготовить обед на скорую руку или специально сварить картошку в таком варианте под селедочку или хамсу.

Конечно, в обязательном порядке была в Тимирязевке и студенческая столовая. Находилась она рядом с огромным спортивным комплексом в спортгородке, где имелись футбольное поле, площадки для волейбола, баскетбола, беговые дорожки, ямы для прыжков в длину, набор разных спортивных снарядов. Столовая занимала целых два этажа. Здесь, как и на спортивных объектах, всегда были люди. И хотя цены в столовой не отличались дороговизной даже по студенческим меркам, но далеко не все могли себе позволить день ото дня покупать здесь завтраки и обеды. Скромной студенческой стипендии на всё не хватало. Деньги нужны были на проезд, какие-то культурные мероприятия: походы в театр, в кино, на выставки. В Москве всегда вдоволь всего интересного, и соблазны здесь на каждом шагу. Поэтому многие студенты экономили на той же столовой, сами готовили для себя еду.

Вообще, общежитие – это особая история. И в те времена, да и сегодня тоже, в местах компактного проживания молодых людей существовали определённые правила. Вход строго до 23.00. Все гости к этому часу должны были покинуть помещение. Наружные двери закрывались на крепкие засовы, так что попасть сюда с улицы – целая проблема. И комендант общежития, и вахтёры следили за выполнением установленных правил настолько ревностно, что иногда это напоминало чуть ли не закрытую зону. В какой-то степени подобный строгий режим был оправдан, поскольку в каждом таком доме проживали сотни людей, приехавших из разных уголков страны, из многих зарубежных стран. Сложностей и проблем, как ни старайся, не избежать, но их нужно было хотя минимизировать.

Однако справедливо и то, что жизнь человеческую, тем более жизнь молодых ребят и девчонок, в строгие рамки не загонишь. Студенты уезжали домой, к родителям, в другие города. Покупали билеты в театры на спектакли, концерты, бывали на экскурсиях, ходили в гости к столичным родственникам и друзьям. Вер-

нуться вовремя удавалось не всегда, но не ночевать же, в самом деле, на улице, когда у тебя есть комната в общежитии, тёплая постель, и ты живёшь здесь на законных основаниях! Вот и отметка в паспорте стоит, что ты здесь прописан, пусть временно, но всё-таки здесь, в академгородке Тимирязевки.

Но не тут-то было. Всякий раз желание попасть в своё общежитие для опоздавших становилось целой историей. Договориться с вахтёром было ох как непросто, хотя каждого, кто здесь жил, да не один год, вахтёры прекрасно знали в лицо и по имени-отчеству. Но таков порядок: сказано вход до 23 часов – значит, так и должно быть. Исключений не существует.

Так или иначе проблема, в конце концов, решалась. Кто-то договаривался заранее, кто-то старался понравиться, завести с вахтёрами дружеские отношения. Некоторые не считали зазорным вручить строгим ревнителям правил небольшие подарки в виде шоколадки или домашнего варенья. Конечно, всё это делалось приватно, без посторонних глаз. Иначе, сами понимаете...

На третьем курсе Николай Парахин – уже известная в академии личность, его выбирают начальником студенческого городка, руководителем студенческого совета. Он не сразу понял ту меру ответственности, которая на него свалилась. Это ведь не комсорг группы и даже не комсомольский вожак факультета. Здесь в той или иной степени приходится отвечать за весь многотысячный студенческий отряд академии! Как тут справиться с таким поручением? Переживал, сомневался. Так ведь и учёбу легко завалить, и дело испортить. Но преподаватели и студенты имели на этот счёт иное мнение – они видели в этом невысоком сухощавом молодом человеке очевидные лидерские качества, умение решать различные бытовые и другие вопросы, деловой и хозяйский подход к любой жизненной ситуации. А было ему в то время всего-то девятнадцать лет.

В итоге, если относиться ко всему с практической точки зрения, Парахин получил огромный человеческий и жизненный опыт, опыт работы с большим количеством людей. Разных людей, по характеру, воспитанию, привычкам.

Скажете, просто? Тогда поставьте себя на место начальника студенческого городка и попробуйте сами. Помимо определённых навыков, дипломатии, человеческого участия такая должность

требовала ещё и немало времени. А ведь он, ко всему прочему, ещё и учился, был обычным студентом. И учился очень даже неплохо. Никто никаких поблажек и послаблений ему не делал. Наоборот, спрос с него, как лидера студенческого сообщества, был особый. По-другому и быть не могло.

Правда, он и сам был настоящим фанатом знаний, говорили, что заиклен на них. Его доклады на студенческих семинарах и коллоквиумах, лабораторные работы, курсовые отличались глубоким содержанием и серьёзной, конкретной аргументацией, что неизменно начиная с первого курса отмечали преподаватели практически всех академических дисциплин, стоявших в учебном плане.

В разговорах с ребятами, с кем жил в комнате общежития, он не скрывал, что его главная цель – именно знания. Он хотел знать больше, чем предписывалось программой, и шёл к этой цели методично, упорно, не позволяя себе практически никаких послаблений. Все пять лет, пока не защитил диплом. И дальше, когда уже учился в аспирантуре.

Был ещё один момент, который опосредованно может объяснить, почему ребята, такие как Парахин, так хотели учиться. Не секрет, что многие были из простых семей, из сельской местности, небольших городков и посёлков. Их родители в то время не имели того, чего они, может быть, и заслуживали. По своим способностям, стремлению, пониманию. Но время было такое, возможности у них были другие. Поэтому всё, о чем мечтали родители, чего хотели добиться в жизни, они старались вкладывать в детей, в их развитие, в их будущее, чтобы их ребёнок мог состояться, продвинуться дальше, с помощью образования получил возможность обеспечить себе лучшую жизнь.

Семья Парахиных не была исключением. Василий Борисович и Полина Фёдоровна не просто видели, а всячески поддерживали стремление Николая к учёбе, радовались его успехам и хотели, чтобы он учился и дальше, обрёл специальность. В этом смысле люди думали в какой-то степени и о себе. Ведь учёный сын, вставший на ноги, имеющий достойную работу, это в определённой степени давало гарантию их спокойной старости, что по-человечески понятно и правильно.

Между тем Николай быстро уяснил, что отличная учёба даёт

ему ещё и дополнительные 25 % доплаты. И пусть стипендию государственную он не получал, но доплата ему полагалась. А это, как ни крути, десять–пятнадцать рублей в кармане, которые лишними в Москве никогда не бывают.

Но денег всё равно не хватало. После четвёртого курса появилась семья: он встретил Тамару. А бюджет семейного человека, что ни говори, холостяцкому не ровня. Там, где один может позволить себе обойтись бутербродом, перекусить на ходу, не особенно заботясь о приготовлении более основательных блюд, семейный человек такого «удовольствия» чаще всего бывает лишён именно по той причине, что он теперь никакой не холостяк. Да и жена, если она, конечно, воспитана на традиционных семейных ценностях, ни за что не позволит, чтобы муж перебивался сухим пайком вместо полноценного завтрака, обеда и ужина. Так было и у Парахиных.

Потом в семье появился сын Виктор. Парахины перебрались в семейное общежитие. А так как оба молодых родителя были студентами, на помощь привезли из Бобылёвки Полину Фёдоровну, маму Николая Васильевича. Она к тому времени уже осталась вдовой. Василий Борисович, проживший непростую, полную драматизма и несправедливости жизнь, умер, когда Парахин-младший учился на втором курсе.

Мы уже говорили о том, что Николай, как и большинство его сверстников и товарищей по группе, в которой учился, не скрывал чисто практическую направленность своего обучения. Во всяком случае, это нередко звучало в разговорах, когда ребята делились своими мечтами, где бы они хотели работать, кем стать, какие должности занимать.

Но жизнь, как известно, нередко меняет первоначальные планы, и казавшийся ещё вчера неприемлемым выбор вдруг становится ближе, понятнее, обретает новый смысл и необыкновенную притягательность.

Наверное, ни один из нас на все сто процентов не ответит на вопрос: кто, когда, в какой конкретно момент поселил сомнение, повлиял на то или иное решение, которое изменило все дальнейшие планы, а то и всю последующую жизнь. Если говорить о менявшихся планах Николая Парахина, который, как вы помните, мечтал стать во главе колхоза или занять какую-то важную

должность в той местности, откуда был родом, то всё это произошло не сразу, не вдруг. Шло медленное, системное накопление знаний. Шло осмысление приоритетов, когда перед молодым человеком раскрываются иные пути для собственного развития, раздвигаются, если можно так выразиться, иные жизненные горизонты. И уже «чистая наука», которая поначалу, при первом соприкосновении воспринималась неким непонятным и во многом недоступным явлением, со временем теряет эти качества, становится ближе и, главное, притягательнее. И, что ещё интересно, само образование из области голой теории вдруг во весь рост становится сферой уже практической деятельности, реальным способом приложения своих знаний и сил и уже не кажется неким абстрактным, оторванным от реальной повседневной жизни ресурсом.

Были, конечно, люди из числа преподавателей, умудрённых и знающих жизнь профессоров, которые обращали внимание, бросали какие-то реплики, не скупившись на похвалы старательным и демонстрирующим приличные знания студентам. Дескать, неплохо бы человеку подумать, куда стремиться дальше. Есть данные, есть аналитические способности, интерес к познанию, обобщению, желание докопаться до сути и пойти дальше. Всё это для науки неоценимые качества. А преподаватель Гапонов и профессор Андреев так и вовсе не скрывали, что Парахину, студенту тогда уже четвёртого курса, надо бы всерьёз задуматься об аспирантуре. Если он, конечно, что-нибудь соображает в сегодняшней жизни.

Однако на выбор Николая Парахина пойти в науку, возможно, повлиял даже не кто-то конкретно из преподавателей, руководителей кафедр, профессоров. Скорее всего, сам статус Тимирязевки, высокий уровень научных исследований, огромный объём новой, свежей, нестандартной информации, который окружал студентов. Ну и конечно, имена выдающихся учёных, которые были не только на слуху. Многих студенты видели, как говорится, вживую, слушали, общались, впитывали новые идеи и мысли, которые будоражили, порождали жажду открытий, превращались в амбиции и планы на жизнь.

АКАДЕМИЯ ИМ. К. А. ТИМИРЯЗЕВА

(страницы истории)

Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева (изначально Петровская земледельческая и лесная академия) основана 3 декабря 1865 года распоряжением правительства России. Ещё раньше, в 1857 году, Московское общество сельского хозяйства признало необходимым основать земледельческий институт в имени Петровско-Разумовское под Москвой. 27 октября 1865 года был учреждён устав Петровской земледельческой и лесной академии. В разработке устава принимали участие будущий директор академии доктор ботаники Н. И. Железнов и профессор химии П. А. Ильенков. Согласно параграфу № 1 устава «Петровская земледельческая и лесная академия имела целью распространение сведений по сельскому хозяйству и лесоводству».

В первые годы академия имела всего 2 отделения – сельскохозяйственное и лесное, на которых обучалось около 400 слушателей. В академии преподавались следующие предметы: сельское хозяйство, общее и частное скотоводство, ветеринарные науки, сельское строительство и инженерное искусство, технология сельскохозяйственная и лесных производств, практическая механика, низшая геодезия, химия, физика и метеорология, ботаника, зоология, минералогия и геогнозия, политическая экономия и богословие.

С 1871 года в академии началось преподавание садоводства и огородничества.

В 1903 году ассистент при кафедре земледелия и почвоведения Д. Л. Рудзинский при содействии В. Р. Вильямса на участках опытного поля начал первые планомерные исследования по селекции пшеницы, овса и картофеля, а с 1905 года – гороха. Заложена основа селекционному направлению.

Декабрь 1923 года. Совет народных комиссаров постановил: «Переименовать Петровскую сельскохозяйственную академию в сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева».

С 1936 года академия имеет структуру, в общих чертах совпадающую с нынешней. Научный и учебный потенциал Тимирязевки был так велик, что на её базе в Москве и других городах страны было создано свыше полутора десятков вузов и НИИ. В их числе гидромелиоративный институт, институт инженеров сельскохозяйственного производства, институт рыбной промышленности и целый ряд других.

В годы войны свыше 500 профессоров, преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов, рабочих и служащих академии сражались с врагом в действующей армии, в истребительных батальонах, партизанских отрядах и других соединениях, более 1300 тимирязевцев принимали участие в строительстве оборонительных сооружений, 400 влились в отряды ПВО, свыше 1000 студентов выехали в колхозы и совхозы, заменив ушедших на фронт трактористов и комбайнёров. Более 170 человек не вернулись с полей сражений.

Активное участие учёные академии принимали в освоении целинных и залежных земель. Было обследовано свыше 9 млн га земель, составлены и переданы в производство 232 почвенные карты и картограммы.

В 1977 году академия утверждена учебно-научным центром.

20 июня 2005 года академия получила новый аккредитационный статус и стала называться «Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева».

Сегодня академия не просто научный – это уникальный природно-архитектурный исторический ландшафт в городе Москве. Имущественный комплекс РСГУ-МСХА включает 337 объектов недвижимого имущества общей площадью более 300 тыс. кв. м. В него входят 2 филиала – Калужский и Ереванский, 4 института, 16 факультетов, 100 кафедр, аспирантура, докторантура, Высшая школа агробизнеса, различные центры и лаборатории, опытные поля, технические службы и многое другое.

В академии по программам высшего профессионального образования обучается более 19800 человек. Число профессорско-преподавательского состава превышает 1400 человек, из них более 1000 имеют ученые степени и звания. Появились новые современные специальности: «прикладная информатика», «садово-парковое хозяйство и ландшафтное строительство», «менеджмент, финансы и кредит», «маркетинг» и др.

У Николая, кажется, не было одного какого-то избранного, любимого предмета. Ему интересно было всё, что связано с земледелием: почвоведение, растениеводство, семеноводство. На одном из спецкурсов, по мере усложнения академической программы, студенты проходили луговое хозяйство и кормопроизводство. Вёл этот курс известный учёный, профессор кафедры лугового хозяйства Николай Гаври-

лович Андреев. Его лекции, научные прогнозы и выводы, которыми он оперировал, были во многом неожиданными. Они открывали совершенно иной подход к такой важной проблеме, как выращивание трав для качественного кормления скота, а луговое хозяйство выдвигалось в ряд важнейших условий успешного развития сельскохозяйственной отрасли в современных условиях.

Идеи профессора Андреева зацепили Николая Парахина, что называется, за живое. После лекций, на практических занятиях он постоянно подходил к нему со своими вопросами. Перечитал все его труды, писал по луговодству курсовую работу. И при этом не переставал сокрушаться: как же так, существует столько возможностей разнообразить кормовую базу для дойного стада, а мы в своём колхозе по-прежнему кормим коров соломой! Какие уж тут могут быть надои?!

Однажды, в очередной свой приезд в Бобылёвку, Парахин поделился этой мыслью с председателем колхоза.

Тот, слушая мысли профессора Андреева, вложенные в уста его добросовестного студента, только улыбался и качал головой.

– Всё это так, Николай. Всё это хорошо. Одно плохо: этот твой профессор Андреев когда в последний раз в колхозе бывал? В таком, например, как наш?

– Да я не спрашивал у него. Зачем? – пожал плечами Николай, не понимая, к чему клонит председатель.

– А вот это зря. Надо было спросить. Потому как в голове у твоего профессора одна бумажная теория. Она хороша для науки. А тут, сам видишь, вся наша правда, как есть. Её практическая, как говорится, сторона. Не скоро, думаю, мы от неё оторвёмся.

– Но как же, Тихон Павлович? – не сдавался Парахин. – Просто так, что ли, учёные труды свои пишут? Они же не из пальца все эти примеры берут! Вон, говорят, на Кубани и в Белоруссии такие хозяйства есть, где корма для животных по науке готовят.

– Да, знаем мы эти примеры, Коля, – машет рукой председатель, между прочим, ветеринарный врач по образованию. – Журналы читаем, телевизор смотрим. Только когда это всё к нам доберётся?! Это ж какие средства нужны, чтобы всё переделать?! А своими силами не получится: нет у нас покуда таких возможностей. Вот закончишь учёбу, приедешь сюда и начнешь нашу деревню к порядку приводить. По науке.

Николай и Тамара. Счастливы при любой погоде.

Нет ничего вкуснее студенческой каши!

Надо сказать, что тяга к решению острой проблемы, связанной с производством лучших кормов для животноводства, не ослабевала у Парахина до самого последнего момента. Создание культурных пастбищ на территории Орловской области, внедрение новых более продуктивных сортов и видов травяной растительности, наряду с биологизацией всей системы земледелия, стали основными направлениями его научных исследований и усилий прикладного характера.

А пока он старательно конспектировал лекции профессора Андреева и мечтал о том, что коров на наших орловских фермах и комплексах будут кормить вдоволь и самыми сочными травами, которые в любом количестве будут произрастать на здешних лугах и полях.

По признанию самого Николая Васильевича, именно Николай Григорьевич Андреев не в последнюю очередь подвинул его к мысли продолжить обучение после защиты диплома. Кстати, профессор Андреев ещё во время учёбы Парахина, в 1970 году, стал академиком ВАСХНИЛ, а в 1976-м получил Государственную премию за разработку и внедрение в производство научно обоснованной технологии создания и использования культурных пастбищ. Через несколько лет он был избран почётным президентом Европейской федерации луговодов, что говорит о высоком авторитете ученого среди коллег во всем Старом Свете и оценке его достижений в этом направлении научных исследований.

Но вернёмся к моменту, который связан с решением Парахина продолжить учёбу. Помимо всего того, о чём уже было сказано выше, не последнюю роль здесь, видимо, сыграло ещё самолюбие, когда ты почувствовал вкус к учёбе, почувствовал практическую хватку к научным познаниям, почувствовал, что ты не хуже, а по многим моментам и лучше твоих сверстников, что у тебя получается, а преподаватели без всяких оговорок дают тебе совет идти дальше, идти в науку... Тут волей-неволей начнёшь задумываться: а почему бы, в самом деле, не попробовать, не попытаться? Другие-то пробуют, и ничего. И кандидатские пишут, и защищаются.

Были, разумеется, и сомнения: а сможет ли? Вдруг не получится? Вдруг это вовсе не тот путь, который нужен? Это были вполне нормальные мысли, нормальное состояние, которое испытывает

едва ли не каждый молодой человек перед серьёзным жизненным выбором.

А когда уже этот выбор был сделан и аспирантура из мечты превратилась в реальность, тут уже отступить было некуда. Да и незачем, потому что для Парахина стало очевидным, что он не ошибся. Это его стезя, с которой он ни за что не должен сворачивать в сторону. Но в жизни, как известно, так бывает далеко не всегда.

Между тем стать аспирантом Тимирязевки было не так-то легко. В то время, впрочем, как и сегодня тоже, на кафедру выделяется определённое количество мест. А претендентов, причём самых достойных, может быть много. В любом случае, если у тебя есть желание, да ко всему прочему уже заявлена тема, над которой ты начал работать, и в деканате против твоей кандидатуры никто определённо не возражает, ты становишься конкурсантом.

Но был ещё один немаловажный момент, от решения которого зависело будущее: Парахин являлся колхозным стипендиатом и по правилам того времени после защиты диплома должен вернуться в хозяйство и отработать потраченные на его учёбу деньги. Как быть? Одно дело – твоё желание, твой собственный настрой стать аспирантом, и совсем другое – колхозное руководство, без согласия которого сделать этот шаг никак нельзя.

– Надо поехать, договориться с правлением, – советовали ему. – Ты же не на курорт собираешься, а в науку идешь, работать! Люди поймут, если правильно всё объяснить.

С замиранием сердца Парахин ехал домой, в родную деревню. Рой мыслей крутился в его голове. Одолевали сомнения, страшно было подумать, что случится, если откажут в просьбе. Как буду смотреть им в глаза? Что скажу, какие слова подберу? Поверят ли мне, поймут ли?

По приезде, едва бросив вещи, помчался в контору, нашёл председателя, рассказал ему о своих планах.

– Мне-то понятно, Коля, и я даже рад за тебя, – сказал тогда Тихон Павлович. – Только такой разговор не для меня одного. Вот соберём людей, ты им всё сам и растолкуешь.

Как ни странно, никаких особенных сложностей, неудобных вопросов или упреков на правлении не было.

– Хочу стать учёным, – честно заявил Парахин, стараясь быть максимально откровенным и убедительным. – Чувствую в себе

такую потребность. Буду стараться, чтобы не подвести вас, свою деревню, своих близких. А за помощь, которую мне оказывали все эти годы, отработаю сполна. Вот увидите.

Слова, произнесённые недавним выпускником Тимирязевки, были настолько искренними и так растрогали членов правления, что никто возражать не стал. Вспомнили, что каждый год, приезжая домой на каникулы, Николай с большим желанием помогал колхозу. Ездил с агрономом и председателем на поля, вместе с механизаторами сеял, убирал хлеб, вникал в каждую мелочь, когда нужно подсказывал, делился знаниями. Теперь это ему зачлось, и, недолго дискутируя, правление разрешило Николаю Парахину пойти в аспирантуру.

– Дерзай, Коля, – благословил его Тихон Трофимов, подводя итог обсуждению. – Будем ждать теперь твоих научных успехов. Старайся, как ты делал это всегда. Может, станешь первым в нашей деревне кандидатом наук, а может, и до профессора дорастёшь. А что? Разве не так? Что мы хуже других?

Знал бы в тот момент колхозный председатель, давший возможность простому деревенскому пареньку окончить одно из лучших учебных заведений страны, какими пророческими окажутся эти его напутственные слова. Пройдут годы, и имя академика Парахина будут с гордостью называть не только в районе, но и далеко за пределами всей Орловской области. Он не обманул ожидания своих односельчан, своих земляков, сторицей вернул тот аванс, который получил, обучаясь в академии имени Тимирязева.

– Нет, мы всё-таки счастливые люди, – делится своими воспоминаниями однокурсница Николая Васильевича Лидия Павловна Степанова. – А счастливы, прежде всего, потому, что, не имея большой поддержки со стороны родителей, которые жили вероятно скромно даже по тем временам, мы смогли своими силами, прилежанием, старательностью в учёбе и дальше, в своих поисках, исследованиях чего-то добиться, достичь определённого положения, вложить свою лепту в вузовское образование, подготовку кадров для села, в аграрную науку.

Едва ли Полина Фёдоровна, мама Николая Васильевича, в полной мере понимала, что такое аспирантура, когда он ей сказал, что продолжит учёбу, и для чего она нужна. Раз сын решил, значит, так надо, он лучше знает.

В аспирантуре учились тогда три года плюс один год – в практикантуре. После защиты диплома для тех, кому рекомендовали стать аспирантом, отводился год этой самой практикантуры. Будущих аспирантов оформляли работать на кафедры, но времени на раскачку не было – буквально сразу будущие учёные начинали делать свои первые исследовательские шаги по выбранной теме. В течение года каждому предстояло сдать кандидатские экзамены, или кандидатский минимум, как называли его в обиходе, и при удачном исходе дальше уже шла непосредственная учёба по аспирантской программе.

Тему научных исследований, а значит, будущей кандидатской, по всей вероятности, обсуждали и выбирали вместе с научным руководителем и куратором группы Олегом Гапоновым, она касалась растениеводства и стала логическим продолжением дипломной работы Парахина, за которую он получил высший балл.

Необходимые материалы собирались и накапливались в ходе проводимых опытов, что-то могло пригодиться из реальной колхозной практики, но немного, поскольку делать серьёзные исследования и обобщения при отсутствии чёткой системы земледелия и растениеводства в реальном сельском хозяйстве тех лет с точки зрения науки было невозможно. Разве что использовать какие-то данные в качестве дополнительного материала или примеров того, какие допускаются ошибки и как делать не надо.

Тимирязевка располагала достаточным потенциалом для всевозможных правильных исследований. Здесь имелись опытные участки, даже огромные естественные поля, на которых выращивались различные культуры, проводились научные эксперименты, разнообразные опыты. А как иначе? Иначе нельзя. Какие же отсюда выйдут учёные, если материал окажется неточным, поверхностным, да ещё не отработанным в полевых условиях на все сто процентов от научного задания?! Это же потом обобщается в научных трудах, монографиях, выдаётся в качестве образца, своего рода эталонного свидетельства для практического использования в реальных условиях колхозной и совхозной системы.

Всевозможных экспериментов и опытов в академии проводилось во все времена великое множество. До сих пор, например, сохранился опыт известного учёного, академика Василия Робертовича Вильямса с различными растениями в полевом

севообороте с применением неодинаковых доз удобрений. И без удобрений. Этот, можно сказать, уникальный научный эксперимент, имеющий огромное практическое значение, длится уже десятки лет. И, по всей вероятности, закончится не скоро, учитывая многие факторы в развитии теоретического и практического земледелия и растениеводства, мощных селекционных открытий в семеноводстве, сельскохозяйственном машиностроении и так далее.

О чём это говорит? Уже тогда, пятьдесят с лишним лет назад, применялись севообороты с использованием минеральных удобрений. А где-то, на опытных участках, в НИИ, в той же Тимирязевке, проводились практические опыты без применения минеральных удобрений, вместо них использовались посевы многолетних трав, что можно считать революционным шагом в земледелии. Или запахивались сидеральные культуры, что сегодня является едва ли не обычной сельскохозяйственной практикой. Но тогда это были всего лишь первые опыты, начальные шаги. В колхозах и совхозах необъятной страны в условиях реального производства такая система не применялась.

Для студентов и аспирантов Тимирязевки само участие в таких опытах, какие проводил в своё время академик Вильямс и продолжили его последователи, было огромной удачей, и те, кто не ездил на практику в конкретные хозяйства, пропадали здесь целое лето. Технику для работы на тимирязевских полях поставляли специальную, маленьких размеров. Таким же было и всё остальное – сеялки, плуги, бороны, косилки, поскольку на опытных участках, имеющих небольшие размеры, где размещались разные культуры, развернуться на обычных, больших тракторах и машинах не представлялось возможным.

Немаловажным условием для студентов были и занятия в научных кружках. Нет, насильно сюда никто никого не тащил. Это было добровольное дело. Но именно здесь выявлялись наклонности, интересы молодых людей, в том числе их тяга к науке.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что из академии выходили вовсе не теоретики, освоившие большой объём знаний и наполнившие себя ими – это были уже в немалой степени практики, имеющие хорошие навыки в обращении с почвообрабатывающей, посевной и уборочной техникой, знающие, какой

прицепной инвентарь на какую операцию необходимо применить. И, ко всему прочему, увидевшие разные способы и методы работы с землёй, познавшие немалые секреты получения достойных урожаев, знающие, что ресурсы плодородных полей не безграничны и важно беречь и приумножать это бесценное богатство, данное нам природой.

Самым активным поборником этой идеи, оставшимся верным ей до конца своей жизни, был Николай Васильевич Парахин. Понимая значение химии в достижении стабильных урожаев, защите растений от вредителей и болезней, он в то же время не был сторонником бездумной химизации земледелия, в своих работах обращал внимание на то, что это приведёт к серьёзным, может быть, даже катастрофическим последствиям. Вместо этого он активно продвигал и всячески способствовал внедрению в аграрное производство практики биологического земледелия. Впервые само понятие, саму идею и этот разумный вариант работы с землёй он услышал на занятиях научного кружка в Тимирязевской академии, который посещал регулярно.

Впоследствии именно Парахин станет по существу основоположником метода биологизации в растениеводстве, который он всесторонне обоснует и придаст ему строгое научное направление. Но, как водится, споры и дискуссии вокруг этой темы, как вообще вокруг всего нового, продолжаются. Сторонники активного применения химии в земледельческой отрасли, а за ними нетрудно разглядеть фигуры лоббистов, владеющих огромными мощностями по производству минеральных удобрений, не перестают утверждать, что иного пути для достижения стабильных урожаев в современном мире не существует. Но это не так.

Василий Робертович ВИЛЬЯМС (1863–1939 гг.) – выдающийся российский и советский учёный, академик Академии наук СССР, создатель травопольной системы земледелия, автор многочисленных трудов по агрономическому земледелию.

Что показал анализ протоколов

Профессор Орловского государственного аграрного университета Лидия Павловна Степанова в течение года работала над анализом протоколов Россельхознадзора, который провёл мониторинг плодородных земель, получающих высокую долю неорганических удобрений. Вывод был сделан один: бездумное увлечение химией на полях приводит к изменению структуры почвы, её засорению и оскудению.

– Когда нам говорят про Китай, про Европу, – замечает Лидия Павловна, – дескать, там вносят в почву по 300, по 600 кг действующего вещества на гектар, а в России немногим больше 100, тут нужно оговориться. В тех же Нидерландах, которые являются в Европе рекордсменом по внесению минеральных удобрений (не менее 600 кг/га действующего вещества. – *Прим. авт.*), задаёмся вопросом: почему они это делают? И ответ лежит на поверхности, его не нужно искать в серьёзных научных трудах и обоснованиях: они просто вынуждены так поступать, иначе на их очень бедных каменистых почвах никакого урожая не будет. Но нам-то в России зачем такое «счастье»?! В Нидерландах вся химия за одно лето и вымоется – можно вносить ещё хоть тысячу килограмм. А наша почва, имеющая суглинистый, глинистый состав, те же наши чернозёмы с мощным гумусовым слоем, будет накапливать в себе химические вещества, поскольку вымыть их при такой плотной структуре очень сложно. И к чему это в итоге приведёт?

Казалось бы, ответ очевидный. Ан нет. Мы продолжаем делать ставку на химию, мало беспокоясь о том, что будет с нашим плодородным культурным слоем земли.

Глава 4. В ОРЛЕ

| Выбор

Златоглавая наша столица, вне всякого сомнения, замечательный город, лучший город земли, как поётся в одной известной песне. Во все времена своей долгой и несравненной истории Москва манила к себе, притягивала, как магнит, всякого, кто хотел отличиться, прославиться, сделать карьеру, занять положение в обществе. Покорить Москву мечтали деловые и азартные люди, артисты и художники, врачи и учёные. Сюда ехали со всех уголков страны в надежде получить достойное образование, найти приличную работу. Московская прописка, московская квартира, столичная жизнь для многих были пределом мечтаний, а порой едва ли не главным смыслом существования.

Спору нет, Москва очаровывает, захватывает, меняет привычный уклад и даже самого человека, заставляет подчиняться её законам, её своенравному характеру, её безудержному ритму. Однако будем откровенны: не всегда и не всех.

Николай Парахин в общей сложности прожил в Москве не меньше пятнадцати лет. Сначала учился в Тимирязевской академии, потом работал на разных значимых должностях, в высоких кабинетах. Но так и не признал столицу тем местом, к которому навсегда прикипают душой, откуда больше не хочется никуда уезжать. Была ли тому причиной его привязанность к размеренной и вольной жизни за пределами Садового кольца, его психология человека, вышедшего из гуши простого народа, которому этот простой народ и ближе, и понятнее? Трудно сказать. Но в частных беседах, в разговорах с друзьями он иногда признавался, объясняя своё решение вернуться в Орёл, что Москва зажимала, придавливала нескончаемой суетой, вечным движением, когда невозможно остановиться, оглянуться, осмыслить ту

часть пути, которая уже осталась за спиной. Однажды он выразился в том смысле, что Москва напоминала ему несущийся поезд, который никогда не знает остановок.

Ему, как воздуха, не хватало родных орловских просторов, писал в газетном очерке один российский журналист, не хватало наших среднерусских берёзок, полей с поспевающим хлебом и жаворонками в летнем прозрачном небе. Эти картины и образы отложились в его душе, в памяти сердца с самого раннего детства. Они согревали и радовали, потому что в них было тепло домашнего очага, родительский дом, близкие люди, ребята и девочки из его маленькой Бобылёвки и соседних деревень. И ещё, может быть, потому, что он оказался не из тех людей, кто быстро адаптируется к новому месту, как-то умудряется приспособиться к новым условиям, забывает о своих корнях.

А ведь в его судьбе всё могло повернуться иначе. В годы студенчества и потом, когда уже защитил кандидатскую, жизнь не единожды ставила его перед выбором: или остаться в столице, стать москвичом, или вернуться туда, откуда уехал, хотя бы и в новом каком-то качестве, с дипломом агронома в кармане и желанием употребить полученные знания на пользу родному краю.

После третьего курса именно ему, как лучшему студенту факультета, решением ректората и преподавательского коллектива академии выделили единственную квоту на учёбу в США, в одном из престижных вузов. По тем временам событие экстраординарное, поскольку поехать и продолжить обучение за границей, тем более в Соединённых Штатах, мечтали многие, а счастливыми оказывались единицы.

Когда Парахина пригласили в деканат, чтобы сообщить эту новость, все полагали, что молодой человек обрадуется, будет сиять от счастья. Ещё бы! Это же надо, как повезло! А он взял и отказался. Конфуз, да ещё какой...

Дело дошло до ректора, которым в ту пору был академик ВАСХНИЛ, профессор кафедры растениеводства Иван Семёнович Шатилов. Разговор был недолгий, времени на пространные беседы у ректора не было. Но удивительным оказалось то, что доводы руководителя академии к нужному результату не привели. Студент их как будто не слышал, ссылаясь на одинокую мать, которой будет трудно, если сын уедет далеко и надолго.

– Да что я там забыл?! – оправдывался Николай перед друзьями и сверстниками по курсу уже после того, что случилось. – Не хочу я никаких Америк, мне и здесь хорошо...

Был ли это страх перед далёкой и малопонятной страной, с которой у нас всегда были не самые лучшие отношения, или просто нежелание что-то менять, наверное, знал только он один. Но факт остаётся фактом: Парахин остался в Москве, а вместо него в Америку поехал другой человек.

Второй такой случай произошёл в 1976 году, сразу после защиты кандидатской, когда уже другой ректор учебного заведения, а им являлся на тот момент член-корреспондент АН СССР, профессор Пётр Петрович Вавилов, также имел разговор с новоиспечённым кандидатом наук Николаем Парахиным.

Николай Васильевич позже вспоминал, что Вавилов, по-видимому, был наслышан о том эпизоде с заграничной учёбой, а потому рассчитывал, что повторного отказа не последует, поскольку это было бы слишком. В Америку не поехал, это ладно, по молодости чего не бывает. Но теперь-то, надо думать, подрос, повзрослел. Кандидатскую написал, защитился. Словом, Вавилов был абсолютно уверен: на этот раз предложение Парахин примет без всяких вопросов. Чай, не каждому выпадает подобная честь – оказаться в славном коллективе преподавателей и учёных Тимирязевки.

– Ну, что молодой человек, – начал ректор радушным и вполне себе дружеским тоном, как будто речь шла о деле давно решённом. – Не знаю, если уж честно, ваших намерений, а вот что касается своих, то скрывать не стану: мы предлагаем вам остаться в Москве, в нашей замечательной Тимирязевской академии. На той же кафедре, на которой вы ведёте научную работу.

Пётр Петрович сделал паузу, словно давая возможность своему молодому собеседнику переварить услышанное. А потом продолжил:

– Я ознакомился с вашей кандидатской. Тема весьма перспективная, но её следует развивать. Именно развивать и двигаться дальше. А что для этого нужно? Две вещи: желание и настойчивость. С вашей, разумеется, стороны. Условия для этого есть, да вы и сами всё видите. Так что милости просим, оформляйтесь на работу в качестве преподавателя. Остальное, как говорится, в ваших руках.

Парахин замялся, но тут же взял себя в руки и покачал головой.

– Спасибо огромное, Пётр Петрович, но у меня другие планы. Я решил вернуться к себе на родину.

– На родину? – не поверил Вавилов. – Это как?

– Да, у меня там мама. Она одна осталась, ей тяжело. И потом... Вы знаете, год назад в Орле отрылся сельхозинститут. Я недавно ездил, заходил к ректору. Он очень просил, чтобы я приехал. Меня там ждут.

Отказ Парахина и его желание поехать в Орёл Петра Вавилова не просто ошаршили, но даже обидели.

– Мальчишка! – неожиданно вспыхнул он. – Ты понимаешь, что говоришь?! Ты только подумай, от чего отказываешься? Да весь твой институт в Орле меньше одного нашего факультета! Какие там перспективы?! Какая наука?! Ты же просто закончишься как учёный!

Действительно, открывшийся год назад Орловский сельскохозяйственный институт представлял собой два небольших факультета, где готовили агрономов и зооинженеров, с общим числом студентов не более 75 человек. Размещался новоиспечённый вуз в скромном корпусе на улице Красноармейской, и перспективы его в тот момент могли видеть разве что самые отчаянные оптимисты. Но, может быть, именно то обстоятельство, что история вуза только ещё начинается, что он делает первые свои шаги, и привлекало молодого кандидата наук? Да, Тимирязевка, без сомнения, это научный космос, любой и каждый выпускник посчитал бы за счастье остаться здесь и проявить себя на преподавательском поприще. Рядом с опытными наставниками, маститыми учёными легче сделать карьеру, влиться в учёную среду, заслужить признание, добиться успеха.

Парахин рассуждал по-другому. Ему хотелось попробовать самому, самому сделать что-то стоящее, опираясь на те знания, которые накопил за все эти девять лет, проведённых в стенах академии. Идти своей дорогой, непонятной, неясной пока ещё даже для самого себя, но той, которая звала и казалась ему единственно правильной.

Он считал, что именно здесь, в Орле, можно по-настоящему себя проявить, сделать больше, нежели в уважаемой, отлаженной столичной академии. И ринулся в эту неведомую реальность со всем своим темпераментом.

Готовясь к разговору с академиком Вавиловым, он много думал о том, как поступить. Решение оказалось нелёгким, но оно было принято. И отступить от него он уже хотел.

Москва, в которой прошли девять незабываемых лет, наполненных важными событиями, неожиданными поворотами в его молодой еще жизни, знакомством с удивительными людьми осталась позади. Вечерний поезд, стуча по рельсам колесами, уносил его навстречу новой, теперь уже полностью самостоятельной жизни. Что-то ждёт его там, впереди? Как примут в новом коллективе? Не станет ли жалеть, что не послушался многоопытного Петра Петровича Вавилова, академика Андреева, знаменитого луговода и наставника, которые не советовали ему зарывать стремление к научному поиску в заштатном провинциальном вузе, где ни базы, ни условий для роста практически никаких?

Ректор Орловского сельхозинститута Давид Борисович Дунаевский, с которым он успел познакомиться раньше, встретил молодого специалиста очень приветливо.

– То, что есть семья, это хорошо, – сказал он, поднимаясь навстречу в своём небольшом кабинете. – С вашей супругой мы уже говорили, оформим её на тот же агрономический факультет, что и вас. Пока их всего два, как вы знаете, но планы у нас большие. А что касается жилья, то и этот вопрос решён. Будете жить в семейном отсеке жилого дома, которое выделило институту под общежитие руководство области.

Преподавательская работа в первый год не давала Парахину той нагрузки, к которой приучила Тимирязевка. Там даже так называемые аспирантские часы казались ему гораздо насыщеннее, динамичнее. А тут... Одна пара в день, две-три пары в неделю – не так уж густо для кандидата наук. Но учебный план в институте к тому моменту был уже свёрстан, а вносить в него какие-то изменения до конца семестра едва ли кто разрешит. Вот разве что с нового года...

Разных идей в голове было много. Хотелось сделать то, попробовать это. Но как тут развернёшься, если весь институт – всего лишь два начальных курса, семь десятков студентов на очном отделении и столько же на заочном? Правда, появилось вечернее отделение, но даже с учётом этого нагрузка была отнюдь не

такой, на которую можно было рассчитывать. Имелись, конечно, и плюсы. Учебный график позволял, к примеру, лучше готовиться к лекциям, использовать дополнительный материал, специальную литературу, научные труды, которых в скромной библиотеке Орловского СХИ на тот момент ещё не было, оттачивать преподавательские навыки. Да и строить планы на будущее тоже.

Бывшие студенты тех, первых выпусков вспоминали, что нередко на лекциях и семинарах Парахин выходил за рамки учебной программы. Как бы невзначай заводил разговор о будущем нашего села, его перспективах, рассказывал о новых подходах в земледелии, семеноводстве, производстве кормов. Приводил примеры успешных хозяйств, число которых в разных концах страны росло с каждым годом. И особенно упирал на то, как, взаимодействуя с наукой, можно коренным образом изменить ситуацию к лучшему не только в отдельно взятых колхозах и совхозах, но и во всей отрасли. Любил подискутировать, поспорить с ребятами на какую-то тему, которую, как правило, сам выбирал и сознательно запускал в аудиторию. Хотел, чтобы студенты учились правильно выражать свои мысли, не ограничивались только общими рассуждениями, а подкрепляли их конкретными аргументами, реальными фактами. Сам при этом говорил убедительно, с неизменным эмоциональным содержанием и кучей интересных примеров.

Разумеется, студентам это нравилось больше, чем повседневные узкоспециальные темы, ребята слушали Парахина, открыв рот – настолько необычной, завораживающей была в такие минуты его речь. Но всякий раз, зажигая аудиторию, Николай Васильевич умел вернуть слушателей на место, в сиюминутную реальность.

– То, что я вам сейчас рассказал про новые сорта и перспективные способы обработки земли, – напоминал он, – всё это обязательно будет, потому что жизнь не стоит на месте. Именно нам с вами, всем вместе предстоит внедрять это на колхозных и совхозных полях. Но для этого нужно учиться, накапливать знания, разбираться в тонкостях профессии, которую выбрал каждый из вас.

Ему было интересно с молодёжью. Разговаривать о простых и сложных вещах. О жизни, планах, мечтаниях. Он обязательно знакомился с каждым студентом, расспрашивал, кто откуда приехал, из

какой семьи, что повлияло на выбор профессии. И не скрывал своей радости, когда слышал искренние, порой наивные ответы вчерашних школьников, в которых не было ни позёрства, ни фальши. Сам не стеснялся при этом рассказывать о себе, своей семье, своих родителях – простых сельских людях. О том, как учился в школе и жил в интернате. Как хотел стать авиатором, да передумал и поступил в Тимирязевку. Чтобы помогать нашему сельскому хозяйству развиваться, готовить кадры для села, которые смогут изменить ситуацию к лучшему и на полях, и на фермах.

По его собственному признанию, ему совсем не нравилась скучная, однообразная жизнь, которой жили студенты института. Конечно, условий для развлечений, раскрытия талантов и творческих способностей было немного. Но ведь тем же спортом можно заниматься на свежем воздухе, ходить на городской стадион. А кружки художественной самодеятельности никто не запрещает проводить в учебных аудиториях. Главное, захотеть, не лениться, заставлять себя делать больше, чем предписано учебной программой.

Очень быстро, сам того не замечая, Парахин стал заводилой и активным участником спортивных мероприятий, молодёжных вечеров, музыкальных дискотек. У него получалось, и ему, без сомнения, это нравилось. К молодому преподавателю потянулись все, кто мечтал не только корпеть над учебниками и грызть гранит науки. Молодежь хотела отдыхать, развлекаться – одним словом, жить полноценной, насыщенной жизнью. В конце концов, это же студенчество – самая незабываемая, неповторимая пора!

Руководство института оценило это качество недавнего выпускника Тимирязевки, его неформальный подход к организации досуга студенческой молодёжи. А когда встал вопрос о выборах комсомольского вожака, оказалось, что лучшей кандидатуры искать и не надо.

Так, едва успев закрепиться на преподавательском поприще, Парахин стал во главе комсомольского актива сельхозинститута. И это неважно, что по численности организация не входила даже в первую десятку в своём Советском районе. Но учитывая, что работать спустя рукава он не умел, очень скоро молодёжь института стала заметно проявлять себя в масштабах города и всей области. «Сельхозники», как в шутку называли студентов института в

кулуарах городских комсомольских кабинетов, с удовольствием участвовали во всех значимых мероприятиях, которые проводили райком и горком комсомола. Субботники по уборке и озеленению города, трудовые и патриотические вахты в честь юбилейных и знаменательных дат, молодёжные десанты в подшефные хозяйства на уборку урожая картофеля, сахарной свёклы, яблок, спартакиады и межвузовские спортивные турниры, конкурсы самодеятельности и творчества – всё это постепенно стало нормой в работе институтского комсомола.

Работавшие с ним в ту пору преподаватели отмечают: по своей природе, по характеру и той энергетике, которая была в нём заложена, Парахин всегда был лидером, это было видно каждому, кто с ним хотя бы накоротке пересекался. Он был прирождённым вожаком, очень способным организатором, умел быстро и грамотно объединять людей. Ему верили, за ним шли, но не потому что он был красноречив и убедителен в словах. Это был настоящий кладёзь идей: любой праздник, спортивное мероприятие, день отдыха – у него обязательно найдётся какой-то нестандартный поворот, интересная мысль, нетривиальный сюжетный ход, такое дело или соревновательный момент, в котором непременно хочется поучаствовать. Как правило, всё выходило забавно и очень весело. То ли это был конкурс частушек и четверостиший на сцене, конкурс на самую смешную историю из деревенской жизни, бег в мешках или перетягивание каната с участием и ребят, и девочек в ходе спортивного праздника и много всего другого, что исключало скуку на лицах, где требовалось участие всех. Именно это и привлекало студенческую молодёжь. За ним шли, потому что чувствовали его равнодушие к любому делу, за которое он брался, его искреннее, не показное отношение к поручению.

Деятельного комсомольского вожака быстро заметили в городе. Его включают в состав сначала райкома, а затем горкома комсомола. Ему доверяют руководство серьёзными общественными акциями, дают слово на городских и областных молодёжных форумах. С присущим его характеру темпераментом он рассказывает о делах небольшой по сравнению с другими комсомольской организации института, предлагает инициативы, выдвигает идеи, которые, как правило, носят не абстрактный, а вполне конкретный характер. Например, о формировании комсомольско-моло-

дѣжных звеньев на обработку полей, уборку урожая. Или студенческих отрядов на строительство зернотоков, складов и другой инфраструктуры на селе. И пусть эти идеи в масштабах страны уже не были новостью, в нашей области такая работа только ещё делала первые шаги. Ему хотелось ускорить процесс, придать ему больший размах и обязательно быть в первых рядах.

Для опытных партийных и комсомольских функционеров, людей, облечѣнных властью, такие активные и целеустремлённые люди мимо не проходили. Организаторский талант комсомольского вожака Орловского сельхозинститута заметили, дали свою оценку, присмотрелись, навели, как говорится, необходимые справки. И в один какой-то момент Николая Парахина пригласили в обком партии на беседу. Молодому человеку, который только-только вышел из комсомольского возраста, поступило предложение, от которого отказаться было нельзя. Ему предложили работу в областном комитете партии.

Давид Борисович ДУНАЕВСКИЙ (1929–1981 гг.) – основатель и первый ректор Орловского СХИ, на посту руководителя вуза он находился с момента открытия учебного заведения до мая 1981 года.

Всю свою жизнь Давид Борисович отдал орловской земле и аграрной науке. Кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», заслуженный работник сельского хозяйства, выдающийся организатор и педагог.

«Хотел бы особо сказать, что во главу угла Давид Борисович ставил материально-техническую базу. С первого дня открытия института он обеспечивал преподавателей, которые приходили работать в вуз, необходимым жильём, заботился о студентах, как никто другой. Ни один вуз в те годы не только здесь, в Орловской области, но и за её пределами, не смог сделать такого общежития, какое есть сейчас в нашем СХИ, сегодняшнем аграрном университете. Давид Борисович назвал его удивительно точно – дом студентов» (из речи Николая Васильевича Парахина на

открытии мемориальной доски в честь первого ректора СХИ Д. Б. Дунаевского на главном фасаде учебного корпуса факультета агробизнеса и экологии 21 октября 2013 года).

Давид Борисович являлся автором более 60 научных работ, имел 14 авторских свидетельств. Его всегда отличали высокая работоспособность, деликатность и настойчивость в достижении поставленной цели. Он мечтал, чтобы на месте небольшого института вырос крупный университетский комплекс, учебно-научный центр России. Его мечта сбылась.

| Он был человеком с амбициями

Собирая материал для этой книгой, в ходе встреч и бесед с разными людьми, которые близко знали либо близко были связаны с Парахиным по совместной работе, многим из них я задавал один и тот же вопрос: «А так ли необходим был Николаю Васильевичу партийный опыт? И какое значение он имел для него в плане карьеры, продвижения по служебной лестнице, формирования позиции, мировоззрения, отношения к жизни?»

Понятное дело, точно ответить на этот вопрос мог бы единственный человек – сам академик Парахин. Но, во-первых, его об этом напрямую никто никогда не спрашивал. А во-вторых, он так или иначе на него отвечал. И отвечал не словами, а прежде всего отношением к делу, к той работе, которую ему поручали.

В этом смысле мне показалась весьма характерной оценка, которую дал Парахину бывший заместитель губернатора Орловской области по кадровой работе Михаил Георгиевич Михайлов, который был знаком с Николаем Васильевичем на протяжении долгих лет.

– Парахин не был карьеристом в том смысле, который воспринимается негативно. То есть не стремился любой ценой сделать карьеру, продвинуться по служебной лестнице. Но он был по-хорошему человеком с амбициями, много работал, был въедливым, требовательным, и в первую очередь к себе. Имел широкий кругозор в вопросах сельского хозяйства, обладал хорошим предвидением развития каких-то процессов, направлений, опирался не просто на интуицию, а оперировал фактами, научным обоснованием этих процессов. У него всегда было своё мнение по многим вопросам, которое он не боялся отстаивать на любом уровне. Не заметить в нём этих качеств и не оценить не могли. Поэтому и выдвигали на различные должности. Он не всё принимал, но если соглашался, то работал изо всех сил, иногда, может быть, в ущерб и отдыху, и здоровью, даже своей семье, которую очень любил.

Михаил Георгиевич вспоминал, что первое знакомство с Парахиным произошло в тот момент, когда он только что стал работать вторым секретарём Свердловского райкома партии.

– Была зима, – рассказывает Михайлов, – первый секретарь райкома уехал в отпуск, я остался за него. Помню, день был такой: пурга, метель, заносы кругом – ни пройти ни проехать. Сажу в кабинете, просматриваю бумаги. Звонит телефон. На другом конце провода звонивший представляется: «Это новый куратор вашего района и новый инструктор сельхозотдела обкома партии Николай Парахин. Хотел бы завтра к вам приехать, познакомимся, поговорим о делах. Если, конечно, не возражаете. Ну и заодно побываем в одном из хозяйств».

Я, разумеется, как могу возражать? Завтра среда, в области традиционный день животновода, когда практически все работники обкома и облисполкома, да и многих других служб и ведомств, выезжали в закреплённые колхозы и совхозы во все районы области. Такая тогда была практика не только у нас – по всей стране. Но, глядя на то, что творится за окном, осторожно пытаюсь

обратить внимание нового обкомовского инструктора на погодные условия. Мол, поездка в хозяйство может не состояться, поскольку к утру дороги окончательно заметёт – не проехать.

А он мне так бодро, уверенным голосом в ответ: «Ничего, проедем».

К утру метель не утихла. Парахин приехал, молодой, худенький, шустрый такой, на месте ему не сидится. Поздоровался и тут же спрашивает: «Ну что, Михаил Георгиевич, куда поедем?» Я ему опять: «Да все замело кругом, бульдозеры начали чистить дороги, но их тут же опять заметает. Не пробьёмся через сугробы».

Он смеется, машет рукой: «Ничего, нам не привыкать. Или мы в деревне не жили, сугробов не видели? На узике да не пройдем?! Быть такого не может!»

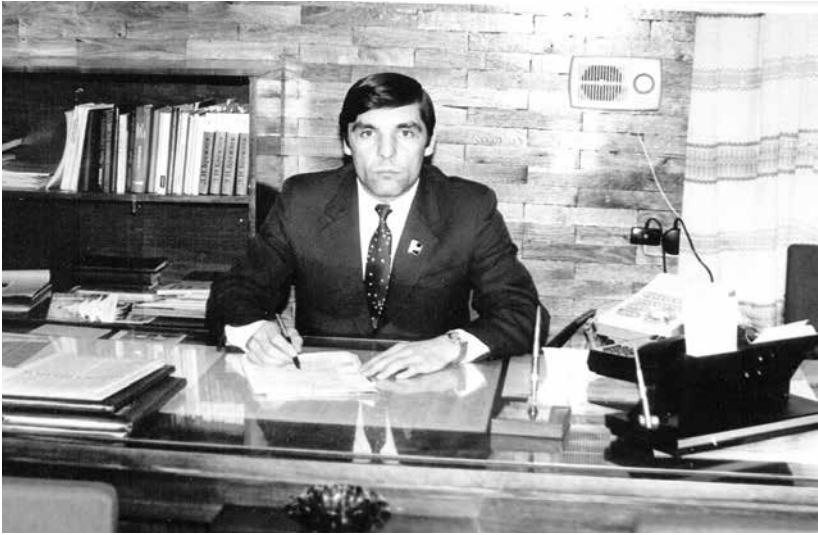
Отправляемся в колхоз имени Мичурина. На полпути застряли. Лопатами выгребаем снег из-под колёс, толкаем машину. Он вместе со мной, заправски так помогает, ведёт себя, как будто только и делал всю жизнь, что машины из сугробов вызволял. И ведь доехали. Парахин вылез из кабины, смеётся: «Ну вот, а ты сомневался! Прорвались! Что нам снегопад?! Так, небольшое препятствие!»

Он был доволен, что не отступил, не испугался трудной дороги. Побывали с ним на ферме, поговорили с людьми, обсудили проблемы.

Скажу так: в этом эпизоде он весь как на ладони – упёртый, непреклонный. Если что решил, поставил перед собой цель – будет идти к ней, невзирая ни на какие трудности. Таким, собственно, оставался всю жизнь.

Теперь иногда слышишь досужие рассуждения о тех советских временах, продолжает Михайлов. Дескать, глупость всё это – дни животновода, поездки партийных и прочих чиновников на фермы. Что это давало? Да ничего. Пустая, мол, трата времени и сил.

Всё это неправда, не так. Были, конечно, какие-то издержки, холостые обороты в таких поездках. Но было и много полезного. Помогали сельским жителям решать не только чисто производственные вопросы, но и то, что касалось организации быта, отдыха людей, тех же животноводов. После таких визитов на фермах появлялись красные уголки со всеми удобствами, теплом, душевые с горячей водой. Врачи приезжали в хозяйства по графику,

Ректор Орловского СХИ за рабочим столом, 1982 г.

торговля привозила свою продукцию, которой не было в сельских магазинах. Всё это люди видели, воспринимали такую помощь с благодарностью, ценили внимание к себе, своему непростому, зачастую ручному, слабо механизированному труду. Животноводческая ферма, она ведь не сама по себе, не отдельная структура. В зимние месяцы это же по существу центр всей колхозной или совхозной жизни. Всё хозяйство в такой период крутилось вокруг животноводства. Здесь круглые сутки идёт работа, и трудятся на ферме не только доярки, но и много других людей – механизаторы, которые подвозят корма, слесари, электрики, ветеринар, зоотехник и так далее. Здесь был своеобразный неформальный агитпункт, информационный центр местной жизни, как сказали бы сейчас. На ферму часто приходили люди, совершенно не связанные с животноводством. Просто посмотреть, пообщаться, обменяться новостями. Тем более народ собирался именно здесь, когда приезжали представители областной власти, «обкомовские», как говорили в народе. К ним всегда можно обратиться с просьбой, пожаловаться, рассказать о проблемах, которые волнуют жителей конкретного села или хозяйства.

Иногда, уже в наше время, приходилось слышать, что сельские жители, дескать, боялись говорить правду, что-то просить у начальства. Враньё всё это! Не только не боялись, но порой так резали правду-матку, что хоть уши затыкай и прячься от этой правды. Другое дело, что возможностей решить проблемы, связанные, скажем, с механизацией животноводческих про-

цессов, обустройством жизни и быта в селе, было недостаточно. Это теперь доильные установки на фермах и комплексах, молокопроводы и прочая механизация. В те времена всё обстояло иначе, а людей надо было поддерживать, хотя бы добрым словом, морально. В чём, собственно, и заключалась главная идея дней животновода.

Во время таких посещений животноводческих ферм представителей власти, помимо всего прочего, интересовали и такие моменты, как кормление животных, их рацион, качество приготовления кормов. Разумеется, человек, окончивший Тимирязевку, который к тому времени уже защитил кандидатскую диссертацию, подходил к таким вопросам не просто со знанием дела, а как бы старался включать сюда науку. Неслучайно впоследствии одним из ведущих направлений научных поисков Николая Васильевича Парахина станет кормопроизводство, луговое хозяйство, возделывание трав как основы питательного корма животных, отчего напрямую зависит уровень их продуктивности. То есть те самые вопросы, которые тесно связаны с животноводческой отраслью.

Было у него, помимо многих других качеств, одно очень важное достоинство, которое отмечали все, кто его знал: он всё схватывал на лету. Любую новую информацию, интересную идею, какой-то разумный подход. И был ещё, ко всему прочему, очень въедливым, можно даже сказать, дотошным человеком. Во всём: и в научной работе, и в организации учебного процесса в своём вузе. Думаю, что и в обычной жизни тоже. Если его заинтересовал какой-то вопрос и его нужно досконально изучить, докопаться до самых корней, до сути, он это сделает. В этом можно было ни секунды не сомневаться. И если уж осмыслил в голове какую-то идею, был убеждён в её разумности, использует все возможности, все ресурсы – и свои, человеческие, и те, что зависят не только от него – чтобы её осуществить.

В этом плане очень показательна история с учреждением учхоза «Лавровский» – одного из первых и очень значимых, как бы сейчас сказали, проектов, который от начала и до конца принадлежал ему. Это было действительно его детище, сыгравшее очень важную роль в становлении и развитии образовательного процесса и всего Орловского сельхозинститута.

Глава 5.

ИСТОРИЯ УЧХОЗА «ЛАВРОВСКИЙ»

Назначение

В 1982 году 31-летнего кандидата наук Николая Парахина, занимавшего к тому моменту должность заместителя начальника отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности областного комитета партии, назначают ректором Орловского СХИ.

Инициатором назначения был секретарь обкома по сельскому хозяйству Егор Строев, которому нравился этот упрямый и чрезвычайно работоспособный молодой человек. Строеву импонировало, что Парахин имел свою точку зрения по целому ряду вопросов, касающихся аграрного сектора, а главное, он не боялся её высказывать. Причём высказывал подчас с излишней прямо-той и горячностью, но в то же время весьма обоснованно, используя, если требовалось, научные выкладки, ссылки на авторитетных учёных, что должно было служить, как он полагал, дополнительным подтверждением его правоты.

Было видно: годы учёбы в Тимирязевской академии и аспирантуре не прошли для него даром. Парахин быстро анализировал состояние дел в любом хозяйстве, куда выезжал на плановые проверки и так называемые дни животновода, которые проводились еженедельно, по средам. Видел болевые точки, выявлял наиболее острые проблемы, которые предстояло решать в первую очередь, готовил докладные записки, рекомендации, что и как можно и нужно исправить. К тому же он прекрасно разбирался в вопросах семеноводства, почвоведения, выращивания трав для кормления животных, считал, что именно на этих направлениях стоит максимально усилить работу с руководителями и специалистами колхозов и совхозов.

Егор Семёнович Строев, который, занимая различные посты, всегда опирался на учёное сообщество, научную мысль, сам впоследствии стал академиком, поддерживал стремление Парахина совмещать теорию с практикой, поскольку было очевидно, что двигаться дальше в развитии аграрного сектора, используя застарелые приемы и методы, уже нельзя.

Первый секретарь обкома Фёдор Степанович Мешков одобрил предложение назначить Парахина ректором СХИ, хотя были на это место и другие претенденты. После смерти первого ректора института Давида Борисовича Дунаевского эта должность какое-то время оставалась вакантной.

Мнение Строева, который непосредственно курировал в обкоме сельское хозяйство, было решающим.

– Уверен, что этот человек, несмотря на молодость, вполне справится с порученным делом, – обосновал своё предложение Строев. – Знаний у него хватает, преподавательский опыт тоже имеется. Его тянет к науке, это видно по тем материалам, которые он готовит. А что касается организаторских способностей, на этот счёт вообще можно не переживать. Он тут многим даст фору.

Между тем выбор региональной власти должны были одобрить либо аргументированно не поддержать в министерстве образования страны, поскольку институт входил в подчинение именно этому общесоюзному ведомству.

Вот как Николай Васильевич рассказывал потом о поездке в Москву, чтобы получить назначение министерства.

– Кабинет министра был огромный, с высоким потолком. На полу тяжёлый, строгой расцветки ковёр. До стола министра нужно было пройти по этому пружинящему ковру метров, наверное, пятнадцать. Сбоку за массивным столом сидит целая комиссия, десятка два человек. И все такие солидные люди, наверно, при хороших должностях. Смотрят в мою сторону: кто-то с улыбкой на лице, кто-то с нескрываемым интересом. Дескать, что это за явление и откуда взялся этот шуплый никому не известный молодой человек, похожий на подростка, претендующий на целое ректорское кресло пусть и в провинциальном, но всё же институте?

Помню, зашёл, закрыл за собой дверь и стою у этой двери. Как будто наваждение на меня нашло. Вроде бы не боялся уже таких кабинетов: приходилось бывать, а тут замер на месте, шагу сту-

пить не могу. А министр уже в возрасте был, мужчина лет под 70. Говорит так негромко, но бодро: «Подходи, не робей. Тут все свои».

Прошёл вглубь кабинета, сел на крайний стул. Министр разглядывает меня внимательно так, но взгляд непугающий, добрый. Перед ним на столе папка, по всей вероятности, с моим личным делом, он, видимо, до этого успел её просмотреть.

Потом он отодвинул её в сторону, сделал небольшую паузу, будто о чём-то раздумывая, поднял глаза и произнёс со вздохом:

«Ну что, Николай Васильевич, тут такое дело. Завидую я вам».

Все другие молчат, улыбаются.

В первый момент я не понял этой фразы, предположил, что в ней есть какой-то скрытый подтекст.

Спрашиваю, а чему, дескать, завидовать-то?

Министр опять с неким привкусом не то горечи, не то сожаления: «Чему завидовать, говорите? Вот в этом-то и соль. Вы такой молодой, а уже ректор».

Я опешил. Нет бы промолчать в этот момент: ничего такого обидного министр не сказал. Но вот мой дурацкий характер...

– Какой же я ректор, – тупо бормочу в ответ и даже не понимаю, как эти слова сами из меня вылетают. – Я только пришёл за назначением. А будет оно или нет, это уж вам решать. Вы, вон, министр, разве может министр кому-то завидовать...

За столом лёгкое оживление. Не пойму, то ли слишком дерзкими показались членам комиссии мои слова, то ли, наоборот, по-ребячьи наивными.

Министр натянуто улыбнулся, махнул рукой.

«Нет, Николай Васильевич, вы – ректор, молодой, перспективный. Вопрос с назначением, считайте, решённый. Мы тут предварительно посоветовались, возражений у членов комиссии нет. У вас вся жизнь впереди, а мне уже семьдесят. Вы можете очень много сделать и очень многого достичь. Потому и завидую. Вы уж не обессудьте, дружок. Я вас поздравляю».

| «Нам нужно расти»

Первый ректорский срок выдался для Парахина непродолжительным по времени и составил не более пяти лет, то есть, если

считать по вузовским меркам, один полный студенческий курс. Много ли можно сделать за столь короткий период? Соглашаясь возглавить аграрный вуз, Николай Васильевич, конечно же, не предполагал, как сложится в дальнейшем его карьера. Поэтому сразу же в качестве приоритетов определил для себя то, что касалось в первую очередь развития и укрепления вуза: строительство учебных и административных корпусов, открытие новых факультетов, увеличение числа абитуриентов, преподавателей, освоения новых учебных специальностей, необходимых сельскому хозяйству.

Дел, по выражению нового ректора, предстояла гора. Задумок и разных проектов было хоть отбавляй. Областное руководство поддерживало идею развития вуза, поскольку грамотных специалистов требовалось в село всё больше. Без этого рассчитывать на укрепление позиций и качественные изменения аграрного сектора не приходилось. Но в рамках плановой системы, которая тогда была основой всей экономической политики государства, пробить финансирование для мелкого в масштабах страны периферийного вуза являлось весьма непростой задачей. В повестке дня строительства развитого социализма были крупные стройки всесоюзного значения, такие как Байкало-Амурская магистраль, КамаЗ, газопровод «Средняя Азия – центр», а вслед за ним ещё один, не менее грандиозный – «Уренгой – Помары – Ужгород» для поставок голубого топлива в Европу, Атоммаш, Саяно-Шушенская ГЭС и целый ряд других. Молодому ректору, чтобы решить какой-то вопрос, приходилось постоянно обивать пороги высоких кабинетов в области, обращаться с просьбами в Москву, в Госплан, убеждать, доказывать, приводить расчёты.

– Нам нужно расти, развиваться, не может институт пребывать в таком зачаточном состоянии, – горячился Парахин, раз за разом обосновывая свою позицию в обкоме, облисполкоме, в министерстве сельского хозяйства и других, как было принято говорить, заинтересованных ведомствах. Уже тогда многие оценили упорство и неуступчивый, в чём-то даже настырный характер новоиспечённого руководителя Орловского СХИ. Его принимали, слушали вполне разумные доводы, согласовывали письма, проекты. Средства в итоге выделялись, но ровно столько, сколько считали необходимым в Москве, в отделах Госплана, которые кури-

ровали строительство объектов в системе министерства высшего и среднего образования страны.

В то время в кабинетах областной власти всерьёз обсуждался вопрос о том, чтобы передать институту здание, построенное в центре города, напротив областной больницы МОПРа, в котором по предложению Парахина будут готовить экономистов для аграрной отрасли. Ещё при первом ректоре Дунаевском на пустыре в районе Весёлой Слободы начали строительство главного корпуса сельскохозяйственного вуза, здесь должны были разместить сразу несколько факультетов. Но всё по тем же финансовым причинам стройка двигалась медленно, в буквальном смысле черепашиным шагом. Единственное, что в полной мере удалось завершить благодаря усилиям Давида Борисовича, так это возвести несколько многоэтажных корпусов общежития, так называемый дом студента, ставший настоящей гордостью и визитной карточкой вуза. Здесь открыли несколько учебных аудиторий, небольшой конференц-зал, административные помещения, что позволяло хоть как-то снять проблему нехватки площадей для организации нормального учебного процесса, а также проживания и досуга студентов.

Одним из главных своих приоритетов в тот, первый свой ректорский период Николай Васильевич считал формирование сильного преподавательского коллектива, изменение учебных планов в сторону их большей практической насыщенности. На рабочих планерках, на совещаниях с преподавателями он часто говорил о том, что сегодняшнему поколению студентов мало овладеть общей теорией. Стоит задача дать будущему специалисту определённые производственные навыки, предоставить возможности для того, чтобы он мог освоить свою специальность не только по учебникам, но и в поле, на ферме, в мастерской.

– Нам нужны не просто теоретики, сдавшие зачёты и экзамены по основам своей будущей профессии, – говорил он. – Нам нужны люди, умеющие водить трактор, пахать, сеять, досконально разбираться в семенах, отличать на месте на память, на глаз один сорт пшеницы, ячменя, картофеля от другого. Нам нужны те, кто сможет продемонстрировать навыки ухода за животными, если потребуется, самостоятельно, без страха и стеснения провести обычную, плановую, контрольную дойку на ферме, с одного

взгляда, по внешним признакам определить состояние животного, его здоровье или заболевание, показав тем самым не только свои отличные теоретические знания, но и своё умение непосредственно участвовать в производственных процессах, совершенствовать их, улучшать.

Уже тогда он вынашивал идею создать при институте на базе одного из хозяйств учебно-производственную структуру, где студенты могли бы стажироваться, работать в поле, проходить практику. То есть всё по-взрослому, по-серьёзному, с таким прицелом, чтобы из аграрного вуза выходили не теоретики с дипломами, а готовые специалисты, которые успели многое потрогать и проверить своими руками.

Конечно, в чистом виде, что называется, с белого листа никакой такой Америки Парахин здесь не открывал. Можно не сомневаться: он хотел сделать у себя, в Орле, нечто похожее на то, что было в Тимирязевке в годы его учёбы. Но при этом пойти ещё дальше, плотнее увязать учебный процесс с реальным производством. Это был отнюдь не банальный, во многом новаторский план, который после детального изучения поддержали первые лица области. И, в частности, первый секретарь обкома партии Федор Степанович Мешков.

Именно тогда, помимо начавшейся стройки главного вузовского корпуса, была полностью реализована идея Парахина по организации учебного хозяйства на базе пригородного совхоза «Лавровский». К её реальному воплощению будущий академик приложил немало сил и старания.

| Ночь на раздумья

Для проведения, прямо скажем, необычного и неожиданного на тот момент для Орловщины эксперимента (а по-другому эту идею молодого амбициозного ректора СХИ мало кто воспринимал) выбрали далеко не лучшее по своим показателям хозяйство, однако имевшее одно несомненное достоинство: располагался совхоз в пригородной зоне, буквально на границе с областным центром. С точки зрения логистики, выражаясь современной терминологией, то есть наличия дороги, удобного и экономно-

го проезда и прочих сопутствующих вещей, всё было как нельзя здорово. Чего не скажешь о других, чисто экономических и производственных показателях предприятия.

Оставалось найти подходящую кандидатуру да должность директора учхоза – так согласно документам должен был называться бывший совхоз «Лавровский». Задачу эту предстояло решить Парахи-ну, поскольку учхоз в юридическом плане становился структурным подразделением института, сохраняя при этом определённую производственную и финансовую самостоятельность.

Человека такого вскоре нашли. Им оказался Иван Петрович Правдюк, тогда ещё совсем молодой специалист, работавший главным агрономом – заместителем директора по производству Орловской плодово-ягодной станции (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт селекции плодовых культур – ВНИИСПК. – *Прим. авт.*). Кто подсказал или посоветовал ректору СХИ обратить внимание именно на Правдюка, неизвестно, но хорошо было известно другое – если уж Парахин заметил человека, определил его кандидатуру на ту или иную должность, переубедить его, заставить изменить решение могли только чрезвычайные обстоятельства.

Впрочем, давайте послушаем, что рассказывает по этому поводу сам Правдюк.

– Николай Васильевич предварительно позвонил тогдашнему директору плодово-ягодной станции Юрию Викторовичу Осипову и попросил устроить встречу со мной. Сказал, что придет в любое удобное время, желательно уже завтра, главное, чтобы никто не мешал и не дергал по пустякам, сколько бы разговор ни продлился. Приехал Парахин, как и обещал, ровно в девять часов. Говорили с ним целый день, в буквальном смысле с утра и до вечера, – улыбается Иван Петрович и при этом качает головой. – Никогда и ни с кем ни до и ни после той встречи за всю мою жизнь таких долгих бесед у меня не случалось. Сидели в кабинете директора вдвоём, больше никого с нами не было. Он так попросил, чтобы вот в таком формате, с глазу на глаз. Говорили обо всём: о работе, о садах и ягодах, которые мы выращивали, о сельском хозяйстве. Отвлекались на всякие прочие темы, не имеющие отношения к сфере нашей профессии. Мне показалось, что Николай Васильевич как будто исподволь изучал меня,

может быть, хотел проверить эрудицию, мою способность мыслить, рассуждать. Но эти отступления никак не выбивались из общего фона беседы, и разговор всё время возвращался к главной теме, к тому, зачем он приехал.

Прошло уже много лет с той поры, но эту нашу первую встречу и этот разговор забыть невозможно. Какие только аргументы Николай Васильевич не приводил! Рисовал перспективу, говорил о своих идеях, делился и обсуждал со мной разные свои задумки. Одним словом, то ненавязчиво, то откровенным напором старался склонить меня к тому, чтобы я поверил ему и принял решение, которого он добивался.

А главная мысль, которую с завидным упорством продвигал в этих наших беседах хитрый и неуёмный в своей настойчивости Парахин, состояла в том, что есть уже готовая производственная база, да, её потребуется менять, обновлять, но она есть. И эта база станет своего рода открытой лабораторией, местом, где будут отрабатываться новые технологии, студенты будут здесь не только проходить практику, но и одновременно вместе с работниками предприятия выполнять текущие хозяйственные задачи. Получается этакий синтез науки, образования и производства, к чему так давно в своих программных документах призывало партийное руководство страны.

Правдюк, по его признанию, в тот момент не готов был сказать «да», не говорил и «нет», а потому медлил с решением. Пугала не только новизна идеи, с которой открыто делился с ним ректор сельскохозяйственного вуза, но и мера ответственности, которая была связана с её реализацией.

– Я, конечно, отдавал себе отчёт, что Парахин выступает не только сам по себе, – продолжил свой рассказ Иван Петрович. – Наверняка он с кем-то этот вариант обсуждал, обосновывал, просил поддержать, поскольку в то время без ведома первых лиц власти такие дела не решались. Прикидывая и прокручивая в голове всё то, что услышал, я по окончании разговора попросил дать мне время подумать.

– Хорошо, – согласился он. – У тебя целая ночь впереди. Выспись хорошенько. Это как в институте перед экзаменом. А нужное решение обязательно придёт.

Знал бы он, качает головой Правдюк, как мне далось в ту ночь

это решение, сколько мыслей пришлось передумать, сколько страхов в самом себе преодолеть.

На другое утро Николай Васильевич приехал опять, за ответом.

– Ну что, я подумал, можно попробовать, – не слишком уверенно сказал Правдюк. В конце концов, размышлял он, не понравится или не заладится там, в Лаврово, вернусь обратно на Плодовку.

Николай Васильевич не скрывал своей радости, но заметил и колебания Правдюка.

– Вижу, сомнения у тебя остались. Давай мы сделаем вот как, – неожиданно предложил он. – Поедем сейчас в обком, зайдём к Строеву (Егор Семёнович был тогда секретарём областного комитета партии по сельскому хозяйству. – *Прим. авт.*). Меня ты слышал, мои идеи тебе, надеюсь, понятны. Послушаешь его, сопоставишь с тем, что я говорил. Потом решишь уже окончательно. По-моему, так будет правильно.

В обкоме партии шло совещание по подготовке колхозов и совхозов к весенне-полевым работам. Когда совещание закончилось, подошли к Строеву. Он поздоровался, посмотрел, как-то многозначительно улыбнулся.

– Вот, Егор Семёнович, тот самый... – начал было ректор.

– А мне Правдюка представлять не надо, – заявил секретарь обкома, не дав Парахину закончить фразу. – Я его хорошо знаю. Это тот человек, что нам нужен. Идёмте сразу к Фёдору Степаньчу, там и договорим (Фёдор Степанович Мешков – в ту пору первый секретарь Орловского обкома КПСС).

Поднялись на третий этаж, зашли в кабинет первого секретаря.

– Мы к вам с будущим директором учхоза, – улыбаясь, доложил Строев. – Лучшей кандидатуры, думаю, не найдём. Этот справится, я несколько не сомневаюсь.

– А вы, Николай Васильевич, как думаете? – обратился Мешков к Парахину.

– Уверен, что так и будет, – не раздумывая ответил ректор.

– Значит, решено, считай, утверждён, – Фёдор Степанович пошёл, пожал руку новоиспечённому директору учхоза. – Поздравляем! Сегодня же подпишу постановление.

Решение о кандидатуре директора учхоза было принято в считанные минуты.

– Всё было настолько неожиданно и быстро, что я не успел

опомниться, – делился своими воспоминаниями о том действительно переломном моменте в своей судьбе Иван Петрович Правдюк. – Вышли из обкома. Я в полном недоумении. В голове ветер, пустота. Ничего не соображаю. Тут слышу будто откуда-то издалека голос Парахина. Он хлопает меня по плечу, дескать, эй, где ты там, очнись...

– Так, Иван Петрович, с чего начнём? – спрашивает он, пытаюсь вернуть меня с небес на землю.

– С чего начинать, я не знал. Николай Васильевич что-то такое мне говорил, подбадривал, пытался растормошить, привести в чувство. Но в памяти из того разговора ничего не осталось. Разве что моя полная растерянность, похожая на глубокий транс. Я ведь до этого никаких руководящих постов не занимал, в производственных и хозяйственных вопросах участие принимал постольку-поскольку. А тут сразу директором. С чего начинать, как себя вести...

На следующий день Правдюк все-таки взял себя в руки, поехал в Лаврово с намерением хотя бы визуально оценить хозяйство. То, что здесь увидел, привело не просто в замешательство – в ужас. Повсюду грязь, ни дорог, ни площадок с твёрдым покрытием дажеazole правления. Обшарпанные, полуразвалившиеся производственные строения. Всё старое, изношенное. Одним словом, запустение полнейшее. Люди хмурые, неприветливые, в сапогах, в телогрейках. Смотрят на чужака, как на инопланетянина.

– 27 марта 1984 года Николай Васильевич поехал в хозяйство вместе со мной, – продолжает Правдюк. – В конторе, стены которой давно не видели ремонта, в обшарпанном кабинете со старой мебелью собрали специалистов совхоза всех уровней, которым меня и представили.

Мне показалось, люди приняли мою кандидатуру без восторга. Слушали молча, вопросов почти не задавали. Николай Васильевич, коротко рассказав обо мне, говорил в основном о перспективах, о том, что даст в этом плане новый необычный статус учхоза. Говорил убеждённо, с таким азартом и верой, что поневоле подумалось: а может, и в самом деле всё получится? Зря только я паникую?..

Целый месяц после того собрания Правдюк ничего не делал. Приезжал, ходил, смотрел, разговаривал с людьми. Очень важно было понять их, почувствовать, уяснить проблемы, которые вид-

ны были невооружённым глазом, лежали на поверхности. А больше всего – нащупать истоки того равнодушия и пассивности, которые поселились в душах местных жителей.

Когда встречались с Парахиным, он выслушивал мои какие-то наблюдения, мысли, сомнения и гнул своё:

– Давай, давай, начинаем, Иван! Дел, сам видишь, непечатый край. Надо строить, переделывать всё, землёй заниматься, рекультивировать поля, они уже несколько лет нормального ухода не видели. Что ты как замороженный ходишь, никак не очухаешься?! Нет у нас с тобой времени на раскачку.

Правдюк поражался его энергии и убеждённости в том, что всё получится. Ректор шёл напролом, как бульдозер с атомным реактором, который не разбирает ни дорог, ни препятствий. Невероятный человек!

Прошло совсем немного времени, и в Лаврово начались преобразования. Первым делом привели в порядок механические мастерские, зерноток, другие производственные помещения. Чуть позже начали строить столовую, два общежития, мужское и женское, детский сад. Не было дня, чтобы ректор не звонил и не спрашивал, как идут дела. Частенько навевывался сам, проверял, смотрел, разговаривал со строителями, с жителями Лаврово. Если видел недоработки и упущения, мог, не особенно церемонясь, устроить нагоняй. Страшно не терпел разгильдяйства и безалаберности, был педантичен до мелочей к самому себе и того же требовал от своих подчинённых, от каждого, кто был связан с ним какими-то обязательствами, даже если работал по найму.

Идея учхоза как опытно-производственной лаборатории для студентов под открытым небом, Парахина не просто увлекла. Он в буквальном смысле ею жил, постоянно об этом говорил, что-то спрашивал, советовался, уточнял любые, даже, казалось бы, самые незначительные детали, словно всякий раз убеждал самого себя и того, с кем разговаривал на эту тему, в правильности задуманного. В конце концов, эта идея стала одним из ключевых моментов в реорганизации учебного процесса в сельскохозяйственном институте, тесном и органичном соединении теории с практикой, что уже в скором времени принесёт свои результаты.

А результаты были такие. В первую очередь выросла популярность самого вуза среди абитуриентов. Попасть в СХИ, причём

для выпускников не только сельских, но и городских школ, считалось престижным. На факультеты в разы увеличились конкурсы. Молодых людей, без сомнения, привлекало то обстоятельство, что вместе с дипломом об окончании учебного заведения они могли получить серьёзные профессиональные навыки в различных отраслях сельского хозяйства: растениеводстве, животноводстве, управлении техническими средствами. То есть в аграрную отрасль, в колхозы и совхозы приходили не кабинетные теоретики, имеющие номинальное представление о реальной стороне своей профессии, а вполне себе готовые, самостоятельные специалисты, у которых за плечами имеется опыт и практика работы в поле, на ферме, в ремонтных мастерских.

Но это всё будет позднее, через несколько лет, когда идея учхоза обретёт зримые очертания, станет органичной частью учебного процесса орловского вуза. А тогда, в 1984-м, в самом начале пути, всё казалось невероятным, недостижимым. И только неуёмная энергия и фанатичный оптимизм ректора заставляли двигаться вперёд, верить, что всё задуманное – не утопия, что всё обязательно состоится, невзирая ни на какие обстоятельства и трудности.

Следующий, 1985 год, как назло, выдался чрезвычайно сложным. Будто сама природа испытывала на прочность идею учхоза и тех людей, которые задумали её воплотить. В то лето из-за жары погибли практически все посевы кормовых культур. После жары прошёл дождь с градом и уничтожил 60% зерновых. В итоге не оказалось в нужном количестве ни зерна, ни кормов, а ликвидировать поголовье животных, которое имелось на тот момент на учхозовских фермах, было практически невозможно: политика партии и практика тех лет подобные действия допускали в исключительных случаях. Никто не хотел портить отчётность, усугублять статистику, касающуюся в данном случае поголовья молочного стада.

В те годы до каждого хозяйства в обязательном порядке доводились плановые показатели сдачи зерна государству. На ситуацию, сложившуюся в хозяйстве, внимания мало кто обращал. Жёсткий контроль за выполнением плановых показателей вёл райком партии. Управляющий учхозом, обсудив положение со специалистами, на свой страх и риск решил зерно не сдавать,

оставить для хозяйственных нужд. Такая «самодетельность» не поощрялась: Правдюка решено было исключить из партии. И только благодаря Парахину, который вызвал из Москвы представителя Минсельхоза Ю. К. Гунченко, после обстоятельного и объективного изучения всех обстоятельств дела решение об исключении управляющего из рядов КПСС было отменено.

Николай Васильевич, понимая, что животным на скудном рационе зиму не пережить, советовался со специалистами хозяйства, с преподавателями института, которые уже стали привыкать к новым реалиям в виде учхоза. В конце концов, приняли решение сделать всё возможное для того, чтобы пополнить запас кормов.

– Надо создать мобильные бригады заготовителей и прошерстить все окрестные уголки, – советовал он Правдюку. – И делать это как можно быстрее, пока ещё там можно что-то зацепить.

Было создано несколько бригад, куда вошли в том числе и сотрудники института – преподаватели, аспиранты, а также студенты, имевшие соответствующие навыки. Одну из бригад преподавателей возглавлял непосредственно Николай Васильевич Парахин. Две недели с четырёх часов утра косили и собирали траву в лощинах, неудобьях, на опушках, по оврагам – словом, в тех местах, где удавалось добыть немного сена и куда техника зайти не могла. За это время при ударной работе кормовой запас хозяйства удалось пополнить на несколько сотен тонн, что в конечном итоге позволило животноводам относительно спокойно пройти сложные зимние месяцы.

Николай Васильевич, как человек от земли, с детства познавший, что такое крестьянский труд, и сам с удовольствием брал в руки косу, благо навыки, приобретённые ещё в юном возрасте, никуда не девались. Видя, как ровно и аккуратно ректор ведёт свой ряд, многие искренне удивлялись: ну надо же, такой интеллигентный человек, всегда при костюме, при галстуке. А тут, смотрите, какая сноровка, какая уверенная работа совсем не научным инструментом, каким является обыкновенная крестьянская коса! И только немногие знали, что в детстве и юности Коле Парахину приходилось держать в руках не только косу, а ещё много других предметов, которые применяют в своём быту и в хозяйстве сельские жители.

| Сказ о спасённом храме

Здесь, в Лаврово, до сих пор вспоминают одну историю, которая во многих смыслах была показательной.

На фоне развернувшихся в селе новостроек совсем неэстетично, если можно так выразиться, а по большому счёту просто унижительно для русской православной души смотрелись обезглавленные остовы местной церкви, которую больше ста лет назад построили братья Илья и Никифор Поздняковы. В годы безбожия, начиная с предвоенной поры, церковные помещения использовали то под МТС, то под зерновой склад, то просто для хранения разной совхозной утвари. Начиная с 70-х – 80-х годов XX века церковь пустовала, постепенно утрачивая черты сколько-нибудь значимого хозяйственного объекта. Окна и двери были выбиты, территория вокруг заросла бурьяном. Одним словом, картина полного запустения.

В 1988 году учхоз «Лавровский» с рабочей поездкой посетил первый секретарь обкома партии Егор Семёнович Строев. Ходом строительства хозяйственных и бытовых объектов, производственными делами остался доволен. А вот в отношении церкви высказался с плохо скрываемым раздражением. «Вы или уберете её, или восстановите», – посоветовал он.

Решили взрывать, поскольку денег на восстановление не было. Директор учхоза Иван Правдюк договорился со взрывниками с казначеевского песчаного карьера. Но в день, когда взрывотехники приехали, чтобы провести обследование объекта и заключить договор на проведение взрывных работ, сюда же совершенно случайно приехал начальник ПМК-276 «Орёлстроя» заслуженный строитель России Владимир Золотухин. Это под его руководством строились все объекты учхоза «Лавровский» и корпуса сельхозинститута. Узнав о намерении взорвать церковные стены, он в категоричной форме высказался против взрыва и доказал, что в результате могут развалиться все новостройки вокруг, а церковь осядет монолитом и убрать эту глыбу в последующем будет очень трудно. Кирпич для возведения храма обжигали как надо – он словно литой, не крошится, не бьётся. Подгоняли один к одному, раствор замешивали на яичном желтке, чтоб схваты-

вал намертво и влагу не пропускал. К тому же толщина стен такая, что невольно позавидуешь: это ж сила и мощь, её одним ударом не расшатать и даже пороховым зарядом не разрушить. Выход один: храм нужно восстанавливать. На том и остановились.

Правдюк немедленно связался с Парахиным, который в то время уже работал инструктором в одном из отделов главного партийного органа страны. Услышав о предстоящем сносе Лавровской церкви, Николай Васильевич расстроился.

– Да кому она здесь мешает? Стоит себе и стоит, – возмущался он. Но что можно предпринять, пока не знал. Вроде бы не его компетенция – защищать церковные храмы. Но интуитивно чувствовал: неправильно это, нет нужды для такого дела. Придёт время – возродим в этом селе и храм. Не всё же их рушить. Тем более по стране такая практика уже началась.

Мысль о том, что храм в Лаврово можно восстановить, показала не просто заманчивой. Можно сказать, это был выход, настоящее спасение! Но для этого надо было заручиться поддержкой крупных партийных фигур, подключить серьёзных людей. И в Орле, и в столице. Приоритеты в отношении религии менялись. В стране вместе с объявленной перестройкой набирали силу плюрализм мнений и гласность. Всё меньше оставалось запретных, закрытых тем, всё больше смелости появлялось в суждениях людей. И хоть отношение к церкви и православной вере со стороны официальной власти по-прежнему было прохладным, былой нетерпимости и жёсткости не наблюдалось.

К тому же многие храмы так или иначе брало под свою опеку авторитетное в ту пору Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Парахин связался с руководителем общества, попросил содействия. Разрушение церкви отложили. Председатель Орловского областного отделения этого общества, будущий профессор и почётный гражданин Орловской области Виктор Ливцов, подготовил письмо в соответствующий отдел обкома партии, где указал, что жители Лаврово против разрушения храма. И, к общей радости, всё это сработало! В высоких обкомовских кабинетах по этому поводу заморачиваться не стали: дескать, хочет народ – пусть оставляет, а если желаете восстанавливать – противиться никто не будет. У руководства области, помимо этого, других проблем выше крыши. Надо

выполнять продовольственную программу, поднимать сельское хозяйство, а тут какая-то сельская церквушка... Не стоит задевать чувства верующих.

Намерение реставрировать церковь в Лаврово активно поддержала Орловская епархия. Средства на реставрацию добывали разными путями. Были тут и пожертвования людей, что-то выделила епархия, но основную сумму предоставила Москва по линии общества охраны памятников истории и культуры.

А спустя ещё какое-то время начались работы по восстановлению церкви. Её реставрация внесла заметное оживление в однообразный ход жизни села Лаврово. Местные жители частенько приходили сюда понаблюдать за ходом работ. Кто-то вызывался помочь в разгрузке материалов, уборке мусора. Кто-то уже готовил в дар возрождающемуся храму сбережённую икону, подсвечники, другую нехитрую утварь.

Несмотря на занятость и череду всевозможных дел, Николай Васильевич при любом удобном случае приезжал в Орёл и в Лаврово наведывался не сторонним наблюдателем. Живо интересовался, как идут дела в учхозе, есть ли проблемы и как их можно решить. Обязательно заглядывал на церковную стройку, если возникала необходимость, просил ректора СХИ направить в помощь реставраторам группу преподавателей и студентов.

Наконец, 19 августа 1993 года при большом стечении людей состоялось открытие возрождённой церкви. Событие для той поры было неординарным. Все, кто пришёл и приехал в тот день в Лаврово, интуитивно уловили, что в жизни общества происходит очень важный поворот – вместо разрушения православный храм возродили к жизни. Люди могут открыто, не таясь, не пряча от стеснения глаза, выразить своё отношение к Богу, нашей православной вере, перекреститься, постоять у иконы, прочитать молитву, поставить свечку.

Торжественное богослужение во вновь обретённом храме проводил лично настоятель Орловской епархии епископ Паисий. С тех пор ежегодно, 19 августа, он непременно посещал Лавровскую церковь, отправлял службу, совершал обряды.

– В день открытия возрождённой церкви, – вспоминает Иван Правдюк, – епископ Паисий крестил моего сына Петра, которому к тому времени исполнилось четыре года. Впоследствии, вся-

кий раз отправляясь в Лаврово, звонил мне и непременно требовал, чтобы вместе с ним в церкви находился и его крестник. Когда я рассказал об этом Николаю Васильевичу, он задумался. А потом как-то так негромко, неуверенно говорит: «Знаешь, Иван, надо бы и мне своих детей покрестить. Виктор, он повзрослей, с ним проще. А вот Юрик пока ни в какую не хочет. Видимо, не дорос ещё, не понимает».

Наверное, в тот момент в нём боролся человек, у которого в кармане ещё недавно лежал партбилет. А душа взывала к вере, к божественному началу. В тот переломный период в жизни нашей страны и нашей истории подобные чувства испытывали многие люди, и те, кто находился при должностях, не были исключением.

Обоих сыновей Николая Васильевича покрестили именно в Лавровской церкви, что можно считать символичным, поскольку именно благодаря его энергии, настойчивости, благодаря его усилиям возродилась из пепла сама эта церковь и обрели новый облик, новое развитие здешние земли.

| Соль земли

Разумеется, церковь была пусть ярким, очень значимым, но всё же одним из эпизодов жизни села Лаврово. Не менее важным, но гораздо более сложным делом оказалось наладить здесь производство.

– Работы в учхозе было непочатый край, – продолжает свой рассказ многолетний бессменный руководитель учебно-производственного хозяйства Иван Петрович Правдюк. – Многого предстояло создать заново, а то, что тогда ещё теплилось, перестроить на современный для того времени лад. Это касалось как полеводства, так и животноводческой отрасли. Помню, долго спорили, что делать с пахотными землями на тех полях, которые считались малопригодными для растениеводства: урожай на них получался мизерный. Надо провести здесь мелиорацию, настаивал Николай Васильевич, что подразумевало целый комплекс мер по улучшению почвенных показателей. Для начала сделаем нужные анализы, определим, что земле не хватает, а может быть, наоборот, есть в ней что-то лишнее. Например, кислота или соли.

Местные жители, кто обрабатывал эти поля, нашу затею считали лишней тратой времени.

– Ничего тут не вырастет, – утверждали они. – Мы всю жизнь здесь живём, поля эти знаем как свои пять пальцев. Утюжили их, переутюжили вдоль и поперёк. Толку с них никакого. Что только агрономы ни делали: и навозом заправляли, органикой, значит, и удобрениями химическими пичкали – всё впустую. Приговор один: непригодные для земледелия эти поля, понапрасну только силы и средства на них потратим.

Но Парахин, слушая доводы своих оппонентов, часто делал по-своему, так, как считал необходимым. Препятствия и разные трудности его не останавливали. Наоборот. Кажется, всякий раз, встречая их при решении той или иной проблемы, он внутренне преображался, собирал в кулак все свои силы и волю, в нём пробуждался азарт, какой бывает у мальчишек, увлечённых серьёзной игрой или интересным занятием.

Всё новое, то, что ещё не пробовал, не испытывал, ему представлялось чрезвычайно любопытным, доставляло удовольствие. Он ставил перед собой цель, определял задачу и шёл к ней в буквальном смысле напролом и, образно говоря, часто не слишком обращал внимания на дорогу и разбросанные по ней препятствия.

Со временем, когда диапазон работы расширился, он набрал научный, преподавательский и управленческий вес, это стало проявляться со всей очевидностью. Люди, окружавшие его, видели перед собой не просто ректора вуза, администратора, но настоящего большого учёного, новатора, человека, который ставил во главу угла науку, её интересы, а во главу угла образовательного процесса – его постоянное совершенствование, углубление, освоение лучших методик, эксперимент. Он оставался таким до конца своих дней. Но при этом был прост, доступен, очень доброжелателен к людям, его немного боялись, но при этом чувствовали себя, как за каменной стеной.

В случае с теми непригодными для земледелия полями в «Лавровском» всё закончилось как нельзя лучше, так, как он и предполагал: земли были чрезвычайно засолены, что и сказывалось на их плодородии. Уже через несколько лет с помощью комплекса проведённых мелиоративных работ поля оздоровили и целых

три тысячи гектаров пашни, почти половину из тех, что принадлежали на тот момент учхозу, вернули в хозяйственный оборот, обеспечили нормальное плодородие.

Многое пришлось переделывать и приводить в порядок на молочных фермах. Первым делом отремонтировали помещения, где содержался скот. Улучшили систему кормления, часть стада, по причине низкой продуктивности животных, заменили. Наладили организацию работы на фермах и дисциплину среди животноводов, чему Парахин, какую бы должность ни занимал, всегда придавал исключительное значение. При ферме сделали учебные классы, теоретические и практические занятия со студентами вели преподаватели В. К. Кретинин, В. Н. Баканов, П. А. Сучков и другие.

Через несколько лет настойчивой и целенаправленной работы бывший совхоз, трансформированный в учхоз «Лавровский», неожиданно вошёл в число 70 лучших сельхозпредприятий Орловской области. Всего их на тот момент насчитывалось не менее 450. Это был несомненный успех, чем Николай Васильевич, не скрывая, очень гордился. Он показал себя в данном случае не просто как ректор-новатор, способный организовать образовательный процесс, внести в него разнообразие, как учёный-

теоретик, который исследует и открывает новые направления научной деятельности, но и в то же время как человек, умеющий применить свои знания на практике, в реальном секторе экономики. Добавим, что в 1987 году учхоз «Лавровский» был награжден почетной грамотой и переходящим знаменем Совета министров СССР, что по тем временам считалось весьма достойной наградой в масштабах страны.

Это не останется незамеченным в высоких партийных кабинетах, и последствия, как говорится, не заставили себя долго ждать. В скором времени Николай Васильевич будет призван на работу в Москву, в ЦК КПСС.

| «Ты ко мне не ходи»

К тому моменту учхоз «Лавровский» как хозяйственная единица и как учебно-производственная лаборатория аграрного вуза в основном состоялся. Это был, говоря сегодняшним языком, проект, которым ректор в буквальном смысле жил, горел, делал всё от него зависящее, чтобы идея не угасла. Разного рода сложностей было много, начиная от финансовых и заканчивая чисто бытовыми, производственными – от размещения людей, проходивших в учхозе практику, до ремонта и приобретения посевной и уборочной техники, замены устаревшего оборудования, поддержания в надлежащем состоянии всех звеньев производственного комплекса.

В этот период, по словам директора учхоза Ивана Правдюка, наиболее зримо стала проявляться ещё одна важная черта в поведении и характере Парахина – давая людям поручения или решая какую-либо проблему, он старался максимально включать в процесс подчинённых, своих коллег, преподавателей, аспирантов, кандидатов наук, доцентов. Не предлагал им готовые решения, а искал эти решения вместе с ними, доверял людям самим вести этот поиск, делегировал полномочия. Другими словами, он подводил к делу так, чтобы люди не боялись брать на себя ответственность, понимали, какой результат они в итоге могут получить. Но при этом всегда оставлял за собой необходимый контроль, не пускал ситуацию на самотёк. Был педантичен даже в

мелочах и всегда повторял, что именно из мелочей чаще всего возникают проблемы и на мелочах порой окончательно выстраивается нужная концепция.

Когда дела в учхозе стали налаживаться, обсуждая с директором какие-то текущие вопросы, Николай Васильевич ему говорил:

– Ты, Иван, по производству ко мне не ходи, не трать время ни моё, ни своё. Сам решай, что и как делать. Опыт у тебя уже есть, хозяйство, своих работников знаешь лучше меня, потому что постоянно находишься с ними в контакте. Если имеешь какие-то конкретные предложения, допустим, что-то опробовать, посмотреть – это, пожалуйста, заходи, соберёмся, обсудим. Но больше общайся с людьми, специалистов слушай, а решения, как водится, принимай сам. С людьми надо вести себя честно, открыто. Чем больше они будут знать о твоих, а значит, общих намерениях, тем больше станут тебе доверять. Без доверия в нашем деле никак не обойтись. Ты это понимаешь не хуже меня.

Принцип доверия был для него одним из важнейших моментов в работе. Полнейшее доверие к человеку, который поставлен руководить тем или иным участком, кафедрой, факультетом, осуществлять научный или образовательный проект. Этот принцип работал всегда, на протяжении всей его жизни. Коллеги, соратники понимали и дорожили доверием ректора.

Как человек, которому постоянно приходилось преодолевать чьё-то сопротивление, доказывать, идти порой наперекор устоявшемуся мнению, он сам никогда не ныл, не опускал руки и того же требовал от других.

– Однажды летом в самый разгар уборочной зарядили дожди, – вспоминает Правдюк. – День комбайны простаивают, другой, третий... И ничего с природой не сделаешь, власть свою над ней не употребишь. Жалко, урожай на глазах гибнет. Смотришь на это, нервы от досады не выдерживают. Ведь сколько надежд на этих полях, сколько труда и старания вложено! Поделится я своими печальями с ректором, а он так тихо, по-будничному меня успокаивает: «Ладно, не хнычь. Дождь завтра кончится. Ну, не завтра, так послезавтра. Что толку от того, что мы на нервы себя изводим?!»

Похоже, он не только других успокаивал, но и себя тоже,

поскольку переживал за всё ещё больше. Однако виду старался не показывать. Стиснет в такую минуту зубы, руки соединит в замок и молчит. Или что-то пишет, кому-то звонит, спрашивает, советует. А у самого на душе, наверное, кошки скребут, потому как знает: что тут поделаешь, если дождь? Что посоветуешь? Разве что вот это понятное и простое «не хнычь».

Едва ли не с момента своего создания учхоз начал выполнять ту функцию, ради которой всё затевалось – он становится учебно-полевой лабораторией для студентов, да и преподавателей тоже. Уже со второго курса ребята и девчонки получили возможность регулярно появляться на фермах, в поле, в механических мастерских. И вовсе не для экскурсий или ознакомительных практик. Они здесь работали. Как полагается, по-взрослому, точно так, как работают обычные механизаторы, водители, животноводы. Только с учётом тех знаний, которые успели получить на лекциях, в учебных кабинетах и аудиториях.

Таким образом, теория органично сочеталась с практикой. Были созданы классы животноводов, где изучались приёмы и методы организации работы на ферме, системы кормопроизводства и кормления животных, проводились показательные и контрольные дойки, отрабатывались приёмы лактации, выявление заболеваний и ещё уйма всего того, что необходимо знать и уметь специалисту, работающему в этой отрасли.

Для студентов агрономического факультета специально выделили 100 гектаров земли, на которой разместили опытные участки, где будущие агрономы практиковались в выполнении всех необходимых агроприёмов: вспашка, культивация, сев, обработка и подкормка посевов, уборка урожая. Здесь же проводили опыты с новыми сортами, изучали севооборот, сравнивали воздействие на почву и растения органических и минеральных удобрений.

По большому счёту на полях и на фермах учхоза была создана некая лаборатория, сочетавшая образовательный процесс с элементами научного исследования. И одновременно здесь было производство, обычный земледельческий труд со всеми его составляющими.

Сегодняшний декан факультета агротехники и агротехнологий Иван Вячеславович Коношин, рассказывая о том периоде, вспоминает немало интересных деталей.

– Будучи студентами агрономического факультета, – говорит он, – мы тогда работали и на опытных, и на обычных полях, помогая хозяйству сеять и убирать урожай, выполнять различные агроприёмы. А ещё строили картофелехранилище, в котором «Лавровский» очень нуждался. Когда начинались весенние работы, Николай Васильевич приезжал в учхоз очень часто, едва ли не каждый день. Сам осматривал поля, причём делал это после выполнения любой агротехнической операции. К примеру, подойдёт, скажет: «Пойдём вместе посмотрим вот то поле, где только что работал трактор». Ходим, он тут же даёт свои комментарии: «Вот смотри, здесь плуг неправильно отрегулировали, здесь оставили огрех, потому что тракторист неверный манёвр сделал. Это, как ни крути, брак в работе. А брак в нашем деле, как и в любом другом, недопустим, потому что скажется на урожае». И так далее. Он всегда был в курсе происходящего, считал своим долгом не оставлять без внимания любой недостаток, даже самый незначительный. А если вопрос касался обработки пахотной земли, растениеводства, думаю, как специалисту и знатоку равных ему было немного. Он обязательно хотел во всём увидеть какую-то изюминку, выделить её, акцентировать на ней внимание, чтобы можно было непременно запомнить то, о чём он рассказал. Знаниями обладал феноменальными, можно сказать, энциклопедическими.

– Опытные поля, которые сформированы в «Лавровском», и прежде, и сейчас имеют колоссальное значение в образовательном процессе, – считает профессор кафедры защиты растений Николай Николаевич Лысенко. – Сейчас, может быть, даже больше, поскольку в системе образования произошли существенные изменения, введена так называемая ступенчатая структура – бакалавриат, магистратура, аспирантура. Нам важно, чтобы и бакалавры, и магистры имели возможность постоянно практиковаться по той специальности, которую они выбрали. Разумеется, для этих целей используется и другие сельскохозяйственные организации. Например, у нас есть филиал кафедры в известном семеноводческом хозяйстве «Дубовицкое», что в Малоархангельском районе. Это одно из лучших предприятий Орловской области, настоящая лаборатория по сортоиспытаниям различных сельхозкультур в промышленных условиях. Наши студенты с удовольствием ездят сюда на практику, набираются знаний и

опыта, некоторые остаются в хозяйстве на постоянную работу. Кстати, многие годы во главе «Дубовицкого» стоял выпускник университета Сергей Петрович Борзёнков, который в 2017 году стал членом правительства Орловской области и возглавил департамент сельского хозяйства.

Помимо всего прочего, на базе учхоза все эти годы проводились серьёзные научные исследования, большое количество самых различных опытов, в первую очередь агрономического характера. Проходят апробацию и возделываются новые культуры, новые сорта растений. Например, полтора десятка лет назад в области начали заниматься такой культурой, как соя, прежде её практически не сеяли. А культура сама по себе очень интересная, чрезвычайно полезная и, что не менее важно, востребованная на рынке. Мы на своих опытных полях тоже занимаемся соей, и основное хозяйство под сою выделяет немалые площади. И при этом именно от неё имеет хороший доход.

Продолжая разговор об учхозе, было бы вполне уместным вспомнить Тимирязевку с её опытными полями, имеющими среди прочего селекционную направленность, парком сельскохозяйственных машин. Всё это также являлось составной частью учебного процесса, отличной площадкой, где студенты осваивали технику, выполняли различные агроприёмы работы на земле.

Тем не менее это не являлось отдельной и к тому же полноценной производственной структурой. В этом смысле Парахин пошёл дальше своих учителей, поскольку проект учхоза «Лавровский» значительно расширял рамки вузовской образовательной программы.

Без сомнения, это было новое слово в системе подготовки будущих специалистов сельского хозяйства, во всяком случае, в отдельно взятой Орловской области, поскольку весь процесс был максимально приближен к реальной жизни. Выпускники факультетов, прошедшие такую практику, придя по окончании вуза на производство, вовсе не выглядели зелёными мальчиками и девочками, у которых в багаже ничего, кроме формул и голой теории, нет. Многие из них едва ли не сразу назначались главными специалистами, а нередко становились у руля обособленных подразделений и даже целых хозяйств. Таких людей на Орловщине уже в те, восьмидесятые и девяностые годы, насчитывалось десятки.

– Если объективно оценивать всё то, что случилось, я имею в виду создание учебного хозяйства, это был прорыв, – считает профессор Лидия Павловна Степанова. – И в первую очередь для совхоза, который к моменту преобразования в учхоз влачил жалкое существование и оказался по сути на грани банкротства, если выражаться современной терминологией. В первые годы ему была оказана огромная помощь. Помогали все: студенты, аспиранты, преподаватели. Прополка свёклы, уборка урожая, работа на картофельных грядках, сенокосы – во всех производственных делах институт принимал самое активное участие. Был даже такой момент, когда на каждую кафедру давались определённые наделы свёклы, которую нужно прополоть от сорняков, «протяпать», как говорят в народе, вырастить и собрать урожай. При этом все отвечали за качество своей работы и за конечный результат. Между прочим, Николай Васильевич как член кафедры тоже имел свой надел и работал на нём наряду со всеми. И полон, и окучивал, в дни сенокоса отменно управлялся с обыкновенной косой. Одним словом, был членом команды, что не мешало ему оставаться одновременно её мотором, вожаком.

– Вспоминая сейчас то время, тот непростой период в истории нашей страны и каждого из нас, – продолжает Лидия Павловна, – можно смело утверждать: за всеми нашими проблемами и будничными делами родилась новая страница в истории института, в его развитии. Созданные на базе учхоза растениеводческие и животноводческие классы, опытная работа преподавателей и студентов придавали образовательному процессу совершенно иной качественный уровень. И это, вне всякого, было заметным достижением Орловского сельскохозяйственного института и его ректора.

Но жизнь, как известно, тем и удивительна, что всё в ней меняется, движется, не стоит на месте. И очень трудно сегодня предсказать, что будет с нами завтра, как повернется наша судьба. Так было и тогда, во второй половине 80-х. Страна ещё оставалась единой, но в ней уже многое менялось. На её просторах разворачивалась горбачёвская перестройка.

Глава 6.

ОСТРЫЕ УГЛЫ ВЫСОКИХ КАБИНЕТОВ

| На волне перестройки

В начале 1987 года Парахина неожиданно приглашают в Москву, в отдел кадровой политики ЦК КПСС. Говоря по совести, переезжать в столицу он не хотел. На своей родине, в Орле он чувствовал себя более спокойно, уверенно. Московская суета и неутомимый столичный ритм жизни напоминали ему езду в экспрессе, который безостановочно несётся в пространстве и времени.

В беседе с уполномоченным человеком Николай Васильевич стал ссылаться на здоровье. Дескать, только что по совету врачей начал лечебные процедуры, не хотелось бы прерывать. На что его собеседник лишь снисходительно улыбнулся:

– Ничего, мы подлечим. У нас тут всё-таки медицина, я думаю, не хуже, чем в Орле. Или как, может, вы по-другому считаете? – откровенно рассмеялся он.

В общем, отказ был неприемлем. Ему дали пакет документов и бланков, с которыми необходимо было ознакомиться, заполнить подробную анкету, написать заявление, автобиографию – словом, всё, что положено при устройстве на работу. А здесь не просто что-то рядовое, обыденное – должность инструктора отдела, курирующего агропромышленный комплекс, в Центральном комитете руководящей и направляющей силы всего советского общества.

Конечно, с точки зрения партийной иерархии инструктор одного из отделов невесть какая величина, но ведь это уже не обком и даже не министерство, это ЦК КПСС! Структура, которая на протяжении стольких лет решала судьбу страны, её будущего, вела народ по неизведанному никем пути построения

социалистического общества. Попасть на работу в ЦК, считали в простонародье, это всё равно что попать в рай. Тут, дескать, давно уже построен самый настоящий социализм заодно с коммунизмом.

Правда, несмотря на все важнейшие решения партийных съездов и пленумов, на громадьё пятилетних планов и ударную работу тружеников промышленности и сельского хозяйства, жизнь в стране лучше не становилась. Наоборот, к середине 80-х ещё больше стали обостряться негативные тенденции в экономике, которые впоследствии назовут застоем. Начались проблемы с обеспечением населения продовольственными товарами. Пустые полки магазинов в большинстве уголков страны свидетельствовали о том, что в государственном управлении что-то неладно, партийные директивы и лозунги уже не работают. Требовались фундаментальные перемены в самой экономической модели, но проводить реформы было некому. Стареющее и закостенелое руководство страны оказалось неготовым и неспособным приступить к радикальным переменам.

Последовавшие одна за другой в течение трёх лет смерти Генеральных секретарей ЦК КПСС Леонида Брежнева, Юрия Андропова и Константина Черненко вынесли на вершину партийной, а значит, и государственной власти недалёкого по сути, недалёковидного говоруна из Ставропольского края Михаила Горбачёва. Вместо того, чтобы всесторонне осмыслить накопившиеся проблемы в экономике, определить пути глубокой модернизации ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства, как это было сделано, к примеру, в Китае, Горбачёв запустил в стране идею перестройки, которая вылилась главным образом в бесконечные встречи с народом и дискуссии «обо всём», то есть, по существу, ни о чём. Так называемая свобода слова и плюрализм мнений во многом заменили собой реальную работу по реформированию страны.

Вот в такой обстановке и такой, прямо скажем, не самый лучший момент Парахин попадает в Москву, в аппарат Центрального комитета КПСС. Ситуация в стране быстро менялась, в обществе витали новые, доселе неведомые идеи, во всём чувствовалось наступление перемен. Для выполнения тех задач, которые формулировало горбачёвское политбюро, требовались другие ка-

дры – более современные, продвинутые, умеющие, что называется, придать необходимое ускорение набирающим силу процессам, как выражался тогда сам Горбачёв.

Ректор Орловского СХИ, всегда отличавшийся новаторскими идеями и нестандартным мышлением, как нельзя лучше подходил на роль одного из таких «прорабов перестройки». Тем более если верить партийным решениям, вопросы развития сельского хозяйства и всего аграрного комплекса, реализации заявленной продовольственной программы стояли едва ли не на первом месте.

Николай Васильевич, поработавший к тому моменту какое-то время в Орловском обкоме КПСС и неплохо освоивший партийную «кухню», с первого дня на новом месте с головой ушёл в работу. Тем более что времени на раскачку не было совсем. Правда, сложность задач и тех вызовов, с которыми столкнулась страна, были несоизмеримы с теми, что приходилось решать еще каких-нибудь четыре-пять лет назад, причём в масштабах одной, не самой крупной области. А тут необъятная страна, огромный Советский Союз!

Конечно, с объективной точки зрения нужно признать, что появление любой новой фигуры в Кремле, даже и более важной, значительной, на более крупном посту в то время едва ли что могло изменить. Маховик перестройки был запущен вовсю, набирал обороты. Да и что, в самом деле, такого существенного мог сделать пусть бы весьма компетентный, подготовленный и сведущий в том же сельском хозяйстве инструктор одного из отделов?! Ну разве что добросовестно исполнять поручения своих высоких начальников, проводить анализ текущей ситуации по тому участку работы, за который отвечал, мотаться в командировки, чтобы выступить с трибуны на плановых мероприятиях, которые проводили партийные органы на местах, готовить предложения по тем или иным вопросам.

Спустя много лет младший сын Николая Васильевича Юрий так рассказывал об этом периоде в жизни отца:

– К новой своей работе в Москве он отнесся, мне кажется, с особым воодушевлением. Не могу утверждать, мыслил ли он себя в дальнейшем неким партийным функционером в таком, классическом смысле, наверно, это едва ли. Во всяком случае, он никогда эту тему не поднимал. Но поначалу работа его полностью

захватила. Ещё бы! Такое доверие! Из Орла да в Центральный комитет, на Старую площадь. В то время это расценивалось примерно так, будто ты полетел в космос.

Был ли это действительно космос, трудно судить, но то, что жизнь инструктора, а чуть позднее заведующего сектором агропромышленного отдела превратилась в одну нескончаемую дорожку, это семья почувствовала в полной мере.

– Мы не видели его неделями, – делилась своими воспоминаниями жена Парахина Тамара Васильевна. – Самолёты, поезда, автомобили... Кажется, он из них не вылезал. Время сложное, работа ответственная, он трудился без отдыха, в буквальном смысле не оставлял для себя ни одной свободной минуты. Летал и ездил по всей стране. В Прибалтику, на Кавказ, на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Он не умел работать по-другому, какую бы должность ни занимал.

И тем не менее многие, кто был так или иначе связан с Парахиным, неизменно отмечали одну существенную деталь: несмотря на столичную жизнь, ответственную работу и вечную занятость, он никогда не забывал о своей малой родине, с которой был связан незримыми душевными нитями. Орловский СХИ и всё, что касалось этого учебного заведения, из поля зрения не выпускал. В том числе, разумеется, и учхоз «Лавровский», где был запущен и набирал обороты механизм преобразований. Это было его детище, и оставить его без внимания значило отказаться от самой идеи учебного хозяйства, что было просто исключено.

Всякий раз приезжая в Орёл, он находил время, чтобы побывать в Лаврово, пообщаться с Правдюком, преподавателями и студентами вуза, с хозяйственными специалистами. Смотрел, спрашивал, как идут дела, давал советы, выслушивал просьбы. Чаще всего его просили помочь с техникой для обработки земли: учебному хозяйству нужны были тракторы, комбайны, сеялки, прочий прицепной инвентарь. Сделать это было непросто, поскольку поставки были строго лимитированы. Но кое-что тем не менее удавалось пробить непосредственно на заводах, через профильное министерство, поддержать учхоз.

Каких-то особых регалий и привилегий в своей партийной должности Парахин не приобрёл, зарплата была обычная, лишних денег семья не видела.

– Первое время, когда переехали в столицу, – рассказывает Юрий Николаевич, – мы жили весьма и весьма скромно. Мне тогда было десять лет. Помню, с мамой гуляли по Москве, она показывала мне разные красивые места, водила на Арбат, а там много всяких кафе, ресторанчиков, везде что-то продают. Мама на мою просьбу доставала какие-то копейки, покупала мне булочку или чебурек, и я ел. Это, собственно, был весь наш обед. Возможностей для пополнения бюджета практически не было, мы все тогда зависели от зарплаты отца, а она, несмотря на то что он работник ЦК, была совсем небольшой.

Потом семье дали квартиру, хотелось купить какую-то обстановку, мебель. А денег на это нет. Помогали бабушка с бабушкой по маминной линии. Они жили в Казахстане и были по тем временам достаточно обеспеченными людьми.

| Случай в ресторане

В этот его столичный период, затянувшийся почти на семь лет, много происходило разных событий, запоминающихся, приятных и не очень. Одну из таких историй, которая произошла в самом начале работы в сельхозотделе ЦК, рассказал племянник Николая Васильевича Валерий, сын старшего брата Михаила.

Надо заметить, что на первых порах вновь испечённого сотрудника аппарата высшего партийного органа поселили в гостинице «Октябрьская», которая была в ведомстве ЦК КПСС. Прекрасные, удобные апартаменты, но всё-таки не собственное жильё. Казённая мебель, охрана на входе, определённый распорядок, ограничение посещений и много ещё всяких разных нюансов, которые необходимо соблюдать. А жильё требовалось: семья в Орле, он здесь, в столице, в постоянных разъездах. Старший сын Виктор к тому времени поступил учиться в Суворовское училище в городе Калинине, нынешней Твери. Второй сын, десятилетний Юрий, фактически целый день был предоставлен сам себе, поскольку Тамара Васильевна преподавала в институте, её работа требовала много времени и большой отдачи.

Месяца через три Парахину выделили, наконец, квартиру где-то в районе Черёмушек, здесь расселялась в то время партийная и

советская знать не слишком крупного ранга. Дом был высотный, и его трёхкомнатная квартира оказалась на 16-м этаже. Приехавший в Москву по распределению после окончания Харьковского авиационного племянник Валерий, с которым они всячески поддерживали друг друга, идею иметь квартиру на высоте птичьего полёта откровенно раскритиковал.

– Да ты что, Николай, в своём уме?! – искренне недоумевал он. – 16-й этаж! Это ж, только представить себе, – высотень какая! А ну, лифт сломается, что тогда? Подниматься будешь на своих двоих? А как ещё? По-другому нельзя! Не пробовал оценить такое упражнение для ног? Надо обязательно попросить, чтоб дали жильё пониже.

– Но как ты это себе представляешь? – разводил руками молодой работник ЦК, в душе понимая, что племянник прав. – Я прихожу, заявляю, дескать, не хочу жить высоко, лифт меня смущает, который может сломаться. А там меня на смех, мол, лифты у нас не ломаются. Я что на это?

– Ломаются, ещё как ломаются! Гроза где-то повредила или строители кабель нарушили – вот тебе и проблема. А у тебя жена, дети. Скажешь, что они высоты боятся.

Одним словом, убедил Валерий Николая Васильевича попробовать поменять квартиру, пока не заселился, на другую, где-нибудь на нижних этажах. Как ни странно, его послушали и пошли навстречу. Тоже мне проблема, сказал человек, разворачивая карту, на которой была нарисована схема жилого дома с указанием жилых помещений. Третий этаж подойдёт? Ну вот и чудесно, там и будем жить!

Дом, в котором предстояло поселиться Николаю Васильевичу с женой и двумя детьми, был вполне комфортный. В квартире имелись прихожая, коридор, удобная планировка, балкон, просторная кухня. И хотя площадь в каждой из комнат была не очень большая, жильё даже по московским меркам можно считать весьма приличным. Единственное, что вызывало вопросы, – это полы. Они были паркетными, но паркет, дубовый, в общем-то, хороший по качеству, требовал обновления. Нужны были процедура циклевки и покрытие лаком.

– Вот этим мы с тобой и займёмся, – обрадовался Валерий Михайлович, потирая руки в предчувствии предстоящей работы.

Его можно было понять. Дело в том, что он, работая инженером в одном из московских НИИ, занимался в выходные, по вечерам, подработкой. Хотелось, чтобы в семье был достаток, а не жизнь от зарплаты до зарплаты. Подработка была связана с ремонтом квартир, и в числе освоенных инженером-авиаконструктором строительных специальностей была как раз циклёвка паркетных полов.

На пятницу приходился праздничный день, плюс два выходных впереди. Редкий случай: ни командировок, ни срочных заданий у инструктора отдела ЦК не выпало. Времени должно было хватить для того, чтобы привести в порядок полы.

Работы оказалось много. Выравнивали, проходили шлифовочной машиной. Одного мусора вынесли на целый грузовик.

В воскресенье, уже поздно вечером, привели себя в порядок, присели отдохнуть.

– Ноги, руки, спина ныли так, будто мы все эти дни камни ворочали, – вспоминал об этой истории Валерий Михайлович. – Когда немножко отошли, Николай предлагает: надо бы поужинать. Такую работу сделали! Валерий, давай-ка махнём в ресторан, посидим, по рюмке чая выпьем. Должен ведь я тебя хоть как-то отблагодарить.

Нашли неподалёку небольшой ресторанчик. Рядом с метро «Новые Черемушки». Людей почти не было, до закрытия заведения оставался ровно час.

– Выбрали столик, сидим, ждём официанта, – продолжает рассказ Валерий Михайлович. – А есть действительно хочется. Все эти дни перебивались бутербродами да кефиром: времени приготовить что-нибудь существенное просто не оставалось. Да и когда готовить, если заканчивали работу ближе к полуночи?

В какой-то момент к столику подходит мужчина с этакой солидной осанкой и объявляет, что обслуживания не будет, ресторан закрывается.

Мы несколько опешили.

– Как это так? – спрашиваю я. – Мы пришли поесть, голодные, как черти, целый день вкалывали, а тут на тебе... До закрытия ведь ещё целый час.

– Я что-то неясно сказал? – переходит на решительный тон мужчина. – Нам ещё необходимо убраться, навести здесь порядок.

– Но нам только поесть. Хотя бы второе блюдо, – робко пытается обозначить наши намерения Николай Васильевич. – Долго засиживаться мы не собираемся. Завтра рано вставать, рабочий день.

Работник ресторана внимательно смотрит в глаза, видимо, что-то в них ищет. А лица у нас после трёх дней упорной работы усталые, глаза красные от недосыпа, от пыли.

– Так вы ещё и пьяные вдобавок ко всему. Уходите по-хорошему, – напирает мужчина, – мне здесь некогда с вами разговаривать.

В общем, слово за слово, препирания закончились тем, что работник ресторана пригрозил вызвать милицию, если «сейчас же не покинете помещение».

– А есть у вас кто-то из руководства? – спросил Николай Васильевич. – Пригласите, пожалуйста, заведующего. Я хочу с ним поговорить.

– Заведующего нет, – с вызовом продолжает мужчина. – Я его заместитель, и все вопросы решаю сам. Поэтому ещё раз прошу покинуть наше заведение.

– Никогда раньше, ни потом, – вспоминает Валерий Михайлович, – я не видел Николая таким. От хамства и дерзости работника ресторана он изменился в лице, даже побледнел. Голос его неожиданно сел, стал хриплым.

Не говоря больше ни слова, он вытащил из кармана удостоверение и раскрыл его. Красная корочка с напечатанными на обложке крупными буквами «ЦК КПСС» моментально привела в чувство разошедшегося представителя сферы услуг. Он как-то сразу осел, сбросил с себя этот властный налёт хозяина жизни и сделался невероятно услужливым и кротким.

– Ой, ради бога, простите. Извините, пожалуйста, – лепетал мужчина. – Вы бы сразу сказали. Мы сейчас... Сейчас всё сделаем. Просто сегодня был такой день сумасшедший. Все устали, ещё раз простите.

Он повернулся, жестом руки пригласил официанта, который принял заказ и до того момента, пока «эти двое» сидели за столом, стоял в сторонке, ждал, когда мы покончим с едой...

Когда рассыпалась старая система с партией во главе, люди порой вели себя странно. Николай Васильевич как-то в дружеском кругу рассказывал, что были такие ситуации, когда бывшие зна-

комые не хотели даже общаться с «цекистами», а некоторые, завидев его, переходили на другую сторону улицы. Это была как печать, как ярлык на лице, вот, мол, «коммуняка» какой, ходит тут, не боится людям в глаза смотреть.

В аграрном секторе ЦК Парахин работал недолго, всего два года. Процессы, запущенные Горбачёвым и его командой, напроць ломали устоявшиеся в обществе стереотипы. Никто не понимал, хорошо это или плохо и к чему всё приведёт. Гласность и плюрализм мнений по поводу всего и вся, эти главные «достижения» перестроечного периода, расшатали, разрушили многие, ещё вчера казавшиеся незыблемыми постулаты относительно истории нашей страны. В конце концов, всё это обернулось против самой партии, её руководящей роли, её генерального курса на построение социализма, стало подвергаться сомнениям, критике, а впоследствии и жесточайшей обструкции.

Чем всё в итоге закончилось, мы знаем. Не стало ни партии, ни великой страны. Профукали, проплюрализмили державу горбачёвские перестройщики, а незабвенный Борис Николаевич начатое ими окончательно довершил.

В 1989 году Парахина переводят на работу в Главное управление высших учебных заведений страны сначала заместителем, а некоторое время спустя начальником управления. По его собственному признанию, к этому всё шло, поскольку партия теряла вес и рычаги влияния в обществе. Многие штатные работники аппарата ЦК, чувствуя скорые перемены, сами просились на какие-нибудь должности, не связанные с идеологической и чисто партийной работой.

Но перед тем как попасть в это главное управление, Николай Васильевич вполне мог оказаться в другом ведомстве и даже в другой стране.

| Чуркин пожелал успехов

Однажды, уже в наши дни, Николай Васильевич рассказал анекдот «по случаю».

В Нью-Йорке идёт заседание Совбеза ООН. Американцы, как всегда, обвиняют Россию во всех смертных грехах, пытаются

нагадить этим неподдающимся на их уловки русским. Не всем такое поведение нравится.

Вдруг в помещении, где идёт заседание, появляется человек с автоматом и кричит:

– Кто здесь Чуркин?

Все замирают, смотрят на незнакомца, который непонятно что замыслил.

– Я Чуркин, что вы хотите? – спокойно отвечает постпред России.

– Виталий, пригнись.

И пускает длинную очередь в сторону американского представителя...

С Виталием Ивановичем Чуркиным жизнь свела Николая Васильевича в тот самый момент, когда он заканчивал работу в отделе ЦК. С ним уже провели беседу, стали подыскивать место. В один из дней в его кабинете раздаётся звонок, и вежливый голос сообщает, что Парахина приглашают в МИД, на беседу. И попадает он на эту беседу... да-да, именно к Чуркину, работавшему тогда в одном из управлений министерства иностранных дел.

Николай Васильевич потом вспоминал об этой встрече и состоявшемся разговоре.

– Виталий Иванович, видимо, успел ознакомиться с моим послужным списком, был приветлив и расположен весьма дружелюбно.

– Ну, что Николай Васильевич, – без обиняков спросил он, – пойдёте к нам в МИД работать? Нам деятельные люди нужны. Отзывы о вас хорошие, советуют приглядеться. Больших постов не обещаю, но секретарём посольства в какую-нибудь тёплую страну рекомендовать вас буду. Если, конечно, дадите согласие.

Предложение было, честно сказать, неожиданным. «Что значит, «куда-нибудь?» – вертелось в тот момент в голове. – В какую тёплую страну? Куда-нибудь в Уганду или Мозамбик? То есть в Африку? Или в Перу, Сальвадор, на другой край земли? С моим-то здоровьем и стойкой непереносимостью жары?»

Я молчал, не зная, что ответить. Начал плести что-то несуразное типа «всё это так неожиданно» и «мне, надо подумать, посоветоваться хотя бы с женой». Стал опять на здоровье уповать. Вот собираюсь, мол, в Орёл, там меня лечат, знакомый врач и так да-

лее. Всё тот же знакомый «трюк», которым уже один раз пытался воспользоваться.

– Ну, о здоровье можете не беспокоиться, – всё с той же приятной улыбкой на лице продолжал Чуркин. – У всех у нас тут свои болячки. Если надо – подлечим, найдём лучшую клинику, мало клиники – институт привлечём. Как вы на это смотрите?

Одним словом, уловка моя не удалась. Что оставалось делать? В ответ невразумительно пожимаю плечами. Дескать, о чём тут спорить. Хотел ещё сказать насчёт знания иностранного, мол, с языками у меня туговато. Но промолчал. Это уж было бы совсем по-ребячьи.

Он это моё замешательство увидел, давить не стал.

– Ну, хорошо, – произнёс на прощание. – Подумайте, посоветуйтесь с женой. У вас есть два дня, о принятом решении сообщите мне. Только обязательно сообщите. Но учтите, в нашем ведомстве дважды не предлагают.

В один из этих двух дней, которые Чуркин отвёл на размышление, в гости к Парахину заехал Михаил Георгиевич Михайлов, работавший в Орловском обкоме партии. Он и стал в какой-то степени свидетелем этой истории.

– Бывая в командировках в Москве, я, как и многие другие, кто знал Парахина, останавливался у него, иначе было нельзя: он очень обижался, даже слушать не хотел про гостиницу, – рассказывает Михайлов. – Вечером, после ужина, поговорили о делах, о жизни, обо всём, что происходит вокруг. Время ближе к полуночи. Мне постелили постель, а он, смотрю, берёт учебник английского. Я, если честно, удивился: «Зачем тебе это? – спрашиваю. – Ты что, в Англию собрался? Или в Америку?»

Он махнул рукой: «Надо, Миш. Время сейчас такое. Меня вон в МИД сватают, за границу хотят послать». И только тогда рассказывает про беседу с Чуркиным.

Ну так и что, говорю, это ж здорово! Мир посмотришь, карьеру сделаешь, а там и до посла какой-нибудь серьёзной страны дорастёшь. Или у тебя возникли сомнения? Он качает головой:

– Сомнений хоть отбавляй. Вторую ночь уснуть не могу. Сам посудите: ну, какой из меня мидовец? Если честно, я совсем не хочу. Но ты знаешь, что бывает, когда отказываешься. А там как без языка?

И он учит, ходит по прихожей, что-то твердит себе под нос фразу за фразой. И это после работы, вечером, ночью, потому что другого времени нет. Это ж надо иметь в себе такую силу воли, такой характер!

Однако мидовская история Парахина завершилась также быстро, как и началась. Через два дня он набрал телефон, поблагодарил Виталия Ивановича за предложение, сказал, что хотел бы посвятить себя науке, преподаванию в вузе.

– Спасибо за честную позицию, за то, что сообщили. Желаю успехов, – последовал ответ.

В этот же день позвонили из Главнауки и предложили Парахину должность заместителя начальника главка. Это было ближе и понятнее во всех смыслах. Во-первых, с профессиональной точки зрения, поскольку не нужно было переучиваться, осваивать новую грамоту, связанную с мидовской деятельностью. Во-вторых, и это, может быть, самое важное, не требовалось никуда уезжать, ни в какие заморские страны. Кто знает, как бы сложилась его судьба, прими он тогда предложение Чуркина...

| Перед развалом страны

В конце 80-х годов страна всё больше погружалась в хаос. Падало промышленное производство, перебои с продуктами в магазинах стали обычным явлением. На многих предприятиях рабочие всё чаще сталкивались с невыплатой заработной платы. А тут ещё введённый Горбачёвым и его соратником Егором Лигачёвым «сухой закон», непонятная и грабительская реформа, предпринятая премьером Валентином Павловым, связанная с обменом денег, окончательно дезориентировали и обозлили народ, привели к недовольству, массовым забастовкам и возмущению людей во многих регионах страны. Запахло серьёзными конфликтами в Прибалтике, Закавказье, в республиках Средней Азии.

Расшатывался управленческий механизм, неумолимо подтачивалась исполнительская дисциплина. Ко всему прочему, в союзном кошельке, министерстве финансов, денег едва хватало, чтобы хоть как-то поддерживать на плаву стратегические отрасли экономики. Что уж говорить о более мелких структурах, ко-

Осмотр новой техники.

торые не относились к разряду ключевых и без которых вполне можно было обойтись. Главнауки при всей своей значимости в вопросах финансирования как раз и относилось к числу таких – не первостатейных.

Что нужно было делать руководителю главка, чтобы не просто сохранить структуру, но по возможности в этих сложнейших условиях решать текущие задачи, пытаться не потерять нити управления внутри самого ведомства? Первое и самое важное – удержать команду, укрепить её сильными, по-настоящему профессиональными кадрами, способными преодолевать любые трудности.

Вот эту цель и поставил перед собой новый руководитель главка Николай Парахин. Как это было и что происходило в ту пору внутри и вокруг Главнауки, рассказывает один из сотрудников этой структуры, а ныне академик РАН, академик-секретарь Российской академии наук Юрий Фёдорович Лачуга:

– Припоминаю первую нашу встречу, когда Николай Васильевич мне позвонил и после короткого обмена привычными в

таких случаях фразами, неожиданно говорит: «Слушай, а приходи ко мне работать». Я несколько смутился: «А куда приходиться?» Он: «Как это куда? В главк сельхозвузов». Официально эта структура на тот момент называлась так: «Главное управление по сельскохозяйственному образованию госкомиссии по продовольствию и закупкам СССР».

Замечу, в то время я возглавлял кафедру теории механизмов и машин в Московском университете инженеров сельскохозяйственного производства имени Василия Прохоровича Горячкина. До этого прошёл путь от аспиранта до ректора этого вуза, но в должности ректора прослужил недолго. Попросился снова на кафедру, воспитывать кадры, потому что административная работа казалась мне скучноватой, не такой творческой, а я очень не хотел выпадать именно из творческого процесса.

Честно признаюсь, это было неожиданное предложение. Я знал, что Николай Васильевич до недавнего времени работал в ЦК КПСС, мы с ним иногда пересекались на разных мероприятиях. Тогда начальником главка сельхозвузов был Юрий Владимирович Всеволожский, он уходил, и должность эту предложили Парахину.

Мы встретились, побеседовали. Мне понравились его открытость, деловой тон, он хорошо разбирался в проблематике, связанной с сельскохозяйственным вузовским образованием. Собственно, обставлять своё будущее назначение какими-то условиями, просьбами и тому подобными вещами я посчитал некорректным и дал согласие. Договорились, что буду вести в Главке участок науки в ранге заместителя начальника, и мы вместе будем трудиться на ниве укрепления сельскохозяйственного образования тогда ещё единой страны, то есть Советского Союза. Это значит Прибалтика, Украина, Белоруссия, Закавказье, Средняя Азия, все остальные республики, входившие в состав СССР. Поле деятельности огромное, поначалу и представить себе такой масштаб и такой объём было сложно.

Хочу сказать об одной важной черте, которая очень чётко прослеживалась у Парахина: Николай Васильевич был из породы людей, которые всегда нацелены на результат, на активную работу, на действия. Он был очень цельной натурой и постоянно видел себя в деле. «А как мы поступим? Что это нам даст? Какой полу-

чим итог? Что за этим последует?» – это обычный набор вопросов, которые он ставил на обсуждение и на которые должен был найти ответ.

В ту пору только-только начиналось внедрение компьютерной техники, при всех трудностях, которые испытывала страна, шло масштабное обновление материально-технической базы в сельскохозяйственных высших учебных заведениях. Использовали инновационные приборы и оборудование, копировальную технику, новые средства связи. Заботились о том, чтобы в учебном процессе появились наглядность, новые лаборатории с хорошим оснащением, новые обучающие программы, основанные на современном материале.

Всего в подчинении главка на тот момент было более 100 сельскохозяйственных вузов. Как правило, такие вузы работали во всех союзных республиках, в той же Украине их насчитывалось не меньше тридцати. А в Эстонии, например, была одна Тартуская сельхозакадемия. В Туркмении тоже один вуз, в Грузии – два, в том числе по ветеринарии, животноводству.

На месте сидеть было некогда, можно сказать, половина жизни в ту пору проходила на колёсах, в поездах да на крыльях самолётов. Это естественно, потому что возникали разные ситуации, приходилось решать кадровые вопросы, вопросы развития материальной базы. Всё это требовало финансирования, немалых вложений, затрат. Значит, надо было использовать и союзный бюджет, и бюджеты союзных республик.

А учитывая, что в тот период действовала жёсткая плановая система, деньги просто так не выделялись. Нужно было входить в определённые программы развития, защищать их, обосновывать. В случае успеха выделялись лимиты на проектирование, строительство, пополнение материальных ресурсов. Несмотря на то что в стране бушевала перестройка, страна тем не менее жила, развивалась, и мы в сфере вузовского образования это чувствовали, наверное, как нигде. Хотя справедливо и то, что денег на многое не хватало.

Главнауки занимало на тот момент здание в Орликовом переулке, там, где была и сейчас действует библиотека, принадлежавшая в ту пору Россельхозакадемии, а ныне Министерству науки и высшего образования Российской Федерации.

Надо сказать, что с 1989 года мы уже вполне ощущали такие смутные события, когда бесконечные и пустые разговоры Горбачёва о перестройке оборачивались совсем другим, процесс уже шёл необратимый, и, я так думаю, этот процесс управлялся в сторону распада Советского Союза. Набирали силу различные националистические тенденции в союзных республиках. Некоторые представители этих республик, не скрывая, считали себя удельными князьками, но мы, как работники союзной структуры, пытались каким-то образом ситуацию удерживать, понимая, что большая семья это лучше, чем один или два. На местах в целом ряде республик этого зачастую понимать не хотели, довлело желание обрести самостоятельность, независимость. Отчего только независимость, понять было сложно, так же, как сложно понять, какую независимость празднуем мы в России 12 июня. От кого и от чего? Разве что независимость от самих себя. Глупо как-то, необъяснимо.

Но тогда такие националистические тенденции проявлялись всё больше, и это сказывалось на взаимоотношениях, сказывалось на работе.

Николай Васильевич всегда занимал позицию сторонника Союза, он это очень чётко понимал, и нас, работников главка, нацеливал придерживаться именно этой линии, объединяющей, а не разъединяющей страну. Я, как его заместитель, такой подход всецело поддерживал, и хотя в обществе, даже в высших эшелонах власти суждения ходили разные, в нашей команде в этот сложный период никакого раздора и разногласия мнений не было.

Хотел бы заметить, что нам в этот непростой момент очень хорошо помогал Егор Семёнович Строев, который, как известно, был членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Звонил, давал советы, просил не унывать и спокойно делать свою работу. И уже потом, в российское время, занимая должность губернатора Орловской области и Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ, он никогда не отказывал главку во внимании, всегда интересовался нашей работой, поддерживал практически все наши идеи и начинания, которые были связаны с развитием науки, образования.

Но вернёмся к началу 90-х годов. Эпоха демократии и гласно-

сти в стране была в самом разгаре, в итоге она обернулась эпохой безответственности и катастрофой для страны. Никто не мог предположить, что так вот неожиданно и непостижимо великая держава, по причине бездарности, а возможно, и предательства своих лидеров, закончит своё существование.

В последние месяцы перед развалом, когда рушились все связи, объявлялись суверенитеты, нелегко было всем. Николай Васильевич был в особо сложном положении, поскольку по своему направлению отвечал, как говорится, за всё и вся. Но так складывалась ситуация, что приходилось мириться со многими негативными вещами, выполнять указания союзного руководства, союзного правительства, а потом уже и российского, которое появилось ещё при «жизни» Советского Союза.

В конце концов, союзный главк был ликвидирован. Случилось это в самом начале 1992 года. Помню, в тот день я возвращался из командировки. Мне сообщили, что Николай Васильевич уже уволен, а я назначен председателем ликвидационной комиссии этого ведомства. Время приближалось к тому, чтобы и я ушёл со своей должности, как все мои коллеги. Кого-то принимали в главк вузов уже российский, кто-то уходил с мыслью устроиться где-то ещё, в другие структуры. Одним словом, слом союзной государственной машины шёл по всем направлениям.

Николай Васильевич, конечно, очень переживал, как любой нормальный человек, болеющий за дело, за свою страну. Было понятно, что ничего хорошего нас всех в ближайшей перспективе не ждёт, да и тем, кто трубил о независимости, лучше не будет. Хотя бы по той простой причине, что в жизни всегда работает «принцип веника», который просто так не переломишь, в отличие от одиночного прутика. Так вот, этот принцип никто не отменял.

Старший сын Николая Васильевича Виктор вспомнил один разговор с отцом, когда разгоняли тот самый союзный главк.

– Отец приехал ко мне, а я только что поступил в военную академию. Это было несколько неожиданно, потому что обычно он как-то связывался, предупреждал, – рассказывает Виктор Парахин. – Я сразу понял: что-то случилось. Отец старался быть бодрым, спрашивал, как мои дела, как учёба. Но по всему было видно: ему не по себе. Прежде мы как-то не замечали никакой

особенной грани в его настроении, когда он переходил с одной работы на другую, в обком партии или в ЦК, даже в тот же главк. Это просто не чувствовалось. А тут всё иначе. Я уже был достаточно взрослым, мог анализировать, понимать человека по настроению, поэтому напрямую спросил, что происходит. Отец ответил, что был разговор с недавно назначенным министром сельского хозяйства России Виктором Хлыстуном. Разговор весьма беспрямый и странный. Вы же были коммунистом, зачем-то говорил Хлыстун сидевшему перед ним руководителю ещё союзного Главнауки.

– Так и вы ведь тоже, – отвечал на это Парахин. – И что это значит?

– Но вы были не просто членом партии, вы работали в ЦК! – следовал новый аргумент.

– Так я работал, а не занимал должность, – парировал Николай Васильевич, понимая, к чему идёт разговор.

– Но я стоял рядом с Ельциным в августе 91-го, когда был путч, а вы нет, – гнул своё министр. – И сейчас я рядом с Борисом Николаевичем, но вас я что-то в этом ряду не вижу.

Одним словом, участь отца была predetermined.

– Вот видишь, Виктор, – с грустью заметил тогда Николай Васильевич. – Я теперь безработный. То был всем нужен, а теперь нужды во мне нет. Даже работу дворника не предложили. Сразу на улицу, как будто я в чём-то провинился, стал врагом своей страны.

Он не привык унижаться, идти на поклон. Надо будет – найдут, позовут, думал он. Не нашли, не позвали. Друзья, которых к тому моменту удалось обрести, предложили открыть какое-нибудь собственное дело. Пробовали, старались развернуться, одно затевали, другое. Что-то получалось, но не так, чтобы можно было связать с этим всю свою жизнь. По большому счёту это была, скорее, попытка осмотреться, пережить, перетерпеть какое-то время, поскольку коммерсантом Парахин себя никогда не считал, тяги к этому у него совершенно не было.

Юрий Фёдорович ЛАЧУГА – член Президиума РАН, академик-секретарь отделения сельскохозяйственных наук РАН, доктор технических наук, профессор.

Юрий Фёдорович Лачуга родился 8 мая 1942 года в селе Советка Родионово-Несветаевского района Ростовской области.

В 1968 году окончил Ростовский-на-Дону институт сельскохозяйственного машиностроения. С 1972 года работал в Московском институте инженеров сельскохозяйственного производства им. В. П. Горячкина (МИИСП), где прошёл путь от ассистента кафедры до проректора вуза.

В 1990 году назначен зам. начальника Главного управления сельхозвузов СССР.

В 1992–1996 гг. – зав. кафедрой МИИСП. С 1996 по 2003 год возглавлял Департамент кадровой политики и образования Минсельхозпрода РФ. В 2003 году направлен на работу в Россельхозакадемию на должность академика-секретаря отделения механизации, электрификации и автоматизации Россельхозакадемии. В 2004 году стал вице-президентом этой академии.

В 2014 году переведён на должность члена Президиума РАН и исполняющего обязанности академика-секретаря отделения сельскохозяйственных наук РАН, где работает по настоящее время.

Член-корреспондент РАСХН с 2003 г., академик РАСХН с 2005 г., академик РАН с 2013 г.

Ю. Ф. Лачугой опубликовано свыше 255 научных и методических работ по вопросам агроинженерной сферы АПК, в числе которых 30 монографий, учебников и учебных пособий. Им получено 22 авторских свидетельства и патента на изобретения.

Юрий Фёдорович Лачуга – доктор технических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы РФ. Удостоен золотой медали Минсельхоза РФ «За вклад в развитие АПК России».

Награждён премией правительства РФ.

Является главным редактором журнала «Российская сельскохозяйственная наука» и членом редколлегии ещё пяти других научных журналов сельскохозяйственной тематики.

В лаборатории и в поле.

Глава 7.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дважды в одну и ту же реку

Середина 90-х годов XX века. Уже несколько лет, как с карты мира исчез Советский Союз, его правопреемником стала Россия, старшая сестра, как её называли, всех остальных 14 республик, входивших состав великой мировой державы. «Параду суверенитетов» союзных республик, а говоря простым языком, развалу страны предшествовала неприкрытая схватка за власть между Горбачёвым и Ельциным, которая закончилась попыткой военного переворота в Москве 19 августа 1991 года, последующим за этими событиями позорным подписанием Беловежских соглашений с участием опять же Ельцина, который стал к тому времени президентом Российской Федерации, руководителя Украины Кравчука и председателя Верховного Совета Белоруссии Шушкевича. С юридической точки зрения был совершён незаконный акт, сговор, этим троим подписантам документа о ликвидации Советского Союза никто никаких полномочий на такое действие не давал. История ещё выставит оценку этому подлому попранию правовых норм, но факт, как говорится, остаётся фактом: в одночасье без нашего участия и нашего ведома мы оказались в другой стране и в иной исторической реальности.

Люди, родившиеся в 80-е, 70-е годы и раньше, конечно же, никогда не забудут события тех дней и то, что за ними последовало. Россия устами своего Верховного Совета и президента Бориса Ельцина отказалась от коммунистической идеологии и провозгласила курс на внедрение в общество уже разрекламированных на все лады так называемых демократических ценностей. То есть пошла на сближение с Западом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И эти последствия не заставили себя долго ждать. В стране

начался хаос, который был неминуем при переходе от плановой экономики к рыночной. То есть спустя 74 года Россия вновь возвращалась на капиталистический путь развития. Как жить в таком обществе, как себя вести, чем руководствоваться – никто этого людям не объяснил. Пришедшие к власти в стране так называемые младореформаторы, в числе которых были разные гайдары, чубайсы, бурбулисы и прочие, пользуясь всеобщей неосведомлённостью населения, провели по лекалам и под присмотром западных, в основном американских, советников грабительскую ваучерную приватизацию, сделав небольшую кучку наших сограждан владельцами государственных недр, заводов, газет, пароходов, то есть несказанно богатыми людьми, а основную массу россиян обрекая при этом на нищету и выживание.

Дикий российский капитализм 90-х годов запомнился невероятным разгулом преступности, попранием элементарных прав и свобод людей, неприкрытым рэкетом и кровавыми разборками за сферы влияния бандитских группировок. Повсеместно останавливалось производство, люди тысячами оказывались на улице, без средств к существованию, ещё недавно могучая, экономически развитая супердержава стремительно катилась под откос, превращаясь в нищую, зависимую от внешних подачек и внешних благодетелей третьестепенную страну с далеко не радужными перспективами.

Но даже в этих условиях нужно было жить, выживать, смотреть в будущее. Оставалось верить в себя, в наш народ, который на протяжении своей тысячелетней истории выходил и не из таких потрясений.

Постепенно общество оправлялось от шока, связанного с распадом страны, набирали силу новые тенденции в общественной и политической жизни, люди начинали понемногу осваиваться в сложившихся реалиях.

В 1994 году в Орловской области впервые в современной России прошли всеобщие выборы главы региона. Победу на них одержал опытный политик Егор Семёнович Строев, вернувшийся спустя шесть лет к управлению регионом. Естественно, он стал формировать команду, с которой предстояло проводить реформы, адаптировать экономику области к рыночным условиям.

Как и многие другие предприятия и учреждения края, не луч-

шие времена переживал и Орловский сельскохозяйственный институт. С переводом в Москву Парахина во главе учебного заведения до 1992 года стоял Виктор Николаевич Конобеев, опытный управленец, способный организатор, оставивший свой след и в научной среде. На его долю выпали немалые сложности того самого периода, на который пришлось последние годы советского государства и первые шаги постсоветской России. К чести этого человека, он делал всё, что было возможно, чтобы сохранить коллектив, сам институт как вузовскую образовательную структуру. Не всё получалось, его взгляды и видение будущего этого учебного заведения заметно отличались от тех, что проповедовал и заложил в первый свой ректорский срок Николай Васильевич Парахин. При том же Конобееве не лучшие времена, к примеру, пережил учхоз «Лавровский», который изначально был одной из ярких идей и детищем Николая Васильевича. Он, когда работал в ЦК и возглавлял Главнауки, много сделал для оснащения учхоза различной техникой, оборудованием, материалами. И каково же было его удивление, когда, вернувшись из Москвы в Орёл, ничего этого в учхозе он не обнаружил.

Виктор Николаевич КОНОБЕЕВ – ректор Орловского сельскохозяйственного института с 1987 по 1992 год, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

Родился 1 октября 1931 года на хуторе Уваровском Урюпинского района Волгоградской области. После окончания Азово-Черноморского СХИ работал агрономом в одном из хозяйств Ростовской области. Затем учился в аспирантуре, работал преподавателем, доцентом Донского сельскохозяйственного института.

Переехав в 1972 году на Орловщину, Виктор Николаевич работал в должности зам. директора Орловской госсемхозстанции, зав. лабораторией ВНИИ по охране труда в сельском хозяйстве Минсельхоза СССР. С 1977 года его трудовая и научная деятельность была связана с Орловским СХИ, где он занимал должности декана агрономического факультета, а затем проректора по научной

работе. В течение шести лет, с 1987 по 1992 год, Виктор Николаевич возглавлял Орловский сельскохозяйственный институт, немало сделал для становления и развития вуза. Он автор более 30 научных статей по вопросам развития агропромышленного комплекса и аграрной науки. Его отличали исключительная скромность, доброта и искренность во взаимоотношениях с коллегами и общении с окружающими людьми.

После Конобеева ректором института непродолжительное время был Геннадий Александрович Гетьман. По отзывам коллег, а также людей, хорошо его знавших, Гетьман был своеобразным человеком, старался в меру своих сил укреплять институт кадрами, формировал систему обучения. Но однажды сделал неожиданный и совершенно необъяснимый для коллектива преподавателей шаг – отдал институтское общежитие на улице Весёлая, 28, тот самый дом студента, под нужды военных. Никто не знал, на каком основании, кто его надоумил. Сам ли он это сделал, по своей инициативе, или «сверху» попросили – так и осталось без ответа. Но случился серьёзный казус: за одну ночь там было всё растащено – двери, окна, мебель, какое-то оборудование и так далее. Общежитие выглядело как будто после бомбёжки. Последовал большой скандал, который пятном лёг на имидж всего института. Парахину, который вскоре пришёл на смену Гетьману, пришлось срочно искать дополнительные финансовые ресурсы, чтобы всё здесь восстановить.

– При всём огромном уважении к этим людям, которые, конечно же, имели, свои достоинства как учёные, как педагоги, – говорит сегодняшняя ректор ОГАУ Татьяна Ивановна Гуляева, – необходимо отметить, что как ректоры, как руководители и организаторы они были слабее Парахина. Это объективно, так считают все, кто непосредственно работал рядом с каждым из них.

Тем не менее нужно отдать должное, что по отношению к своим предшественникам он проявил и огромное уважение, и простую человеческую сердечность. «Гетьман, это же голова, это наука», – говорил он, как бы ограждая Геннадия Александровича от излишних нападок и обвинений, давая тем самым понять, что заслуги учёного, его исследования многократно перевешивают все допущенные им ошибки и недостатки на посту руководителя.

С приходом к управлению областью Егора Семёновича Строева в институте заговорили о возвращении в Орёл и Парахина, который затерялся где-то там, в лабиринтах столичной жизни. Кто-то по этому поводу выражал скептицизм, дескать, после таких московских постов, когда человек руководил по существу всем сельскохозяйственным вузовским образованием страны, он едва ли согласится на такую незначительную должность, как ректор одного из самых маленьких периферийных вузов. К тому же в институтских кругах поговаривали, что Николай Васильевич сделался успешным коммерсантом, организовал со товарищи собственную фирму. Плюс квартира в Москве, опять же сын учится в военной академии, второй поступил в Суворовское училище. Нет, не поедет Парахин в Орёл, что он здесь забыл?

Однако, зная, как Егор Семёнович относится к Парахину, что их связывает немало лет совместной работы и тут, на Орловщине, и в Москве, ряд преподавателей решили воспользоваться ситуацией, обратились к главе области с просьбой вернуть Николая Васильевича в институт. В администрации региона им прямо ответили: «Хотите вернуть? Возвращайте». В Москву полетела телеграмма, в которой настоятельно просили Парахина приехать в Орёл, где его ждут.

Раздумывал он недолго. «Поедем, – коротко сказал жене. – Надеюсь, что таких столичных командировок у меня больше не будет».

– Когда уже его утвердили в должности ректора, – вспоминала Тамара Васильевна, – как-то пошутил, дескать, два раза в одну и ту же реку не входят, а мы вошли. Только река уже не та, что была прежде. Потому что и страна другая, и требования тоже будут меняться. И работать надо с иным подходом. С каким? Он точно ещё не знал, но сам для себя определил это так: вкалывать, использовать все возможности, формировать сильную команду, ведь одному не одолеть всех тех проблем, которые предстояло решать.

Уже в самом начале его второго ректорского срока жизнь приготовила неприятный сюрприз: у Тамары Васильевны врачи диагностировали серьёзное заболевание. О преподавательской и другой какой-то работе ей пришлось забыть. Болезнь жены и борьба за её здоровье стали ещё одним вызовом для Парахина и всей его семьи.

Геннадий Александрович ГЕТЬМАН – ректор Орловского сельскохозяйственного института с 1992 по 1994 год, доктор экономических наук, профессор.

Геннадий Александрович Гетьман родился в 1937 году. В 1967 году получил блестящее образование в Одесском государственном университете, и с тех пор его жизнь была полностью связана с преподаванием и большой наукой.

Последние 23 года Геннадий Александрович работал на Орловщине, в том числе ректором, заведующим кафедрой экономической теории Орловского агроуниверситета.

На его долю пришлось тяжелейшие годы (1992–1994) руководства вузом, когда в условиях становления новой России, слабой экономики его силы были направлены на сохранение института. В тот же период (с 1993 г.) возглавлял кафедру экономической теории и мировой экономики

Как учёный-теоретик Г. А. Гетьман отличался острым аналитическим умом. Он разработал теоретические основы государственного регулирования устойчивого развития отраслей АПК. Это позволило ему создать крупную научную школу. Среди его учеников – 32 доктора и кандидата наук.

Им опубликовано 214 научных и методических работ. Он являлся членом общественных академий, в частности академиком Академии информатизации и предпринимательского дела, многих диссертационных советов, редколлегий научных журналов.

Получил звание почётного работника высшего образования России, заслуженного работника высшей школы РФ.

Стройка

Годы отсутствия Парахина в Орловском сельхозинституте не сильно изменили здесь общую картину. За это время поставили коробки учебных корпусов на том самом Ведьмино поле, строительство которых начиналось ещё при ректоре Дунаевском и про-

должилось при первом «заходе» Парахина. Но конца этой стройки не было видно. Первое, с чего и требовалось начинать, – оживить строительный процесс, и не просто оживить, а закончить стройку. Тем более что уже открылись новые факультеты, на которых готовили инженеров и строителей для села.

– Очень хорошо помню этот момент, – рассказывает Татьяна Ивановна Гуляева. – В институт я пришла в 1990 году, и до 1994 года строительство здесь шло ни шатко ни валко. Средства на эти цели выделялись самые минимальные. Часть помещений была готова, они уже использовались для занятий, другие требовалось доводить до ума. А вот территория вокруг представляла собой ужасное зрелище. Повсюду кучи строительного мусора, грязь невероятная. Проходили здесь только в сапогах, иначе было нельзя.

Андрей Валентинович Мамаев, доктор биологических наук, дополняет картину:

– Этот новый учебный корпус строили очень долго. Ещё будучи студентами, мы тоже помогали выполнять определённые виды работ. Но с 90-х годов здесь всё стояло без движения. Николай Васильевич, когда вернулся после Москвы в ректорское кресло, практически возобновил строительство. Все, кто учился вместе со мной на зооинженерном факультете, после занятий вместе с преподавателями непременно шли на стройку, потому что считали это общим делом. В основном, конечно, выполняли второстепенные, подсобные работы, помогали разгружать и складировать стройматериалы, очищали от мусора подвал, убирали территорию. Помню, нам тогда интересно было узнать, почему в качестве строительной площадки выбрали именно этот пустырь. Ведь здесь ни коммуникаций, ни подъезда нормального не было. Работавший какое-то время после ухода из жизни Давида Борисовича Дунаевского и. о. ректора Баканов рассказывал, что на этом месте должны были построить то ли дом отдыха, то ли пансионат. Во всяком случае, что-то такое планировалось. Просто был проект, который в конечном итоге переделали под институт. А что институт в конечном итоге состоялся, стал таким, какой он есть сейчас, заслуга на 99% принадлежит Парахину. Он в буквальном смысле расшевелил здесь всё. Мы видели и запомнили его невероятно активным, непоседливым, обладающим потрясающей энергией. Ну не мог он сидеть спокойно ни одной минуты,

ни одного дня. Всё время должен был решать какие-то вопросы, постоянно будировать всех: давайте, делайте, не сидите, давайте занимайтесь. Беспокойный человек, неуёмный в хорошем смысле этого слова.

Сил в эту стройку было вложено очень много. Парахин, кажется, только этим и жил, просто не давал ни себе, ни всему коллективу безучастно созерцать со стороны всё происходящее. «Это для нас, это не кому-нибудь, а нам. Здесь будем учиться мы, потом наши дети и внуки», – постоянно напоминал он во время лекций, на любых собраниях и встречах. Тем самым как бы настраивал, заряжал и себя самого, и всё окружение этой большой идеей – построить такой институт, чтобы в нём было удобно и комфортно учиться и чтобы со всех сторон всё выглядело достойно и современно.

В последующие годы благодаря его настойчивости был построен корпус, в котором разместился ректорат, демонстрационно-выставочный центр, молодёжный центр с огромным актовым залом, машинный двор, проведено благоустройство всей территории заложен большой красивый парк.

Справедливости ради надо сказать, что никакого пансионата или дома отдыха на этом месте не планировалось.

– Новый корпус СХИ строили по федеральному проекту, – раскрыл некоторые нюансы этой истории Михаил Георгиевич Михайлов. – Я в это время работал заместителем губернатора, был в курсе таких вещей. Всё строительство шло с одобрения руководителя региона. Егор Семёнович не просто помогал реализовать проект, он помогал Парахину в самых принципиальных вопросах: подписывал письма с просьбами, разными прошениями в Москву, звонил в министерства, разговаривал, убеждал больших людей, от которых зависело решение тех или иных проблем. Этого не отнять. Но Парахин и сам отдавал массу сил, чтобы стройка состоялась. В этом плане его было не остановить, и, кажется, если он поставил перед собой какую-то цель, для него преград не существовало. Чего стоит один только парк, заложенный здесь в середине 90-х годов при его непосредственном участии как автора идеи, как ученого. Никто ведь не верил, что на этом месте может что-то вырасти. А он доказал, добился своего. Чтобы парк состоялся, привлёк для этой работы даже главного лесничего области,

одного из лучших специалистов по части лесопарковых зон. Многие уже тогда удивлялись и качали головами: это же сколько нужно иметь сил, желания, ума, чтобы собрать и заложить на пустыре такую красоту из деревьев и цветов?! Облагородить, окультурить этот заброшенный, заросший бурьяном клочок земли, наполнить его новым содержанием и красками?! Считаю, на десятилетия, а может, и на века создан своеобразный памятник человеку!

– Нужно, конечно, понимать, – продолжает Михайлов, – что такое большая стройка, особенно в те непростые годы. Этим ведь надо жить каждый день, каждый час. Держать в голове тысячи вопросов, ходить по высоким кабинетам и здесь, в Орле, и в столице. Доказывать, пробивать. Мало ли что где-то в планах записали это строительство. Само по себе ничего с места не сдвинется, и вода, как известно, под лежащий камень не течёт. Требуются огромное желание и сила воли, чтобы развернуть работу, контролировать её, подталкивать, вникать во все детали строительства и довести дело до логического конца. Деньги, они ведь как работают? Если не будешь стремиться их получить, могут отдать и на другие объекты, по стране разных строек сотни и тысячи. И все хотят, чтобы финансировали именно этот, а не другой проект.

У него была хорошая черта – он не любил отступать от задуманного и добивался своего, сколько бы усилий и нервов для этого не пришлось потратить.

| Кадры

Многие из тех, кто знал Парахина близко, уже тогда отмечали: Москва не изменила его в человеческом плане, но дала ему многое. Он возмужал, окреп, у него появилась уверенность в том, что он говорит, какие слова произносит, и в том, что он делает. Поездки по стране, когда приходилось принимать те или иные решения по самым разным проблемам, связанным с организацией образовательного процесса, улаживать конфликты, помогать в подборе кадров, обсуждать вопросы финансирования многих важных и сложных проектов, значительно расширили его кругозор, раздвинули общее видение того, как нужно строить саму систему обучения в сельскохозяйственных вузах, на что делать

упор, какие выбирать приоритеты. У него появился обширный круг общения в учёной среде, он видел современные тенденции научных поисков. Его знали и с большим уважением относились к нему, к его работе и в министерстве, и на местах руководители многих регионов, подведомственных вузов. Он никогда не обещал того, что нельзя было сделать, но старался по максимуму использовать возможности, которыми располагал союзный главк.

– Немудрено, что в Орёл на должность ректора вернулся человек не просто с набором полезных и нужных идей, а с чёткой программой развития учебного заведения, рассчитанной на перспективу, – считает профессор Лидия Павловна Степанова. – Эту программу он станет последовательно, шаг за шагом осуществлять на протяжении всего периода своей работы в должности ректора.

– В практическом смысле, – продолжает Лидия Павловна, – для Орловского СХИ такие знания дали возможность быстрого и успешного развития: в течение весьма короткого времени был пройден путь от рядового провинциального института до государственной сельскохозяйственной академии и государственного университета. Не окажись на тот момент в должности ректора Николай Васильевич Парахин, не уверена, чтобы такое случилось. В этом помогло многое, но главным движущим моментом явилась его нацеленность на результат. Он видел перспективу, у него была мечта именно создать на базе института сначала академию, потом университет. Без высокой мечты и большой цели такие вещи не складываются.

У него получилось. Разумеется, этот образовательный и научный дом под названием ОГАУ он строил не один, трудилась вся команда, весь большой профессорско-преподавательский коллектив. Но ведь команду формировал главным образом он и делал это не для себя, не для конкретных каких-то людей, а для вуза.

В разговоре с профессором Степановой мы затронули один весьма тонкий вопрос, который касается степени субъективности и объективности руководителя в оценке коллег, своих подчинённых. Каким, на её взгляд, был в этом вопросе Николай Васильевич Парахин? Что здесь, может быть, превалировало: субъективный подход или же объективная сторона? Хотя, понятное дело, у каждого человека на этот счёт будет своё мнение.

Лидию Павловну нисколько не смутила такая постановка вопроса.

– Каждый человек, – сказала она, – по отношению к другим людям, в оценке деловых качеств в той или иной степени субъективен. Это аксиома. Субъективность есть в каждом из нас. И первая наша оценка, изначальная, в большей степени субъективна. Это потом, по мере узнавания человека, когда мы видим его в деле, видим результаты его труда, процент объективного отношения к нему повышается.

По отношению к Николаю Васильевичу могу высказать, разумеется, свою точку зрения, то есть субъективную: он по отношению к другим людям, во всяком случае, с кем вместе работал, шёл, как говорится, рука об руку, проявлял больше объективных оценок, нежели субъективных. Кто-то, возможно, с этим не согласится, но тут уж, как говорится, личное дело каждого. Да, он не был ни ангелом, ни таким добрячком, который всем готов угодить, который сторонится конфликтов, острых вопросов. Нет, он был другим. Требовательным, строгим, в чём-то бескомпромиссным, особенно когда речь шла о научной работе или выполнении служебных обязанностей. Тут уж, что называется, спуску не жди и все твои прежние заслуги едва ли помогут.

– К моменту возвращения в Орёл, – добавляет Татьяна Ивановна Гуляева, – он уже был готовым во всех смыслах и вполне состоявшимся руководителем, обладал огромнейшим опытом научно-педагогической, производственной, административной деятельности. Это был настоящий лидер.

Сама Татьяна Ивановна пришла на экономический факультет Орловского СХИ в 1990 году, будучи кандидатом наук. Пригласили её для укрепления кадров, поскольку потребность в крепких преподавателях, к тому же имеющих учёную степень, имела всегда. Начинала старшим преподавателем, потом на протяжении 17 лет была первым проректором, заместителем Николая Васильевича Парахина.

По её мнению, работу с кадрами он всегда считал приоритетом в своей ректорской деятельности.

– Это не менялось с годами, – продолжает Гуляева, – даже потом, когда в вузе собралось достаточное количество докторов наук и профессорско-преподавательский состав по главным

критериям вполне отвечал требованиям времени, а в чём-то даже опережал. Несмотря на это, Николай Васильевич постоянно говорил, что надо ещё, что этого мало, если смотреть в будущее, а не довольствоваться тем, что есть. Поэтому активно приглашал на работу перспективных и уже состоявшихся учёных и преподавателей из других вузов, не обязательно профильных. Самым серьёзным образом работал сам и заставлял всех нас готовить аспирантов из числа выпускников вуза, искать и воспитывать тех, кто имеет желание и склонность посвятить себя образованию, науке.

В целом, характеризуя Парахина, Татьяна Ивановна говорит так:

– Что было принципиально важным в этом человеке? Без сомнения, он был неординарной личностью. Я бы особенно выделила три момента. Первое – его природный ум. Второе – неимоверная работоспособность, таких людей, как говорится, пощещь – не найдёшь. И третье – огромный, разнообразный опыт, который он получил в жизни.

Ещё один немаловажный штрих. Парахин на протяжении всего периода своей ректорской миссии проводил очень жёсткую кадровую политику, соблюдая при этом целый ряд определённых принципов. Не было случая, чтобы он взял на работу кого-то из своих родственников или чьих-то родственников, за которых просили, либо человека по рекомендации, допустим, губернатора или его ближайшего окружения. Он подбирал людей по деловым качествам, потом учил их, доводил, что называется, до нужного уровня и после этого спрашивал. Скидок не делал никому. Это было непреложное правило, о котором знали все, и все это чувствовали. Работа с кадрами по существу носила продуманный, системный характер.

– Несмотря на то, – продолжает профессор Гуляева, – что Николай Васильевич был очень требовательным человеком, я не знаю примеров, когда бы он превышал свои полномочия, нарушая при этом очень зыбкую грань «руководитель и исполнитель». Могу сказать это по себе, поскольку многие годы работала рядом с ним, видела его в разных ситуациях: и в минуты успеха, несомненных удач, и в те моменты, когда что-то не ладилось, возникали проблемы и сложности. Да, спрашивал всегда принципи-

ально, чётко, но я ни разу не почувствовала, чтобы он говорил со мной в унижительном, тем более оскорбительном тоне. Это было исключено. А то, что требования были жёсткие, на это имелись свои объяснения, поскольку уровень задач и вопросов, которые перед нами стояли, были сложными, планка высокой. По-другому было нельзя, он устанавливал и поднимал эту планку, стараясь соответствовать духу времени и тем новым задачам, которые предстояло решать.

Итак, помимо возобновления и ускорения строительных работ, Парахин сразу же приступил к формированию новой образовательной стратегии вуза, которая включала в себя качественное насыщение преподавательского состава, расширение и обновление научно-технической базы, превращение института из обычного профильного учебного заведения в передовой научный и образовательный центр. Такую задачу он озвучил на первом же собрании профессорско-преподавательского коллектива. И стал методично, целенаправленно, шаг за шагом её продвигать.

Для этого очень дажегодились те контакты и связи, которые были приобретены за годы работы в Москве.

Вот что, к примеру, рассказывает о том, как приехал в Орловский СХИ известный учёный, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Василий Тихонович Лобков.

– Наше знакомство с Николаем Васильевичем приходится именно на тот момент, когда он руководил сектором агропромышленного комплекса в ЦК КПСС. Так совпало, что я в то время работал во Всесоюзном НИИ земледелия и защиты почвы от эрозии и участвовал в разработке последней в истории Советского Союза научно-технической программы. Программа курировалась как раз Николаем Васильевичем Парахиным по линии ГКНТ – Государственного комитета по науке и технике. Поэтому моё появление в Орле в 1995 году, через год после того, как Орловский СХИ вновь возглавил Парахин, было в определённой степени закономерным. Он знал обо мне, знал о моей работе, мою кандидатуру, разумеется, ему рекомендовали, поскольку по-другому, без соответствующих рекомендаций, ни в то время, ни сегодня в вузовскую систему попасть не так-то просто. Тем более если вы вдобавок ко всему ещё иногородний специалист.

К тому времени, продолжает Василий Тихонович, я уже был

доктором наук, а рекомендовали меня член-корреспондент ВАСХНИЛ Владимир Алексеевич Тельбюков, который долгое время работал проректором Тимирязевской сельхозакадемии, а также известный в стране учёный Иван Степанович Кочетов, последнее место его работы – академик-секретарь отделения земледелия Россельхозакадемии. Собственно, они-то и сагитировали меня поехать в Орловский СХИ на том основании, что институт молодой, сюда требуются хорошие специалисты. Кроме того, мне дали понять, что у нового ректора в Орле серьёзные планы, человек он деловой, амбициозный, любит науку, сам активно участвует в научно-исследовательских мероприятиях – вы с ним непременно сработаетесь, заверили меня.

Дальнейшая жизнь показала, что так оно и получилось. Василий Тихонович стал одним из ближайших единомышленников Парахина, долгое время возглавлял кафедру земледелия, 12 лет был проректором по науке.

– Надо отдать должное Николаю Васильевичу: он умел увидеть не просто потенциал человека, но и его достоинства, его способности, – высказывает свою точку зрения профессор Лидия Павловна Степанова. – Думаю, во мне он увидел человека работоспособного, организованного, ответственного. Как руководитель, как ректор он не только давал поручения, но и проверял, как эти поручения исполняются. Это крайне важно.

Когда Николай Васильевич защитил докторскую, которая, на мой взгляд, была для него важной ступенью не только в научном плане, хотя это прежде всего, но и давала возможность более требовательно относиться к другим, у нас состоялся довольно обстоятельный разговор. Он вызвал меня в кабинет и сказал: «Я даю тебе должность профессора (а я к тому моменту была кандидатом наук), но есть одно условие: надо защищаться». Разговор этот состоялся в феврале. Он мне так по-дружески, но твёрдо говорит: «Бери отпуск, собирай материалы, оформляй всё как положено». У меня к тому времени уже защищённых аспирантов было четыре, а это важно, потому что они по большому счёту твои помощники, работающие, как правило, в одной тематике с руководителем.

И ещё он увидел в Лидии Павловне человека, который никогда не позволит себе воспользоваться чужим доверием.

– Тогда же, в феврале 2001 года, – продолжает она, – я ушла в

отпуск, а уже в апреле доложила, что докторская диссертация готова. Как работала? Обыкновенно, забывая, сколько в сутках часов. Впрочем, как и многие из моих коллег. По-другому нельзя. Время не позволяет. В июне состоялась защита. Когда я попыталась, оформляя отпуск, что-то такое произнести, дескать, скоро не управлюсь, он чуть ли не в приказном тоне заявил: «Никаких отговорок. Защититься надо в этом году». И добавил, чтобы не было лишних вопросов: «В этом учебном году».

Помню, приехала в родную Тимирязевку на предзащиту, мой бывший руководитель по кандидатской диссертации Иван Сергеевич Кавальчук сказал: «Очень хорошо, Лидия Павловна, вот и молодец. Давайте я посмотрю вашу диссертацию. Летом, во время отпуска, не спеша. А осенью вы спокойно защититесь». Я ему отвечаю на это, что не могу: ректор поставил условие, что защититься надо уже в этом учебном году. И вот 27 июня состоялась моя защита, там же, в Тимирязевской академии. Было непросто и очень ответственно держать защиту перед теми преподавателями, у которых училась, набиралась, как говорится, ума-разума в студенческие годы.

Добавим: те, кто присутствовал на защите, потом скажут ей и Николаю Васильевичу, что это была самая красивая защита. По содержанию, раскрытию темы, ответам на вопросы оппонентов и так далее.

– Не скрою, – признаётся Лидия Павловна, – работа над докторской далась нелегко, но очень скоро напряжение и усталость прошли и появилось осознание того, что Николай Васильевич был прав, когда настоял на своём, поставил условие и даже ограничил по срокам. Это дало мне силы, хорошую мотивацию, заставило полностью сконцентрироваться на выполнении научной работы.

27 июня 2001 года была среда, а уже через два дня, на 29-е число, на заседании учёного совета, руководителем которого была Степанова, назначили защиту ещё двух соискателей. И к ним нужно было успеть подготовиться.

Да, график работы бывает жёсткий, времени, как говорится, в обрез. Но такова научная и преподавательская стезя. Здесь жизнь бьёт ключом, и расслабиться можно далеко не всегда.

Кстати, об учёном совете. На должность секретаря этой очень значимой для любого научного коллектива структуры Лидия

Павловна попала совсем молодой, в 1978 году, ещё при первом ректоре института. Но тогда всё только формировалось, делались, по существу, начальные, весьма робкие шаги, нащупывались нужные направления работы. Парахин, вернувшись из Москвы, как бы вдохнул в учёный совет свежую струю, расширил диапазон участия членов совета в формировании научных планов, тематических исследований, включил в сферу его влияния целый ряд других направлений работы вузовского коллектива.

– А что такое секретарь учёного совета? – задаётся риторическим вопросом профессор Степанова. – Это всё равно что Атлант, который держит на своих плечах тяжеленный груз. Тут, помимо науки, ещё и учебный процесс, и финансовая сторона научной деятельности, те же публикации монографий, учебников, диссертаций и многое другое.

У Парахина была одна характерная особенность, продолжает Лидия Павловна: он всегда давал задания, что нужно сделать, какой конкретный вопрос подготовить к следующему заседанию. А как ты будешь делать, это твои проблемы. Допустим, нужен план работы учёного совета на ближайший месяц, квартал. Предлагай, какие вопросы, какие проблемы вынести на обсуждение. Или кто-то внёс предложение обсудить переизбрание преподавателей на очередной срок. Отлично! Значит, нужно вопрос изучить, кого конкретно повышать, за что, есть ли основания. Составить список, по каждой кандидатуре подготовить объективную информацию, выделить плюсы и минусы. Всё же это обсуждалось и решалось на учёном совете, и всё это очень серьёзные и отнюдь не формальные вещи. Потому что за ними – судьбы людей, их карьера, их будущее.

Представьте себе, что человек рассчитывает на то, что его должны повысить, у него для этого, как он полагает, есть все основания, он хорошо работает, а его по какой-то причине не замечают. Или наоборот, всеми, как говорится, силами держится за свою должность и при этом ничего не делает. И такое случалось.

От настроения и действий учёного совета зависит и настроение коллектива, поскольку в нём, по сути, есть представители всех институтских структур – деканы, заведующие кафедрами, руководители административных и хозяйственных служб. И вопросы здесь обсуждаются отнюдь не малозначимые. Бывают и

споры, и серьёзные трения по тем или иным позициям. Это не кулуарный орган и не какой-нибудь там междусобойчик. А задача учёного секретаря как раз и заключается в том, чтобы создать определённый микроклимат, рабочую атмосферу, чтобы на таких заседаниях превалировали не чьи-то эгоистические интересы, а в первую очередь и главным образом интересы дела.

Можно ведь какими-то необдуманными словами или обсуждениями сбить такое собрание с деловой волны, вызвать отрицательные эмоции. А можно, даже обсуждая сложный вопрос, остаться на положительной, конструктивной волне.

Но продолжим о кадрах. Не менее интересной в этом плане оказалась история ещё одного известного человека, большого учёного, доктора сельскохозяйственных наук, профессора, члена-корреспондента РАН Владимира Ивановича Зотикова, до недавнего времени возглавлявшего Всероссийский научно-исследовательский институт зернобобовых и крупяных культур (ВНИИЗБК).

| «Станешь доктором – приходи»

– С Николаем Васильевичем Парахиным, – вспоминает Владимир Иванович, – мы познакомились в 1989 году, когда он был начальником главка сельскохозяйственных вузов. Я в ту пору работал в университете города Астаны, (сегодняшний Нур-Султан. – *Прим. авт.*), занимал должность декана агрономического факультета. Он был в командировке в Казахстане, приезжал к нам и, естественно, как специалист в области агрономии, не мог обойти стороной профильный факультет. Мне он тогда запомнился очень живым, заинтересованным и в чём-то даже дотошным человеком. Его интересовало всё до мелочей в буквальном смысле: преподаватели, тематика обучения, научные поиски, оснащённость учебных кабинетов и лабораторий, жилищные условия, настроение людей.

Позднее жизнь распорядилась таким образом, что я оказался в Орле, куда до этого переехал мой сын. В это время Николай Васильевич уже снова занимал здесь должность ректора аграрного вуза.

Думая о трудоустройстве, я посчитал, что будет нелишним зайти и напомнить о себе. Вдруг повезёт, и я, может быть, найду

здесь какую-то работу, желательно, конечно, по профилю. В Астане к моменту переезда в Орёл я работал проректором того самого вуза, который посещал Парахин, имел учёную степень кандидата наук.

Прошёл в кабинет, поздоровались, поговорили. Итог разговора был для меня неожиданным. «Владимир Иванович, всё хорошо, – дипломатично заключил Парахин. – У тебя большущий опыт – в вузе почти 30 лет, а это не шутка. Но нам здесь нужны доктора наук, понимаешь?» И повторил, видно, для большей убедительности: «Доктора. Кандидатов хватает».

Можно было обидеться, посчитать, что мне вежливо отказали, но я воспринял это не как отказ, а как надежду и некую возможность, которую мне предоставляют. Но предоставляют с чётким условием и отсрочкой по времени, и длительность этой отсрочки зависит исключительно от меня самого. Поблагодарив Николая Васильевича, я попрощался и сказал, что понял его и через год снова приеду.

Эта встреча и особенно разговор меня как будто подтолкнули вперёд, дали ускорение. То, что делал не спеша, не торопясь, откладывая на потом, как это часто бывает, больше откладывать самому себе уже не позволил ни на один день. В течение года защитил докторскую и, как обещал, вернулся в Орёл. «Вы же сказали, что нужны доктора наук. Вот, перед вами новоиспечённый доктор», – и показываю ему свидетельство.

«Замечательно, – сказал тогда Парахин. – Вижу, ты человек слова и дела. Такие нам и нужны».

Меня взяли на кафедру растениеводства, где я преподавал целых полтора месяца. А потом случилось вот что. Как-то Николай Васильевич пригласил меня в кабинет и спрашивает, не хотел бы я поработать директором института. «Знаю, – говорит, – смотрел твоё личное дело, что был у тебя опыт работы начальником научно-исследовательской службы».

«Что ж, – отвечаю, – можно попробовать».

Николай Васильевич повёл меня в администрацию области: сначала – к заместителю главы региона по сельскому хозяйству Александру Николаевичу Майорову, а потом уже вместе с ним зашли к Егору Семёновичу Строеву.

Поговорили, обсудили проблемы, а речь шла об институте зер-

нобобовых и крупяных культур. Мне выписали направление, с которым я поехал в РАСХН, к академику Романенко. Академик посмотрел на меня, спрашивает: «Ты откуда приехал? Тебя кто знает в России? Рекомендации кто-то даст? Слово замолвить может?» А у меня обязательно был какой-нибудь знакомый, сослуживец или ученик в должности ректора вуза, директора НИИ чуть ли не по всей России: в Иванове, Владимире, Ленинграде, в Ингушетии, в Грозном.

«Давайте, – говорю, – позвоним, сделаем запрос по любому из адресов. Можно прямо сейчас, не выходя из кабинета».

«Ну, хорошо, – отвечает Романенко, – 16 февраля у нас годовое академическое собрание, тогда и определимся».

Он что-то пометил у себя в календаре, и мы попрощались. Думаю, он воспользовался двумя-тремя адресами, которые я назвал.

И уже через 10 дней, с 27 февраля, я приступил к работе в должности директора ВНИИЗБК. То есть по большому счёту Николай Васильевич дал мне стимул, как бы подтолкнул к движению по научной и профессиональной лестнице. В самом начале он не сказал «Я тебя не возьму» или «Нам такие не подходят», как это часто случается в подобных ситуациях, а поставил условие: защищай докторскую и приходи работать.

Мы в дальнейшем очень плотно сотрудничали по многим вопросам – научным, прикладным, производственным. Сельскохозяйственный институт, ставший аграрным университетом, ежегодно направлял к нам на практику не меньше 30–35 студентов. А это не только рабочая сила в хорошем смысле этого слова, когда нужно руками что-то делать на опытных участках, но и помощь нашим специалистам в расчётах, оформлении бумаг, описании тех или иных моментов селекционной работы, что само по себе немаловажно. Но здесь немалая польза и для самих ребят, поскольку, занимаясь на опытных участках, они видели весь процесс селекционной работы, изучали семеноводство, участвовали в технологических операциях непосредственно в поле. Я думаю, что на основе этих практик во ВНИИЗБК студенты университета защитили никак не меньше сотни дипломных работ.

Нередко с Николаем Васильевичем мы вместе готовили методические и другие материалы, у нас есть совместные статьи в

научных журналах и сборниках, посвящённые различным аспектам развития растениеводства.

Я вспоминаю его не просто как учёного, целиком, без остатка отдававшего себя делу, которому он служил, беспредельно преданного аграрной науке, образованию, просвещению, но и как удивительно чуткого и внимательного человека. Что тут скрывать, Николай Васильевич после переезда моей семьи в Орёл помог мне решить проблему жилья, лично просил за меня губернатора. Хотел, чтобы я закрепился и остался в этом городе.

У меня в трудовой книжке была всего одна запись. В Астане. Я хотел, приехав в Орёл, чтобы здесь была вторая и желательно последняя.

Собственно, так оно и случилось. И ключевую роль в этом сыграл Николай Васильевич Парахин.

В ходе этой нашей беседы Владимир Иванович рассказал ещё об одном факте, который известен, пожалуй, только узкому кругу учёных и специалистов аграрной отрасли.

– Думаю, немногие знают, – сообщил он, – что Николай Васильевич получил в свое время совместное авторское свидетельство на новый сорт гороха «спартак». Это было примерно в 2005 или 2006 году. Был у него один аспирант по фамилии Волков. Он учился как раз у Парахина, на его кафедре, потом в аспирантуре, а к нам поступил после вуза на должность научного сотрудника. С одной стороны, работал над диссертацией, с другой – шла практическая работа по селекции здесь, в ЗБК. Я выступал в этом селекционном проекте как директор, Николай Васильевич в качестве научного руководителя. Это была по-настоящему творческая работа, в которой нас ждал успех. В результате удалось вывести новый сорт гороха, который, кстати, к настоящему моменту уже районирован в семи областях России.

Замечу: это особенный сорт, он стал первым, в котором чётко прослеживается такая морфологическая особенность гороха, когда листья чередуются с усам. Что это даёт? Прежде всего, устойчивость от полегания, и второй важный момент – возможность убирать урожай прямым комбайнированием. Работать над сортом пришлось лет семь, не меньше. Сначала вывели образцы, потом, когда появился научный задел, проводили полевые испытания. Сейчас этот сорт пользуется хорошим спросом. Это один

из самых первых сортов так называемого реферативного типа¹ не только в нашей стране, но, пожалуй, и в мире тоже.

«Мы иногда сами себя принижаем, – заметил тогда Владимир Иванович, – в плане научных открытий, их популяризации, широкой огласки. Создали, к примеру, в нашем ВНИИЗБК так называемый детерминантный² сорт гречихи, и, кстати, уже не один. Ни в Европе, ни в Америке, ни в Азии такого нет, только у нас. Это мировое открытие. А кто о нём знает? Где это написано, представлено широкой аудитории? Разве что в специальных изданиях, для узкого круга специалистов. Но это же неправильно, так не должно быть. Мы обязаны гордиться и рассказывать о своих достижениях, рассказывать о людях, которые этого добились, сделали открытие, вывели новый сорт продовольственной культуры, подняли на новый уровень систему образования, построили университет и так далее. Это моё глубокое убеждение. И я в этом смысле не одинок».

Владимир Иванович ЗОТИКОВ – член-корреспондент Российской академии наук (РАН), доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

Владимир Иванович Зотиков родился 25 ноября 1948 года в городе Акмолинск.

В 1971 году окончил Целиноградский сельскохозяйственный институт (ныне Казахский агротехнический университет). Здесь же после учёбы стал работать. За тридцать лет прошёл путь от агронома учебно-опытного хозяйства и научного сотрудника до первого проректора, эту должность он занимал с 1993 по 2002 год.

В 2003 году переехал в Орёл, некоторое время работал на кафедре растениеводства в ОГАУ. В том же году утверждён директором ВНИИ зернобобовых и крупяных культур, который возглавлял на протяжении 15 лет.

¹ Реферативный тип – основанный на сжатом и ёмком описании общих признаков этого растения

² Детерминантный – то есть самоограничивающий себя в росте сорт культурного растения.

Опубликовал свыше 300 научных работ, в том числе пять монографий.

Главный редактор журнала «Зернобобовые и крупяные культуры».

Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почётными грамотами РАСХН и Министерства науки и образования Казахской Республики, памятной медалью им. А. И. Бараева, знаком «Отличник образования Республики Казахстан».

В 2001 году стал профессором, спустя год – доктором сельскохозяйственных наук, в 2016 году – членом-корреспондентом РАН.

Ныне Владимир Иванович является научным руководителем Федерального научного центра (ФНЦ) зернобобовых и крупяных культур. Профессор ОГАУ.

Формирование любой команды, от которой во многом зависит успех того или иного дела, – задача совсем непростая. Особенно если речь идёт о творческом коллективе, который напрямую связан с образовательным процессом. Конечно, если рассматривать вопрос с позиций обыкновенной логики и здравого смысла, нет никакой разницы в том, откуда ты берешь кадры: приглашаешь ли со стороны или растишь их в собственном коллективе. Критерий здесь всегда один и тот же – уровень компетенций, владение тематикой, за которую отвечаешь, лекторское и преподавательское искусство. Короче, чем выше профессиональная подготовка человека, тем лучше, тем больше у него шансов влиться в университетский коллектив, занять достойное место в ряду коллег.

Нисколько не нарушая это правило, Николай Васильевич тем не менее стремился стимулировать интерес к научному поиску, к исследовательской деятельности тех, кто работал рядом с ним, кто начинал свой путь к преподаванию, к учёной степени ещё со студенчества. Такие люди обязательно выявлялись посредством различных внутри- и межвузовских творческих конкурсов, студенческих олимпиад, участия студенческой молодёжи в исследовательской и проектной работе. Наиболее способные и увлечённые непременно попадали в поле зрения руководства университета, лично ректора, который создавал подающему надежды студенту, аспиранту, преподавателю все условия для дальнейшей учебы и профессионального роста.

– Для него на протяжении всей его ректорской миссии, – рас-

сказывает Татьяна Ивановна Гуляева, – неизменным оставалось ещё одно правило – он морально и материально поддерживал своих сотрудников и преподавателей, особенно молодёжь. Молодые преподаватели имеют возможность бесплатного обучения в аспирантуре в своём университете, а обучение аспирантов в других вузах оплачивает университет. Премирование за получение диплома о присвоении учёной степени стали системой в вузе, доброй традицией сложилось ежегодное премирование ко Дню российской науки учёных за весомые научные результаты: получение патентов, опубликование монографий, учебников, учебных пособий. Это хорошие стимулы для всех, и в первую очередь для молодёжи.

Мы уже говорили о его непреложном желании продвигать, направлять в науку, в исследовательский процесс своих коллег, способных и равнодушных преподавателей. И каждый новый кандидат, и особенно доктор наук, вызывал в нём неподдельную гордость.

– В такие минуты он не сдерживал эмоций, радовался искренне, от всей души, – вспоминает профессор Николай Николаевич Лысенко. – Вёл себя так, как будто произошло событие какого-то гигантского масштаба! Он радовался за людей, радовался их достижениям, их успехам и в этом случае не скупился на эпитеты и добрые слова.

Когда в 1999 году в Курском СХИ я защитил докторскую дис-

сертацию, он был не просто доволен, но даже растрогался. «Ты знаешь, какое ты сделал дело? – сказал он, обнимая и поздравляя меня с успешной защитой. – Ты тем самым спасаешь не только ректора, но и весь коллектив».

Я, если честно, поначалу не понял, о чём речь. А он продолжает: «Нам сейчас для развития, для того, чтобы двигаться вперёд, доктора наук нужны как воздух. И ты просто молодец, что подержал это движение, показал пример, как надо работать. За тобой сейчас обязательно другие пойдут».

И ведь, правда, так и случилось. Все последующие годы научная работа, венцом которой во многих случаях становилась защита кандидатских, докторских диссертаций, стала системой, непреложным правилом для всего вузовского коллектива. Она позволила наряду с другими важными показателями в достаточно короткий временной период институту получить сначала статус сельхозакадемии, а затем университета.

Для него очень важно было в тот период настроить на творческий поиск молодых преподавателей, поддержать их, поднять на более высокий уровень исследований. Он не скрывал и при любом удобном случае подчёркивал, что ставку делает именно на молодёжь, поскольку за молодыми будущее. Это была осознанная линия, ему хотелось, чтобы университет опирался на собственные кадры, которые обучились, выросли и овладевали наукой здесь, в наших стенах.

Этот заряд и твёрдый фундамент, заложенный в конце 1990-х – начале 2000-х и закреплённый в последующее десятилетие, стал основой успешного развития ОГАУ на многие годы вперёд. Главное не упустить этих достижений, сохранить их и приумножить.

Я спросил у профессора Лысенко: «А как дела в этом вопросе обстоят сейчас? И есть ли у сегодняшней молодёжи желание идти в науку?»

– Есть, несомненно, есть, хотя времена, как известно, меняются и жизнь не стоит на месте, – последовал ответ. – На той же кафедре, которой я заведую не первый год, сейчас занимаются шесть аспирантов. Недавно пришли ещё двое молодых ребят, будущих выпускников. «Хотим поступить в аспирантуру», – заявили они. «Ну, что ж, желание похвальное, одобряю». – «А что для этого надо? – осторожно спрашивает один. – С темой помо-

жете?» – «С темой помогу, но у вас у самих, наверное, есть уже какие-то задумки? Если есть, давайте обсуждать». В ходе беседы задаю вопрос: «Что, по-вашему, нужно, чтобы поступить и успешно окончить аспирантуру?» – «Наверно, работать над темой», – слышу осторожный ответ. «Нет, – говорю, – ребята, не просто работать, а вкалывать! Готовы с головой окунуться в работу – тогда всё получится. По-другому нельзя: наука – дело серьёзное». Это был один из незыблемых постулатов, которым всю свою жизнь руководствовался Николай Васильевич Парахин.

| От института к университету

В 1995 году, то есть ровно через год после того, как Парахин повторно возглавил Орловский СХИ, этот институт стал сельхозакадемией, а ещё через три года аграрным университетом. То есть путь от института к университету был очень даже недолгим.

Справедливости ради надо сказать, что здесь заслуга Николая Васильевича состояла даже не в том, что он изо всех сил бился за этот статус. В первую очередь его заслуга в том, что он одним из первых среди своих коллег – ректоров уловил начавшуюся в стране определённую тенденцию и сделал всё возможное, что институт получил это новое качество.

Что касается перехода института в разряд академии, здесь всё случилось как-то не слишком заметно, почти по-будничному. Во всяком случае, так могло показаться любому, кто не имел к этому вопросу никакого отношения. К тому моменту у СХИ уже была достаточно солидная учебная база, обучение студентов проходило на нескольких факультетах, весьма прилично выглядел преподавательский коллектив, в котором постоянно увеличивался процент кандидатов и докторов наук. Парахин в этом плане прилагал огромные усилия, стремясь к тому, чтобы качество обучения отвечало самым современным требованиям.

Опять же серьёзным аргументом являлось наличие учебно-производственного хозяйства в селе Лаврово, которое с возвращением в Орёл его инициатора получило новый импульс развития.

В этот период институт, ставший сельхозакадемией, активно подключился и выступил по существу ключевым участником начавшейся в области земельной реформы, что в дальнейшем сыграло значительную роль в преобразовании орловского села, переходе аграрной отрасли на рыночные рельсы.

Но ректор, наверное, как никто другой понимал: академия – это мало, она всего лишь промежуточный этап на пути к более сложной, но очень заманчивой цели, какой является, конечно же, университет.

Да, стать университетом – совсем другое дело. Это мечта, которая тогда казалась неосуществимой. Здесь и требования совершенно другие: к образовательному процессу, к методикам преподавания, к научным поискам. Ко многому. Но ведь не боги горшки обжигают! Надо пробовать, ставить перед собой большие и смелые цели. И двигаться к ним, даже если впереди ждёт немало препятствий.

Для объективности картины добавим, что в тот период желание пройти такую процедуру и заполучить университетский статус было не только у Парахина и не только в Орле. Многие сельскохозяйственные вузы, пользуясь заявленной министерством высшего и среднего образования страны и поддержанной российским правительством привилегией, захотели пройти такую процедуру. Казалось, у Орловской сельхозакадемии минимальное количество шансов: десятки родственных вузов по стране были и гораздо крупнее, и с более развитой базой, научными традициями и системой преподавания. Но надо знать Парахина. По большому счёту он вообще всегда и во всём стремился быть первым, говорил об этом, не скрывая. Именно первым, а не просто в числе первых.

Вот что, оценивая этот важный момент в истории учебного заведения, говорит профессор Лобков:

– То, что Парахин ратовал за новый статус вуза и всячески инициировал этот процесс, отрицать невозможно. Он прекрасно видел наметившуюся тенденцию и не мог, просто не имел права не воспользоваться благоприятной ситуацией. А в силу своих прирождённых качеств, действительно, хотел был первым. Собственно, первым среди профильных вузов этот статус Орловская сельхозакадемия и получила. Но, пройдя в столице серьёз-

ную административную школу, он прекрасно понимал, что дело тут не только в статусе, хотя и это немаловажно. Став университетом, вуз получает дополнительные дивиденды для роста, развития, укрепления образовательной, исследовательской и научной базы. Что, собственно, и подтвердилось всем дальнейшим ходом событий.

Сегодня нет нужды скрывать: история реформирования сельхозакадемии в университет далеко не простая, в ней было много участников и много интересных деталей. Начнём с того, что идею Парахина мощно поддержал Егор Семёнович Строев, который, естественно, ратовал не только за отдельно взятый аграрный вуз, что, разумеется, важно, но и за всю область. Надо отдать ему должное, он не только большой политик, но ещё и тонкий, расчётливый психолог.

А дело обстояло так. В тот момент, а за окном уже был 1998 год, в Орёл приехал министр российского образования Владимир Филиппов. Глава региона в рамках визита пригласил его посетить и сельхозакадемию, которая открыла новые корпуса, заложила на пустыре огромный молодой парк, привела в порядок территорию. Здесь уже обучалась не одна тысяча студентов, преподавание вели десятки профессоров и кандидатов наук. Академия планомерно отвоевывала своё место под солнцем в ряду многих других региональных вузов и очень даже неплохо смотрелась на фоне таких же профильных учебных заведений в масштабах страны.

К этой встрече преподаватели и студенты, следуя законам гостеприимства, подготовили и растянули в самой большой аудитории огромный плакат: «Академия приветствует министра Филиппова».

Вроде бы ничего особенного – обычный жест вежливости в сторону высокого гостя, что бывает нередко в подобных случаях. Но один человек очень тонко использовал этот плакат для решения серьёзного вопроса.

В своём приветственном слове Егор Семёнович, обращаясь к министру, говорит:

– Смотрите, какой хороший плакат подготовили здесь к вашей встрече. Вот бы изменить на этом плакате одно только слово – «академия» на «университет».

Куда деваться Филиппову? Он же не может сразу, да ещё на

глазах переполненного зала, ответить отказом, поэтому уклончиво обещает, дескать, идея сама по себе неплохая, посмотрим, подумаем.

А дальше за обедом Николай Васильевич подходит к Строеву и протягивает письмо. Егор Семёнович, бросив на бумагу короткий взгляд, передаёт её министру:

– Ну что, вот и письмо готово, надо только подписать.

Филиппов берёт бумагу:

– Хорошо, рассмотрим.

Но у Строева просто так не вырвешься.

– Да, нет, – говорит, – Владимир Сергеевич, надо резолюцию наложить, чтоб сразу положительное решение было, а то будет из кабинета в кабинет кочевать, мнения и подписи всякие собирать. А нам ждать некогда. Нам университет нужен. Кадры нужны для села. Хорошие кадры.

Одним словом, решение было положительным. Владимир Сергеевич Филиппов в конце концов согласился и написал на письме Парахина, что он согласен. Таким образом, вуз перешёл в новый университетский ранг.

При официальном оформлении университетского статуса вопросы, конечно, были, поскольку, чего скрывать, оформляли, как говорится, авансом, под Парахина, под его идеи и тот нетривиальный подход к образовательному процессу и подготовке специалистов для сельского хозяйства, которые он не просто декларировал, а проводил на практике. И сделали абсолютно правильно. В последующем университет сполна вернул этот аванс.

– Я хорошо помню тот момент, – делится своими впечатлениями академик Юрий Фёдорович Лачуга, – потому что был в составе министерской делегации. Эту тему, разумеется, обсуждали, Николай Васильевич яростно боролся за университетский статус, доказывал, что для этого сделано очень много и в плане строительства, и в плане оснащения лабораторий и учебных аудиторий, и формирования профессорско-преподавательского состава. И ведь своего добился. То есть даже в таких моментах он мог проявить характер, убедить, привести аргументы, показать перспективу, что, собственно, и было сделано в ходе визита Филиппова.

– Все необходимые аккредитационные требования, а их перечень оказался весьма внушительным, – добавляет профессор

Лобков, – были выполнены в кратчайший срок. Более того, Парахин вместе с командой университета потянул за собой без всякого преувеличения всю образовательную систему страны, которая специализировалась на аграрной тематике. И не только на ней. То есть другие вузы поняли, что надо двигаться, шевелиться, крутиться так, как крутится ректор ОГАУ. Собственно, эта его активная позиция явилась одним из условий нашего выживания в далеко не простых условиях того периода.

Профессор кафедры защиты растений университета Николай Николаевич Лысенко подчёркивает ещё один немаловажный аспект, связанный с переходом Орловской сельхозакадемии на более высокую ступень:

– Разных проблем и сложностей в период становления университета было не перечесть, в том числе в самом процессе образования. Не хватало учебников, методических материалов, не было ещё в достаточном количестве оснащённых необходимым оборудованием лабораторий. Наши сотрудники удивлялись и не очень понимали, когда ректор раз за разом говорил, что нужные учебники и методички необходимо писать самим. Помню, какой резонанс вызвали его слова, что мы не будем задерживаться на этом уровне, нам нужно двигаться дальше, от СХИ к академии, от академии к университету. Мы почему-то полагали, что такое движение происходит само собой, а что оно во многом, если не полностью, зависит от нас самих, от результатов нашей общей работы, понимание дал как раз Парахин.

Мы, молодые преподаватели, поначалу просто пожимали плечами: как это – создать учебник, по которому люди будут учиться? Всё это представлялось сложной, почти невыполнимой задачей. А ректор на каждой встрече, на любом совещании гнул свою линию: надо делать, стремиться, жду ваших предложений, вместе будем создавать ту учебную литературу, которая нам нужна.

Академик Лачуга, работавший с Парахиным в Главнауки ещё в советское время, в 1996 году по предложению Виктора Хлыстуна вернулся в это ведомство, только оно теперь стало уже российским.

– По сути дела, мы начали работать с Николаем Васильевичем, в некотором смысле поменявшись позициями, – продолжает Юрий Лачуга. – Он ректор сельхозвуза в Орле, я его новый

начальник в столичном министерстве. Но замечу: у нас с ним никогда не было таких отношений, которые строятся по известному принципу: «я – начальник, ты – подчинённый». Потому что у меня так же, как у него, всегда было глубокое убеждение, что в науке, в сфере образования это не главное. А главное здесь – насколько человек способен делать дело, насколько он ответственен, умеет подобрать команду, создаёт коллектив, нацеливает его на результат, на выполнение тех или иных задач.

В тот момент в департаменте Главнауки было 59 сельскохозяйственных вузов Российской Федерации, 285 средних специальных учебных заведений, то есть техникумов и колледжей, 75 институтов повышения квалификации в разных регионах России и примерно 60 учебно-опытных хозяйств. Это был уже достаточно большой корабль, который нужно было направлять в новую российскую реальность.

С Николаем Васильевичем встречались довольно часто, и не просто по старой дружбе. Приходилось решать многие текущие вопросы, обсуждать перспективные направления, совершенствовать и улучшать учебный процесс. Одним словом, проблем хватало. Тут и вопросы качественной подготовки специалистов, за что он всегда ратовал, и укрепление материально-технической базы, и формирование сильного профессорско-преподавательского коллектива, в котором должно быть много кандидатов, докторов наук. Кроме того, он поднимал вопросы, связанные с оказанием методической и научно-практической помощи сельхозтоваропроизводителям здесь, в Орловской области. Как человек деятельный, он был всегда не просто в поле зрения, но на самом высоком счету у руководства области. Думаю, никто не станет отрицать и оспаривать тот факт, что Егор Семёнович Строев относился к нему с большим уважением, опирался на него, прислушивался и учитывал его мнение по различным моментам, связанным с развитием аграрной отрасли.

В рабочем кабинете.

Главный корпус университета, который теперь носит имя Н. В. Парахина.

На этих участках отрабатывались экологически безопасные методы выращивания сои.

Студенты и преподаватели агрофака ОГАУ на практических занятиях.

Вкусна и красива ягода малина.

Когда-то и серп был важным орудием труда.

Велосипед – транспорт детства.

Николай Васильевич Парахин (второй слева), министр Алексей Васильевич Гордеев и Егор Семёнович Строев (крайний справа) во время получения высоких государственных наград.

С белгородским губернатором Е. С. Савченко Николая Васильевича связывала давняя дружба.

Губернатор А. П. Козлов был нередким гостем в ОГАУ.

На заседании совета по межвузовскому зарубежному сотрудничеству.

Цветы на юбилей ректору.

Ректор аграрного университета Николай Васильевич Парахин приветствует президента России Владимира Владимировича Путина во время посещения ОГАУ в ходе его визита в Орловскую область, 2000 год.

В демонстрационно-выставочном центре ОГАУ состоялся большой разговор о земельной и аграрной реформе.

В минуты отдыха. Академики Парахин и Романенко в одном из уголков университетского парка.

Книги учёных мужей - это хлеб науки и пища для размышлений. Академик А. А. Жученко (второй слева) очень ценит труды Н. В. Парахина.

«День поля» в Шатилово.

*Два больших учёных – академики Николай Парахин и Баграт Сандухадзе.
Их объединяло одно – любовь к земле.*

Какие яблоки! Они могли вырасти только на участке академика.

Спору нет: орловский хлеб самый вкусный!

Горох – культура ценная и востребованная на рынке. Членкор РАН В. И. Зотиков (слева) и академик А. А. Жученко (справа) на опытном участке ВНИИЗБК.

Глава 8.

УЧЁНЫЙ. ПЕДАГОГ. НОВАТОР

Человек для науки

В начале 1998 года Николай Васильевич Парахин стал доктором наук. Защита диссертации явилась логическим завершением многолетних усилий, проводимых исследований, анализа и обобщения огромного по своему объёму материала, который собирался и накапливался на протяжении многих лет.

Казалось бы, долгое время он был оторван от привычной научной среды, не имел достаточно возможностей для исследовательской деятельности. Но ведь желание участвовать в научных поисках далеко не всегда зависит от того кабинета, в котором сидишь. Все, кто работал с Парахиным и в обкоме партии, и в Москве, неизменно отмечают одну и ту же особенность – какую бы должность ни занимал, он всегда оставался учёным, человеком от науки и для науки. Его мало прельщали высокие должности в структурах партийной и государственной власти, а предложений на этот счёт Николай Васильевич получал, надо сказать, немало. К примеру, уже после того как он возглавил аграрный сектор в ЦК КПСС, ему предложили очень солидный пост в высшем партийном руководстве одной из союзных республик. Не согласился, попросил оставить его на месте. Оставили, но ненадолго, поскольку в то время подобные отказы без последствий не проходили. По всей видимости, это и стало одной причин его перевода из партийной структуры в Главное управление вузовского образования – Главнауки, как сокращённо именовали это ведомство, находившееся в подчинении союзного правительства. Не пошёл работать и в МИД, потому как понимал, что обладать природной дипломатией – это одно, а быть профессиональным дипломатом, это всё-таки совсем другое.

Но вернёмся к науке. Он хотел защищаться и стать доктором,

поскольку, во-первых, давно был к этому готов, имел для работы достаточное количество необходимого исследовательского материала. А во-вторых, сама позиция ректора к тому обязывала: он, кандидат наук, стоит во главе коллектива, в котором уже трудятся не меньше десятка докторов, солидных учёных. Парахин просто не чувствовал за собой морального права быть здесь хотя бы на ступеньку ниже.

Диссертация в итоге получилась высокого уровня. И тема сама по себе была интересной, отнюдь не избитой – «Эколого-стабилизирующее значение кормовых культур в растениеводстве». На первый взгляд казалось, ну что здесь, скажите, такого необычного? Растения, кормовые культуры... Новизна заключалась в глубоком, предметном исследовании воздействия кормовых культур на сохранение и приумножение естественного плодородия почвы, необходимости отказа от бездумного использования химии на наших полях, что неизменно влечёт за собой улучшение общей экологической ситуации.

Работа была опубликована в виде монографии, сама защита проходила в Воронежском аграрном университете, тогдашнем СХИ, по той простой причине, что в Орле, на тот момент ещё не существовало диссертационного совета. Защита и публикация работы, её содержание, смелость и глубина исследования, несомненная практическая польза содержащихся в ней выводов и рекомендаций вызвали огромный интерес в научной среде. Монография стала своеобразной визитной карточкой для избрания Парахина впоследствии членом-корреспондентом Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН). Это был большой успех для него как учёного, исследователя и новатора.

С точки зрения автора диссертации, его выбор был осознанным и правильным, поскольку с этой темой в практическом плане увязывалось множество других: тут и проблемы наших лугов, вопросы кормопроизводства, и целая отрасль, для которой нужны добротные качественные корма, – животноводство. В исследовании напрямую затрагивались также вопросы ландшафтного плана – те же склоны, на которых располагаются многие поля в нашей области. Его докторская работа как раз и была нацелена на выявление почвозащитного влияния комоновых культур, разных сеяных трав на сохранение плодородия пахотных земель, а с

другой стороны – на производство ценных кормов, их структуру и сбалансированность.

После успешной защиты Парахин получил учёное звание профессора.

Надо сказать, что диссертация была далеко не единственной научной работой, написанной Николаем Васильевичем в тот период. Напротив, это было время весьма интенсивных исследовательских поисков учёного. Из печати в разных издательствах чередой выходят его научные статьи, монографии, учебники, подготовленные как самостоятельно, так и в соавторстве с коллегами. Он щедро делился идеями с теми, кто был рядом на кафедре, в университете, никогда не стремился закрепить, «застолбить» за собой тот или иной научный участок. Собственно, в науке это невозможно по определению. Один только перечень работ, подготовленных и опубликованных в эти годы, впечатляет. 1995 год. В издательстве Московской сельскохозяйственной академии выходит 264-страничное исследование «Предотвращение критических ситуаций в агроэкосистемах». В числе авторов – Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков, И. В. Кобозев.

В том же году те же авторы публикуют работу «Этот трудный путь в ноосферу», и следом Парахин и Тюльдюков выпускают специальный учебник для сельскохозяйственных вузов с кратким и ёмким названием «Луговодство».

Спустя ещё пару месяцев из-под пера Парахина выходит научно-практическое руководство «Технология заготовки кормов», ставшее настольной книгой не только для студентов сельскохозяйственных вузов, но и для специалистов сельского хозяйства, связанных с животноводством.

В следующем году уже в соавторстве со своими коллегами по ОрёлГАУ В. А. Тюльдюковым и В. В. Коломейченко он дополняет и значительно расширяет тему – в свет выходит 180-страничный «Электронный практикум по кормопроизводству». А следом за ним – его авторская работа, изданная в Московской сельскохозяйственной академии, «Оптимизация режимов орошения сельскохозяйственных культур».

Прошло не более года – на стол ложится и вносится в программу обучения студентов-аграриев новое учебное пособие «Введение в сельскохозяйственную биотехнологию», подготовленное в

соавторстве с Л. В. Голышиным и Н. Е. Павловской. Это стало по существу заявкой нового направления в науке, связанного с вопросами биологизации земледелия, – направления, в котором пальму первенства и первые крупные исследования научный мир по праву отдаёт Парахину.

В том же году Николай Васильевич заканчивает работу над монографией, о которой мы уже упоминали, завершает и издаёт один за другим серьёзные научные труды, имеющие, помимо методической составляющей, максимальное прикладное значение: «Технологические схемы возделывания многолетних и однолетних трав на семена в среднерусской степной провинции» и большую 300-страничную книгу «Биологизация и адаптивная интенсификация земледелия в Центральном Черноземье». В этих и других работах, помимо новизны представленных тем, впечатляет масштабность исследований, глубина проведённого анализа и убедительность выводов, к которым приходит учёный.

Изданные материалы стали заметным явлением в российской сельскохозяйственной науке, Парахина цитируют в солидных журналах, научных монографиях и сборниках, его поддерживают, с ним полемизируют. Но вывод один – в научной среде России появился крупный учёный, успешный исследователь, настоящий новатор. И это с учётом того факта, что автор стоял во главе небольшого с любой точки зрения, периферийного вуза, только-только получившего статус университета. Вуза, формирование которого ещё далеко не закончилось.

Его коллеги и те, кто видел его и общался с ним, удивлялись той фантастической энергии, которой он обладал, его умению везде успевать и оставлять ещё время для науки, для творчества.

– Лично для меня, – рассказывает профессор Лобков, – интересно было понимать, как он работает. Ведь при той невероятной плотности рабочего графика, нескончаемой череде административных и других нагрузок, когда ежедневно тебе на стол только одних бумаг, документов, запросов и прочего попадает целый ворох, он умудрялся вести научные исследования, писал книги, учебники, монографии, редактировал журналы, готовил рецензии и отзывы на диссертации своих коллег. Можно, в самом деле, поражаться, откуда он черпал силы и как выкраивал время на всю эту прорву дел.

А секрет в какой-то степени был прост: у него была своя система, выработанная за время работы на партийных и государственных должностях, отточенная, кажется, до мелочей.

– За всю свою жизнь, – уверяет Василий Тихонович Лобков, – я встречал много людей, работая и здесь, в ОГАУ, и раньше во ВНИИ, где директором был Дмитрий Ефимович Ванин, Герой Социалистического Труда, а также академик Щербаков, мой научный руководитель, член-корреспондент ВАСХНИЛ, бывший заместитель председателя Совета министров Молдавии. То есть разные люди встречались: и в научной среде известные, и посты высокие занимающие. Но я никогда в жизни не встречал человека, который работал с документами, с почтой так, как это делал Парахин. Ни одна бумага, ни одно письмо, заявление, запрос и прочее у него на столе не задерживались ни единой лишней минуты. При этом с документами, с любой корреспонденцией, которые приходили по почте, он работал постоянно, в течение всего дня. Образовалось какое окно, пауза, пятиминутный перерыв – он заскочит в кабинет, сразу раскидает то, что оказалось в ректорской папке, по соответствующим адресам.

При этом его резолюции на письмах или документах не носили некий указательный характер, что надо сделать и как. Он просто ставил фамилию того человека или специалиста, кому это письмо передать. А дальше человек сам должен найти решение того вопроса или той проблемы, которая обозначена в письме.

Татьяна Ивановна Гуляева, работавшая рука об руку с Парахиным на протяжении многих лет, полностью поддерживает профессора Лобкова.

– Когда он успевал всё делать? – переспрашивает она. – При его занятости и той нагрузке, которую имел, это было невероятно и удивительно. Как правило, и помимо всего прочего, работал по ночам, в выходные дни, когда принято отдыхать. Лично для него отдых был понятием условным. Он успевал в течение дня, в течение одной недели выполнить невероятное количество дел, и мы, кто работал с ним рядом, порой не понимали, как может он держать в голове, в поле зрения такое немыслимое скопление информации, поручений, заданий, вопросов и разных проблем, которые необходимо решать.

Не могу не сказать и ещё об одной важной черте его характера.

Я бы это назвала даром предвидения. Тот большой опыт, которым он уже обладал, пройдя через горнило партийной и государственной работы, умение анализировать ситуацию с учётом различных возможных вариантов, позволяли ему предвидеть многое из того, что потом происходило. Не предугадывать, а именно предвидеть. Есть у определённой категории людей, к которой Николай Васильевич Парахин относился, без всякого сомнения, такое редкое качество, которое одновременно заставляет и удивляться и вызывать уважение.

Василий Тихонович ЛОБКОВ – проректор по научной работе Орловского государственного аграрного университета, доктор сельскохозяйственных наук, профессор.

Родился в 1955 году в селе Малый Мечек Хлевенского района Липецкой области. После окончания Воронежского СХИ им. К. Д. Глинки и аспирантуры в течение 13 лет работал во ВНИИ земледелия и защиты почв от эрозии младшим, старшим, ведущим сотрудником, а затем – заведующим лабораторией.

Василий Тихонович является известным в нашей стране учёным в области земледелия. Основное направление исследований – разработка биологических основ предотвращения негативных последствий интенсификации земледелия: почвоутомления, эрозии почв, физико-химической деградации чернозёмов и т. п. По этим вопросам им было опубликовано более 100 научных работ, среди которых две монографии, ещё четыре монографии были им выпущены в составе авторских коллективов.

На основе многолетних научных исследований Василием Тихоновичем Лобковым разработано важное теоретическое положение о возникновении явления почвоутомления в полевых агроценозах³. С именем профессора Лобкова связано обоснование направлений оптимизации почвенно-биологических факторов в земледелии.

Василий Тихонович Лобков является членом координационного

³ Агроценоз – искусственная экосистема, созданная руками человека с целью получения сельскохозяйственных культур, животных, грибов. В состав полевого агроценоза входят культурные и сорные растения. В агроценозе отсутствует саморегуляция.

совета по севооборотам РАСХН, заместителем председателя совета по защите диссертаций, членом координационного межвузовского совета по науке Орловской области.

| НОК как формула выживания

На самом деле, трудно судить, до какой степени был развит у Парахина дар предвидения, а вот что касается умения анализировать, выстраивать логическую цепочку, прогнозировать и выбирать из всех вариантов наиболее оптимальный, тут спорить не приходится. Он умел это делать, говорил об этом в открытую, но при этом советовался, дискутировал и всякий раз строил свою концепцию исключительно на очень простом и понятном утверждении, что стоять на месте нельзя, времени для этого нет, надо искать, добиваться, двигаться вперед.

Те из числа преподавателей, кто работал с Парахиным в его первый ректорский срок и потом, после его возвращения из Москвы, увидели в нём огромные перемены. Перед ними был не просто энергичный, амбициозный молодой человек, каким запомнили Николая Васильевича в начале 80-х, а вполне состоявшийся опытный и умелый управленец, умеющий видеть и выстраивать перспективу. Он напоминал уверенного в себе, а где-то даже матёрого капитана корабля, который знает многие секреты плавания в беспокойном и непредсказуемом море, каким было в ту пору наше российское общество, пустившееся покорять новые жизненные маршруты и осваиваться в рыночной экономике.

Был ли у него некий заранее продуманный план, так называемая программа действий? На бумаге, наверное, нет. Но разных идей, серьёзных проектов, каких-то практических шагов, направленных на развитие института, думаю, было хоть отбавляй. Он не скрывал этих амбициозных планов ни от коллег, ни от руководства области и профильного министерства. Наоборот, делал всё, чтобы об этом слышали, знали и поддерживали его инициативы.

Одна из таких идей, смелая и новаторская по своей сути, родилась и начала воплощаться в самом начале нулевых. Время было совсем непростое, экономика страны благодаря «титаническим усилиям» либералов и так называемых младореформаторов,

занимавших в правительстве командные посты, продолжала катиться вниз, фактически лежала в руинах. Рушились старые связи и производственные цепочки, недофинансирование, а то и полное прекращение такового обрекали на закрытие или банкротство тысячи предприятий, научно-исследовательских институтов, учебных заведений, лабораторий, проектных учреждений и конструкторских бюро, у которых в советское время имелись свой функционал и своя ниша. В новых условиях нужда в них отпала. Рыночная экономика, которая по заверению «отца» современных российских реформ Егора Гайдара, «всё настроит сама», в реальности продолжала свою губительную поступь.

Тем не менее даже на обломках любого разрушенного пространства жизнь всегда пробивает себе дорогу. Таков закон диалектики. К тому времени на Орловщине был запущен механизм реформирования аграрного сектора, который, по сути, является ключевой составляющей всей экономики области. Не потерять село, дать ему возможность даже в непростых условиях переходного периода остаться на плаву и сохранить свой потенциал означало сохранить в регионе относительную социальную стабильность, не допустить серьёзную стратегическую ошибку. Но разговор об этом впереди. Первые реформаторские шаги были сделаны, в процесс преобразований вовлекались все структуры, имеющие непосредственное отношение к сельскому хозяйству. Аграрный университет не стал исключением.

Но Парахин хотел быть не просто участником реформы. Этого мало. А вот сделать такое участие действительно эффективным, полезным во всех смыслах, получить в итоге новое качество для самого университета, и не только для него – тут задача и посложнее, и поинтереснее. Как человек, умеющий мыслить масштабно, по-государственному, он предложил проект создания на базе ОГАУ совершенно новой структуры, которой тогда не было ни в одном регионе России, а именно университетского научно-образовательного комплекса (НОК). Это была весьма разумная и смелая инициатива, которая, в случае реализации, поднимала авторитет и значимость вуза на новую высоту. Но дело не только в этом. Формирование НОК спасало от уничтожения целый ряд учреждений, которые играли немалую роль в масштабах не только Орловской области, но и всей страны.

– В этот комплекс, – вспоминает профессор Лобков, – помимо ОГАУ как основного звена, объединились Всероссийский научно-исследовательский институт зернобобовых и крупяных культур (ВНИИЗБК), Орловская плодово-ягодная станция (нынешний Всероссийский институт селекции плодовых культур), Новосильская ЗАГЛОС, институт ГИПРОЗем (тогда он ещё существовал) и некоторые структуры будущего национального парка «Орловское полесье». Что это давало? Прежде всего, поднимало на новый уровень научную мысль, способствовало осмыслению происходящих процессов на стыке науки и производства, науки и реформаторских усилий общества, обогащало новыми знаниями, новыми возможностями и компетенциями специалистов тех учреждений, которые вошли в состав научно-образовательного комплекса. Многие новаторские идеи можно было проводить не просто широко, но и легко, учитывая тот научный и творческий потенциал, который был собран воедино. Руководил всем этим весьма внушительным конгломератом Николай Васильевич Парахин, я был его заместителем. Проблем, как всегда, оказалось много – от научного обеспечения деятельности АПК на примере Орловской области до агроэкологии. Но очевидная и несомненная польза перекрывала все недостатки и сложности, поскольку объединение позволило научным учреждениям региона работать не разобщённо, каждому самому по себе, как это было раньше, а в тесном контакте, взаимодействуя и двигаясь в одном русле. В рамках этого комплекса люди лучше узнали друг друга, поняли, кто чем занимается, какие направления исследований ведёт и какие результаты получает. Скажу так: это был без всякого преувеличения удивительный момент. Для того неоднозначного времени просто находка, а для целого ряда коллективов настоящий спасательный круг. Чего стоит один только тот факт, что ученые работают рядом, в одном городе, на одной территории, а друг о друге не знают ничего или знают поверхностно! Что уж говорить об исследованиях, которые они проводили! Каждый сам по себе, варится в собственном соку, копошится в своей скорлупе. А когда стали разбираться, работать вместе, обсуждать какие-то планы, проекты – столько всяких интересных идей родилось, столько нового!

Инициатива по созданию НОК нашла много сторонников, была поддержана и в области, и в Москве. Хотя путь к её реализа-

ции не был усыпан розами. Приходилось регулярно обивать пороги кабинетов разных учреждений, структур и ведомств, прежде чем всё состоялось, было сведено воедино.

В этом смысле весьма показательной выглядит история присоединения к университету ВНИИ охраны труда в сельском хозяйстве. Вот что рассказал об этом проректор по научной и инновационной деятельности ОГАУ Сергей Александрович Родимцев, который не один год уже после присоединения института к НОК возглавлял его коллектив:

– В начале нулевых, когда шло активное формирование научно-образовательного комплекса, этот институт не без участия Парахина, приложившего к тому немалые усилия и настойчивость, отошел в качестве структурного подразделения под крыло аграрного вуза. На тот момент это было абсолютно правильное решение, поскольку институт охраны труда влачил жалкое существование. По сути дела, здесь, в Орле, он был никому не нужен, хотя разработки, которые вели его специалисты, являлись актуальными и были востребованы. Но в силу многих причин, в том числе связанных с общей политикой государства по отношению к прикладной науке в 90-е годы, при отсутствии должного финансирования институт оказался на грани закрытия.

Николай Васильевич сумел убедить чиновников Минтруда и социального развития, в ведении которого находился Орловский НИИ охраны труда, переподчинить его Минсельхозу и передать Орловскому аграрному университету.

Заметим: несмотря на все сложности с финансированием, институт охраны труда обладал очень хорошим штатом опытных специалистов, приличным по тому времени оборудованием. В своё время он имел статус всесоюзного, затем всероссийского НИИ и был едва ли не единственным в стране научно-производственным учреждением, занимавшимся вопросами охраны труда в сельском хозяйстве. Было бы недопустимым расточительством потерять такую структуру. Найдя понимание и поддержку у руководства области, Николай Васильевич взялся этот вопрос решить и довёл его до логического конца.

Кстати сказать, когда наверху, в Москве, это поняли, спохватились, хотели вернуть всё обратно. По этому поводу два министра даже конфликтовали между собой.

– С этим НИИ охраны труда история вышла совсем непростая, – вспоминает профессор Гуляева. – В течение трёх лет Николай Васильевич Парахин боролся за его присоединение к университету: был на приёме у руководителей министерств и ведомств, ставил вопрос перед Дмитрием Анатольевичем Медведевым, занимавшим в ту пору должность первого заместителя председателя правительства РФ. В конце концов, его услышали и поддержали. 21 декабря 2007 года вышло распоряжение правительства РФ о присоединении ВНИИ охраны труда к ОрёлГАУ в форме структурного подразделения.

В разное время к университету в качестве структурных подразделений были присоединены несколько других учебных заведений сельскохозяйственного профиля.

Здесь, как впрочем, и во многих других делах проявились характер Парахина, его напор и желание непременно добиться нужного результата. Если требовалось, он мог, что называется, идти напором, как танк. А мог и по-другому, проползти, образно выражаясь, как уж, если такое необходимо было для дела. Отступить не любил, это было не в его характере. Но бывали и курьёзные случаи.

Рассказывают, что в Минсельхозе, в департаменте финансов, нужно было решать какие-то вопросы как раз по научно-образовательному комплексу. Парахин вместе с Лобковым пришли в приёмную, Николай Васильевич говорит, причём нарочито громким голосом, чтобы находившиеся здесь люди могли услышать: «Нам, Вася, ждать некогда, ещё других дел в Москве полно, так что заходим сразу». Секретарша подняла голову, спрашивает: «Вы кто?» Николай Васильевич: «Моя фамилия Парахин, я ректор университета, из Орла». Она ему в ответ: «Ну и что! У нас ректоров много».

Его это так удивило, он потом всё возмущался, и непонятно было – не то всерьёз, не то в шутку: «Идешь решать неотложный, можно сказать, жизненно важный вопрос, а тут тебе на пути секретарша. Она определяет, кому заходить, кому нет. А что она знает о наших проблемах?! Они же не могут ждать! Их надо решать, не сегодня, не завтра, а ещё вчера!»

Об этом его стремлении решать вопросы быстро, невзирая ни на какие препятствия, а также о других любопытных деталях в

характере Николая Васильевича поведал бывший губернатор Орловской области Александр Петрович Козлов.

– С Парахиным мы были знакомы задолго до моего приезда сюда, на Орловщину, ещё в то время, когда я работал в структуре правительства, – вспоминает Александр Петрович. – А Николай Васильевич, в свою очередь, был близко знаком с премьером Виктором Степановичем Черномырдиным и, пользуясь этим знакомством, часто к нему заходил, разумеется, не чаю попить, а завизировать нужный документ, решить ту или иную проблему. Но попасть к Черномырдину, если кто хотел это сделать без особых проволочек, предварительной записи и тому подобных процедур, которые сопутствуют рангу крупного государственного должностного лица, можно было только через 14-й этаж, где располагался департамент взаимодействия с регионами и региональной политики. Просто так к нему в силу, прежде всего, очевидной загруженности и огромного круга вопросов, которые вёл премьер, никто пробиться не мог. Частенько мне приходилось созваниваться с Виктором Степановичем, чтобы договориться о встрече, которую просили губернаторы, руководители различных ведомств и служб.

Парахину такие встречи с премьером были нужны позарез. Вспомните, что было в активе орловского аграрного вуза, когда Парахин вернулся в Орёл? По большому счёту в законченном виде не было ничего: ни новых корпусов, ни актового зала, ни машинной станции, ни гаражей для техники, ни стоянок. И всё это нужно было каким-то образом пробивать, доказывать, согласовывать финансирование. Не секрет, что основная база аграрного университета была построена за счёт федеральных денег. А по-другому и быть не могло, поскольку регион такие траты ни тогда, ни сейчас едва ли способен себе позволить.

Справедливости ради заметим, что основные деньги по линии аграрного образования и аграрной науки в те годы вливались в Тимирязевскую академию – ту самую, где учился Николай Васильевич. Можно сказать, стены тут старые латали, грязь убрали – словом, поддерживали академию в более-менее приличном состоянии. А тут, в Орле, всё новое, как говорится, с иголочки, с нуля. Идея у Парахина была такая: сделать орловский вуз едва ли не символом новой России. Образцовым, высокотехнологичным, новаторским. Тем более что сам ректор этой мечтой горел,

говорил и показывал это, не скрывая и невзирая на чьи-то возражения и, извините за такое сравнение, подколы и ёрничанья, которые, чего там греха таить, тоже звучали в его адрес. Он был в буквальном смысле одержим желанием эту свою мечту воплотить в реальность и шёл к ней, по-моему, не замечая преград. Я совершенно не могу представить, чтобы он ходил, как все обычные люди – степенно, размеренно ступая ногами по земле. Он буквально летал, как заведённый. Приезжая в министерство или в правительство, ни за что не станет сидеть в кабинете или приёмной, ожидая, когда его пригласят. Поимённо знал всех помощников, помощниц, секретарш. Спросит: «Через сколько пригласят?» Ему скажут: «Где-то через полчаса». Он посмотрел на часы, сорвался, улетел куда-то, к одному зашёл, к другому. Там что-то спросил, с тем перекинулся парой фраз, тут где-то анекдот рассказал, сам что-то новенькое из народного фольклора услышал. Потом забежит, быстро-быстро соберётся – вот он уже готов к разговору на серьёзные темы, готов доказывать, убеждать, биться за своё, отстаивать то, за чем приехал.

Живой был, нескучный человек, в котором естественно и органично сочетались неуступчивая позиция по вопросам принципиального порядка, и в то же время, несмотря на возраст, на все свои звания и полагающуюся занимаемой должности солидность, он не утратил некоторого шутиwego, по-детски забавного

восприятия нашего мира, нашей непростой, перегруженной заботами жизни. Запросто мог рассмешить, ввернуть острое, колкое словечко или фразу, на ходу придумать какую-нибудь забавную историю. Помню, один из таких эпизодов произошёл в Оренбурге, на конференции и практическом семинаре с участием Дмитрия Анатольевича Медведева, который в ту пору занимал должность вице-премьера правительства страны. Я в это время работал в Минсельхозе и проводил различные мероприятия в регионах по образовательным программам для аграриев.

Надо сказать, что Николая Васильевича к тому моменту знали ректоры многих вузов страны, помнили его ещё с тех, советских времён, когда Парахин руководил главком Минобрнауки. Так вот, перед приездом Медведева Николай Васильевич в шутку так мне говорит: «Раз наш молодой вице-премьер хочет побольше узнать о сельском хозяйстве, давай мы его прокатим на К-700. А ещё лучше посадим в кабину, пусть сам попробует проехать на этой машине».

Во время посещения полевых участков одного из опытных хозяйств предложили такой вариант Медведеву с полной уверенностью, что он не захочет, откажется под каким-нибудь благодивным предлогом. Дескать, на такой громадной машине никогда не доводилось кататься или что-то ещё в этом роде. Но, как ни странно, Дмитрий Анатольевич не испугался. А чтобы он по какой-либо причине не стал отказываться от этой затеи, Николай Васильевич взялся проводить его к трактору, проконтролировать этот момент и даже помог заместителю председателя правительства страны взобраться в высоченную кабину «Кировца». Этот весьма зрелищный эпизод многие из присутствующих снимали на мобильные телефоны и камеры.

«Вот, что я говорил! – с гордостью обратился Парахин к участникам конференции. – Наши большие руководители без страха осваивают любую технику. Главное, чтобы в нужный момент от народа поддержка была».

«Теперь у вас с правительством полный контакт, – шутили в ответ коллеги Парахина. – По любому вопросу положительное решение, можно сказать, обеспечено».

В период работы губернатором Орловской области Александр Петрович Козлов не один раз обращался к Парахину за советом, а

то и за помощью в том или ином вопросе. Особенно эта помощь потребовалась в самом начале, когда необходимо было формировать управленческую команду. Николаю Васильевичу, между прочим, тоже было предложено войти в состав правительства региона, но он отказался. «Моё дело – наука, образовательный процесс, – ответил он. – Я здесь на своём месте и пользы от меня будет не меньше, нежели на чиновничьей должности».

Первые лица области с уважением относились к его позиции, хотя, зная его возможности, его потенциал и деловые качества, были не прочь пригласить Парахина на ту или иную высокую позицию в администрации или правительстве региона.

– Как организатор, менеджер, управленец он был очень сильный, – считает Василий Тихонович Лобков. – Таких ещё нужно поискать. За 12 лет работы с ним буквально бок о бок в качестве проректора по науке и на других должностях я имел возможность убедиться в этом несчётное число раз. Вопросы решал действительно без проволочек, порой даже молниеносно. Если что-то его смущало или он был не уверен в том или ином аспекте, конечно, звонил, уточнял, но никогда не откладывал в сторону, на завтра, на потом. То есть бюрократ из него был плохой, и бюрократию он не любил, несмотря на то что в бумагах у него всегда был идеальный порядок. Вот такой, казалось бы, парадокс. Считал, что бюрократия, наряду с некомпетентностью, является главным тормозом поступательного движения в любом деле. По такому же принципу стремился решать вопросы и в разных ведомствах, в том же министерстве. Потому и возмущался, когда на пути вставала секретарша или помощник, заслоняя доступ в кабинет, опекая своего шефа. Считал, что это неправильно, а бесконечные ожидания в приёмных – признак неумелой организации работы любого должностного лица. Сам этого не терпел и нас, своих коллег, постоянно этому учил.

| Не к чужому углу

Один из незыблемых постулатов, на который Николай Васильевич опирался в своей работе на посту ректора, состоял в том, что аграрное образование не может существовать отдельно, вне

связи с реальной жизнью, то есть идти своим путём, а производство развиваться само по себе. По его убеждениям, это нонсенс, в наше время подобное недопустимо, поскольку такое положение дел ведёт в тупик. Обязательно должен быть стержень, на который, словно игрушки, нанизывается всё, что позволит создать единую картину.

В конце девяностых на фоне фактического отказа от всего того, что было наработано в советский период, в базовых отраслях экономики, и в частности в сельском хозяйстве, стала всё острее проявляться проблема нехватки кадров массовых рабочих профессий. Молодёжь, выпускники школ, следуя за рекламными роликами и доминирующей модной тенденцией, неизменно выбирали профессии юриста, экономиста, менеджера. И всё меньше становилось тех, кто шёл к заводскому станку, тем более на комбайн или трактор. Имелись, конечно, на всё это и объективные причины, но общественное мнение формировалось так, что быть простым работягой непрестижно и даже «стрёмно», как выражались в молодёжной среде. Отсюда явный перекося в сторону гуманитарных профессий, желание устроиться в престижную компанию или даже в любую контору, лишь бы платили деньги. Туда, где есть крыша над головой, тёплый кабинет, стол и кресло с компьютером.

Не заметить такой перекося было нельзя, и, если дело будет складываться подобным образом, если срочно не исправить ситуацию, скоро на селе некому будет пахать и сеять, доить коров, ремонтировать технику. Бывшие профтехучилища, техникумы, где готовили специалистов среднего звена и тех самых рабочих профессий, прекращали свою деятельность, закрывались, поскольку ими, по существу, никто не занимался.

Казалось бы, какое дело до всех этих вопросов аграрному университету? У него-то к тому моменту дела шли совсем неплохо. Благодаря огромной работе, проделанной за несколько лет ректоратом, профессорско-преподавательским коллективом, открытию новых учебных корпусов, факультетов, исследовательских лабораторий, реализации ряда инновационных проектов, направленных на совершенствование образовательного процесса, имидж вуза серьёзно изменился. Многие выпускники школ считали за честь получить образование именно в ОГАУ. Сюда ехали не только со всей Орловской области, но и из многих других

регионов, и даже из-за рубежа. Конкурс на факультеты в аграрном был одним из самых больших среди высших учебных заведений Орла. Это было приятно, ибо университет по праву вошёл в категорию престижных образовательных учреждений, у которых не возникало проблем с набором студентов.

А как быть с деревней, кто станет работать на полях, сядет на трактор, пойдёт на ферму?

В нашей области, жители которой испокон веков занимались земледелием, хлебопашеством, раньше других обеспокоились этой проблемой. Такое беспокойство исходило и из аграрного университета: здесь очень хорошо видели нарастающий дефицит массовых рабочих профессий в сельскохозяйственных организациях. Становилось всё более очевидным, что дальше так продолжаться не может и нужно принимать срочные меры, чтобы исправить положение.

– Это был ещё один немаловажный вопрос, решение которого является новаторством и полностью принадлежит Николаю Васильевичу Парахину, – считает профессор Гуляева. – Когда, наконец, в открытую заговорили о необходимости формирования и развития системы непрерывного профессионального образования, именно Орловский аграрный университет ещё в 2001 году едва ли не первым в стране присоединил к себе в качестве структурного подразделения строительный колледж, готовивший как раз специалистов низовых, если можно так выразиться, строительных профессий. К тому моменту колледж, в силу недостаточного финансирования, находился на грани закрытия, и присоединение его к университету позволило спасти это учебное заведение. Спустя несколько лет такая же процедура и по тем же основаниям ждала еще одно образовательное учреждение среднего звена – Орловский сельскохозяйственный техникум. И здесь ключевую роль опять же сыграл Николай Васильевич Парахин. Его нацеленность на решение вопроса, убежденность в том, что сделать надо именно так, а не иначе, дали нужный результат. Особенно сложно оказалось присоединить именно сельскохозяйственный техникум, поскольку к тому моменту его успели перевести на региональное финансирование. А денег у региона на эти цели не было совсем. То есть передать передали, а что там будет с ним дальше – никого не интересует.

Чтобы присоединить техникум к университету по закону требовалось вернуть всё на круги своя – снова перевести техникум в федеральное подчинение, а такое редко кому тогда удавалось. Парахину удалось. Помогли опыт и понимание тех механизмов, которые необходимо задействовать в решении вопроса. Конечно, и руководство области во главе с Егором Семёновичем Строевым тоже здесь активно поучаствовало.

Очень скоро пример Орловской области и опыт аграрного университета по совершенствованию системы образования использовали и другие сельскохозяйственные вузы. В Орёл приезжали делегации из разных уголков страны, слушали, вникали в существо проблемы и применяли затем у себя. На тот момент всё это выглядело не просто разумным и правильным. Это было действительно ноу-хау, настоящий инвестиционный проект и серьёзный прорыв в образовательной сфере. Плоды тех реформаторских усилий, целью которых было желание сформировать систему непрерывного профессионального образования, остаются востребованными до сих пор.

– Мы и сейчас, – говорит Татьяна Ивановна Гуляева, – готовим на базе структурных подразделений специалистов крайне необходимых в сельскохозяйственных и других отраслях экономики рабочих профессий: каменщиков, сварщиков, штукатуров, маляров, стропальщиков, трактористов, комбайнёров, механиков, бухгалтеров. Выпускники колледжей, входящих в структуру университета, имеют дипломы о среднем профессиональном образовании.

Наряду с этим под руководством Парахина на протяжении всех прошлых лет продолжили совершенствовать систему высшего образования, а это бакалавры, это магистры, это аспиранты. И вот эта связующая ниточка, если хотите, пронизывает весь учебный процесс. Что она даёт? Скажу так: очень многое. Лучшие, устремлённые студенты, получив рабочую профессию, получив среднее или среднее специальное образование, получив те или иные необходимые компетенции и профессиональные навыки, идут затем на программы высшего образования, доходят до аспирантуры и далее могут двигаться по научной либо преподавательской стезе. Защищают кандидатскую или докторскую диссертацию. Такие примеры есть, их немало. С того момента, когда в универ-

ситете появился собственный диссертационный совет, число желающих посвятить себя науке и преподавательской деятельности заметно возросло. А дальше каждый, кто защитился, может остаться работать здесь, на одной из кафедр, может выбрать какое-то НИИ в нашем городе или в каком-то другом. Спрос на подготовленных диссертантов, занимающихся конкретной научной темой, сейчас большой. Особенно если это связано с вопросами селекции в растениеводстве, в животноводческой отрасли.

– В связи с этим отдельно хотела бы сказать о нашем диссертационном совете, который был в своё время создан по пяти специальностям, – продолжает профессор Гуляева. – Его можно смело считать предметом гордости и Николая Васильевича Парахина, и Василия Тихоновича Лобкова, поскольку они совместно пострадали эту идею.

Закономерный вопрос: а так ли уж необходимо иметь в структуре вуза собственный диссертационный совет? Ответ простой: да, это важно, и не только с точки зрения престижа. Дело в том, что некоторые моменты, существовавшие в ту пору, как бы не учитывались в научном контексте, выпадали из общей канвы. Например, такое направление, как селекция различных культур. В Орловской области она имеет весьма серьёзную основу и не менее внушительные результаты. Но вот чтобы защитить диссертацию по этой теме, нашим учёным приходилось ездить в другие регионы, где, как это не покажется странным, ни соответствующей селекционной среды, никаких других заслуг в этом направлении не отмечалось. И происходили такие поездки только из-за того, что у нас не было своего диссертационного совета. Когда был создан единый научный комплекс, этот вопрос удалось решить. И опять же настоящим мотором в этом немаловажном деле был Парахин. Тут уж, как говорится, что есть, то есть.

Международная
Академия
менеджмента

Вольное
экономическое
общество России

при поддержке
Совета Федерации Федерального Собрания РФ

РОССИЙСКИЙ КОНКУРС "МЕНЕДЖЕР ГОДА"

РОССИЙСКИЙ КОНКУРС

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПАРТНЕР

НА

Глава 9.

ПРОЙТИ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СИТО

| Простые и сложные вещи

В 2003 году Николай Васильевич Парахин был избран сначала членом-корреспондентом, а затем академиком Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), которая несколько лет назад стала составной частью единой Российской академии наук (РАН). Это было огромным достижением для него в первую очередь как для учёного, к тому моменту автора более полутора десятков книг, монографий, учебных пособий и свыше 80 статей в научных журналах, коллективных сборниках и других изданиях по различным аспектам аграрной науки, практического земледелия и растениеводства, а также совершенствования и углубления образовательного процесса. В то же время избрание Николая Васильевича академиком явилось безусловным признанием его заслуг как исследователя и новатора, великолепного организатора учебного процесса, который сделал всё для расширения возможностей Орловского аграрного университета. Не только друзья и коллеги по научному сообществу, но и многие люди, знавшие Парахина, восприняли это событие как заслуженный и справедливый результат его достижений.

Свою кандидатскую работу, если помните, он защитил ещё в аспирантуре, в которую поступил сразу же по окончании учёбы в Тимирязевке. Торопился, не хотел терять ни единого дня, вспоминают те, кто учился тогда вместе с ним. Это было видно по всему: по той отдаче, с которой он работал над темой, умению сконцентрироваться, до мелочей расписать каждый рабочий день, оставляя в нём львиную долю времени на библиотеку, где он

штудировал различные справочники, монографии, энциклопедии, научные журналы, чтобы найти нужную информацию.

Говорят, что в его группе даже возник однажды спор, какую тему выберет Парахин для своей кандидатской работы. Некоторые близко знакомые с ним ребята были убеждены, что она непременно будет связана с картофелем. Уж больно часто, а главное, увлечённо, со знанием дела он рассказывал именно о картошке. А как могло быть иначе, хотя бы просто потому, что это была культура, клубни которой с детства знакомы и дороги каждому сельскому жителю, клубни, которые в трудные годы были не просто едой, а спасительным «вторым хлебом» для скромного крестьянского стола?

В итоге оказалось, что картофельная тема как предмет исследования аспиранта Парахина интересовала совсем не так, как об этом думали его однокурсники. А вот растениеводство, травы, кормовые культуры, что называется, зацепили, стали основой для многих его дальнейших научных разработок.

Докторская диссертация стала логическим продолжением и углублением этой темы, основной акцент в ней был сделан на исследовании стабилизирующих экологических свойств растительных трав, кормовых культур для сохранения почвенного плодородия. В работе был поднят и освещён целый ряд вопросов, объединённых общим понятием «биологизация земледельческих процессов» и вытекающей из этого посылы необходимости вводить ограничения в использовании минеральных удобрений, расширены и уточнены понятия и практические аспекты ландшафтного земледелия в условиях Среднерусской возвышенности.

Именно эта монография, подкреплённая целым рядом других исследований, о чём было сказано выше, наряду с успехами в образовательной деятельности, послужили достаточным основанием для выдвижения Парахина в члены-корреспонденты, а вслед за тем и в действительные члены Российской академии наук.

Весьма интересным в связи с этим будет узнать, как начинается и как происходит этот далеко не простой, но очень любопытный процесс, о котором обычный человек, не связанный с большой наукой, имеет весьма туманное представление. Поэтому рассказать о нём, вспомнить, как происходило выдвижение и по-

следующее избрание в академики Николая Васильевича Парахина, мы попросили его коллег, маститых учёных, знающих многие тонкости российской академической кухни.

– Прежде всего, считаю своим долгом заметить, – говорит профессор Лобков, – что стать членкором, а тем более академиком, очень даже непросто. Это почётное звание нужно заслужить, доказать своими исследованиями, научными работами, что ты действительно достоин такой чести, что ты её выстрадал как учёный.

Выдвигали кандидатуру Парахина в члены-корреспонденты академии в аграрном университете. Выдвигал, как и положено в этих случаях, учёный совет – состоялось соответствующее собрание, на котором такое решение было проголосовано. Затем, следуя установленному порядку, ходатайство о выдвижении рассылается по разным учебным и научным учреждениям страны, тем, которые могут оценить предложенную научную проблематику. Далее к нам приходят отзывы на это выдвижение, достоин соискатель или не достоин столь высокой чести, и если поддерживают его кандидатуру, то почему. Обязательно требуется не односложное утверждение типа «да», «нет», «мы согласны» и прочее, а обстоятельное и аргументированное мнение с приложением соответствующей документально оформленной выписки.

Спустя какое-то время выяснилось, что Николая Васильевича поддержало абсолютное большинство научных и образовательных организаций, куда были направлены документы на его выдвижение в членкоры. Процедура не очень быстрая. На всё про всё уходит не менее полугода.

Следующая ступень – действительный член академии наук. Выдвигали его кандидатуру тоже здесь, в ОГАУ. Но дальше процедура уже иная, поскольку проходит непосредственное голосование уже внутри самой академии наук. Это очень сложное мероприятие, и не только с учётом чисто процедурных моментов. Понятно: чтобы стать полноценным академиком, нужно иметь уже не просто имя, а серьёзнейшие и убедительные научные труды, передовые исследования, которые не дают оснований сомневаться, что этот кандидат, член-корреспондент, безусловно, достоин носить звание академика РАН.

Тут важно понимать один очень тонкий момент, который не прописан ни в каких инструкциях и документах. Он связан с тем,

что каждый член академии наук, и в этом, видимо, есть некая доля справедливости, гласно или негласно считает себя гением. Именно себя, и никого другого. А вот что касается претендента на это звание...

В общем, в реальной жизни бывает так, что с первого тура в академики проходят немногие. И в большинстве случаев как раз то той самой причине, о которой сказано выше.

Николай Васильевич прошёл сразу, с первого захода и с первого тура. Хотя конкурентами у него были люди весьма и весьма серьёзные, известные имена. Взять хотя бы учёного-селекционера Баграта Сандухадзе, автора уникальных сортов пшеницы, которые пользуются в последние десятилетия очень большой популярностью у растениеводов разных регионов страны. Так вот, с первого тура он в академики не прошёл, поскольку учёные мужи посчитали, что на тот момент его заслуги в научной сфере были ещё не столь велики.

– Вообще, если рассматривать этот вопрос с разных точек зрения, – продолжает профессор Лобков, – то надо признать, что стать академиком, действительно, очень непросто, поскольку, как ни крути, это клуб избранных учёных, известных людей. Но это с одной стороны. А с другой – я бы сказал, что не так уж и сложно, если для этого есть профессиональные знания, профессиональные достижения и если у тебя есть имя в профессиональной научной среде. У Николая Васильевича всё это было. На момент, когда Парахин занял кресло ректора сельхозинститута во второй раз, будем говорить объективно, он уже был известным человеком и в науке, и в системе образования.

Но стремление непременно стать академиком – это ведь не какая-то самоцель, ради которой только и работает тот или иной учёный в любой научной сфере. Скорее, надо говорить о том, что это естественный путь, результат его работы, оценка и признание его заслуг перед наукой и обществом. И даже сам факт выдвижения в академики вовсе никакая не обязанность коллектива, который тем не менее может быть заинтересован в этом и очень этого хотеть.

Начнём с того, что человек, то есть претендент на высший научный титул выдвигается прежде всего сам. То есть это должно быть его желание, его согласие, потому что против воли пре-

тендента, каким бы известным и заслуженным он ни был, никто не пойдёт. Имеет место также формальная сторона, поскольку любой человек и любой учёный не существует сам по себе, изолированно от мира. Всегда есть коллектив, научная организация, которая принимает решение, помогает или даже берёт на себя оформление соответствующих бумаг.

В случае с Парахиным при его выдвижении учитывались разные аспекты: научные труды, новизна и оригинальность, а главное, практическая направленность и целесообразность проведённых исследований, преподавательская деятельность и деятельность на посту ректора, которая позволила придать институту новый, университетский статус, значительно расширить его возможности и качество образования. Ещё одним весомым аргументом стало создание в Орловской области научно-образовательного комплекса, ядром которого стал аграрный университет. Это дало возможность спасти целый ряд учебных и научно-исследовательских учреждений от банальной ликвидации, объединить усилия многих специалистов для совместного решения проблем, прежде всего, в сельском хозяйстве региона.

Но Парахину и этого казалось недостаточно. К моменту, когда его выдвигали в действительные члены академии наук, он закончил работу над монографией, которая называлась «Экологическая устойчивость растениеводства: теоретические основы и практический опыт». Это был большой, 300-страничный труд, включавший в себя серьёзный исследовательский материал. Монография стала весьма заметным событием в научной среде по этой теме и была, пожалуй, ключевым моментом на пути в академии.

Конечно, в какой-то степени сказалось и отношение к Парахину, его исследовательским устремлениям со стороны классического учёного сообщества, и в первую очередь тех, кто работал в Россельхозакадемии. Здесь Николая Васильевича многие учёные мужи не просто знали, но с большим уважением относились к его научным поискам, его работы вызвали неподдельный интерес и получали высокую оценку. В числе таких людей профессор Лобков называет имя Геннадия Алексеевича Романенко, который и сейчас, несмотря на солидный возраст, является заместителем президента РАН. Люди, близкие по духу, по общему пониманию

тех проблем, которые ставит перед научным сообществом, перед реальной практикой жизнь, они были с Парахиным в то же время в доверительных отношениях, поскольку знакомы были ещё с той поры, когда Романенко работал в должности зам. руководителя Госагропрома. Геннадий Алексеевич неоднократно приезжал в Орёл для участия в различных научных мероприятиях, симпозиумах, конференциях по аграрной тематике, которые организовывало руководство области, в большинстве своём они проходили на площадке университета. Романенко очень уважительно относился к тому исследовательскому направлению, которое выбрал для себя Николай Васильевич Парахин. Оно было связано с развитием технологий, не разрушающих, а щадящих культурный слой почвы, его структуру. Это тоже немаловажный момент. Биологизация, по свидетельству многих учёных, стала новым направлением в науке, связанной с сельским хозяйством. Не каждому исследователю выпадает честь стать первооткрывателем в таких делах.

Но при всём при том в научных кругах хорошо известно: какие бы связи ни были, какая бы поддержка ни оказывалась, в конечном итоге всё решает голосование. Выборы академиков РАН всегда проходят в закрытом режиме, тайно. То есть за претендента на это звание каждый имеющий право голосует отдельно. И тут проходной вариант «со связями и знакомствами» не получится.

О том, что представляет собой академическая кухня изнутри, как проходит голосование в этом научном собрании, рассказывает сотрудник ВНИИСПК (бывшая Орловская плодово-ягодная станция), выдающийся учёный-селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, академик РАН Евгений Николаевич Седов, хорошо знавший Николая Васильевича Парахина.

| Такая кухня непростая

– Мы с Николаем Васильевичем были знакомы много лет, с тех пор как он начинал работать ректором ещё сельскохозяйственного института, – говорит Евгений Николаевич. – Позднее вместе ездили с отчётами в академию наук, потом небольшое время он был вице-президентом Россельхозакадемии России, там встреча-

лись, участвовали в решении самых разных вопросов, связанных с наукой и научным сообществом.

Если говорить о выборах в академики, технология тут такая. То, что претендента на это звание выдвигает коллектив, как в случае с Парахиным, это хорошо. Но это ещё ни о чём не говорит. Всё равно материалы попадают в профильное отделение самой академии и там после их рассмотрения принимается решение либо поддержать ту или иную кандидатуру, либо нет. Обсуждение на этой стадии идёт открыто, говорят и разбирают, как говорится, по косточкам. Утаить или что-то «забыть» невозможно, поскольку к такой процедуре готовятся основательно, не один день и не одну неделю. Всё будет разложено по полочкам, любой нюанс в научной деятельности претендента будет обнаружен и предан огласке. Для полноты картины добавлю, что всего в Российской академии наук действительных членов и членкоров около двух тысяч человек. Членкоров чуть больше половины, и все они на равных участвуют в голосовании.

Что касается Николая Васильевича, его выбирали учёные отделения растениеводства, а там членкоров и академиков гораздо меньше, чем во всей академии. Всего же отделений одиннадцать или двенадцать, цифры эти время от времени меняются, поскольку академия – это ведь не закорякостевшая структура, тут тоже происходят разного рода преобразования, соединения, разъединения и так далее. Ну, какие это отделения? Например, животноводство, ветеринария, электрификация и прочие. Парахин проходил по своей учёной специфике в отделении растениеводства. И был активно поддержан.

Евгений Николаевич СЕДОВ – академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Евгений Николаевич Седов родился 22 февраля 1930 года в г. Павловске Воронежской области.

В 1952 году окончил плодовоощной факультет Воронежского

государственного университета, а в 1955 году – аспирантуру при НИИ садоводства им. И. В. Мичурина. С того же 1955 года работает в коллективе Орловской плодово-ягодной станции (ныне ВНИИ селекции плодовых культур).

В 1973 по 1987 год возглавлял отдел селекции, а с 1995 года – отдел селекции и сортовой агротехники семечковых культур.

Евгений Николаевич Седов – выдающийся, всемирно известный селекционер. На его счету свыше 80 уже запатентованных или проходящих государственные испытания яблоневых и грушевых сортов, выведенных в результате кропотливой селекционной работы им лично или под его руководством.

В 1999 году Евгению Николаевичу Седову присвоено звание «Международный человек тысячелетия», он вошёл в число 2000 выдающихся интеллектуалов XX столетия.

Евгений Николаевич не прекращает своей научной работы, заведует лабораторией селекции яблоневых культур в структуре ВНИИСПК. Член редколлегии журнала «Садоводство и виноградарство».

Им опубликовано более 400 научных трудов в России и за рубежом.

Евгений Николаевич Седов награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени (1971, 1981 г.), орденом Почёта (1995 г.), тремя медалями СССР.

Выборы

– Хорошо помню сам момент избрания Парахина в академики, – продолжает Евгений Николаевич Седов, – поскольку к тому времени я уже состоял действительным членом академии наук. Чтобы гарантированно пройти это жёсткое выборное сито, прежде всего, нужны работы, научные труды. Серьёзные, имеющие вес и значение. Это принципиальный момент, в ином случае шансов никаких, «прокатят», как говорится, за милую душу. Век будешь помнить. Не просто статьи в центральных газетах, а непременно в солидных научных журналах, в зарубежных тоже, это важно. Потом книги, учебники, разные пособия, монографии. К моменту избрания в академики у Парахина всё это было.

Выборы, конечно, всегда проходят в Москве, в здании академии наук. К ним готовятся: это большое и нетривиальное мероприятие. Заранее объявляется наличие академических вакансий, или квот, если хотите. Немного – две или три, не больше. Это одно из обязательных правил, которые существуют в академии уже десятки лет. Кандидатура после выдвижения в одном из профильных отделений рассматривается также на учёном совете, кто-то из академиков делает по той или иной кандидатуре подробный доклад. И только потом принимается решение вынести вопрос на президиум академии и общее голосование. Как видим, процедура сама по себе не простая.

Можно добавить ещё такой нюанс. Выборы, если следовать уставу академии, не обязательно должны проходить ежегодно. Бывает и так, что общее собрание по отбору и приёму кандидатов собирается один раз в три-четыре года. Квоты, допустим, две, а реально выдвигаются десять-двенадцать человек. Поскольку голосование проходит закрыто, исход его никогда и никому неизвестен.

Выскажу ещё одно соображение, может быть, достаточно субъективное, но, как говорится, имеющее право на существование. У руководителей вузов, НИИ возможностей стать академиками гораздо больше, нежели, скажем, у рядовых учёных, не занимающих высоких должностей. Во-первых, эти люди всегда на виду, они ездят на разные конференции, на пленумы, делают доклады, выступают с научными отчётами и сообщениями, участвуют в открытых дискуссиях, проводят рабочие встречи по своему профилю, постоянно бывают в министерствах и так далее. Одним словом, ведут более активную жизнь, нежели те, кто не входит в руководящее звено.

Раньше, для того чтобы попасть в эту элитную семью учёных мужей, вдобавок ко всему прочему существовал ещё так называемый возрастной ценз. Никаких официальных документов на этот счёт не издавалось, но так было принято. Пока тебе не исполнилось определённое количество лет, мысли о том, чтобы стать академиком, можешь оставить при себе. Всё равно не пройдёшь: тебя просто не пустят в ходе голосования. Таково было негласное правило, которое действовало долгие годы. При одном исключении – если твоя гениальность к моменту избрания уже успела

пробить себе дорогу и стала известна всему миру. Сейчас, слава Богу, подобных ограничений по возрасту нет.

Два слова о выборах в отделении. О кандидатурах все знают заранее, о каждом претенденте даётся достаточно полная, объективная информация, какие у него имеются труды, исследования, открытия, заслуги и так далее. Необходимые сведения публикуются также в центральной печати. В ходе выборных собраний выступают те, кто поддерживает кандидата, выступают и оппоненты. Без этого тоже не бывает, поскольку, как и в любом коллективе, существует конкуренция, опять же есть такой момент, как человеческая зависть, куда от неё денешься. У каждого ведь свой взгляд, своя оценка чьих-то заслуг и достоинств. Кто-то думает, дескать, а почему это выдвигают его, а не меня, я разве хуже?

Предварительное голосование по отделениям – это первый шаг. Каждое отделение голосует самостоятельно, отдельно от других, и голосует, разумеется, за своих кандидатов. А уже после составляется общий список.

Когда предварительно кандидатуры в отделении рассмотрены, избирается комиссия по выборам. Я в такой комиссии много раз участвовал. Те, кого наметили выбрать, обсуждаются уже на самой комиссии, общей, академической, потом ещё и на президиуме академии. Тех, кого на всех этапах обсуждения посчитали наиболее достойными кандидатами и наметили в качестве вероятных победителей, в бюллетенях по выборам пишут первыми. Это тоже одно из негласных правил, и о нём все действующие академики прекрасно осведомлены. Фамилии кандидатов вносятся в список в алфавитном порядке.

Но выборы – это ведь дело такое. Бывало, что в итоге проходила кандидатура не того, кого определили, кто стоял в списке первым или вторым, а другого человека, фамилия которого значилась в общем списке.

Одним словом, процедура эта, как ни крути, замысловатая, достаточно сложная – так просто в академики не пройдёшь. Некоторые кандидаты, может быть, и достойные звания академика, годами не могут пройти в этот элитный клуб.

Закономерный вопрос: а для чего это всё? Что даёт звание академика? Меняет ли что-то в жизни конкретного человека? Мо-

жет, главным аргументом здесь выступает престиж, высокий статус, который тешит самолюбие, греет сердце? Мне трудно судить. Каждый, наверное, решает этот вопрос сам. С обычной человеческой точки зрения звание академика, и я в этом глубоко убеждён, ничего не меняет. Работа как была, так и остаётся. Научные изыскания, исследовательские процессы идут своим путём. Может быть, возрастает нагрузка с точки зрения участия в различных мероприятиях академии, научных конференциях, симпозиумах, заседаниях всевозможных комиссий, административных, методических, в том же ВАКе.

К примеру, в одной комиссии по растениеводству несколько небольших подкомиссий: овощеводы, зерновики, специалисты по плодовым культурам и ягодам, по механизации аграрных процессов и так далее. Естественно, каждый академик участвует, как правило, в обсуждении тех вопросов, в которых он имеет наибольшую компетенцию, за редким исключением, когда его просят поучаствовать в близких по профилю отделениях.

Что это значит? Дают, положим, для прочтения 5–6 кандидатских или докторских диссертаций. Нужно сделать соответствующий анализ каждой работы, подготовить обоснованное заключение. Если работа по твоему профилю или близко к той тематике, которой ты занимаешься, то сделать такой отзыв несложно. В другом случае необходимо самому получить определённое представление о предмете научной работы, поскольку дилетантом выглядеть академику недопустимо.

| То, что не каждому по силам

Другой действующий академик, Юрий Фёдорович Лачуга, подчёркивает ещё один аспект, который стал серьёзным основанием для избрания Парахина действительным членом РАН.

– Я полностью согласен с уважаемым Евгением Николаевичем Седовым. Да, при выборе в действительные члены академии наук в расчёт принимается многое: научные труды, открытия, исследовательский уровень и так далее. Чрезвычайно важное значение имеет также организационная часть в твоей деятельности, твои ученики, научная школа, как ты её создаёшь, как работает то

научное учреждение, которым ты руководишь, допустим, в качестве ректора – всё это учитывается, и всё имеет свой вес.

Конечно, Парахин, как любой живой человек, волновался, чай, в академики не каждый день и даже не каждый год выбирают. При этом имеет место обычная практика, когда разноречивые голоса и желание проголосовать за своего, пусть он даже не входил в основной список, а всего лишь значился в дополнительном, не позволяют выбрать того, кто претендует в первую очередь. Николай Васильевич удостоился этой чести сразу, как говорится, с первого захода, что было свидетельством высокой оценки со стороны членов академии его научных трудов и достижений, в том числе на образовательном поприще. Это справедливо, поскольку за очень короткий срок вывести периферийный аграрный вуз из обычного сельскохозяйственного института в разряд сельхозакадемии, а затем университета не каждому по силам. И не просто вывести – прошагать, промчаться этот сложный, многовекторный отрезок пути и сделать ОГАУ действительно современным, динамичным, высоконаучным учебным заведением, куда поступить и получить здесь образование многие молодые люди считали за честь.

Николай Васильевич был истинным катализатором идей и одновременно мощным локомотивом, который двигал орловский вуз вперёд.

Конечно, как и в любом деле, здесь тоже нужна поддержка. Без этого рассчитывать на успех, как правило, бывает сложно. Поддержка коллег, маститых учёных, поддержка людей на высоком государственном уровне. Такая поддержка у Николая Васильевича была, в том числе в лице Егора Семёновича Строева, человека, который немало сделал для Орловщины, для её развития и благополучия. Думаю, нет смысла скрывать, что и в судьбе Парахина, его карьерном росте, становлении его в качестве сильного руководителя в сфере образования, направлении его научных поисков Егор Семёнович сыграл не последнюю роль. Собственно, сам Николай Васильевич никогда этого не скрывал, считал Строева выдающимся руководителем и большим государственным деятелем, обладающим стратегическим масштабным мышлением. Всегда говорил о нём очень тепло, по достоинству оценивая роль этого человека в жизни Орловской области и всей страны.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (РАН)

(страницы истории)

Впервые Российская академия наук была создана распоряжением императора Петра I и указом Правительствующего сената 28 января (8 февраля) 1724 года. А первым президентом академии был учёный-медик Лаврентий Блюментрост.

В 1725 году в ней было всего 15 академиков.

После 1917 года в Советской России, а затем в СССР академия наук стала высшим государственным научным учреждением. В 1934 году академия переехала из Северной столицы в Москву.

В 1991 году в связи с распадом Советского Союза указом президента РСФСР от 21 ноября была воссоздана Российская академия наук.

В 2013 году произошло расширение РАН за счёт медицинского и сельскохозяйственного отделений.

На ноябрь 2017 года в России было 1008 учреждений РАН, включая институты, научные центры, обсерватории, научные станции, ботанические сады, библиотеки, архивы, музеи, заповедники и иные организации.

В настоящее время академия включает 13 отделений по отраслям науки, а также 15 региональных научных центров РАН.

Российская академия наук гордится именами сотен и сотен выдающихся, всемирно известных учёных, лауреатов Нобелевской и многочисленных других международных и государственных премий. Назовём лишь некоторые из этих имён: Н. И. Лобачевский, А. С. Попов, Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, Н. Г. Басов, А. М. Прохоров, С. П. Королёв, А. Н. Колмогоров, В. Л. Гинзбург, А. А. Абрикосов, И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, Л. Д. Ландау, А. Д. Сахаров, Ж. И. Алфёров и многие, многие другие великие учёные нашего Отечества.

С сентября 2017 года президентом РАН является академик Александр Михайлович Сергеев. Главный учёный-секретарь президиума академии Николай Кузьмич Долгушкин.

На конец 2019 года в академии насчитывалось свыше 800 академиков и более 1000 членов-корреспондентов РАН.

Глава 10.

СЛУЖИТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

| Не только теория

Все, кто работал рядом с Парахиным, неизменно отмечают одну очень важную черту – высокие должности и звания его никак не меняли. Он не был неким зазнайкой, даже когда стал членкором, академиком, вице-президентом РАСХН. Звёздности и небожительства в нём никогда не наблюдалось. Он не просто уважал мнение коллег, а прислушивался к ним, никогда не считал зазорным обратиться за советом, что-то уточнить, выслушать экспертное мнение. Это было в порядке вещей, поскольку вузовская наука имеет широкий тематический диапазон, и в узкоспециальном плане никто не может знать всё и обладать всем объёмом информации. Поэтому мнение своих коллег Николай Васильевич ценил и относился к этому с огромным уважением.

Конечно, вспоминает Василий Тихонович Лобков, бывали разные ситуации, как в любом творческом коллективе, какие-то споры, противоречия. В принципиальных вопросах за словом он в карман не лез, но в спорах брал, как говорится, не голосом, не ректорским статусом и своим научным весом, а доказательствами. Изменить его мнение в определённых случаях было не очень-то сложно, самое главное – привести убедительные аргументы, против которых, как говорится, дальше уже не поспоришь. Если он чувствовал правоту своего оппонента, отступал без каких-либо вопросов и обид. Это хорошая черта, свойственная не всякому учёному человеку, потому что в научной среде каждый старается доказывать свою правоту и отстаивает собственную точку зрения до конца. Даже если понимает, что неправ.

– Лично у меня, – добавляет Василий Тихонович, – таких случаев было много. Я всегда свободно мог зайти к нему в кабинет и сказать, что такой-то вопрос затормозили, но лично я считаю,

что это неправильно. И привожу свои доводы. Он внимательно выслушает, задаст пару уточняющих вопросов, чтобы убедиться, что у меня на них тоже есть ответы, и тут же выносит свой вердикт: «Хорошо, если есть уверенность, что так будет лучше, давай исправим».

В этом месте хотелось бы сделать небольшое отступление и рассказать о замечательном научном взаимодействии двух больших учёных Орловского аграрного университета – Парахина и Лобкова. По утверждению коллег, конфронтации, некоего скрытого или открытого соперничества и каких-то других сложностей в отношениях между ними не было. Но была одна существенная деталь. Василий Тихонович вырос в науке, достаточно долгое время работал в НИИ, откуда пришёл в аграрный вуз. У него большой опыт именно научной работы, организации полевых практических опытов, экспериментов. Эту кухню он знал отлично, может быть, как никто другой.

– В этом плане для Николая Васильевича он был хорошим подспорьем, деятельной помощью и одновременно надёжной платформой, – говорит Татьяна Ивановна Гуляева. – Он, может быть, не так отлично знал нюансы педагогики, организации учебной работы, а вот относительно чистой науки, или точнее технологии формирования научной проблематики, можно смело утверждать: равных Василию Тихоновичу не было. У него огромный опыт и уважение в научном мире – тут сомнений нет никаких. Это всегда оценивал и подчёркивал Николай Васильевич Парахин, и, мне кажется, их взаимодействие в этом плане было не просто великолепным. Оно давало очень ценный практический результат по целому ряду направлений как внутри вуза, так и для всего научного сообщества.

– Мне кажется, за годы ректорства, – считает Василий Тихонович Лобков, – Николаю Васильевичу Парахину удалось по большей части создать и сильную команду в университете, и необходимую творческую среду для научных исследований.

На мой взгляд, Николай Васильевич не успел, может быть, совсем немного не успел довести этот коллектив, что называется, до полного созревания, чтобы и по возрасту, и по опыту он отвечал самым высоким критериям научно-образовательного комплекса, лидерство которого среди профильных вузов неоспори-

мо. За последние годы благодаря его настойчивости и акцентированному вниманию была подготовлена большая группа молодых учёных, кандидатов, докторов наук по многим вузовским дисциплинам. Это позволяло увидеть очень серьёзные перспективы развития ОГАУ. Но времени ему для завершения начатого не хватило, это однозначно. И это, к сожалению, не может не отразиться на будущем вуза. Не хочу, чтобы сказанные слова воспринимались моими коллегами с какой-то обидой. Это моя оценка, моё личное мнение, и те ощущения, которые я испытываю в данный период времени, вспоминая Николая Васильевича Парахина.

Василий Тихонович Лобков, профессор кафедры земледелия, агрохимии и агропочвоведения, сейчас уже не заведует кафедрой, а просто преподаёт. Это было его решение.

– В этом плане я всегда поддерживал Николая Васильевича, его позицию, которая заключалась в том, что не нужно держаться всеми способами за своё место под солнцем, а надо вовремя уступать дорогу молодым. Это принципиальный вопрос. Да, молодёжь, которая рядом со мной, в профессиональных знаниях, в опыте пока уступает. Но их возможности работы в информационном пространстве, новых информационных технологиях гораздо выше моих. С этим не поспоришь. А мир сейчас стремительно осваивает новые цифровые технологии, технологии движения, распространения и использования информации, они уже сейчас определяют картину будущего. И прежде всего в научных исследованиях. Поэтому нам, представителям старшего поколения, необходимо освободить дорогу молодым для общего и созидательного движения вперёд, для того чтобы мы не отстали. Иначе будет просто беда.

| Что такое «скло»?

Профессор Лобков, рассказывая о своей дружбе и совместной работе с Николаем Васильевичем, вспоминал такую историю.

– Родом я из Липецкой области, есть там такой Хлевенский район, это неподалёку от Красноренского района Орловской области, где родился Николай Васильевич. Считаю, с красноренцами мы соседи, они к нам в Хлевное и Елец на базар ездили

торговать. Поэтому даже диалекты у нас не просто похожи – одни и те же. Так вот, Парахин временами спрашивал, удивляя собеседника или гостей за столом: «Кто скажет, что такое «скло»?» Все в недоумении пожимают плечами, переглядываются. Может быть, из какого-то иностранного языка? «А вот Василий Тихонович знает», – показывал он на меня. Я после не без гордости произношу: «Скло – это обыкновенный пузырь. Тот, что в деревнях, когда ещё не было электричества, надевали на керосиновую лампу. То есть это стекло».

Николай Васильевич от души смеялся, ему это нравилось, потому что, наверное, такие словечки, обороты речи напоминали ему о детстве, о той нелёгкой, но такой естественной жизни, которой он жил вместе со своей семьёй, со своими земляками. «Ты им не подсказывай, – просил он, – пусть сами ищут ответ. Покопаются в словарях, в литературе. Это же наш язык, народный, наши предки на нём говорили».

Как освоить ноу-тилл?

Среди всех несомненных достоинств Парахина как учёного его коллеги по университету, по научному сообществу отмечают ещё одно, может быть, самое главное – он никогда не отрывался от реальной действительности, ни на шаг не уходил от тех вопросов, которые в тот или иной период времени являлись актуальными для общества. В большей степени это было связано, конечно же, с сельским хозяйством, аграрным сектором, земледелием. Несмотря на огромный перечень научных трудов, а всего на счету учёного 25 монографий, учебников, справочников и не менее 140 статей в научных журналах, сборниках и специальных изданиях, его нельзя назвать теоретиком в чистом виде. На протяжении всей своей жизни он всеми нитями души был связан с землёй, служил ей, ратовал за бережное к ней отношение и делал всё, чтобы люди научились хозяйствовать на земле разумно, рачительно, следуя известному медицинскому правилу – «Не навреди!». Он был уверен, что только при таком подходе удастся сохранить наши поля плодородными, способными радовать и удивлять щедрыми урожаями.

Отдавая должное его заслугам, профессор Лобков говорит:

– Он никогда не стоял на месте и не ограничивался тем багажом знаний и навыков, которые имел. Любая новая информация, лучший опыт, достижения его коллег – всё это схватывал на лету, моментально. У него на столе неизменно были современные научные журналы, прежде всего те, что имели отношение к сельскому хозяйству, аграрной науке и практике, вузовскому образованию, организации учебного процесса, в том числе за рубежом. Это тоже характеризует человека, его стремление не просто шагать в ногу со временем, а двигаться даже чуть-чуть впереди, расширять кругозор, выбирать всё то полезное, что может пригодиться в работе, в научных исследованиях, в образовательном процессе, будет применимо и принесёт пользу сельскохозяйственной отрасли.

Понятно, что сам руководитель аграрного университета не сеял, не убирал хлеб: у него были другие задачи. Но он всячески продвигал, пропагандировал новые идеи и современные подходы в земледелии и растениеводстве, настойчиво подводил к мысли о необходимости применения новых технологий, которые позволяют не уменьшать, а повышать в почве содержание гумуса, накапливать азот и другие полезные микроэлементы без применения химии.

Однокурсник Парахина по Тимирязевке Владимир Ильич Коротеев, занимавший в разное время руководящие посты в департаменте сельского хозяйства и входивший в состав правительства Орловской области, рассказывал о том, как в одном из хозяйств региона проходило внедрение одной технологической новинки, активным сторонником которой был Парахин.

– Речь шла о применении так называемого прямого сева зерновых, без вспашки, или, выражаясь научным языком, с нулевой обработкой земли – способом ноу-тилл, – поясняет Владимир Ильич. – Разговоров об этом ходило много, и в нашей области тоже, а вот испробовать такой метод решился в ту пору только один человек – Сергей Аристеевич Будагов, руководитель агропромышленной компании «Юность» самого южного у нас Должанского района. Он сам по образованию агроном, человек продвинутый, творческий, открытый ко всякого рода новшествам. Когда Николай Васильевич узнал про его опыты, немедленно к

нему поехал, и эти два человека моментально нашли общий язык, стали настоящими единомышленниками и сторонниками данного метода.

Конечно, отношение к такой технологической новинке, как, впрочем, к любому новшеству, должно быть осторожным, обдуманым. Тут нельзя действовать очертя голову по той простой причине, что есть опасность на корню загубить самую превосходную идею, если не изучить все плюсы и минусы, не исследовать её со всех сторон. Парахин это понимал, как никто другой. На тех полях, где такой сев проходил, в обязательном порядке брали прикопку, чтобы сделать анализ почвы. В своей основе метод ноу-тилл не так прост, как может показаться на первый взгляд. Для его успеха необходимо наличие сложной современной техники, которая измельчает остатки растений и разбрасывает полученную массу, так называемую мульчу, по поверхности поля. А дальше за дело берутся обыкновенные черви, которые перерабатывают органику, повышая тем самым содержание гумуса. В других местах, где структура почвы отличалась, использование такого метода оказалось непригодным. Её необходимо было рыхлить традиционным способом – с помощью плуга.

А вот что говорит об этом, о своих взаимоотношениях с Парахиным сам Сергей Аристеевич Будагов, возглавляющий сегодня одно из ведущих предприятий Орловской области – акционерное общество «Орловская Нива».

| «Не просто большой учёный»

– Николай Васильевич в моём понимании был эталоном знаний в аграрной сфере. Он прекрасно ориентировался во многих вопросах, связанных с практическим сельским хозяйством, почвоведением, растениеводством, ландшафтным земледелием и других. К примеру, очень серьёзно поддерживал способ так называемой нулевой обработки почвы, когда я начал применять его на полях своей агрофирмы. Подробно меня расспрашивал, как я эту операцию выполняю, какими агрегатами, что получается. И каждый раз говорил: «Всё правильно делаешь. Никого не слушай, продолжай. За этим методом будущее».

Он был сторонником рационального земледелия, думал о том, как сохранить, сберечь плодородный слой земли. Не секрет, что плодородие почвы, несмотря на все усилия учёных и практиков, неизменно убывает. Идёт вымывание гумуса, выветривание, не-малый урон наносит и чрезмерное применение минеральных удобрений.

Почему нулевой способ обработки почвы более оправдан и рационален? Разобраться не сложно. В верхнем слое обитают миллиарды полезных микроорганизмов. Когда мы плугом при глубокой вспашке переворачиваем этот слой, то нарушаем естественную, уже сформировавшуюся структуру почвы. Получается, что построенный дом мы как бы переворачиваем вверх дном, и живущие в нём микроорганизмы вынуждены начинать его строительство заново. Пока такая стройка идёт, теряется главное – естественная энергия почвы, и для её восполнения требуются силы и время. Если мы не нарушаем этот естественный режим обитания микроорганизмов, не трогаем уже готовое строение почвы, состояние гумуса улучшается, его накопительный слой увеличивается.

Судя по некоторым источникам, появляющимся в научной литературе, за последние четверть века количество гумуса в верхнем плодородном слое на наших полях практически повсеместно уменьшилось на 30–35%. Идёт очевидная деградация земель, на которых мы выращиваем всё то, что нас кормит.

Справедливости ради надо заметить, что мы отнюдь не первооткрыватели метода нулевой обработки. Он широко применяется, к примеру, в Аргентине, Бразилии, Канаде, США. В этих странах ставка делается на увеличение гумуса в плодородном слое. В нашей стране, к сожалению, дальше разговоров и отдельных практических примеров дело пока не идёт. А это ведь, если брать по большому счёту, задача государственного уровня. Николай Васильевич был одним из тех, кто активно продвигал эту идею.

Сама по себе нулевая обработка предполагает минимальный проход агрегатов по полю, то есть используется сеялка, опрыскиватель, комбайн. И всё. Никакой глубокой вспашки, культивации и прочих традиционных агроприёмов, которые сейчас задействуют на полях. Для заделывания семян в почву применяются

специальные сеялки прямого сева. К сожалению, в нашей стране их выпускается ещё крайне мало. Делает их единственный завод в Оренбуржье, но до сих пор на полях агрофирмы «Юность» и «Орловской Нивы» используются в основном зарубежные модели. Причина единственная – качество нашей техники, она по ряду моментов уступает зарубежным образцам. Кстати, необходимо заметить, что традиционная вспашка должна оставаться на тех землях, где размещается картофель, поскольку клубни требуют более глубокой заделки в почву.

Николай Васильевич, зная моё увлечение новой технологией, не просто живо интересовался этой работой. Сам неоднократно приезжал ко мне, мы вместе ходили по полям, смотрели, обсуждали, отмечали плюсы, минусы, заостряли внимание на каких-то проблемных моментах. Он удивлял меня широтой своих знаний, компетенцией по самым разным аспектам земледелия, очень многим вопросам, которые касались чисто практического применения. Я не видел в нём только учёного. Он был блестящий теоретик и самый настоящий практик, как будто прошёл серьёзную школу работы на производстве. Прекрасно разбирался в вопросах почвоведения, земледелия, которое, кстати сказать, не представлял в отрыве от экологии.

Специально, чтобы поддержать меня в освоении нового метода и показать практическую работу на полях агрофирмы «Юность», организовал встречу с учёными института почвоведения – одного из подразделений Тимирязевской академии. Солидные профессора, академики смотрели, как мы занимаемся рекультивацией не использовавшихся долгие годы плодородных земель (там уже берёзки выросли под два метра). Изучали состояние почвы, её структуру, насыщенность микроэлементами. обстоятельно говорили и о методе нулевой обработки полей.

Николай Васильевич был большим сторонником не просто современной культуры земледелия (то растиражированное понятие, к сожалению, давно превратилось в расхожий штамп, за которым мало чего стоит из реальной практики). Он ратовал за биологизацию земледелия. «Наша почва, – говорил он, – это биологический материал, и в нём в естественном варианте должна существовать воздушная составляющая, определённая уже сформировавшаяся структура и все необходимые микроорганизмы.

А что мы получаем, когда разрезаем и переворачиваем этот слой? Когда заливаем его химическими растворами? Ответ напрашивается сам собой.

Почему при всей своей очевидности и несомненной пользе такой метод не находит в стране широкого распространения? Ответ простой: сказывается сила традиций, которые передаются из поколения в поколение. Сила привычки. И, конечно же, не будем сбрасывать со счетов наш российский менталитет.

Ещё один важный момент, который необходимо учитывать: метод нулевой обработки – занятие отнюдь не дешёвое, поскольку сеялки для его выполнения стоят больших денег. И трактор, чтобы тащить по полю такой агрегат, тоже нужен неслабый».

Мы с Николаем Васильевичем были и в этом, и во многих других вопросах единомышленниками. Я часто консультировался с ним по семенам, какие лучше, более устойчивы в нашей средней полосе, можно ли сеять в нашей зоне сорта, которые возделываются, к примеру, в южных регионах, в той же Ростовской области, Краснодарском крае. Он прекрасно знал селекцию, семеноводство, почвоведение, экономику, то же ландшафтное земледелие, что чрезвычайно важно для нашей зоны, изобилующей холмистым рельефом. Известно, что поля, расположенные на склонах, предполагают поперечную, а не продольную вспашку, для того чтобы весной или во время дождей плодородный слой меньше смывался. Казалось бы, все об этом знают, а попробуйте проехать и посмотреть, всегда ли соблюдается это правило. Моментально давал обстоятельный ответ на любой поставленный вопрос, связанный с землёй, растениеводством, мог сделать на месте, стоя у кромки поля, качественный и достоверный анализ почвы, не прибегая к приборам и сложным расчётам. И это было удивительно даже для меня, агронома. Я видел в нём действительно большого учёного, который не просто вобрал в себя огромную сумму понятий и знаний о сельском хозяйстве, и в частности о земледелии. Он эти знания отлично применял на практике. А можно сказать и по-иному, что практика, общение с руководителями и специалистами хозяйств, постоянный и обстоятельный анализ происходящих в отрасли процессов давали ему обильный материал для научных исследований, подпитывали и двигали мысль.

Я был по-настоящему удивлён, когда он ещё в начале 2000-х заявил, что земледелие в целом и растениеводство как отрасль в нашем регионе могут быть более успешными, нежели в том же Краснодарском крае. Почему? Ведь солнечных дней, тепла там больше. Для вегетации растений, полного и качественного созревания урожая тех же зерновых культур возможности несравнимы. А он наперекор всему, вопреки сложившимся стереотипам утверждает, что мы в более выгодном положении с экономической точки зрения, чем южные регионы. Как так?

Ответ опять же в климатических условиях, продолжительности тёплого периода. В том же Краснодаре когда заканчивают убирать зерновые? Как правило, к середине июня. И до ноября поля, освободившиеся от урожая, нужно поддерживать в надлежащем состоянии, чтобы не заросли сорняками. Есть там очень нехороший сорняк амброзия полыннолистная. Если от неё не избавляться, она быстро заполнит все поля. То есть с ней нужно постоянно бороться, обрабатывать полевые участки, культивировать, и не один раз. Плюс разного рода вредители, болезни: там влаги больше, тепла больше – они активнее размножаются. А любая обработка – это дополнительные затраты, от которых никуда не уйти. У нас, как известно, тёплый период гораздо короче, уборка сдвигается на осень, и сразу за обмолотом созревшего урожая проводится сев озимых. Другими словами, получается, что в нашем регионе заниматься растениеводством действительно гораздо эффективнее, чем в Краснодарском крае.

С таким утверждением далеко не все согласны, и поначалу восприняли его не более, чем очередную шутку. Но когда я предложил: давайте сядем и посчитаем, даже предварительные прикидки показали, что всё так и есть.

– В аграрной образовательной системе и в среде практикующих аграриев, работающих непосредственно на земле, – замечает профессор Лобков, – Николай Васильевич Парахин был абсолютно свой, не просто узнаваемый, а глубоко уважаемый человек. Без всяких натяжек. За ту позицию, которую он занимал по самым разным вопросам. За тот уровень обоснования научных подходов, которые транслировал. За новизну и актуальность идей, которые от него исходили, и за их органичную связь с практическим производством.

Наталья Владимировна ДАВЫДОВА – доктор сельскохозяйственных наук, ФИЦ «Немчиновка».

– Николай Васильевич был из категории тех учёных, кто не просто любил, а с удовольствием работал с практиками. То есть с теми людьми, которые непосредственно связаны с сельским хозяйством, с обработкой земли, с выращиванием хлеба, животноводческой отраслью. Он считал такую работу обязательным условием для проверки научных теорий, закрепления исследований и подтверждения экспериментов. В этом плане он продолжил замечательную традицию отечественной аграрной науки, которая главной своей целью видела практическую пользу для нашей земли, для реального развития сельского хозяйства.

Меня по-хорошему удивляло и поражало в нём постоянное желание быть в курсе всех наших новинок. Когда он успевал знакомиться с невероятным количеством научных публикаций, тем, исследовательских направлений, лично для меня всегда оставалось загадкой. Он не пропускал ни один большой семинар или значимую конференцию, где рассматривались вопросы развития аграрной науки, растениеводства, кормопроизводства, почвоведения. Его замечания, реплики, уточнения, не говоря уже о докладах и сообщениях по той или иной теме, всегда имели реальную основу, они соприкасались с практикой и от неё отталкивались. В этом плане ему, пожалуй, не было равных среди коллег, он настоящий лидер, обладавший уникальной суммой знаний и умеющий применять их в практическом плане.

| Кадровый голод

Но продолжим разговор с Владимиром Ильичём Коротеевым, деловые и дружеские отношения которого с Николаем Васильевичем продолжались долгие годы.

– Не является тайной тот факт, что нас с Парахиным связывало многое, – замечает Владимир Ильич. – Начнём с того, что мы вместе учились в Тимирязевской академии: он заканчивал агрономический факультет, у меня же был факультет агрохимии и почвоведения. Ходили по одной лиственничной аллее: я был в комитете

комсомола, он – директором студенческого городка. Знал, конечно, что он орловский, дружить мы не дружили во время учёбы, зато потом, когда уже приехали в Орёл, познакомились, сотрудничество шло по полной программе. В первые годы после учёбы я работал главным агрономом в опытном хозяйстве «Красная звезда» Орловского района, он преподавал в сельскохозяйственном институте. Потом его перевели инструктором сельхозотдела в обком партии. Вот на этой его позиции и произошло наше знакомство.

Однажды Парахин приехал в хозяйство с первым секретарём Орловского райкома партии Михаилом Михайловичем Потуроевым. И приехал не просто так, с дежурным визитом. В тот момент мы испробовали на своих полях новый сорт пшеницы «заря», который вывел академик Вареница, учитель знаменитого сегодня российского селекционера академика Баграта Сандухадзе. Но возделывался новый сорт на тот момент только на опытных участках, а я как главный агроном решил испробовать его в полевых условиях.

Николай Васильевич прекрасно разбирался в семеноводстве, знал и этот сорт, высказал о нём своё мнение. Мы долго ходили тогда по полю, смотрели, как выглядят растения, внимательно исследовали корневую систему, потому что её состояние даёт ответ на многие вопросы. Мне запомнилась эта встреча, но особенно тот спокойный деловой разговор, в котором очень так ненавязчиво и в то же время в высшей степени профессионально была дана оценка перспективам нового сорта зерновой культуры.

Собственно, с той поры и начались наши довольно близкие рабочие контакты, которые не прерывались на протяжении всего последующего времени.

Уже потом, когда я работал в должности первого секретаря Кромского райкома партии, а Парахин к тому времени вернулся из Москвы и вновь возглавил Орловский СХИ, он несколько раз приезжал в район с целью обсудить возможность направления выпускников сельских школ на учёбу в сельскохозяйственный вуз. Не кто-то из преподавателей или его замов, как это часто бывает, а сам ректор, руководитель вуза. Это была не новая, но вполне новаторская идея, поскольку в тот период начались коренные преобразования в аграрной сфере, шла земельная реформа, появилась частная собственность, возникали хозяйствующие

структуры на новых принципах. Селу, соответственно, требовались специалисты иного качества – знающие и понимающие суть происходящего и умеющие работать в условиях частного, а не общественного производства.

Остался в памяти весьма характерный для Парахина эпизод. Николай Васильевич приехал в деревню под названием Корожье Болото, в местную среднюю школу, чтобы лично вручить премию, учреждённую в институте, одной ученице, которая училась в 10-м классе и выполнила конкурсную работу, предложенную для выпускников сельских школ. Для всего сельского населения и для ребят этой школы событие оказалось незаурядным для того непростого времени: за выполненную работу девочку без экзаменов приняли на учёбу в институт, поскольку считали, что она будет с удовольствием учиться и станет хорошим специалистом в отрасли сельского хозяйства. Приказ об этом Николай Васильевич зачитал тут же в присутствии всего школьного коллектива.

Кстати, такая работа со школьниками в тот период активно проводилась по всем районам области, что давало свой положительный эффект и поднимало престиж вуза. Но это была далеко не единственная и не самая большая проблема, которая в ту пору стояла на повестке дня и аграрного вуза, и, я бы сказал, всей сельскохозяйственной отрасли.

Не менее сложно было с другим. Когда студенты заканчивали учёбу, нужно было решать, куда выпускники пойдут работать. С ребятами бывало проще: многие после учёбы сразу шли служить в армию, а вот девчонок надо было устраивать. Это оказалось далеко не простым вопросом, поскольку в одно время возобладала такая тенденция, дескать, сельское хозяйство можно вести и без дипломированных специалистов. Хозяин предприятия, в основном это был уже частник, всё сделает сам: и посчитает, и даст указание, как сеять, как подкармливать и защищать посевы от вредителей и болезней, как убирать хлеб.

Это была стойкая, но крайне ошибочная и даже опасная тенденция, преодолевать которую приходилось с великим трудом. Было немало моментов, когда выпускников университета, отличников учёбы, не хотели брать в хозяйства на соответствующие должности. А куда им в таком случае идти? Самое простое и массовое место работы – колхозный рынок, торговля пирожками,

морковкой, рыбой. Люди уже взрослые, жить как-то надо даже в этих своеобразных условиях российской рыночной стихии. Для Парахина такая тенденция обернулась очередной головной болью. Его тогда раз за разом упрекали с высоких трибун. Дескать, кого учат в аграрном, зачем, для каких целей? И нужен ли вообще такой вуз, если его выпускники не едут в село?

Много приходилось вести разговоров с руководителями хозяйств на эту тему, университет и областной департамент работали совместно, постоянно выезжали в районы, на место, убеждали, писали письма, просили, чтобы ребят приглашали на производственную практику на свои предприятия, присматривались к ним с тем условием, что в последующем они придут сюда уже в качестве специалистов.

Хорошо помню ещё один период, не менее, кстати, болезненный, когда в хозяйствах имелись комбайны, но не хватало комбайнёров, некому было хлеб убирать. Обсудили этот вопрос с Парахиным, да он и сам прекрасно всё видел. Реакция с его стороны была быстрой и очень конкретной: в университете открыли специальные курсы для ребят, чтобы проходили ускоренное обучение именно по специальности комбайнёра.

Это говорит о том, что университет во главе с ректором всегда держал руку на пульсе времени, жил, прежде всего, интересами области, интересами сельского хозяйства, реального сектора экономики и оперативно реагировал на его потребности и постоянно меняющуюся ситуацию.

Подготовленных комбайнёров, механизаторов формировали в отряды, которые выезжали в районы области, где возникала такая необходимость, тем самым как бы затыкали бреши кадрового голода.

Сколько помню, он много ездил по районам, и любая поездка была связана с решением каких-то конкретных вопросов, изучением проблем, подготовкой тех или иных практических рекомендаций. Очень часто такие поездки проходили в составе первых лиц области, которые всегда с уважением относились к советам и мнению Парахина.

На мой взгляд, главная задача, которую он ставил перед собой как учёный, состояла в том, чтобы продвигать сельское хозяйство вперёд, переводить его на новые технологии посредством вне-

дрения передовых разработок, различных инноваций, научных исследований. Этой цели были посвящены не только поездки в хозяйства, на поля, где шли вспашка, сев, применялись всевозможные агроприёмы, но и различные научные и научно-практические конференции, семинары, на которых рассматривался широкий спектр вопросов, связанных с сельскохозяйственной отраслью, её поступательным развитием.

Этому в полной мере служили ставшие известными на всю страну «Дни поля» на территории Шатиловской опытной станции, тут, кстати, отдадим должное, немалая заслуга тоже принадлежит Николаю Васильевичу Парахину. На это ежегодное мероприятие, которое сегодня считают одной из визитных карточек Орловщины, приезжают тысячи гостей со всех концов страны и из зарубежных государств: видные учёные, селекционеры, руководители хозяйств и крупных компаний, связанных с сельским хозяйством, агрономы, фермеры и другие специалисты. Благодаря «Дню поля» рамки проводимого мероприятия впоследствии были значительно расширены, в его программу включена работа на площадке опытно-производственного комплекса «Дубовицкое» Малоархангельского района – одного из лучших хозяйств не только в Орловской области. Здесь в полевых условиях и на опытных участках отработывались технологии выращивания различных культур, выведенных селекционерами ВНИИЗБК, демонстрировались новые приёмы работы с землей, новая техника и оборудование для сельхозмашин, средства подкормки и защиты растений.

| Метод Парахина

Весной и летом 2010 года в нескольких регионах Центральной России случилась очень серьёзная засуха. Для села настоящее испытание. В течение трёх-четырёх месяцев на землю не выпало практически ни капли дождя. Урожай, какой смогли, собрали, в основном за счёт озимых культур. А как быть с осенним севом?

В одном из хозяйств Должанского района действовавший на тот момент губернатор Александр Козлов организовал семинар для аграриев, готовились рекомендации для сева озимых в

условиях засухи, когда земля представляла собой сплошную пыльную массу, сухую, словно порох.

Нужно понимать, что в ту пору еще не были отработаны технологии, которые есть сегодня. А делать что-то надо: без озимых культур рассчитывать на достойный урожай в нашем регионе проблематично.

Для обсуждения возникшей по-настоящему злободневной проблемы привлекли все научные силы области и лучших практиков в лице руководителей самых передовых зерноводческих хозяйств. Разговор был далеко не простой, но весьма полезный. Доходили до самых тонких моментов, связанных с обработкой почвы и заделкой семян. И здесь Николай Васильевич показал себя в полном блеске. Во-первых, по его предложению было решено в нескольких районах, которые находились в разных климатических зонах области, взять пробы почв для исследования, чтобы иметь наиболее полную картину по влажности, и только после этого подготовить рекомендации.

Казалось бы, обычный вопрос: что тут особенно заморачиваться, ведь состояние поверхности поля видно, как говорится, невооружённым глазом? Но такой разговор для дилетантов. Парахин в ходе обсуждения привёл наглядный пример: если зерно пшеницы либо другой культуры положить в сухой чемодан, оно не прорастёт, будет просто лежать, без движения. Но почва это не чемодан, какое-то количество влаги в ней обязательно есть, несмотря на то что по внешним признакам мы склонны считать её абсолютно сухой. В почву в обязательном порядке проникает воздух, а в нем, как известно, присутствует влага. В ночные часы её содержание увеличивается. В итоге, если влажность почвы пограничная, допустим, 5, 7, 8 мм, брошенное в неё зерно трогается в рост, но силы у него из-за нехватки влаги нет, и этот проклюнувшийся росточек просто-напросто погибает.

Звучал вопрос: «Так что же делать? Сеять или не сеять?»

Парахин ответил просто: в нашей ситуации главное – не торопиться. Да, сроки, желание иметь достаточные площади озимых культур. Всё это понятно. Но здесь именно тот случай, когда благое желание может быть только во вред.

В результате было решено размещать озимые культуры ближе к лесополосам, в низинах, на тех участках, где меньше проду-

ваемость ветрами. По большому счёту нужно было использовать точечный выбор полей, менять карту озимых посевов, подготовленную по программе севооборота, и сразу вносить в почву жидкие удобрения, чтобы поддержать прорастание семян и укрепить корневую систему.

Кто-то всерьёз или в шутку назвал это «методом Парахина», и здесь была немалая доля справедливости, поскольку так убедительно и доходчиво охарактеризовал Николай Васильевич сложившуюся тогда картину на осенних полях. И очень помог руководителям и агрономам вовремя сориентироваться, выбрать правильную тактику в ходе сева озимых культур.

Бывая в хозяйствах, он, конечно, больше общался не с механизаторами, хотя с глубочайшим уважением относился к их труду, всегда спрашивал, как дела, как успехи. Но по всем сложным вопросам разговаривал со специалистами, поскольку они могли дать нужные пояснения о состоянии почвы, растений, проводимых агроприёмах. При этом всегда просил рассказывать подробно и обоснованно, не упуская самых незначительных деталей. Содержание таких бесед непосредственно в поле было близко к научному варианту.

Нередко такое общение происходило в поездках с первыми лицами области, которые обычно охватывали большой круг районов – 8–10 и даже больше. Парахин мог задать агроному два-три коротких вопроса, и сразу становилось понятно, подкормлены растения или нет, чего не хватает в почве для полноценного роста. Егор Семёнович Строев, сам прекрасно разбиравшийся в аграрных вопросах, тем не менее нередко обращался к Парахину, спрашивал на ту или иную тему, уточнял какие-то нюансы и всегда прислушивался к его советам. А затем транслировал эту информацию в ходе совещаний, при подведении итогов или других мероприятий, проходивших в области.

Приезжая в хозяйства, где работали выпускники, Парахин обязательно спрашивал у руководителей, как показывают себя ребята, встречался с каждым, непременно здоровался за руку, как это он делал всегда в стенах учебного заведения. Интересовался, всё ли устраивает с профессиональной точки зрения, какая зарплата, нормальные ли отношения с начальством, как устроен быт, есть ли жильё и так далее. А ещё непременно задаст вопрос, читает ли

бывший его студент книги по специальности, собирается ли повысить квалификацию.

Он продолжал оставаться для них руководителем, воспитателем, наставником, несмотря на то что люди уже повзрослели, стали самостоятельными, занимали в хозяйствах не последние должности. Это было искреннее проявление человеческих чувств, в которых не было никакой фальши или попытки сыграть на публику. Он был для них всё равно что родной отец, потому что чувствовал свою ответственность за судьбу и за успех каждого выпускника института. И не упускал случая, чтобы поговорить о научной стезе, о кандидатской степени, поскольку был убеждён, что современному руководителю это нисколько не помешает. Скорее, наоборот, принесёт только пользу. Разумеется, далеко не все видели для себя такую возможность, но сам факт, что ректор университета проявляет участие в их судьбе, напоминает о необходимости учиться, пополнять знания, вызывал уважение.

Один из его выпускников, сегодняшняя глава Должанского района Владимир Михайлович Марахин, был в числе тех, кого Николай Васильевич очень хотел привлечь к научной работе.

– Я родился в деревне и всегда хотел работать в деревне, – рассказывает Владимир Михайлович. – После окончания средней школы поступил в Орловский сельскохозяйственный институт.

Учиться было легко и интересно. Но после третьего курса я вдруг почувствовал, что меня неумолимо тянет из учебной аудитории в поле, на практическую работу. Ничего никому не говоря, я подал заявление о переводе на заочный курс обучения.

Помню, ректор института Николай Васильевич Парахин, когда об этом узнал, то не просто удивился. Он нашёл меня и попросил зайти. Поговорить. Разговор был обстоятельным и долгим.

– Ты что, Володь, в самом деле принял такое решение? – допытывался Николай Васильевич. – Почему? Что-то не нравится? Говори откровенно. Выкладывай всё, как есть.

Наверное, объяснения мои были по-детски смешными и путанными. То я ссылался на какие-то материальные трудности и желание скорее пойти работать. То на ходу придумывал, что надо помогать родителям по хозяйству, потому что им одним тяжело. Словом, старался как можно убедительнее обосновать этот свой шаг.

– Володя, но ты хотя бы понимаешь, что делаешь? Понимаешь, что тебе нужно учиться? – не отпускал меня Николай Васильевич. – Тебе нужны знания. Чтобы чего-то достичь, без хороших знаний в нашей жизни никак нельзя. Закончишь институт, поступишь в аспирантуру, защитишь кандидатскую. Я видел твою курсовую работу, отчёт по практике. У тебя неплохие мысли, есть стремление к анализу, к поиску. Ты можешь стать хорошим учёным.

Но я всё-таки сделал так, как решил. За один год экстерном сдал предметы за все оставшиеся семестры и начал работать агрономом в одном из хозяйств района. Через какое-то время сам возглавил совхоз «Луганский», провёл реформы. На месте совхоза образовалось закрытое акционерное общество «Луганское», объединившее пять бывших колхозов, которые к моменту присоединения к «Луганскому» пришли к полному банкротству. На данный момент основной пакет акций этого большого хозяйства, имеющего в своём активе 16 тысяч гектаров земли, и еще нескольких дочерних предприятий находится у меня и двух моих сыновей. Хозяйство крепкое, с годовым оборотом в несколько сотен миллионов рублей. Постоянную работу имеют в нём не менее 200 человек, получающих стабильную и достойную зарплату.

На протяжении многих лет, уже после окончания вуза, Николай Васильевич постоянно интересовался моими успехами. Всякий раз, когда встречались где-нибудь на совещании, на конференции, на «Дне поля» в Шатиловке или в университете, он обязательно спрашивал, как идут дела, что нового, какая рентабельность зерновых культур, которые выращиваем, какие новые агроприёмы или технологии осваиваем. И обязательно уточнит:

– О кандидатской ещё не думал? Не тяни. У тебя для этого всё есть.

Он был удивительный человек, большой учёный и настоящий учитель с огромной и светлой душой.

| Нож как инструмент науки

Да было такое. Николай Васильевич Парахин, представители агрономической службы всегда имели при себе обыкновенный нож. Кроме шуток. Не кухонный, конечно, но и вовсе не перочинный. В любую минуту нож был необходим для работы. По

весне, после того как посеы взошли, с помощью ножа всегда можно было ковырнуть почву, осмотреть корневую систему растения, чтобы выяснить, как развивается, достаточно ли она кустистая, нет ли на корнях каких-то повреждений, хватает ли в почве влаги и так далее.

Порой видишь: растение вроде бы тронулось в рост, но выглядит ослабевшим, недостаточно сильным. В чём причина? Её необходимо понять, и чем скорее, тем лучше.

А виновником может быть либо сухая погода, либо ветер. Если ветром выдувался поверхностный слой в 4–5 сантиметров, значит, корневая система не могла давать второго корешка. Что тут делать? Какие рекомендации? Часто за советом обращались к Николаю Васильевичу. Он был признанный авторитет в земледелии и растениеводстве. А рекомендация, как ни странно, была одна и очень простая – бороновать, как учили в Тимирязевке. Закрыть влагу, не дать ей ещё больше уйти из почвы. Простой, но очень эффективный приём.

На второе он советовал использовать так называемые дробные подкормки, то есть поддержать растения азотом. Но при этом всегда напоминал: азот лучше вносить в форме мочевины, чтобы дать растению как бы взлёт. Это помогало, помогало серьёзно, по большому счёту даже спасало урожай.

Коротеев считает, что наиболее плодотворная и результативная работа с университетом, с руководителями факультетов и кафедр и особенно с ректором была в то время, когда Владимир Ильич занимал должность руководителя областного департамента сельского хозяйства.

– С Парахиным мы не просто находили общий язык в человеческом плане, с точки зрения науки и в решении различных вопросов, которые постоянно ставила жизнь, – поясняет он. – В определённой степени мы друг друга дополняли: с одной стороны – учёный, с другой – человек, напрямую связанный с разными аспектами производства. Именно по инициативе Николая Васильевича в университете были организованы курсы повышения квалификации для специалистов аграрной отрасли. Это было необходимо, поскольку менялись и совершенствовались законы, усложнялись требования, в хозяйствах всё больше появлялось новой техники, осваивались современные технологии. Всё это нуж-

но было изучать, зарабатывать необходимые знания и подходы к руководству коллективами.

Департамент сельского хозяйства совместно с университетом разрабатывал и согласовывал программы обучения. Каждый год, обычно в зимние месяцы, на учёбу приезжали со всей области по 150–200 человек. Университет брал на себя расселение за символическую плату, предоставлял аудитории для занятий, направлял преподавателей. Лекции читали и специалисты департамента сельского хозяйства и других служб, привлекались также руководители сельхозпредприятий, крупных агрофирм, те, кто внедрял инновационные технологии. Это было замечательное дело, приносившее колоссальную пользу сельскому хозяйству области. Николай Васильевич и тут старался держать высокую планку, не ограничиваясь теми методиками и материалами, которые имелись в распоряжении университета. По его приглашению в Орёл приезжали видные учёные из Москвы, из той же Тимирязевской академии, из Российской академии сельскохозяйственных наук. Их сообщения, лекции, семинары позволяли не только лучше разобраться в текущих вопросах, но и заглянуть в завтрашний день, в будущее, обозначить перспективу. Что, кстати сказать, сам Парахин считал одним из важнейших условий поступательного развития сельского хозяйства страны.

К сожалению, в последние годы такая замечательная практика постепенно утрачивается, сходит на нет. То ли средств на эти цели не выделяется, то ли политика Минсельхоза в этом вопросе стала иной...

А ведь сколько пользы можно извлечь, например, из теоретических и практических занятий по выращиванию гречихи, которые ОГАУ вместе с департаментом сельского хозяйства проводил в том же ООО «Дубовицкое»! И это было неспроста, поскольку гречиха для многих наших хозяйств и в целом для региона не просто важная, а принципиально важная культура. Для чего это нужно? Прежде всего, для увеличения урожайности. Потому что одни хозяйства, например, такие как ООО «Нобель-Агро», то же «Дубовицкое», научились получать с гектара по 1,5–2 тонны гречихи на больших площадях, а другие, которых, к сожалению, большинство (и это прежде всего касается фермеров), – не более 5–6 центнеров. Разница, как видим, существенная.

Собственно говоря, секретов-то здесь никаких особенных нет. Требуется строгое выполнение технологии, добротные семена и защита растений от вредителей и болезней в оптимальные сроки. Вовремя и в нужном количестве вносить удобрения, проводить подкормку посевов, выполнять все другие агроприёмы. Без этого о больших урожаях можно лишь мечтать.

Кстати, об урожайности зерновых культур вообще. Тема эта актуальной оставалась во все времена, и сейчас она нисколько не потеряла своей остроты, хотя в последнее десятилетие в целом по стране и в Орловской области в частности урожайность многих культур растёт и радуется. К этому немало усилий приложили и наши селекционеры из ВНИИЗБК. Например, выведенный ими сорт озимой пшеницы под названием «синева» и размещённый на площади в 50 га в том же ООО «Дубовицкое» показал урожайность 9,6 тонны с гектара. Сорт только ещё проходит полевые испытания, но у него, судя по всему, отличное будущее на орловских полях и не только. У фермера Александра Ягельского в Орловском районе, который работает в содружестве с компанией «Басф», специализирующейся на защите растений, урожай ещё выше – 11,7 тонны с гектара.

Конечно, здесь для получения высоких урожаев значение имеет, как сказано выше, не только сорт той или иной культуры, селекция, отличные семена, агротехника, средства защиты и так далее. Сама наша земля, чернозёмные поля по своим свойствам, тому потенциалу, который в них заложен, рассчитаны на получение отменных урожаев, не хуже, чем в Европе.

Но и этого в наш век недостаточно. На первый план всё больше выдвигается большая наука, серьёзные исследования на молекулярном и геномном уровне, открываются новые возможности по защите растений от вредителей и болезней. Орловский аграрный университет и здесь в стороне не остался.

– По инициативе Николая Васильевича Парахина, – рассказывает известный учёный, заведующий кафедрой защиты растений ОГАУ Николай Николаевич Лысенко, – в университете был создан так называемый центр коллективного пользования (ЦКП). В рамках этого центра создана лаборатория, где имеется современное высококласное оборудование, позволяющее получить те результаты, которые на другом оборудовании получить попросту не-

возможно. Для чего? Чтобы продвигаться дальше в образовательном процессе, в научных исследованиях. Эти результаты можно представлять как наиболее достоверные, выходить с ними на серьёзный уровень как в России, так и за рубежом. Такие исследования в ЦКП проводятся по генетическим ресурсам растений, по генетическому потенциалу животных и другим направлениям.

Имеющееся оборудование и приборы позволяют провести очень быстрый и точный замер или анализ того, что нам необходимо для исследования. Например, выезжаем в поле, в учхоз «Лавровский» или другое хозяйство, нам нужно провести фотосинтез растений, мы просто прикладываем прибор к листу – и ответ у нас уже есть!

Такую работу выполняем не только для нужд университета. В том же ООО «Дубовицкое» по договорам ведём определённые исследования, замеры, активно применяем новые приборы и технологические новинки на участках Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции.

Специализированная лаборатория есть также на кафедре защиты растений. Это стало возможным в результате тесного и взаимовыгодного сотрудничества с известной российской компанией «Щёлково-Агрохим», предоставившей университету новейшее оборудование, стенды по основным технологиям защиты, которые у них разработаны для своих специалистов. По договорённости с немецкой фирмой «Байер», открывшей в Орловском аграрном университете представительство, в своё время был сформирован компьютерный класс – для обучения студентов немецкие партнёры передали ряд технологических наработок, программное обеспечение и так далее. Такой же класс компания «Щёлково-Агрохим» создала в ООО «Дубовицкое», там ученые и студенты ОГАУ работают вместе со специалистами хозяйства. Удобно и эффективно. «Дубовицкому» по договору предоставляются результаты проводимых исследований, наблюдений, расчётов. Специалисты хозяйства, разумеется, их оценивают, смотрят, что можно использовать в широкой практике.

К слову сказать, одно из таких исследований позволило выявить весьма существенный факт, который показал, что обработки посевов против мучнистой росы идут с опозданием. И это ведь не просто взяли и заявили, что подобный изъян имеется.

Для хозяйства, которое не вовремя проводит обработку против мучнистой росы, подобная агрономическая небрежность оборачивается потерей урожая примерно в 20%. Понятно, что такие ошибки лучше не допускать, а все необходимые агроприёмы делать вовремя и соответствующими препаратами.

| Не дилетантский взгляд на экосреду

Проводимые учёными университета тематические и узкоспециальные исследования ложатся в основу научных статей, методических рекомендаций, пополняют разделы кандидатских и докторских диссертаций, солидных монографий. Каждая серьёзная разработка обязательно рассматривается на методической комиссии факультета, затем на университетском уровне, и окончательный вариант утверждает методический совет. Ещё большие требования предъявляются к методическим разработкам и учебникам, которые издаются для общеузовского пользования. В 2015 году учебник «Основы экотоксикологии», написанный учёными факультета агробизнеса и экологии ОГАУ, стал лучшей аграрной книгой на всероссийском конкурсе.

Основы «Основы экотоксикологии» – это книга об окружающей среде, об экосистеме, в которой мы сегодня живём. Здесь и сейчас, в том месте, где проходит наша каждодневная жизнь, действует огромное количество вредных веществ, в том числе всевозможные отходы, продукты загазованности и так далее. Что происходит в этом случае со всеми живыми организмами, сельскохозяйственными животными, теми же растениями, которые произрастают на полях? Много ли мы с вами об этом знаем? Как воздействуют на них всякие вредные вещества? Какие изменения происходят в этих живых организмах? Выяснить всё это, понять, проанализировать – такую задачу ставит направление токсикологии. Материал для анализа собирается из различных источников: здесь и собственные исследования, и то, что можно почерпнуть из различных специализированных изданий, посвящённых этой проблематике. Всё это аккумулируется, объединяется в определённую систему, подвергается разностороннему анализу. А в результате мы получаем серьёзное научное исследование.

дование, открываем новое направление научной деятельности. И это ещё один повод сказать: здесь тоже есть немалая заслуга академика Парахина. Он был убеждённым и последовательным сторонником борьбы за чистоту окружающей среды, в частности патотных плодородных земель.

| Азот из воздуха

Выше уже упоминалось об одной очень важной исследовательской работе Николая Васильевича Парахина. Она называется «Использование эколого-стабилизирующих свойств кормовых растений в адаптивном растениеводстве» – большой и серьёзный труд, имеющий огромное прикладное значение.

По мнению многих учёных, эта работа по сути своей открыла новое направление в аграрной науке. До него так глубоко и убедительно выявить и показать воздействие определённых видов растительных культур на почву, сохранение её плодородных свойств, в целом на состояние природной среды в научной литературе не делал никто. Это был значительный вклад в развитие научной мысли в такой обширной и многогранной области, как растениеводство. Одновременно с этим в работе дана концепция, показывающая необходимость качественного развития кормопроизводства для животноводческой отрасли.

От автора исходит простой и понятный посыл: поскольку отечественное животноводство со всей очевидностью нуждается в развитии, для этой цели необходимы качественные корма. Где мы их возьмём? Нужно вырастить. Орловская область расположена в зоне, весьма благоприятной для возделывания кормовых культур. Так сложилось исторически: крупный рогатый скот, коз, овец, лошадей, других животных здесь разводили всегда. Основная ставка должна быть сделана на выращивание адаптивных культур. Для понимания: адаптивные культуры – это, говоря простым языком, те, что приспособлены к местным условиям. Два-три укоса трав за сезон, кукуруза на силос, на зерно – обычная практика для нашей территории, и при этом урожаи могут быть на уровне мировых величин.

Автор исследования замечает: выращиваем мы растения для

себя, своего подсобного хозяйства на приусадебном участке либо в поле, на больших площадях для крупного животноводческого комплекса – нужно помнить одну простую вещь, что многие традиционные культуры изымают из почвы полезные микроэлементы – тот же калий, фосфор, азот и другие вещества. Их становится меньше. Что делать, чтобы не допустить обеднения плодородного слоя? Надо резко расширять посевы зернобобовых, которые из воздуха берут клубеньковые микроэлементы, в частности азот, и оставляют их в почве. Тем самым мы естественным образом, без всякого вреда и с великой пользой восстанавливаем в плодородном слое земли необходимый биологический уровень азота. Разумеется, обо всём этом знали и раньше, но одно дело – знать, и совсем другое – убедительно доказать, обосновать с научной точки зрения необходимость использования этих знаний на практике.

Учёные и специалисты сельского хозяйства отмечают: в последние годы ситуация стала меняться в лучшую сторону. Сейчас уже в целом по Орловской области, согласно данным статистики, посевы, к примеру, такой культуры, как соя, составляют не менее 70 тысяч гектаров, чего раньше не было вовсе. Это крайне полезное растение во всех смыслах, но прежде всего – как прекрасный стимулятор восстановления плодородного слоя почвы, улучшения её структуры, насыщения нужными микроэлементами. Агрономы прекрасно осведомлены: когда по сое возделываются другие культуры, урожайность на этих полях резко возрастает. При этом количество минеральных удобрений, которые нужно вносить, уменьшается, что само по себе уже огромный плюс.

Таким образом, поддержка плодородного слоя почвы в благоприятном для других растений состоянии – это и есть эколого-стабилизирующее направление в земледелии. Конечно, с точки зрения науки это лишь часть вопроса, один аспект, хотя и очень существенный. Другой не менее важный вопрос в общем контексте проблемы связан с залужением в первую очередь склоновых земель. На территории нашей области с её пересечённым рельефом таких земель очень много.

Что применяется при залужении? В первую очередь назовём злаковые растения, которые закрепляют почву, те же многолетники, зернобобовые культуры. Подобные операции в земледелии практикуются сейчас во всех районах Орловской области. Это не-

малая проблема, и она решается комплексно, в системе, с применением научно обоснованных методов, среди которых есть разработанные в Орловском аграрном университете при непосредственном участии Николая Васильевича Парахина, учёных, преподавателей факультета экологии и агробизнеса.

Если опираться на сведения, которые имеются в департаменте сельского хозяйства, сегодня фактически все склоновые земли в Орловской области учтены, и специалисты предприятий знают, что если угол склона превышает 10%, то возделывать сельскохозяйственные культуры на таком участке нельзя, так как есть опасность смыва посевов вместе с почвой после дождя. С определёнными изменениями климата в ряде районов, например в Ливенском, Мценском, отмечаются ветровые эрозии. Некоторые поля, особенно весной, просто выдувает. Такая картина наблюдалась на посевах сахарной свёклы, когда растения были срезаны, словно бритвой. Защитой от таких ветров могут служить леса, лесополосы, которых при всём при том всё еще недостаточно.

*РОЛЬ КОРМОПРОИЗВОДСТВА И ЖИВОТНОВОДСТВА
В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ БИОЛОГИЗАЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ*

Непременным условием экологически сбалансированного растениеводства является кормопроизводство.

Известно, что многие руководители хозяйств и фермеры в своё время сделали ставку на растениеводство как более рентабельную отрасль, сократив, а в некоторых случаях и полностью отказавшись от содержания животных. Однако они просчитались.

По-другому и не могло быть. Серьёзных успехов в производстве продукции растениеводства добиваются прежде всего страны с развитым животноводством. Эти важнейшие отрасли АПК развиваются в основном совместно.

В условиях экономического кризиса негативные явления в агропромышленном комплексе особенно ярко проявились в животноводстве и кормопроизводстве. У большей части производителей сформировалось убеждение, что в современных экономических условиях можно выжить только за счёт производства растениеводческой продукции, сокращения и даже ликвидации животноводческой отрасли. Этому в незначительной степени способствовало отсутствие целенаправленных мер со стороны государства, стимулирующих развитие отечественного животноводства.

С нашей точки зрения, подход, при котором животноводство и кормопроизводство рассматривают вне связи с растениеводством, чреват серьёзными негативными последствиями не только в экономике. Исключительно важная роль кормового поля состоит в создании условий для поддержания экологического равновесия и формирования продуктивности возделываемых культур. Многолетние травы, однолетние бобово-злаковые травосмеси, промежуточные посевы и другие составные элементы кормового поля имеют важнейшее комплексное значение в обеспечении сбалансированного и устойчивого функционирования агроэкосистем. С их почвоулучшающими и почвозащитными свойствами связаны предотвращение эрозионных процессов, оптимизация гумусового состояния, обеспечение возделываемых растений земными факторами жизни и так далее.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно сделать вывод, что развивая животноводство и кормопроизводство, можно улучшить не только экономические показатели использования земельных угодий, но и экологическую ситуацию.

Н. В. Парахин.

«Экологическая устойчивость и эффективность растениеводства. Теоретические основы и практический опыт»

Биологизация земледелия

Подчёркивая значение трудов Николая Васильевича Парахина, известный российский учёный, академик РАН Ушачёв пишет: «Благодаря его исследовательским усилиям в России создана научная школа, развивающая теоретические основы биологизации и экологизации интенсифицированных процессов в земледелии».

Это тот момент, когда мы говорим, что воздействие на растения химическими препаратами, воздействие, соответственно, на почву химическими препаратами далеко не всегда приводит к положительному эффекту. Не является секретом, что количество химических средств, пестицидов, фунгицидов, которые применяют при защите растений от вредителей, болезней, сорняков из года в год увеличивается. Некоторые из них распадаются достаточно быстро, другим для этого нужно время, но в любом случае они накапливаются, влияют и на почву, и на микроорганиз-

На этом участке – новый, перспективный сорт гороха.

мы, которые есть в плодородном слое, и сами растения могут от этого страдать.

Поэтому появление такого направления в научной среде, в практике, продиктовано самой жизнью. Об этом задумываются, идут серьёзные разговоры вокруг органического земледелия, поскольку проблема засорения почвы минеральной химией стоит уже достаточно остро по всему миру, в том числе и у нас, в России.

Николай Васильевич был одним из авторов и наиболее последовательным сторонником этого направления. А что означает такое понятие в принципе? Если использовать не строго научные термины, а доступный язык, биологизация земледелия – это уменьшение использования минеральных удобрений при выращивании сельхозкультур. Допустим, тот же азот, необходимый растениям, может быть в селитре, в мочеvine, в других минеральных удобрениях. Но, как уже упоминалось выше, есть такие растения, как горох, вика, люпин, соя, которые в процессе вегетации, то есть роста, усваивают из атмосферы необходимый азот и компенсируют его в корне. Другими словами, обогащают им

почву. То есть для других культур, которые мы размещаем на этом поле, нет нужды вносить дополнительно эти самые химические азотные удобрения.

Николай Васильевич был в хорошем смысле фанатом биологизации земледелия и всегда повторял, что за этим методом будущее, иначе мы загубим пахотную землю. По этой теме неоднократно проводились семинары, где обсуждались важнейшие нюансы и преимущества биологического земледелия. Но пока этот вопрос по-прежнему стоит остро, поскольку существует, чего там греха таить, сила привычки, традиции. Мы много лет, а то и десятилетий призывали руководителей и специалистов хозяйств удобрять почву, подкармливать растения именно минеральными удобрениями. А тут вдруг резкий поворот в другую сторону. И потом, не нужно забывать мощнейшие ресурсы и возможности тех, кто производит минеральные удобрения: они тоже вооружены аргументами и умеют представить любую информацию в свою поддержку.

Сегодня наиболее продвинулась в вопросах биологизации земледелия Белгородская область. И здесь тоже не обошлось без Парахина. Действующий губернатор области Евгений Степанович Савченко и Николай Васильевич вместе учились в Тимирязевке, на одном факультете. Они дружили, и эта дружба не прошла бесследно. Николай Васильевич был частым гостем на Белгородчине, и по целому ряду вопросов, в том числе связанных с биологизацией, они с Савченко были единомышленниками. Причём не только в теории, но и на практике.

– Жаль, что у нас в области, – отмечает Владимир Ильич Коротеев, – этот процесс идёт как-то скачкообразно: начинаем – остановились, ещё раз начинаем – опять остановка. Нет системы, не удаётся её сформировать и закрепить так, чтобы она работала, как часовой механизм. А только в таком случае придёт успех.

Конечно, легче купить удобрения, один раз внести в почву селитру, чем планировать севооборот, размещать на землях разные культуры, заниматься параами. Я всегда был противником чёрных паров, и мы с Николаем Васильевичем были здесь солидарны, поскольку чёрные пары – это разрушение пахотного, культурного слоя, разрушение механического состава почвы. Ведь что происходит в природе: мы знаем, что в почвопоглощающем комплек-

се в естественных условиях есть фосфор, есть азот. Но условия эти постоянно меняются: влажность – засуха, влажность – засуха. Под воздействием этих факторов, под воздействием солнечных лучей и азот, и калий из межпакетных пространств почвопоглощающего комплекса начинают выскакивать, он переходит из труднодоступных соединений в легкодоступные. Известно, что пар для определённых культур становится хорошим предшественником, но, если не пополнять запасы азота или калия, земля беднеет. А вот если на этом участке посеять сидерат, то почва насыщается органикой, что в свою очередь даёт жизнь микроорганизмам, которые способствуют привлечению азота.

В некоторые периоды нашей, уже российской истории количество голых паров в хозяйствах области доходило до 20% от всех имеющихся площадей. Обосновывалось такое увлечение парами желанием дать почве отдохнуть, набраться сил. Это неверный путь и один из самых простых способов не обогащения, а, наоборот, обеднения почвы. Паров должно быть 7–10%, больше не нужно: это классика агрономических расчётов.

Николай Васильевич понимал, что такое накопление азота с помощью промежуточных культур, и убеждённо, со знанием дела, с аргументами и расчётами в руках отстаивал эту идею. Очень обидно, что эту очевидную истину до сих пор не хотят принять руководители и владельцы целого ряда хозяйств и особенно крупных холдингов.

Казалось бы, что может быть проще: закончили, к примеру, уборку озимой культуры 10–15 июля – внесите на освободившийся участок семена гороха, вики. Сегодня у многих хозяйств есть сеялки сплошного сева, а что касается семян названных культур, тут вообще проблем никаких. Растения обогатят почву азотом, придушат сорняки – это же понятные и очень полезные вещи.

В последние годы, особенно в бытность губернатором Орловской области Александра Петровича Козлова, Николай Васильевич был выбран еще председателем областного научного совета и много внимания уделял вопросам кормопроизводства. В Орле, на площадке аграрного университета и в областной администрации, по этой теме было проведено несколько крупных международных семинаров и научно-практических конференций с участием учёных и практиков из разных регионов страны.

Студенческие уборочные отряды ОГАУ активно помогли сельхозпредприятиям в уборке урожая.

Рассматривались вопросы кормления животных как молочного, так и мясного направления. По приглашению Парахина в Орёл приезжали директор Всероссийского НИИ мясного скотоводства из города Оренбурга профессор Александр Сергеевич Мирошников, впоследствии членкор РАН, а также заместитель председателя комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственным вопросам, работавший в своё время в том же НИИ мясного скотоводства, Николай Кузьмич Долгушкин, ныне главный учёный-секретарь Президиума Российской академии наук. Именно оренбургский институт на протяжении многих лет занимается развитием и воспроизведением крупного рогатого скота, исследованием генетики КРС на территории России, Казахстана и ряда стран Европы, уделяет много внимания вопросам разработки нормированного и физиологически ориентированного кормления мясных пород крупного рогатого скота. Николай Василье-

вич хорошо знал и одного, и второго, был в курсе их исследований и считал, что опыт оренбургских коллег будет интересным и непременно пригодится в Орловской области.

| Ландшафтное земледелие

С темой биологизации непосредственным образом связано ещё одно важное направление, активным сторонником которого был Николай Васильевич Парахин. В научной литературе это направление представлено как ландшафтное земледелие. В классическом варианте ландшафтное земледелие – это прежде всего планирование и обустройство сельскохозяйственной местности на основе естественных законов и потребностей природы.

В одном из своих выступлений по проблемам землепользования академик Парахин сказал: «Вооружившись могучей техникой, в погоне за цифрами и объёмами мы распахали землю до речек, распахали луга, опушки. А ведь так нельзя, это нарушает естественное природное равновесие. Вспомним, как делали тот же землеустроительный план наши предшественники, люди, которые относились к земле иначе, нежели это делаем мы, так называемое продвинутое поколение? Они полагали так: надо, чтобы близко к пашне была вода, речка, пруд, родник, где-то оставался луг с травостоем, опушка леса – всё это должно быть уравновешено в определённых процентах, как это умеет делать сама природа. Что мы видим сейчас? Происходит обратный процесс, ненормальный с научной и естественной точки зрения: мы слишком сильно вторглись в природную среду и нарушили её экологический баланс, который рано или поздно придётся восстанавливать. А чтобы восстановить или хотя бы приблизиться к этому состоянию, нам нужно вернуться к тому первоначальному, чем располагала природа – тем самым микроорганизмам, которые сохраняют структуру почвы. Нас уже сегодня замучили патогены в пахотном слое, а без нужных микроорганизмов они замучат нас совсем. Мы не успеваем восстанавливать, поддерживать нормальное состояние почвы, потому что без конца используем химию».

Тема биологизации и непосредственно связанный с этим аспект ландшафтного земледелия на протяжении многих лет

интересовали Николая Васильевича не только в исследовательском, но и в чисто прикладном значении. Академик Валерий Иванович Кирюшин, сибиряк, впоследствии заведующий кафедрой в Тимирязевской академии, немало своих исследований посвятил именно этой теме. С Парахиным их связывали добрые, уважительные отношения, какие обычно бывают у людей, мыслящих неординарно, радеющих о пользе дела. В научном сообществе Кирюшина считают одним из основателей и разработчиков ландшафтного земледелия в России, хотя различных трудов на эту тему и в прежние годы было достаточно. Кирюшин создал даже исследовательскую школу по этой проблеме. Вторая такая школа появилась в Курском институте эрозии почв.

Понимая актуальность ландшафтного земледелия для нашей области, Николай Васильевич пытался привлечь к ней внимание прежде всего тех людей, которые смогут оценить практическую значимость такой работы. Определённый интерес опять же проявил здесь Сергей Аристеевич Будагов, руководитель известного в Орловской области холдинга. Он понял главное: когда мы бездумно накачиваем землю различными химическими удобрениями, они, помимо безусловного влияния на урожай, наносят и вред, в известной степени разрушают механический состав почвы, распыляют его. А коли распыляется, уменьшается почвопоглощающий комплекс, уменьшается количество воздушных и водяных пор. Что это значит? К примеру, прошёл дождь, и, вместо того чтобы впитываться в землю, влага растекается по поверхности. Особенно заметен вред там, где есть склоны, поскольку после дождя в этих местах появляются микроовраги, размывости, углубления в культурном слое почвы. Влага, конечно, уходит, утекает без пользы, испаряется. Вслед за этим возникает целый букет проблем, которые рано или поздно заявят о себе, потребуют принятия каких-то мер, каких-то конкретных действий. И на помощь может прийти именно технология ландшафтного земледелия.

Кто-то наверняка подумает, что проблема высосана из пальца, дескать, тоже нашли невидаль – размывости и трещины на полях. Но это не так безобидно, как представляется на первый взгляд. Проблема существует, и она усугубляется. Не станем обращать на неё внимания сегодня – завтра придётся платить за свою

недальновидность стократ. Для её решения необходим разумный баланс интересов, соединение науки и практики. В последние годы в стране появилось несколько проектов, объединённых темой ландшафтно-почвенного земледелия. Успешные проекты есть, например, в Воронежской области, на землях так называемой Каменной степи, где учёные института имени Докучаева в течение ряда лет проводят в этом направлении серьёзную работу. К сожалению, в нашей области подобного проекта и подобных примеров пока что нет.

А отработать такой проект хотя бы с единственной целью, чтобы получить необходимые результаты и убедиться в реальной пользе ландшафтного земледелия, можно практически в любом месте нашего региона. Условия для этого есть, научная основа и методология отработаны, не хватает всего ничего – желания и понимания важности этого дела.

Подводя итог разговору о биологизации земледелия – одном из важнейших направлений современной науки и практики, обоснованию и развитию которого немало сил и времени отдал Николай Васильевич Парахин, зададимся на первый взгляд простым, но вполне резонным вопросом: почему же при всей очевидной пользе и актуальности она не переходит в разряд первоочередных задач государственной политики в области сельского хозяйства? Не становится основополагающей идеей, призванной коренным образом изменить отношение к самому главному богатству человека – нашей земле-кормилице, сохранению её плодородия? Может быть, сельскому хозяйству страны для таких проектов не хватает науки? Может быть, тех исследований, тех аргументов, которые приводит в своих трудах академик Парахин, ещё недостаточно? Может, ещё не доросли, не созрели? Возможно, и так. Время покажет.

Но небольшие подвижки всё-таки есть. Сегодня Белгородская область поставила для себя, для своей аграрной отрасли весьма смелую и амбициозную задачу – сократить применение химии на полях на 50 % и перейти на биологические методы земледелия. Если сейчас химия занимает в здешнем растениеводстве 80–90 %, то через какое-то время её объём уменьшится до 40–45 %. Благодаря науке уже появились биологические методы защиты растений, поэтому от увлечения химией можно спокойно уходить.

Но опять вопрос: захотят ли наши хозяйственные руководители перейти на сторону биологизации? И захотят ли, смирятся ли с этим те наши боссы, которые сидят на выпуске минеральных удобрений? Химия, яды текут рекой, как говорится, только лей. Рано или поздно это приведёт нас в тупик. Давайте вдумаемся в такую цифру, которая приводится в официальных источниках: на данный момент только в Орловской области больше миллиона гектаров плодородных земель закислены. И процесс повышения в сторону сильной кислотности идёт не мелкими шагами.

Все сказанные мысли не просто разделял и не просто вынашивал Николай Васильевич Парахин. Как крупный учёный-почвовед и равнодушный человек, он всячески продвигал идею биологизации земледелия, настаивал на этой теме в своих работах, выступлениях, в разговорах с чиновниками разных уровней и специалистами реального производства. Но перевести решение проблемы в практическую плоскость, выстроить необходимую в таких случаях и необратимую систему он не успел. Решающим дефицитом для него оказалось время.

Его рассуждения в этом плане были простыми и очень понятными.

– Давайте подумаем, – говорил он, обращаясь к студентам – выпускникам агрономического факультета, – что мы оставим после себя будущим поколениям? Что будет с пашней после бездумного вливания органических удобрений? Какие будем использовать сорта растений: естественные, полученные в результате селекции, или генетически модифицированные и как они повлияют на человека, на жизнь наших потомков?

В этом плане он заставлял размышлять, ставил человека перед выбором: что ты хочешь в данный момент своей жизни – заработать побольше денег на этом поле? Срубить их, выражаясь современным сленгом, «по-лёгкому», заливая плодородную пашню химическими растворами? Или выбираешь вариант, чтобы твоё дело, твой бизнес продолжался дальше? Хочешь разрушить или построить? Если построить, тогда включай мозги и начинай читать глубокую литературу, она тебе не повредит, а только разовьёт, расширит твой интеллектуальный горизонт, твои познания.

Удастся ли нам, продвинутому поколению XXI века, постичь и усвоить глубину этих простых и понятных мыслей и взять их на вооружение? Это есть тот самый вопрос, ответ на который предстоит получить не в отдалённом, а уже скором будущем.

Татьяна Ивановна ГУЛЯЕВА – ректор Орловского государственного аграрного университета с 2016 года, доктор экономических наук, профессор.

Татьяна Ивановна Гуляева в 1974 году окончила Харьковский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «статистика».

В 1984 году защитила кандидатскую, а в 2001-м – докторскую по теме «Статистическое исследование самообеспеченности России продовольственными товарами (на примере сахара)».

С 2001 года – проректор по учебной работе, с 2016 года – ректор Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина. Является председателем диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Орловском ГАУ, председателем учёного совета университета, членом методического совета территориального органа Федеральной службы Государственной статистики Орловской области.

Имеет государственные награды.

Автор более 150 научных работ, 45 из них опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК при Министерстве образования и науки РФ, 10 монографий. Автор трёх учебников и шести учебных пособий.

Глава 11.

ПО ПУТИ ИННОВАЦИЙ И ЛИДЕРСТВА

| Искусство собрать команду

Новое время и новые реалии жизни, которые в современной России стали называть «постсоветским периодом», кардинальным образом изменили подходы и само содержание образовательного процесса в системе высших учебных заведений. Аграрный университет не был и не мог быть исключением. В стране, несмотря на все сложности и противоречия в общественном мнении, нарождался капиталистический уклад, поощрялись предпринимательство, частная инициатива, умение прагматично подходить к решению самых разных вопросов.

В первое десятилетие 2000-х ОГАУ, пройдя тернистый путь становления, не просто набрал обороты, а вступил в полосу бурного инновационного развития. Команда университетского локомотива, образно говоря, на всех парах мчалась вперёд, стараясь не отстать от стремительно меняющегося мира, который с космической скоростью ворвался в новое тысячелетие. Во главе этой большой и сплочённой команды уверенно стоял и столь же уверенно вёл её в нужном направлении этот невысокий, подтянутый, строгий на вид и очень амбициозный человек – ректор Николай Парахин.

Известно, что сформировать хороший коллектив, сильную и профессиональную команду – это тоже искусство. Нужно чувствовать людей, понимать их особенности, настрой и возможности каждого. Николай Васильевич умел подбирать людей. Раз за разом методично и грамотно он находил тех, кто не просто соответствовал высоким требованиям современной вузовской школы, но чётко вписывался в сложную систему координат,

известную, кажется, ему одному, которую он определил для успеха командной работы.

Профессор кафедры защиты растений ОГАУ Николай Николаевич Лысенко убеждён, что у Парахина были свои критерии отбора каждого, кто мог пополнить преподавательский корпус, а кроме того, чётко продуманы правила формирования работоспособного и творческого коллектива, готового воспринять новые веяния и обеспечить выполнение тех задач, которые соответствуют духу и запросам времени.

– Он не просто подбирал и ставил на те или иные позиции преподавателей, кандидатов наук, профессоров, – считает Лысенко, – а подбирал людей, жизненные устремления которых, их принципы, если хотите, их философия, отношение к делу близки или во многом совпадают. Такую команду составляют единомышленники, адекватно воспринимающие те высокие требования, которые ставит ректор, руководство вуза и в повседневном режиме, и с учётом развития учебного заведения.

Все знают, как сложно, невероятно сложно бывает с этим в больших и к тому же творческих коллективах. Умение подобрать нужных людей, в нормальном значении этого слова, объединить общей идеей, стремлением двигаться вперёд – одна из ключевых задач ректора, и Николай Васильевич Парахин, по мнению многих его коллег и соратников, с ней блестяще справлялся. А если есть такая команда, ей по силам покорить любые высоты.

Прошло немногим более десяти лет с момента преобразования сельхозинститута в университет, и вот уже ОГАУ хорошо известен в стране, во многих моментах он выступает законодателем «образовательной моды», с него берут пример, на него равняются, приезжают за опытом. В своём регионе университет стал крупным учебно-научным комплексом, в который вошли ведущие научно-исследовательские учреждения города Орла и Орловской области. Это позволило значительно повысить качество научных исследований, теоретической и практической подготовки студентов. Без сомнения, ОГАУ сполна отработал аванс, который получил при обретении университетского статуса.

Парахин, как известно, всегда выступал за более тесное взаимодействие научного и образовательного процесса с реальным

производством. Но именно с конца прошлого и начала нынешнего века университетом самым активным образом проводится интеграция образования и науки в аграрной сфере. Отвечая на запросы времени, здесь создается целая система непрерывного профессионального образования. Университет одним из первых в стране стал непосредственно сотрудничать с профильными средними специальными учебными заведениями (ссузами), разрабатывать интегрированные учебные планы с сокращённым сроком обучения.

На всех факультетах по специальностям высшего профессионального образования открыты по 2–3 новых специализации. Например, по специальности «зоотехния» введены специализации, которых не было прежде в учебных программах, а именно: птицеводство, рыбоводство, свиноводство. По специальности «ветеринария» открыты специализации ветеринарная биотехнология, ветеринарно-санитарная экспертиза и другие.

С учётом потребностей рыночной экономики на старших курсах преподаются специальные программы по направлениям «Инновационные технологии в АПК», «Инновационный менеджмент», «Устойчивое развитие сельских территорий», «Биоэнергетические ресурсы». На практических и семинарских занятиях рассматриваются вопросы, связанные с процессом реформирования АПК Орловской области. Это способствует тому, что студент не только изучает дисциплины государственного образовательного стандарта, но и знает об изменениях, происходящих в организационно-правовой структуре сельскохозяйственных организаций, достижениях научно-технического прогресса по своему профилю и ориентируется в рыночной ситуации региона.

С 2005 года в университете открывается бакалавриат по направлениям «Экономика» и «Агроинженерия». Спустя два года открыты новые образовательные программы, в которых в широком аспекте рассматриваются земельно-имущественные отношения, организация фермерского хозяйства, садово-парковое и ландшафтное строительство. В обучающий процесс для бакалавров включены спецкурсы, где изучается лесное дело, защита окружающей среды, менеджмент, готовятся специалисты по биотехнологии и магистры по направлениям: «Экономика», «Агрономия», «Агроинженерия», «Зоотехния», «Технология продуктов

питания». И всё это с учётом самых современных запросов рыночной среды.

Мало того, по всем специальностям введены рабочие профессии, например, тракторист-машинист, комбайнёр, водитель категории В, С, апробатор сельхозкультур, лаборант-эколог, пробоотборщик и другие. В университете хорошо усвоили уроки середины и конца 90-х годов, когда сельское хозяйство области столкнулось с серьёзным кадровым голодом из-за перекосов в определении приоритетов при подготовке специалистов высшего и среднего звена, да и массовых рабочих профессий тоже. И сделали необходимые выводы, предпочитая действовать не умозрительно, следуя известному гайдаровскому утверждению, что «рынок сам всё настроит», а на основе глубокого изучения рыночных законов и механизмов, ориентируясь на запросы и приоритеты реального сектора экономики.

Парахин и руководимая им команда постоянно держат руку на пульсе времени, отслеживают и улавливают любые изменения, которые происходят в аграрной сфере и связанных с ней отраслях. В этот период сложилась и стала доброй традицией практика отправлять студентов в помощь сельскому хозяйству по договорам-заявкам администраций районов, агрохолдингов, НИИ. Будущие агрономы, специалисты агробизнеса активно участвуют в весенних полевых работах, проводят культивацию, сев различных культур, подкормку растений и их обработку от вредителей и болезней, помогают убирать хлеб, садясь за штурвалы комбайнов.

В целях изучения новых технологий на производстве и оказания реальной помощи хозяйствам в выращивании урожая, а также улучшения практической подготовки студентов созданы научно-внедренческие студенческие отряды. Наряду с научно-образовательной практикой в учхозе «Лавровский» работа на полях и фермах действующих сельскохозяйственных предприятий становится важнейшим условием будущего трудоустройства выпускников университета. Видя, как грамотно и с какой отдачей трудятся молодые ребята, руководитель хозяйства едва ли откажется от желания заполучить себе такого специалиста. Диплом об окончании вуза становится для таких ребят лишь документом государственного образца, подтверждающим их

хорошие профессиональные навыки, достойные знания и высокое мастерство.

В эти годы университет становится не просто участником, а важным звеном в становлении и работе всего агропромышленного комплекса Орловской области, который прошёл к тому моменту процесс глубокого реформирования на основе частной собственности на землю и средства производства. Подробный рассказ об этом и участии ОГАУ в земельной реформе будет представлен в отдельной главе. Пока же отметим, что подготовка специалистов для сельского хозяйства в этот период уже имеет целый ряд качественных отличий от того, как это происходило в недавнем прошлом. Прежде всего, она осуществляется с учётом требований и нередко при непосредственном участии самих руководителей хозяйств, агрофирм и крупных агрохолдингов, заинтересованных в получении грамотных современных специалистов, на принципах так называемого стратегического партнёрства. Эта форма взаимодействия образовательного учреждения, университетской науки и реального производства оказалась поистине инновационной для новых российских реалий, продемонстрировала отличные практические результаты. Именно в этот период были заключены договоры о творческом сотрудничестве и организованы филиалы кафедр университета с такими предприятиями, учреждениями и организациями, как ВГУП «Орловское», ЗАО «Агроиндустрия», национальный парк «Орловское полесье», ОАО «Змиёвский мясоперерабатывающий комбинат», МУП «Орёлэнерготранс», МУП «ПАТП-1», ОАО «Орёлэнерго», АПК «Орловская Нива», ЗАО «Орловский лидер», ОАО «Орловский бройлер», ФГУ «Орловская областная станция защиты растений», ООО «Гранд-Аудит», ОАО «Орёлагропромстрой», СПМК-1, ОАО «Мценский мясоперерабатывающий комбинат» и многими другими, представлявшими на территории Орловской области не одну лишь аграрную отрасль.

Помимо того, что такое взаимодействие работало на престиж университета, поднимало его авторитет как надёжного поставщика грамотных специалистов, партнёрские связи с реальным производством способствовали решению ещё одной очень важной задачи – трудоустройству тех, кто получал дипломы бакалавров и магистров. Для содействия в этом вопросе, а также для

обеспечения жильём юношей и девушек, приезжающих в село на работу, в 2006 году в университете был создан центр по трудоустройству выпускников этого учебного заведения. Только за один год благодаря усилиям специалистов и преподавателей центра 28 выпускников факультета биотехнологии и ветеринарной медицины были приняты на работу в акционерное общество «Агроиндустрия» и ООО «Троснянский бекон». Для ОГАУ это стало ещё одним элементом взаимодействия с производственным сектором, которое в дальнейшем переросло в устойчивые и обоюдовыгодные деловые связи.

| Продать разработку

Рынок, как известно, имеет свои законы и правила. В России процесс перехода, а точнее сказать, перевода с плановой системы на рыночные отношения сопровождался болезненным разрушением прежних экономических связей, падением производства и, как следствие, обнищанием основной массы населения страны. Неразбериха и хаос на фоне затянувшегося противостояния президента и парламента в середине 90-х усугубляли и без того нерадостную картину, которая воцарилась на бескрайних пространствах государства, раскинувшегося от Балтийского и Чёрного морей до Тихого океана. «Дикий рынок», как окрестили в народе новый экономический уклад, затянулся на весь период правления Бориса Ельцина и по инерции зацепил ещё несколько лет уже после избрания президентом России Владимира Путина.

Но при всём своём негативе, при всех очевидных издержках и потерях этой переходной стадии, которая не закончена и сегодня, рынок вызвал к жизни немало положительных моментов. В их числе мы уже называли предпринимательскую инициативу, желание определённого числа людей открыть своё дело, изменить собственную жизнь, заработать капитал, обеспечить будущее своей семьи и будущее детей и внуков. Нет нужды останавливаться на этой теме подробно, просто зафиксируем её как состоявшийся факт, как реальность.

Рынок похоронил многие надежды и многие традиции, которые были рождены в годы советской власти. Мы стали чувство-

вать себя менее защищёнными, нежели тогда. Мы опасаемся не найти или потерять работу, нас пугает бедность, нехватка денег, неуверенность в завтрашнем дне. И ещё тысячи всяких больших и маленьких страхов, сомнений, переживаний поселились с той поры в наших человеческих сердцах.

Трудности коснулись всех, и образовательная сфера не стала исключением. Титанических усилий стоила тому же Парахину адаптация вуза к новым условиям. Но, как ни странно, именно в этот период разворачивается большое строительство, завершается возведение новых учебных корпусов, ректората, демонстрационно-выставочного центра, молодежного центра с актовым залом, закладывается парковая зона.

Государство не отказывается от поддержки образования, но давать всем подряд столько, сколько нужно, не получается: средств на это попросту не хватает. Поэтому формы и критерии финансовой поддержки меняются. Во главу угла ставится качество образовательного процесса, его соответствие современным требованиям, необходимость и актуальность подготовки тех или иных дипломированных специалистов, их востребованность на рынке. Приветствуются инновационные методы в обучении, меняются стандарты и критерии оценки в работе профессорско-преподавательского состава. Поощряются инициатива, новаторские подходы, смелые идеи, которые могут принести результат.

Помимо бюджетного финансирования, которого, как правило, недостаточно, поскольку оно не покрывает всех потребностей образовательного учреждения, вводится система дополнительного привлечения финансов посредством участия вузов в коммерческих проектах, различных программах и конкурсах, многие из них проходят по линии министерств, правительства страны. Активно внедряется грантовая поддержка по тематическим и узкоспециальным направлениям. Наряду с бесплатным, или, как его окрестили, бюджетным вариантом обучения, то есть за счёт государства, на факультетах появляются студенческие группы, которые учатся на коммерческой основе. Иными словами, платят за учёбу из своего кармана, вернее, из кармана родителей или спонсоров, если таковые найдутся.

Коммерциализация образования таит в себе немалые риски, но, считается, что это вынужденная и к тому же временная мера.

Вот государство наше встанет на ноги, разбогатеет, и тогда... Хотя известно, что во многих странах получить университетский диплом, обрести хорошие знания и достойную профессию стоит немалых денег, и платное образование закреплено на официальном уровне.

Орловский аграрный университет не остался в стороне от происходящих в образовательной среде процессов. Более того, Парахин всегда был приверженцем всяческих нововведений, преобразований, совершенствований и внедрений. Он быстро уловил глубинную суть рыночных механизмов. Дремать и жить одними мечтами здесь некогда. Надо действовать, искать, шевелиться, иначе в два счёта окажешься на обочине магистральной дороги. Одним из способов развития университета в условиях рынка он считал именно умение зарабатывать деньги за счёт научных исследований, выполнения конкретных заказов и коммерческих проектов.

Не секрет, что во многих вузах существует обязательное требование внедрения или продажи своих научных разработок. Есть даже определённая норма таких продаж в рублёвом эквиваленте на каждого преподавателя. На понятном языке это называется связь науки с производством. Николай Васильевич был самым ярким сторонником такой связи, свято верил в это и всегда подчёркивал, что грош цена будет нашим научным открытиям и разработкам, если они не станут востребованными в сельском хозяйстве, в реальном производственном секторе. Наука только тогда имеет значение, говорил он, когда она себя окупает. Легче всего писать диссертации, двигать теорию, вести разработки за государственный счёт, не заботясь при этом, какую реальную пользу они дают экономике.

– В нём многое подкупало и одновременно вызывало удивление, – вспоминает директор ВНИИ соцразвития (бывший институт охраны труда в сельском хозяйстве), а ныне проректор ОГАУ по научной и инновационной деятельности Сергей Александрович Родимцев. – При всей очевидной интеллигентности и мягкости, которая была свойственна Парахину, он в то же время был чрезвычайно требовательным человеком. В те моменты, когда речь заходила о вещах принципиальных и важных, был твёрд и непреклонен – настоящий кремень. Если решение

принято, даже помыслить о том, чтобы не сделать или сделать не так, как положено, договориться с ним, перенести на другой срок или что-то в этом роде, было практически невозможно. Выход был один – умри (не в буквальном смысле, конечно), но сделай. То есть ищи варианты, думай, пробуй, жаловаться и ныть при этом не смей. Но тут же он был и чрезвычайно отзывчив, если слышал деловое предложение, какие-то новые идеи, нестандартные ходы. Моментально включался, готов был оказать всяческую помощь.

Он этого никогда не скрывал, всегда публично поддерживал тех, кто нёс и рожал свежие идеи, предлагал лучшие варианты, которые убедительно и аргументированно защищал.

Взять для примера тот же НИИ охраны труда, разработки которого действительно востребованы в хозяйствах. Многие руководители сельских производственных коллективов, понимая всю важность предлагаемых методик и практических разработок, тем не менее не очень-то спешили всё это применять у себя. Понятное дело, такие новшества не бесплатны, они стоят денег. Вот и раздумывают, прикидывают, надо всё это оплачивать или подождать. У специалистов института задача другая – найти таких желающих, научить, внедрить новые разработки. Это же во благо людей, для их безопасности.

Тут следует напомнить, что первые правила по безопасности труда в сельском хозяйстве разрабатывались специалистами института довольно давно, ещё в советское время. К началу 2000-х, когда институт перешёл под крышу ОГАУ, эти правила во многом устарели. И это было объективно, поскольку в хозяйства пришли новые технологии, новая техника, оборудование, и работа с ними требовала иных навыков, иных приёмов и знаний. А значит, и безопасность при использовании всех этих новинок должна быть иной.

– В то время, – вспоминает Сергей Родимцев, – случилась такая история. Минтруд, учитывая изменившуюся в стране ситуацию, выделил грант как раз на разработку новых правил по охране труда. Специалисты орловского НИИ тоже приняли участие в конкурсе. И проиграли. А выиграл грант Московский институт охраны труда и социальной защиты. Однако уже на другой день они обратились к нам и предложили сотрудничать, мотивируя своё

предложение тем, что у нас уже есть какие-то наработки, практические материалы, и, самое главное, есть специалисты, которые имеют немалый опыт и прекрасно знают тему. Мы своё согласие дали и начали работать. Сроки были жёсткие – не более двух недель на разработку предложенного задания. Но, видно, отнеслись к выполнению не так, как требовалось. Когда приехали в Москву и представили варианты, которые сделали, нас так разбабахали, что мало не покажется. Дескать, и то не учли, и здесь неправильно посчитали и так далее в таком же ключе. Ошибки были не системные, не критичные, тем не менее они имелись, и отрицать очевидное значило расписаться в собственной некомпетентности. В общем, люди, с которыми мы общались в московском НИИ, дали нам понять, кто в доме хозяин и кто во главе процесса.

– Ехали мы в Орёл, конечно, с ужасом, – продолжает свой рассказ Сергей Александрович. – Я уже свыкся с мыслью, что придётся писать заявление об уходе и искать другую работу, поскольку был уверен, что ректор такого позора нам не простит. Но главное даже не в этом. Деньги в том проекте были немаленькие, а университет в то время очень нуждался в финансах, да и тема сама по себе престижная, а тут такой провал.

На трясущихся ногах пришёл тогда к ректору, доложил всё как есть, приготовился получить заслуженную оценку и уйти из университета. И вдруг вместо того, чтобы принять в свой адрес громы и молнии, слышу другое: «Ну что, Сергей, – произносит ректор не без укора в голосе. – Теперь ты понял, что готовить любой вопрос нужно куда как тщательнее? Учитывать каждый нюанс, любую деталь? Впредь, как говорится, будет и тебе, и всем нам наука».

Сели, обсудили с ним этот проект, наметили, что и как переделать, довести до ума. И ведь в итоге всё получилось как нельзя лучше – мы приняли участие в работе по этой теме вместе с тем же московским НИИ. Но урок тогда я получил весьма поучительный, на всю жизнь. И что интересно. Думал, что после разговора с ректором с меня вся энергия стечёт, как с оплавленной свечи. А вышел от него с чувством, будто крылья у меня выросли, заряд такой ощутил, что готов был горы свернуть. С удвоенным напором мы со специалистами взялись работу, сидели днями и ночами, зато какое удовлетворение испытали, когда проект был одобрен и получил финансирование.

Был ещё один любопытный эпизод, весьма характерный для той поры. Летом 2007 года университет выиграл крупный общероссийский грант среди профильных вузов в 250 миллионов рублей на покупку приборов для оснащения образовательных кабинетов и лабораторий. Концепцию гранта и обоснование важности всего проекта готовили проректор по науке Василий Тихонович Лобков и декан факультета Роман Николаевич Ляшук. Парахин как ректор и несомненный знаток подобного рода вещей оставил за собой общее руководство, вносил нужные коррективы и, главное, отслеживал прохождение проекта в высоких столичных инстанциях, поскольку бороться приходилось с очень опытными и продвинутыми конкурентами. Впоследствии на основе этого гранта в университете был создан научно-исследовательский центр, который стал ещё одним очень важным шагом в развитии учебного заведения и становлении его в качестве серьёзной научной площадки. Ни один родственник вуз этого не сделал, а в Орле сделали.

Надо сказать, что такое направление стало не просто серьёзным подспорьем для университета с точки зрения финансов. Участие в соревновательной борьбе за гранты демонстрировало способность вуза соответствовать современным тенденциям, желание на равных участвовать в конкуренции на рынке образования. И не просто участвовать, а очень часто выходить победителем. Это стало возможным в первую очередь в результате постоянного освоения методической грамотности, слаженного и оптимального взаимодействия правильно подобранных кадров. Например, в 2007 году университет стал победителем конкурса среди вузов, внедряющих инновационные образовательные программы, победителем конкурса федеральной стипендиальной программы известного российского предпринимателя Владимира Потанина, раз за разом выигрывает гранты Минсельхоза. В том же году ОГАУ выиграл проект Европейского союза по программам сотрудничества с профильными вузами Германии и других стран Запада, и уже через несколько месяцев в первом потоке мобильности по этому проекту приняли участие 30 сотрудников и студентов университета.

Может показаться, что гранты и прочие успехи давались легко, учитывая предыдущий опыт работы Парахина в Москве. Но такие разговоры уместны для людей, не знающих всей этой кух-

ни. Тут одними связями сыт ни за что не будешь. Тебя быстро вычислят, «поймают» на слабости, если такие обнаружатся в проектах, и, кроме позора и скандальных последствий, ничего иного не добьешься. А университет добивался. Не раз и не два, вступая в острое соперничество, обходил конкурентов, предлагал лучшие варианты, нестандартные и продуманные идеи.

Прежде всего, это свидетельствовало о том, что Николай Васильевич как руководитель показал свою способность быстро адаптироваться к новым изменяющимся условиям, улавливать самые современные тенденции в научной и образовательной среде, при этом без колебаний отказываясь от того образа действий, который перестал быть эффективным. И не просто отслеживать и понимать различные новшества. Он сам – активный создатель и автор таких нововведений. Под его руководством разработаны и успешно внедряются в сельскохозяйственных вузах новые технологии обучения, ориентированные на интенсификацию познавательного процесса, повышение эффективности контроля знаний и предусматривающие использование информационных технологий. Именно по его инициативе в вузах системы Минсельхоза получили широкое распространение модульные программы обучения студентов, позволяющие существенно улучшить качество подготовки специалистов. Это все прижилось, осталось, вошло в систему. В настоящее время учебный процесс в ОГАУ организован на основе использования мультимедийной техники. Курсовое и дипломное проектирование осуществляется с использованием специализированных компьютерных программ. Благодаря Парахину в университете создан центр дистанционного обучения, региональный центр тестирования и развития, реализован электронный документооборот по программе Lotus, электронная система управления вузом.

В том же 2007 году университет стал победителем конкурса образовательных учреждений высшего профессионального образования, внедряющих инновационные обучающие программы в рамках национального проекта «Образование». Парахин был руководителем оригинального и весьма ценного проекта «Развитие региональной системы трансферта инновационных технологий в животноводстве», который получил высокую оценку и одобрение в Министерстве сельского хозяйства России.

Благодаря инициативе ректора и его немалым усилиям стала традиционной ежегодная всероссийская конференция в рамках «Дня поля», проводимая на базе Орловского государственного аграрного университета, в которой участвуют ведущие учёные России.

– Проводя всю эту работу, – отмечает профессор Гуляева, – Николай Васильевич никогда не сомневался в успехе того, что глубоко продумано, выверено и поддержано коллегами-единомышленниками, на которых он и опирался в любом важном начинании. Специфика работы ректора выработала у него способность сочетать личные интересы с общественными, умение однозначно формировать свои личные цели в разрезе формирования целей руководимого им коллектива, используя развитие себя как личности в качестве средства развития всего коллектива. Он строгий и требовательный руководитель, любит порядок во всём, прост и доступен в общении, ценит человека по его трудовому вкладу, демократичен со студентами. Но прежде всего он требователен к себе. Двигаясь по этапам жизненного пути, шаг за шагом Николай Васильевич ставил перед собой цели и всегда их достигал. Успешно защитив диссертацию и став доктором наук, он стал требовать от молодых кандидатов наук дальнейшего творческого роста, создавая при этом для них все условия. Не говорю, что прежде, до своей докторской, он этого не делал или был менее требовательным. Думаю, он прекрасно понимал: прежде чем спрашивать и заставлять других расти в научном плане, необходимо активнее это делать самому, мотивировать личным примером. Когда докторская была написана и прошла её успешная защита, он получил некое моральное право быть более требовательным в этом вопросе к своим молодым коллегам. Разумеется, это не от того, что Парахин преследовал какую-то собственную цель. Он прекрасно понимал: чем больше будет в коллективе учёных, чем активнее исследовательская, научная работа, тем лучше. И потом не нужно забывать: времена наступили новые, требования к образовательному процессу и подготовке дипломированных специалистов высокие. Университет нуждался в хороших кадрах, имеющих учёные степени, учёных, которые проводят нужные и востребованные тематические исследования, исследования, которые пополняют и расширяют экспериментальную базу. Парахин занимался этой работой системно, целенаправлен-

но, в постоянном режиме, прикладывая немало сил для создания конкурентной, творческой атмосферы. И не только в отношении преподавательского состава – студенческое творчество в широком смысле этого понятия тоже было на высоте. Благодаря этому в настоящее время в университете работают 55 докторов наук и более 250 кандидатов наук. Причём число диссертаций, которые защищают сотрудники вуза, ежегодно возрастает.

Татьяна Ивановна признаётся, что занимать должность ректора аграрного университета после Николая Васильевича Парахина очень даже непросто.

– Но коль уж ты поставлен на эту позицию, согласился с ней, – считает она, – то будь добр делать всё правильно, своевременно, с учётом перспективы развития этого направления. Или уйди и отдай эту позицию более талантливому и деятельному человеку. Стараюсь точно так же, как он, строить нужные взаимоотношения со своими проректорами. Они все молодые, в хорошем смысле амбициозные. Те знания и тот практический опыт, который вложил в меня Николай Васильевич, те необходимые компетенции, которые требуются для успешного руководства учебным заведением, считаю необходимым передать своим заместителям. Может быть, поэтому ОГАУ входит в группу ведущих аграрных вузов страны. Из всех имеющихся на сегодняшний момент 54 профильных высших учебных заведений России мы, по недавнему рейтингу, находимся на 12-й позиции, что можно считать, как мне кажется, неплохим результатом.

Численность студентов у нас, конечно, не столь велика, как, положим, в Кубанском или Ставропольском, где по 15–17 тысяч студентов, – у нас только семь тысяч, – продолжает Татьяна Ивановна. – Но по всем остальным показателям мы им не уступаем. Несомненно, что основа и недавних, и сегодняшних успехов университета была заложена, сформирована Парахиным.

Ко всему прочему, хочу сказать откровенно, что Николай Васильевич был вполне земной человек, со своими сильными сторонами и определенными недостатками, как у каждого из нас. Но чётко знал свой уровень и ту иерархическую высоту, которую занимал. Были случаи, когда его пытались, мягко говоря, вызвать на откровенность по разным позициям, проверить на крепость, на компетенцию. Но он никогда не уступал лидерства по работе,

по тем принципиальным направлениям, которые он вёл, развивал, за которые нёс ответственность. Никогда не было случая, чтобы он допускал с кем-то панибратства или, наоборот, демонстрировал неуважительное отношение. Критиковать мог, строго спрашивать – да, но унижать или как-то уничижительно относиться – этого не было.

И раньше, и сейчас университет направляет значительные средства на улучшение материально-технической базы вуза, социальных условий профессорско-преподавательского состава, наших студентов. В последние годы для преподавателей и сотрудников ОГАУ построено более 85 квартир, разработана собственная социальная программа «Создание ландшафтно-архитектурного и спортивно-оздоровительного комплекса на территории университета». В рамках данной программы создан питомник для разведения и выращивания декоративных культур, приобретаются декоративные древесно-кустарниковые породы, цветы для цветочных композиций, ведётся создание альпийских горок, установлены фонтаны, создан сквер Победы. Это всё началось, закладывалось при нём, он был идеологом масштабного и целенаправленного развития университета, хотел, чтобы университетский городок был красивым и современным, чтобы им можно было гордиться.

| Внутри и за границами вуза

Николай Васильевич был убеждённым сторонником межвузовского взаимодействия не только внутри своей страны. Он внимательно изучал зарубежный опыт, следил за всеми новинками аграрного образования в сопредельных государствах. В своё время, будучи ещё студентом Тимирязевки, он отказался поехать на учёбу в США. Может быть, впоследствии об этом не раз пожалел, поскольку такой опыт наверняка лишним бы не стал. Среди тех, юношеских страхов, без сомнения, был языковой. Николай тогда считал, что без знания языка ему будет сложно находиться в далёкой и не самой приветливой стране, которую отделял от Родины бескрайний океан.

Познание заграничных премудростей в образовании, вопросы

взаимодействия вузовской науки с аграрным сектором в западных странах он будет изучать уже в зрелые годы, но весьма основательно, на новом уровне – в тот период, когда шло становление и развитие Орловского аграрного университета.

Всю жизнь Николай Васильевич сожалел о том, что так и не сумел осилить ни одного иностранного языка: ни английского, ни немецкого. А как бы они пригодились сейчас во время зарубежных поездок! Да что там поездки! Ведь даже для того чтобы следить за новинками зарубежной научной литературы, приходилось обращаться за помощью к переводчикам или своим коллегам, владеющим языками.

Чтобы не возникало таких проблем для сегодняшнего поколения студентов, Парахин вводит в университете обязательный курс углубленного изучения иностранных языков, а те из ребят, кто показывает лучшие знания по этому предмету, получают преимущество при формировании групп, выезжающих за границу. Не на отдых, на практику. По линии межвузовского международного обмена. Формирование таких групп в университете происходит в атмосфере состязательности и реализации личных способностей как преподавателей, так и студентов.

Вот что говорится в одном из отчетов ОГАУ в Министерство образования РФ, датированном 2007 годом: «Ежегодно более 200 студентов участвуют в областных и всероссийских научных конференциях и олимпиадах, при этом неизменно занимают призовые места. За последние пять лет студенты Орловского государственного аграрного университета неоднократно становились призёрами городских межвузовских олимпиад по естественно-научным и гуманитарным дисциплинам, которые не входят в перечень профильных для данного учебного заведения. Так, дипломы I и II степени были присуждены по номинациям: «Правоведение», «Математика», «Экология», «Химия», «Биология», «Иностранный язык». В 2007 году команда Орловского аграрного университета заняла первое место во Всероссийской студенческой олимпиаде по биологии среди аграрных вузов. Студенты ОГАУ стали призёрами заключительного тура Всероссийского конкурса на лучшую научную работу среди студентов профильных учебных заведений Российской Федерации».

Раз за разом Орловский государственный аграрный универси-

тет становится участником Федеральной стипендиальной программы благотворительного фонда Владимира Потанина, дважды университет был в числе лучших высших учебных заведений страны, участников этой программы, как наиболее активно развивающийся вуз региона. И это только малая часть длинного списка успехов и достижений ОГАУ в этот период.

Учиться в аграрном университете престижно, конкурсный отбор строгий, преподавание ведётся на высочайшем уровне, по самым современным стандартам. Ежегодно количество именных стипендиатов составляет более 150 человек. Получить по итогам учёбы диплом с отличием считается у выпускников не просто оценкой их знаний, свидетельством упорной работы на протяжении пяти лет. Это ещё и высокая награда, поскольку такой красный диплом каждому отличнику торжественно со словами благодарности и напутствия вручает сам ректор. А это, что ни говори, дорогого стоит. Это память на всю жизнь.

Для Парахина высокое качество образования всегда было приоритетом. По его инициативе и под его руководством в университете была отлажена эффективная система управления подготовки специалистов, основанная на требованиях международных стандартов качества ISO. Были созданы все условия для привлечения молодых кадров, способных заниматься академическими исследованиями международного уровня, их участия в реализации научно-исследовательских грантов и проектов, в престижных международных и российских научных конференциях, для выстраивания академической и преподавательской карьеры студентов и аспирантов, для развития издательской деятельности, в частности, для поддержки издания научных журналов и их электронных версий.

Понимая всю важность международных межвузовских контактов, Николай Васильевич ещё в 1994 году, сразу же по прибытии в Орёл, настоял на необходимости открытия в структуре регионального аграрного вуза Международного центра научно-технического сотрудничества и подготовки кадров АПК. Это направление в последующем будет активно развиваться, открывая перед университетом новые возможности, работая на его престиж.

Спустя всего несколько лет ОГАУ уже успешно сотрудничает со

многими университетами Европы и США в рамках международных образовательных программ. Сотрудничество строится на основе двусторонних и многосторонних договоров. Вузом установлены и развиваются партнёрские отношения с Реймским университетом (Франция), Высшей школой Анхальта в городах Кёльн, Бернбург и Дезау, университетами Хонхайм, Росток, Киль, Академией информатики АFI в городе Ансбах (Германия), Афинским сельскохозяйственным университетом (Греция), Дронтенским университетом (Голландия), университетом города Ридинга (Великобритания), университетом штата Колорадо CSU и Техасским университетом А&М (США), со школой менеджмента и экономики университета Вайно (Швеция), с университетом города Катовици и сельскохозяйственной академией города Кракова (Польша), с германской службой академических обменов (ДААД). А также с Британским советом, с посольством Канады, Голландии, Германии, с администрацией региона Шампань-Арден, с фирмой «Мальтероп» (Франция), компанией «Хайгроу» (Великобритания) и другими зарубежными организациями.

Ныне Орловский государственный аграрный университет – образовательный, научный и культурный центр региона, победитель национального проекта «Образование» (2007 г.), лауреат конкурса «100 лучших вузов России» в номинации «Лучший инновационный вуз» (2012 г.), обладатель премии «Национальная марка качества» (2015 г.), неоднократный лауреат проекта «Лучшие образовательные программы инновационной России».

С 2011 года Орловский ГАУ входит в Вышеградскую ассоциацию университетов – союз аграрных и естественно-научных вузов Восточной Европы. В 2015 году он первым среди вузов аграрного профиля принят в члены Евразийской ассоциации университетов, объединяющих более 130 учебных заведений Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины.

Из года в год студенты, аспиранты и преподаватели ОГАУ обучаются за рубежом. Университет систематически участвует в реализации и подготовке международных проектов ТЕМПУС и по другим известным программам. На базе вуза открыто региональное бюро поддержки программы сотрудничества ЕС – Рос-

сия. Университет имеет более 10 совместных научно-образовательных проектов с зарубежными фондами (DAAD, British Council, Юнсеко и другие) и 16 договоров о сотрудничестве с университетами, научно-исследовательскими институтами и фирмами из 11 стран Европы и США.

Кстати сказать, Николай Васильевич никогда не стеснялся показать свою приверженность европейским порядкам, хотя до мозга костей был патриотом своей страны. Именно порядкам, дисциплине, организации производства и быта, умению видеть и находить рациональное зерно во многих вещах. Не терпел расхлябанности, необязательности, нежелания выполнять порученную работу надлежащим образом. В этом отношении планка у него была очень высокой. Когда разговор касался именно порядка, исполнительской дисциплины, нередко ставил в пример своих зарубежных коллег, говорил, что нам многому надо учиться у Запада, перенимать всё рациональное, что поможет сделать качественнее наш быт, улучшить жизнь людей, что пойдёт на пользу стране. Поэтому с самых первых дней своего ректорства стремится наладить для своего вуза международные связи, в чём, без всякого сомнения, многого добился.

Разработанная и внедрённая в университете концепция воспитательной работы со студентами предусматривает сочетание многовековых традиций воспитательной системы российских вузов и лучшего зарубежного опыта. Эта система имеет чёткий механизм реализации через работу кафедр, деканатов, молодёжного центра. Её осуществление позволило сформировать качественно новую атмосферу в студенческой среде, направленную на то, чтобы ориентировать будущих специалистов на истинные ценности и успешно противостоять распространению таких опасных пороков, как наркомания и злоупотребление алкоголем.

Глава 12.

ЭТО БЫЛ ЕГО ПРОЕКТ

| Чему поучиться у немцев

В конце 90-х прошлого и начале нулевых XXI века контакты Орловского государственного аграрного университета с зарубежными партнёрами по линии межвузовского образования и межвузовского обмена приобрели настолько широкий и динамичный характер, что об этом стоит рассказать отдельно. Лидером по такому обмену стала Германия, и основания для этого были. Во-первых, Россия в целом и Орловщина в частности активно развивали сотрудничество с немцами в промышленной сфере, по линии сельскохозяйственного машиностроения. Германские фирмы поставляли в нашу страну станки и оборудование, различную технику для обработки полей, делились технологиями и прочими новшествами в тех отраслях, которые связаны с переработкой сельхозпродукции, что для нашей страны в тот период имело принципиальное значение. Начавшиеся одновременно в нескольких российских регионах, включая Орловскую область, земельная и аграрная реформы вызвали дополнительный импульс в вопросе подготовки кадров, умеющих работать в условиях рыночной экономики. В этом плане немалый интерес представлял немецкий опыт взаимодействия учебных и научных учреждений с реальным сельскохозяйственным сектором. У этих педантичных хозяев можно было многое перенять в вопросах технологии возделывания тех или иных культур, обработки почвы, применения современных машин и агрегатов, использования минеральных удобрений и средств защиты. Не потому что всего этого у нас не было – важно было увидеть и понять весь механизм взаимодействия различных структур между собой и выбрать то рациональное, что можно применить в условиях новой российской реальности.

Орловский аграрный университет одним из первых в стране стал активно развивать сотрудничество с иностранными фирмами и учебными центрами по линии межвузовского обмена. Николай Васильевич был последовательным сторонником такого взаимодействия, не без оснований полагая, что движение вперёд станет более динамичным и целенаправленным, если мы обогатимся опытом наших зарубежных коллег и партнёров в самых различных отраслях. Как человек дела, не привыкший ограничиваться только лишь правильными словами, интересными идеями, останавливаться в чём-то на полпути, он с присущей ему энергией, даже неким азартом взялся продвигать и это, международное направление в работе университета. На стажировку в различные вузы Европы и США поехали преподаватели. Студенческие группы регулярно отправлялись на практику в Германию, Польшу, Голландию, Францию. Наибольшую популярность имело именно немецкое направление. И причин тому было несколько. Начнём с того, что Германия стала одним из главных участников нашумевшего тогда, подписанного на государственном уровне президентом России Борисом Ельциным и канцлером ФРГ Гельмутом Колем проекта «Пшеница-2000», площадкой для реализации которого стала Орловская область. Исполнителем проекта являлась специально созданная для его реализации областная структура. Но аграрный университет, где был сосредоточен огромный интеллектуальный потенциал, не мог остаться в стороне. Он и был привлечён к реализации проекта, но лишь для научного и методического сопровождения. Целая группа профессоров, руководителей кафедр готовила свои рекомендации, помогала делать расчёты, необходимые обоснования. С этих позиций университет с работой справился прекрасно и никаких претензий к научной и методической стороне вопроса никогда не возникало.

Всё это дало огромный толчок развитию партнерских межвузовских связей с немецкой стороной. Разные мнения приходилось слышать от студентов, побывавших в те годы в Германии по линии межвузовского обмена. В большинстве своём такие отзывы не были односложными типа «хорошо» или «плохо». Увиденное в другой стране с точки зрения организации производства и быта, отношения к делу, психологии и рациональности немцев вызывало неоднозначные мысли и чувства, но не оставляло

места для равнодушия, заставляло задуматься, размышлять. Это очень важный момент, возможно, он гораздо важнее тех знаний и практических навыков, которые получали молодые ребята, работая на полях и в теплицах немецких бюргеров.

Один из таких рассказов показался нам наиболее цельным и любопытным со всех точек зрения. Своими впечатлениями о Германии, о той студенческой поре поделилась доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры растениеводства, селекции и семеноводства Орловского аграрного университета Светлана Николаевна Петрова.

«ПШЕНИЦА-2000»

Профессор Василий Тихонович Лобков: «Помимо, несомненных научных достижений необходимо учитывать ещё и вклад Парахина в развитие агропромышленного комплекса Орловской области. И надо сказать, этот вклад большой, заметный. Вот один из примеров. Был такой проект «Пшеница-2000». О нём до сих пор ходит много всяких разговоров, но если отбросить всё, что накручивается и к чему Николай Васильевич никаким образом не был причастен, проект имел очень большое значение в плане повышения уровня научного обеспечения агропромышленного комплекса. К этому иногда критически относятся, но совершенно зря, потому что благодаря этому проекту Орловская область стала одним из пионеров движения новых технологий в России. Давайте не будем забывать, что речь идёт о самом конце 90-х – начале 2000-х, когда страна остро нуждалась в позитивных примерах, искала пути преобразования и развития сельского хозяйства, которое находилось в удручающем состоянии».

| Порядок начинается с мелочей

– В Орловский аграрный университет я пришла в 1993 году после окончания школы, – вспоминает Светлана Николаевна. – Приехала с Украины, поступила на агрономический факультет тогда ещё Орловского СХИ. Закончила учёбу с красным дипломом, а руководителем дипломной работы был Николай Васильевич Парахин.

Но впервые я познакомилась с ним в Германии, где мы, третьекурсники института, проходили практику. Это был 1996 год, то

есть Николай Васильевич уже стоял во главе института, тогда по его инициативе был запущен большой интересный проект по обмену студентами вузов. Для того чтобы попасть в такую группу, требовалось знание иностранного языка, в частности немецкого, а кроме того, водительские права, отсутствие задолженности по учёбе и огромное желание работать. Именно работать, поскольку практика предполагала и физический труд в поле. Нам так и сказали, что трудиться будете засучив рукава у фермеров в Баварии. Всего нас поехало тогда 60 человек, везли на автобусах, рассредоточили по всей Баварии, одним из условий было предоставление жилья принимающей стороной.

Работали так, как работают обычные сельские люди на полях, и с тяпками тоже. В Германии, кстати, они применяются не меньше, чем у нас. Хозяйства здесь небольшие, далеко не всё механизировано и автоматизировано, какие-то операции на плантациях делаются руками. Мы, например, с девчонками работали в теплице и такую нехитрую операцию, как пасынкование помидоров, выполняли вручную. Никаких машин или прочих устройств для подобного агроприёма пока не придумано. Кроме того, у этого фермера было небольшое производство по переработке овощей, фруктов – и своих, которые он выращивал, и тех, что ему привозили другие фермеры. Доводил всё это на своей мини-фабрике до нужной кондиции и полуфабрикатами сдавал продукцию в супермаркеты. Мы здесь тоже помогали: мыли, резали, взвешивали, упаковывали. Работали, как и положено, целый день – с утра до вечера.

Разумеется, такая работа не была бесплатной. По договору между немецкой и российской стороной всё, что выходило за рамки восьмичасового рабочего дня, оплачивалось нам наличными, а в пределах восьми часов оплата шла в министерство либо в университет по перечислению.

В чём состоял интерес тех, кто отправлялся в Германию? А в чём он, когда вам по 18–19 лет? Увидеть что-то новое, посмотреть, как живут и работают люди в другой стране. Сравнить наш опыт с опытом и теми же аграрными традициями, скажем, той же Германии. И конечно, заработать какие-то деньги на учёбу, на жизнь. Все же помнят, как нелегко жилось в нашей стране в середине и конце 90-х, когда росла безработица, были инфляция, дороговизна на любые товары и продукты питания.

Конечно, у всех у нас, кто побывал тогда в Германии, очень сильно изменилась картина мира. Мы своими глазами увидели, как можно жить, как можно работать и зарабатывать. Первое время было грустно от мысли, почему это всё не у нас, почему мы не можем, как немцы. Но это сплотило, захотелось что-то подобное сделать у себя. Мы ведь русские, захотим – горы свернём, если нам не будут мешать. Просто нам нужно самих себя любить и уважать. Тогда всё получится, будет не хуже, чем в Германии.

Лично для меня важно было во время практики узнать что-то такое, что пригодится в профессии, принесёт пользу. Честно признаюсь, я у немцев много чему научилась. Даже в мелочах, в домашнем быту. Например, всегда класть вещи на место – туда, где они должны постоянно лежать. Признаемся сами себе: мы часто так делаем? Мы, взрослые? И учим ли этому своих детей? Скажете, что это не самое главное? Но ведь любой порядок – в доме, на работе, в государстве – начинается с мелочей. С этим никто и никогда не спорит, только вот от понимания до исполнения бывает порой такая дистанция...

Я когда попала там в одну лабораторию, мне сказали: очень важно запомнить – здесь ты можешь брать всё, что хочешь, но обязательно верни на своё место, как оно было, потому что, если на своём месте не найдётся того инструмента, который там лежал, это затормозит производственный процесс, будет беготня, потеря времени. А каждая секунда, каждая минута – это деньги, эффективность работы, в конечном итоге успех или неуспех какого-то дела.

Я сначала думала: ну надо же, какие странные требования. Следила за собой, запоминала каждый шаг, где что взяла, как это лежало, чтобы ничего не перепутать и вернуть взятую вещь на то место, где она находилась. А потом это вошло в привычку – любая бумажка, листок, карандаш должны вернуться туда, где ты их взял. Помню, как бывало у нас: съел, допустим, конфету, а обёртку, не задумываясь, откинул в сторону, бросил на пол. Дескать, уберут, кому надо, им за это платят.

В Германии подавляющее большинство из наших, кто ездил, просто не могли бросить любую бумажку, окурочек сигареты или что-то другое на пол, на улице, у своего подъезда. Мы же сами за собой ещё и убирали, это было прописано в договоре. И каждый

день видели, как это делают и как не делают немцы. Правду ведь говорят: чисто не там, где метут, а там, где не сорят.

Наш ректор, кстати, всегда об этом напоминал и сам неукоснительно следовал такому простому, но чрезвычайно важному правилу.

| Свой человек

– На меня, когда я увидела Николая Васильевича в Германии, – продолжает Светлана Николаевна, – он произвёл необычное впечатление. Это было что-то новенькое, извините за такое слово, непохожее на «классический» образ ректора вуза. В моём представлении ректор был воплощением этакого строгого, правильного человека, как диктор на телеэкране, как министры или члены правительства, которых нам показывают в репортажах. Всё у них чётко, по инструкции, все движения отработаны до малейшей детали, никакой гибкости, расслабленности.

Николай Васильевич приехал в Германию, когда мы уже проработали там месяца два, не меньше. Думаю, цель у него была пообщаться со своими немецкими коллегами, обсудить какие-то планы на дальнейшее сотрудничество, а заодно и нас, своих студентов проведать. Он же не мог об этом забыть. Обмен тогда шёл по линии университета Айнсфальд, очень активное шло взаимодействие.

Ребята, которые ездили в Германию до нас, потом рассказывали: если хотите научиться чему-то полезному, новому и если есть желание заработать, поезжайте, не пожалеете. Но если не любите или не хотите работать и собираетесь туда просто так, любопытства ради, даже не тратьте ни силы, ни время: ничего не получится.

Действительно, случалось и такое. Некоторые не выдерживали и уже через неделю-другую начинали выть и уезжали домой. Тяжело, непривычно. Но скажите, любой труд на земле, в поле, где выращивают урожай, когда был лёгким?

Те, кто не выдержал, потом оправдывались, дескать, нас там эксплуатируют, на нас пашут, эти такие-то немцы. А что немцы... Они вместе с нами работали, буквально бок о бок. Фермер, у которого были мы, хозяин этого маленького предприятия, точно так же вкалывал с утра до вечера вместе с нами, пока солнце сядет.

Меня как-то попросили помочь его соседу, тоже фермеру, он на своём участке специальной сеялкой заправлял в почву рассаду. Обычный человек, в комбинезоне, в сапогах. Такой же работяга, как наши русские фермеры, кто сам и пашет, и сеет на своей земле. Надо было видеть, как аккуратно, с каким вниманием и заботой он относился к этой своей работе. А как по-другому? Ведь каждое растение, каждый росток – это живой организм, и он требует бережного и даже трепетного ухода, иначе что из него получится, какой урожай?

Но я, кажется, ушла немного от темы. Так вот, Николай Васильевич, наш ректор... В моём тогдашнем понимании он должен был быть непременно строгим, соблюдающим дистанцию. И вдруг я увидела совсем другого человека. Открытый, абсолютно доступный и вовсе не чопорный человек, который разговаривает с нами, молодыми людьми, на нашем же языке. Не в смысле употребления каких-то слов, выражений, принятых в молодёжной среде. Нет. Он сразу становился своим. По духу, проблематике, тональности разговора. Помню, как мы сидели с девочками и смотрели на него удивлёнными глазами. Вопросы вроде бы самые обычные, будничные. Как дела? Вас здесь не обижают? Говорите, не бойтесь, всё как есть. В обиду никого не дадим.

Он спрашивал обо всём. Как кормят. Что нам нравится. Остаётся ли время для отдыха. Что нового узнали для себя и можно ли это применить у нас. Открытый, простой, но в то же время очень душевный разговор, в котором не нужно было ни напрягаться, не подбирать слова. Это очень подкупало.

С такой оценкой личности Николая Васильевича полностью солидарна директор университетского молодёжного центра, кандидат экономических наук Нина Анатольевна Первых.

– Всегда, в любой ситуации, – говорит она, – будь то за границей, или у нас, в Орле, Николай Васильевич оставался открытым, доступным в общении. Вёл себя просто, естественно. Никогда ни оком не отзывался с пренебрежением или неким чувством превосходства, высокомерия. Наоборот, всегда всех защищал, был снисходителен, когда видел, что человек сделал максимум из того, на что был способен.

Рассказывал, объяснял, сравнивал то, что есть у нас в плане обучения студентов, развития нужных профессиональных навы-

ков, и то, что есть в заграничных вузах. Гордился, что наша наука и наши образовательные программы ни в чём не уступают тем же немецким, австрийским вузам. С ним было интересно разговаривать, его интересно было слушать. Он был непревзойдённым аналитиком и откровенным собеседником.

Разумеется, Германия была не единственной страной, в которую отправлялись студенты аграрного университета на стажировку. В начале нулевых при поддержке ректората и его активном участии ОГАУ выиграл солидный грант по проекту «Иразмус», что дало возможность войти в престижную Вышеградскую ассоциацию европейских вузов. Помимо Германии, преподаватели и студенты регулярно стали выезжать в командировки в Словакию, Венгрию, Чехию. В скором времени появилась идея приглашать и к нам иностранных студентов, причем не просто на стажировку, а на полноценную учёбу в Орловский аграрный университет. В министерстве начинание поддержали. Поначалу это были молодые люди в основном из бывших союзных республик. Той же Нине Анатольевне Первых пришлось побывать в Туркмении, Таджикистане, Казахстане, Молдавии, чтобы вести переговоры, обговаривать условия, касающиеся обучения, проживания иностранных студентов у нас, в Орле. В настоящий момент на разных факультетах учатся примерно 250 студентов из этих и других республик. География стран заметно расширилась. Например, приезжают ребята из Республики Мали, Гвинеи-Бисау, Бенина, Малайзии. Предварительно проходят курсы русского языка, а затем учатся по специальности наравне со всеми. Так ОГАУ стал ещё и интернациональным вузом.

| Первая аспирантка

Продолжая разговор о том, каким в её памяти остался Николай Васильевич Парахин, Светлана Николаевна Петрова признаётся, что говорить об этом человеке в прошедшем времени очень сложно. Даже сейчас, когда прошло уже несколько лет.

– Первое, что хочется сразу отметить – он обладал огромной эрудицией и замечательным талантом педагога, человека, несущего и передающего свои знания любой аудитории, будь то

студенты-первокурсники или коллеги по университету. Я не один раз присутствовала на его открытых лекциях. Признаюсь честно: просто захватывает дух! Потому что говорить так, как говорил Николай Васильевич, эмоционально, доходчиво, объяснять сложные понятия простым и доступным языком, так зажигать и держать аудиторию, немногим дано. Он, например, мог рассказывать про вспашку, как будто это не обыкновенная агрономическая операция, а глобальный процесс, великий, невероятный, будто в нём есть нечто волшебное. Слушаешь его и поневоле приходишь к мысли, что так оно и должно быть на самом деле, и никак иначе. Это редкий дар. Он умел увлечь своей темой, в буквальном смысле заражал, переворачивал сознание. И ему верили, с ним соглашались.

– В моём представлении он был не просто большим учёным и умелым руководителем, – продолжает Светлана Николаевна, – но был ещё удивительным человеком. Да, непростым, да, разным. Но своим и понятным. Когда нужно – жёстким и требовательным. Не заносчивым, но знающим себе цену. Беспокорным и дипломатичным. По-отечески добрым и внимательным.

– А как я могу по-другому говорить о человеке, которому многим обязана?! Ведь то, что я выбрала науку, стала учёным, – исключительно заслуга Николая Васильевича. Есть у него такая уникальная особенность – находить единомышленников и давать им путёвку в жизнь. Ненавязчиво так, но очень тонко и грамотно. В моём случае это было именно так. На четвёртом курсе меня направили на практику в Орловский НИИСХ – была такая организация в деревне Салтыки, её потом присоединили к ВНИИЗБК. Руководителем этого ВНИИСХ был Василий Петрович Заслонкин. Там имелись опытные поля. Я занималась кукурузой. С характеристикой пришла к Парахину. Он пробежал глазами листок, улыбнулся: «Ну, если Заслонкин так тебя хвалит, значит, дипломную будешь писать у меня».

Правда, поначалу руководителем дипломной был определён Виктор Васильевич Коломейченко. Потом на кафедре случилось какое-то перераспределение. «Если хочешь, можешь писать дипломную и защищаться у Парахина, он готов взять несколько человек», – заявил мне Коломейченко. Мне говорили, что работать с Парахиным далеко не мёд. Требования у него серьёзные, посла-

лений никаких не жди, за руку не водит. Одним словом, вкалывать нужно на всю катушку. Но всё оказалось не так уж и страшно. Да, нянчиться не в его правилах – подсказать, направить всегда готов. Но только если видит, что человек старается, ищет, не жалеет ни сил, ни времени, чтобы сделать работу лучше.

После защиты диплома я оказалась перед дилеммой, куда двигаться дальше. С трудоустройством выпускников было сложно. Появилось желание получить второе высшее образование, стать юристом, тогда это считалось престижным, существовала даже некая мода на второй диплом. Но где-то в глубине души блуждала мысль об аспирантуре, о научной стезе. Мне ещё в ходе работы над дипломом об этом как бы вскользь обмолвился Николай Васильевич. Вот хожу и думаю: подать документы в ОРАГС, на юрфак? Или в аспирантуру идти по своей специальности? Решила посоветоваться с ректором. Помню этот разговор, как сейчас. Николай Васильевич не стал меня отговаривать. Сказал просто:

– Как ты думаешь, вот сейчас мне нужен юрист. Ко мне приходит человек с шестью годами образования или тот, что только поступил учиться. Кого я возьму на эту должность?

– Конечно, с шестью, – отвечаю я.

– Вот видишь. А если пойдёшь в аспирантуру, мне выбирать не надо, я тебя поддержу. В этом можешь не сомневаться.

Это были не просто слова. Поддерживать, помогать, аккуратно направлять человека в нужное русло – в этом, мне кажется, была его миссия. Особенно если от человека шла инициатива и Парухин видел, что есть стремление, а не просто кто-то стоит перед ним, строит планы и болтает языком. Он был человек проницательный, мог в два-три вопроса понять твои намерения и твой настрой. И вывод делал моментальный.

Тему своей кандидатской я выбрала по многолетним бобовым травам. Не скрою, он здесь помог, поскольку это было одно из его научных направлений, его конёк, он как раз в 1998 году закончил монографию, а я только-только стала аспиранткой. Защищала кандидатскую в нашем университете: к тому времени здесь уже открылся диссертационный совет. Я тогда ещё не знала, что являюсь первой аспиранткой ректора, почему-то думала, что до меня он уже кого-то выпускал.

Сложно ли было на защите? Пожалуй, нет, но то, что чувствовала свою ответственность, – это точно, поскольку руководителем моей работы был сам ректор, и подвести его я не имела права. Волнительно было и трепетно, этого не отнять. Сложнее оказалось учиться. Но не в том смысле, что чего-то не понимала. Сложно, потому что приходилось действительно вкалывать, работа требовала большой отдачи, усидчивости, времени и, что уж теперь скрывать, где-то слёз. Это были даже физические сложности, поскольку надо было постоянно таскать на руках огромные монолиты земли (нужный для работы слой почвы) по 60 штук, когда требовалось делать учёт, какие-то расчёты. Отмачивала, поливала эту землю водой, чтобы вместе с корнями отмыть растения, а затем быстренько разместить их в пузырьки. Для чего? Это момент исследования – надо было определить способность растений фиксировать азот.

У меня в качестве исходных материалов были клевер, люцерна и козлятник восточный. Все эти монолиты я брала с опытного поля учхоза «Лавровский».

Работа над кандидатской заняла почти три года. Было сложно, но интересно. Новые знания, новые люди, новые знакомства. Николай Васильевич сразу меня предупредил: «Будешь по-настоящему работать – помогу. Но если надеешься, что я за тебя буду что-то делать, знай: такая надежда несбыточна, в этом можешь не сомневаться». То есть он руководил, направлял, подсказывал, если возникала такая необходимость. Обычно послушает, видит, что сомневаюсь, не получается что-то, скажет: «Сейчас я наберу телефон, ты поговоришь с человеком». Давал мне трубку, и я разговаривала, выясняла то, что мне нужно. «А вот по этой теме, я знаю, куда тебя отправить». В Москву значит в Москву, если нужно, к примеру, пообщаться с кем-то из учёных, обсудить какую-то проблему. Давал разрешение на поездку, но обязательно при этом напоминал: «Если ты уверена, что так нужно, что тебе это поможет, что без этого нельзя, поезжай. Хоть на Камчатку отправляйся, лишь бы работа была сделана так, как положено. По высшему разряду».

Дважды, пока готовила кандидатскую, была в Германии, для того чтобы делать более точные эксперименты по своей теме. У немцев были тогда специальные приборы, которые позволяли в

естественной среде на живых растениях снять показания по воздействию на них вредных насекомых. И с самих насекомых показания снять. Дело весьма щепетильное и очень тонкое. Это всё равно что человеку надеть датчики на голову и заставить его принимать еду и тут же выяснить: нравится ему эта еда или не нравится. Точно так же, если употребить эту схему, мы проделывали с насекомыми, которые ели эти растения. Всё происходящее фиксировалось с помощью приборов, записывалось, расшифровывалось, превращалось в диаграммы, электрополиграммы. И уже потом на основе полученных результатов готовились статьи, научные доклады и так далее.

Сама защита кандидатской, на мой взгляд, хотя прошло уже немало лет, была очень волнительной. И для меня, и для Николая Васильевича, по-моему, тоже. Он сидел в зале на первой скамейке, сжав в крепкий замок руки. Повлиять ни на что уже не мог. Ни подсказать, ни изменить, ни поправить. В целом всё прошло доброжелательно. Был один профессор, не хочу называть его фамилию, он пытался немножко испортить мне настроение, задавал каверзные вопросы, говорил накануне, что я не защищусь и тому подобное в этом духе. Когда я сказала об этом «пожелании» моего оппонента – профессора, Николай Васильевич только улыбнулся: «Ну что ты так переживаешь? Сама всё делала? Сама! Все травки, корешки, стебельки своими руками перебирала? Своими. Вот и не бойся никого и ничего. Тем более что с тобой я, твой руководитель».

Вопросы, конечно, по ходу моего выступления и после задавали, в том числе и тот самый профессор, который предрекал мне незащиту. Но я на всё ответила, и мне кажется, убедительно.

Голосование было тайным. К моему удивлению, все члены диссертационной комиссии высказались за. Николай Васильевич потом похвалил: «Молодец! Держалась достойно. Всё говорила абсолютно по теме».

Следующая ступень. Докторская работа была не только о кормовых культурах. Они были составляющими, то есть частью общего исследования. Докторская моя называется «Энергосберегающая роль растительно-микробных взаимодействий в растениеводстве». То есть в исследовании был уже больший набор культур – не только многолетние бобовые, но и однолетние бобовые, причём много сортов. В этом случае мы пошли в направлении

биологизации. Мне эта тема очень понравилась, я буквально влюбилась в неё.

Одно из направлений таких исследований связано с симбиотической азотфиксацией – эта часть, можно сказать, наша, нашего университета, она проводилась под руководством Николая Васильевича Парахина. В Орловской области до этого момента к такой теме никто масштабно и целенаправленно не подступал. Были, разумеется, свои наработки у селекционеров ВНИИЗБК, они, как известно, занимаются выведением новых сортов и проводят в этом направлении большую работу. Но чтобы объединить в одном проекте однолетние и многолетние травы и далее углубленно рассмотреть это с точки зрения энергосбережения, такого не было.

Докторская работа потребовала 12 лет исследований, анализа, получения результатов. Мне коллеги часто говорили, что доктором наук вообще не стать, пока тебе не исполнится 60 лет. Не знаю, в шутку или всерьёз, но такие утверждения звучали. Однако время менялось, менялись и какие-то негласные правила в научной среде. Появлялись люди, которые и в 30 лет защищали докторские. Наука становилась более интегрированной, более глубокой, быстрыми темпами развивались молекулярные исследования. И там пошли открытия за открытиями. Я имею в виду микробиологию. Она пробивала себе дорогу семимильными шагами. Моя диссертация как раз оказалась на стыке нескольких научных направлений: тут было и растениеводство, и микробиология, даже больше – молекулярная микробиология, и в немалой степени этимология, связанная с происхождением названий, научных понятий и терминов тоже присутствовала. Получалась интеграция нескольких научных направлений через энергосбережение. Это был достаточно перспективный путь. Может быть, поэтому мне удалось защитить докторскую не в 60 лет, а в 35. Николай Васильевич такие новшества в научном поиске очень ценил. Сам был законодателем и автором нескольких смелых исследовательских направлений, которые без всякого преувеличения обогатили российскую агрономическую науку.

Защита докторской тоже проходила в нашем университете. Зачем куда-то ехать, сказал тогда ректор, когда всё у нас есть. Мы диссертационный совет создавали не для того, чтобы наши учёные отправлялись защищаться в другие города.

Оппоненты, признаюсь честно, и на этот раз были очень сильные. Но любой труд, любой успех просто так не даётся. Как говорил один мой преподаватель, когда я ещё училась в аспирантуре, свою диссертацию нужно полюбить. Как своего ребёнка, как что-то очень близкое. Иначе нельзя, потому что с этим нужно жить 24 часа в сутки, день и ночь, в выходные и праздники, забывая порой обо всём на свете, даже о самом себе.

Агрономическая работа – это ведь не сидеть в кабинете на калькуляторе считать или на компьютере диаграммы и графики рисовать. Всё это нужно, и всё это в итоге тоже приходится делать. Но это не главное, а главное – это работа в поле. Всё лето, пока тепло. Однажды так натаскалась этой нашей землицы с корешками растений, что надорвала спину, попала в больницу. Но по-другому вести серьёзные научные исследования невозможно. Тут всё на пределе, до полной самоотдачи.

Конечно, выполнять какие-то сложные практические операции, связанные с землёй, помогали коллеги по кафедре, и муж приезжал, если, к примеру, требовалось в поле выкопать пласт почвы вместе с растениями. Всё это было, за что я, конечно же, всегда буду им благодарна.

После защиты докторской меня назначают руководителем университетского центра коллективного пользования научным оборудованием – есть у нас такая замечательная структура, ещё одна идея, которая в полной мере является заслугой Николая Васильевича Парахина. Мы в ту пору со своим небольшим коллективом, в котором было всего-то пять человек, проводили целый ряд научных исследований по заказам Минсельхоза. И зарабатывали на этом для учебного заведения определённые средства, которые, как известно, никогда лишними не бывают.

Разумеется, несмотря на всё своё опекунство и участие в нашей научной судьбе, Николай Васильевич ни с кем из нас никогда не возился. Не потому что не хотел или был противником такого подхода, просто для этого не было времени. Но у него, мне кажется, было некое чутьё, что ли, на человека. Увидит, к примеру, твою характеристику, подмечает в тебе главную черту, главную особенность и начинает её прокачивать, как мы тогда говорили. Допустим, у тебя хорошо получается общаться с мужчинами, быстро находить контакт, говорить с ними на одном языке.

Они тебя слушают, идут за тобой. Он обязательно запомнит, оценит и в какой-то момент выдаст своё решение.

Это, кстати, стало веской причиной назначения Ивана Вячеславовича Коношина на должность декана инженерного факультета. Раньше здесь деканы никак не задерживались: то один придёт, то другой. Не получалось у них вписаться в коллектив, в определённую среду, которая здесь сформировалась. Коношин сумел построить нужные отношения, держать коллектив и себя в коллективе так, как это необходимо для дела.

Конечно, любая работа с людьми – миссия очень сложная, это знает каждый, кто сам испытал всю меру такой ответственности. Но я уверена: сложно бывает в том случае, если ты не любишь людей, пытаешься доминировать над ними, не дай бог отыгрывать что-то на людях, мстить и так далее.

Николай Васильевич, в этом моё глубокое убеждение, по-настоящему и очень искренне любил людей. Если увидит в человеке что-то такое, что поможет ему раскрыться, и неважно, какой это человек, что о нём думают окружающие, – он обязательно за это зацепится, постарается по максимуму использовать потенциал этого человека. В хорошем смысле использовать. Для пользы дела, для всех. Другими словами, он давал этому человеческому потенциалу максимально реализоваться. Создавал для этого условия. Доверял. Ставил сложные задачи и верил, что человек, которого он приметил, выделил, почувствовал, с этими задачами справится. Для него не требовалось много времени, чтобы «раскусить», понять этого человека, определить в нём главное, что можно использовать во благо.

Лично для меня Парахин не просто ректор, руководитель, занимающий первую позицию в вузе, идейный вдохновитель и ориентир во всём – я согласна со всеми эпитетами и могу добавить к ним ещё много других. Для меня он как отец, не папка, который нянчится со своими детьми, а отец с большой буквы. То есть тот человек, у кого есть серьёзное отношение к жизни, он хочет добра и благополучия своим детям. У него, если оценивать всё, что он сделал, была большая, глобальная цель, был проект, в котором каждая деталь, каждый винтик просчитан. Он знает, где этот винтик будет стоять и что этот винтик будет делать. У него, уж простите за такие подробности, не было ни одной случайной

уборщицы, ни одного случайного заведующего кафедрой, ни одного случайного декана, которого поставили когда-то неизвестно почему и зачем. Ведь как иногда рассуждают, дескать, пусть себе работает, не я его ставил, не мне его снимать. Парахин так не считал. У него были другие подходы и принципы.

| «Я помогу»

– Я уверена и ещё раз хочу подчеркнуть, – продолжает Светлана Николаевна Петрова, – что аграрный университет в большом и объёмном понимании – это его проект. Проект его жизни, который ему с блеском удалось воплотить. Но, вспоминая всё, что он делал, как делал, анализируя и сопоставляя с тем, что он говорил, о чём мечтал, не скрывая от нас, коллег, я могу утверждать: аграрный университет – это только часть того проекта, который он хотел осуществить. Он что-то грандиозное мыслил для Орловской области, но теперь об этом можно лишь догадываться, просто предполагать.

Университет, если взять газетные и чиновничьи штампы, называют кузницей кадров. В этом смысле мы одни из многих и многих родственных вузов, где выпускают дипломированных агрономов, экономистов, инженеров сельского хозяйства. Тут, как говорится, ничего особенного нет. А у него за этим стоял некий глобальный смысл, скорее всего, понятный ему одному. Мне представляется, что он хотел сделать так, чтобы Орловская область как регион, как территория земледелия была на слуху не меньше, чем Краснодарский край. Чтобы она воспринималась не только как аграрный край, но и как часть огромной общероссийской системы с большим знаком плюс, куда ты приезжаешь и чувствуешь себя человеком. Это должна быть территория комфорта со своей душой, своими особенностями, своим колоритом.

Может быть, это всего лишь мои догадки, ощущения, которые возникали в процессе общения с ним, но то, что университет лишь часть того громадного проекта, который он вынашивал, и мы все его коллеги, единомышленники, поставлены в этом проекте выполнять определённую роль, это можно было понять и почувствовать, даже не слишком углубляясь в те мысли и суждения,

которые он озвучивал в разговорах, в научных дискуссиях, в своих выступлениях в студенческих аудиториях и с разных высоких трибун. Могу высказать ещё одну мысль, это тоже моё личное предположение, не хочу никому его навязывать: на каждого из нас у него был свой, если можно так выразиться, мини-проект, он прекрасно знал каждого из нас, наш потенциал, наши возможности. Приведу простой пример. Вот он своим распоряжением назначил деканом агрономического факультета доктора экономических наук. Многие, наверное, в тот момент подумали: «Да что же это такое? Куда там этому товарищу с экономическим образованием управлять агрономами?! Он же ничего в их деле не понимает!»

И тем не менее проходит время, все видят: человек справляется! А знаете, в чём секрет? А секрет этот прост: человек радеет за своё дело! Выходит, ректор угадал, точно определил возможности этого человека, значит, никакой ошибки и не было!

Подбирая людей, умеющих работать в команде, собирая вокруг себя единомышленников, он прекрасно понимал, что именно так, а не иначе можно решить тот громадный перечень проблем, которые стояли перед вузом. Он был лидером и по научной, исследовательско-экспериментальной части. Но это вовсе не означает, что, разрабатывая какую-то тему, он сам непосредственно сидит в лаборатории, возится с пробирками, делает анализы, записывает результаты. Хотя всю эту так называемую черновую, предварительную работу он знает до мельчайших деталей и, если потребуется, выполнит её, не задумываясь. Но у большого учёного всегда есть помощники, в числе которых его дипломники, лаборанты, аспиранты, кандидаты наук, которые ведут определённую тему или определённый раздел этой темы, которая в свою очередь является частью общего большого исследования. Таким образом, собирается, накапливается нужная информация, суммируются данные, готовятся наброски, обобщающие материалы, тезисы и варианты научных статей. Так в общих чертах и в схематичном виде выглядит исследовательская работа.

– Вот, скажем, я или кто-то из наших учёных проводит эксперименты, выделяем, к примеру, ДНК растений или что-то ещё, – поясняет Светлана Николаевна. – После завершения эксперимента анализирую результаты, готовлю статью. Прихожу с ней к ректору. Это обязательно: его оценка превыше всего, он руководитель

и за ним последнее слово. Любую научную статью или набросок к ней, предварительный вариант Николай Васильевич читал быстро, но очень внимательно. Смысл улавливал сразу, поскольку громадный объём информированности, научных знаний и компетенции позволял ему это делать без особых усилий. Скажет просто, без лишних дипломатий, но не обидно, а с уважением:

– Знаешь, это всё хорошо, но мелкогато. Ты попробуй подать это так, чтобы за твоей статьёй проглядывал некий смысл, часть общей проблемы, которая нас интересует. Представь себе такую вещь: что, скажем, мне или любому другому человеку, работающему в сельском хозяйстве, от этой твоей ДНК? Какой прок? Что ты хочешь своим исследованием сказать в практическом плане? Какая от него реальная польза? Ты же это всё понимаешь, так покажи, расскажи, и получится замечательная и очень ценная работа.

Мы сегодня видим, что многие науки интегрируются. Всё идёт к тому, что не будет отдельно химии, отдельно ботаники, многое уже происходит на стыке, на взаимодействии. Парахин понимал это, как никто другой, постоянно подчёркивал, говорил на любой встрече с практиками, руководителями и специалистами сельскохозяйственных предприятий, что они и сами видят, что невозможно отрицать достижения, допустим, микробиологии, достижения генетики. А мы продолжаем, как двадцать, как тридцать лет назад засыпать поля удобрениями, действуем по принципу «пусть там всё на наших полях горит синим пламенем, и плевать мы хотели на ваших микробов». Разумеется, я всё это утрирую, но суть его позиции была таковой.

Лично меня, многих моих коллег из молодого поколения, он учил не бояться, учил становиться взрослыми. Заставлял справляться с эмоциями, думать, искать и находить самые лучшие решения. Бывало, перед какой-нибудь конференцией, на которой тебе предстоит выступить даже не с докладом – с пятиминутным сообщением, переживаешь, готовишься, дрожь не можешь унять. Как выступать? Страшно! Там же такие имена, академики будут тебя слушать. Он подойдет, скажет одну-две фразы: «Спокойно. Ну, что с тобой сделают академики? Ты же знаешь свой материал? Знаешь. Ты его прожила? Прожила. Тогда вперед, расскажи всем то, что знаешь. Большого от тебя и не требуется».

Он всегда толкал нас, молодых, подбадривал, заставлял

двигаться, не сидеть на месте, набираться опыта. В такие минуты, когда идёшь на трибуну, чувствуешь себя каким-то воробышком, зная, что в зале перед тобой сидят настоящие орлы, корифеи науки. Весь исходишь на нервах, поджилки трясутся, а он своё: «Если у тебя есть что сказать, а у тебя есть что сказать, потому что ты работаешь, проводишь исследования, ставишь эксперименты, это надо говорить. Я тебе помогу. Ты знаешь, пока я работаю, ни ты, ни кто-то другой из твоих коллег, никто не будет сидеть в лаборатории и молчать. Мы работаем не для себя, а для науки, для общества, для людей. Поэтому выходи и говори всё, что хочешь сказать, всё, что считаешь ценным и важным в своих исследованиях».

«Я помогу». Это не просто его выражение, которое помнят многие в аграрном университете. Это, если хотите, его фирменный стиль, который он демонстрировал всегда, всю свою жизнь. Его позиция, которой он никогда не изменял. Та удивительная и трогательная щедрость, которую раздавал всем, кто работал с ним рядом, кто шёл с ним по жизни. Он по-другому не мог, не умел, помогал даже тем людям, которые по разным причинам делали ему неприятности, подводили его. Когда задавали вопрос, зачем он всё это делает, ответ удивлял: «Если я поступлю иначе, то буду уже не я, а кто-то другой». Возможно, он понимал, что это его миссия, то человеческое качество, которое не отнимешь. Помогая и по-доброму опекая других, он сам становился сильнее, и в этом, на мой взгляд, равных ему не было.

Поначалу, когда Парахина не стало, лично у меня было такое ощущение, что ты не знаешь, что делать дальше. Потому что вошло в привычку осознание, что есть рядом с нами в нашем любимом вузе такой человек, рассудительный, умный, который в трудную минуту всегда поможет, поддержит, даст нужный совет. Первый месяц просто опускались руки. Ведь при нём было как. Можно в любой момент поднять трубку и сказать: «Я вот тут, Николай Васильевич, что-то думаю, делаю, но почему-то не получается. Посоветуйте, как поступить?». А теперь кому звонить, с кем советоваться? Ощущение потери, большой, невозполнимой, остаётся, несмотря на то что время идёт и жизнь продолжается.

Не только у меня одной были такие чувства и мысли. Я знаю многих моих коллег: и молодых, и более опытных. Они испыта-

ли ту же душевную боль. Но рано или поздно приходит осмысление: надо идти вперёд, нужно работать. Всё необходимое для этого есть, бери пример с Парахина, делай, как он, поступай, как он. В конце концов, ты можешь создать свой проект. Можешь? Так начинай создавать. Ты же знаешь, тебя научили. Он научил. Значит, нужно двигаться дальше, идти, пробовать, делать собственные проекты.

Он заставлял думать. Помню, когда начинала писать докторскую, по привычке принесла ему набросок плана, некую предварительную схему работы, что и как хочу сделать. Ждала, что он скажет. И он сказал. Опять же своё любимое: «Давай, действуй». А потом прочитал мне в назидание и в наставление целую лекцию. «Я помогу, поддержу, если нужно будет куда-то поехать, с кем-то пообщаться из учёного мира – поедешь, пообщаешься. Но всё теперь станешь делать сама, потому что ты идёшь в большую науку. Пришло время самой генерировать мысли, ставить перед собой задачи и находить пути их решения. Ты теперь кто? Ты – исследователь, главный герой и главный персонаж в своей работе. Со мной, я не против, можешь обсуждать, делиться своими замыслами, намерениями, вариантами поиска. Но я уже не руководитель твоей работы, докторская – это не кандидатская, ты же понимаешь, тут другой уровень. Теперь я просто консультант, поэтому давай, шевели мозгами и не носи мне эти свои бумажки с надеждой, что я их посмотрю, что-то поправлю, перепишу. Нет, такого больше не будет».

В этом плане с ним было сложно, потому что он заставлял доводить заявленную тобой концепцию до того уровня, который необходим, здесь никаких послаблений и компромиссов с его стороны не могло быть просто по определению. Требовательность к научной работе, к исследованию, точному изложению и анализу полученных результатов проявлял неимоверную. Был при этом строг, но максимально тактичен, не позволял опускать руки и усомниться в правильности выбранной стратегии исследований, которые проводились кем-то из его учеников.

Не скрою, были такие моменты при подготовке докторской диссертации, когда хотелось всё бросить, остановиться, отойти в сторону. Неделями, месяцами обдумываешь какие-то вещи, но получается что-то не так. Поневоле закрадываются мысли, может быть, мозги у тебя не те, раз ничего не выходит и нет очевид-

ного продвижения в твоих исследованиях? Тупик. Оказывается, что мозги – это дело такое, их, как и мышцы, тоже нужно тренировать, напрягать, держать в постоянном тонусе. И нужный выход, нужный поворот, та самая спасительная идея обязательно найдётся.

В 2013 году Николай Васильевич назначает Светлану Петрову директором института переподготовки и повышения квалификации, сейчас его переименовали в институт дополнительного образования.

– Я тогда понятия не имела, – признаётся она, – как это выйти из лекционного формата для студентов в формат, когда люди, уже имеющие образование и специальность, приходят, чтобы обрести новые знания, да ещё платят за это деньги. На первых порах было и страшно, и сложно, но постепенно пришёл необходимый опыт, и мне это очень понравилось. Сейчас всё большую популярность приобретает дистанционное обучение, многие на это идут, чтобы не отрываться от повседневной профессиональной деятельности. Понятно, что это не тот вариант, когда вы занимаетесь стационарно, работаете в лаборатории, следите за всеми процессами, как говорится, воочию – видите всё своими глазами и трогаете своими руками. Но для пополнения теоретических знаний дистанционное обучение «через компьютер» не только уместно, но и весьма эффективно. Ежегодно через институт дополнительного образования проходит не менее двух-двух с половиной тысяч человек. В последние годы набирает силу тренд, как теперь говорят, на дополнительное образование у студентов, которые учатся по основной специальности. Например, будущие инженеры хотят получить знания по экономике, или строители – освоить основы ландшафтного дизайна. Такое движение к синтезу и профессиональному многообразию, на мой взгляд, будет с течением времени нарастать.

В последние годы Николая Васильевича очень интересовали новые формы презентации, когда можно с помощью визуальных компонентов представить более качественно, зримо и объёмно какой-то проект, раскрыть тему и так далее. Помню один такой случай. Однажды ректору предстоял отчёт в Минсельхозе по вопросу развития университета, его перспектив. Мы с коллегами, в основном молодыми преподавателями, собирались, придумывали какие-то диаграммы, сюжеты, графики.

Парахин приехал из Москвы, пригласил в кабинет тех, кто помогал в работе над материалом. «Представляете, у нас получилась самая крутая презентация. Орёл был лучше всех. Мы с вами такие молодцы, что это сделали». Это был 2013 год, потом таким же образом делали представление других проектов, связанных с проблемами ресурсов земли. Похожий формат был использован на одном из совещаний, посвященном предстоящей посевной, где мы в визуальной форме, понятно и образно оформили те мысли, которые он хотел донести до участников совещания. Суть этих мыслей состояла в том, что мы высасываем из земли все соки, ничего не оставляя взамен. Но главный посыл заключался всё-таки в другом – как это можно изменить и что мы получим с точки зрения экономики.

Каждый раз, когда готовились такие презентации, он не скрывал восхищения. Радовался, почти как ребёнок, который сделал для себя какое-то важное открытие. Но это так и было, он считал, что новые технологии, в том числе в подаче материала, его оформлении, существенным образом влияют на раскрытие темы, дополняют анализ зрительным рядом, улучшают общее восприятие. Он очень любил общаться, работать с молодёжью, часто говорил, что от «вас, молодых, я получаю не только заряд энергии. Я получаю новые мысли и новое видение тех проблем, которые всех нас волнуют».

В моём понимании Николай Васильевич Парахин был действительно продвинутым руководителем, крутым, как выражается нынешняя молодёжь, современным, не зашоренным на прошлых привычках и правилах. Если ему что-то нравилось, он шёл и делал. Показывал, убеждал. Всегда был на пике запросов и движений времени.

С ним рядом не задерживались люди, которые не соответствовали его уровню. «Со мной ты будешь либо на высоте, либо не будешь никак». Это его правило, его девиз, которому он неукоснительно следовал. Он всегда держал очень высокий уровень: «У меня не может быть слабых преподавателей, не может быть плохих аспирантов. Это та планка, которую я для себя установил».

Парахин – это движение, это молодость, это энергия мысли, души и сердца. Это учёный и человек с большой буквы.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ВЕСНА

аграрных вузов

Центрально-Чернозёмного округа

Глава 13.

МОЛОДЁЖНЫЙ АКЦЕНТ

| Красота ногтей или учёба

Но продолжим изучать истории учёных и преподавателей университета, в судьбе которых Николай Васильевич Парахин сыграл если не главную, то уж, без сомнения, не последнюю роль. Все они чем-то похожи, но в каждой из этих историй есть своя особенность, свой колорит, который, позволяет взглянуть на личность ректора вуза как бы по-новому, выделить ещё какие-то черты его непростого и при этом очень интересного характера. Вот, например, что рассказывает доктор биологических наук, заведующий кафедрой продуктов питания животного происхождения Андрей Валентинович Мамаев:

– С аграрным университетом моя жизнь связана, можно сказать, крепкими нитями. Я поступил в Орловский СХИ в далёком теперь уже 1979 году. Получилось так, что открывшийся институт находился фактически во дворе дома, где я в то время жил, то есть на улице Красноармейской. Тогда в нём было всего два факультета – агрономический и зооинженерный. Я для себя решил, что пойду на зооинженерный. Но прежде чем поступить на учёбу, какое-то время ещё успел поработать в институте в качестве лаборанта. Мне это показалось интересным, и я подал документы и поступил на очное отделение по специальности «зоотехника». И вот до сих пор моя жизнь связана и с этим вузом, и с факультетом. Были, правда, небольшие перерывы, вызванные работой на производстве в Орловском госплемобъединении, в ту пору существовала практика так называемой отработки в одном из предприятий реального сектора сразу после получения диплома. И была ещё очная аспирантура во Всероссийском НИИ животноводства в подмосковном Подольске. Там же защитил диссертацию, а после защиты вернулся в Орёл. Всё остальное время я здесь, в нашем вузе.

Мне иногда задают вопрос, почему, дескать выбрал науку, а не пошёл по производственной линии, более понятной и более конкретной, что ли. Что на это ответить? У каждого, как говорится, своя дорога. Здесь, в институте, был у меня хороший руководитель дипломной работы – доцент Михаил Иванович Платенков. Замечательный биохимик, разумный и очень грамотный в своей профессии человек. Он мне не раз говорил, дескать, ты, Андрей, вполне можешь развиваться дальше, у тебя хорошие задатки. А что такое хорошие задатки? В научном понимании это склонность к анализу имеющейся информации, её обобщению в нужном направлении. Допустим, для развития той идеи или той темы, которую ты выбрал для своего исследования. Но, помимо некой абстрактной склонности, для серьёзной науки необходимо также иметь желание, сильный характер и волю, потому что стать учёным легко на словах. В реальной жизни это тяжёлый, порой даже адский труд, который по силам не каждому. А я по молодости всё как-то не спешил, думал, как многие из нас, ну куда, дескать, торопиться, ещё успеется, жизнь вон какая длиннющая.

Николай Васильевич, надо прямо сказать, думал и действовал совсем иначе. Он меня очень сильно толкал. В исследовательскую работу, в большую науку, как он говорил. А большая наука для него начиналась с работы над докторской. Всё остальное – это проба пера, только подступы. Когда меня «от молодёжи, подающей надежды», избрали членом большого учёного совета в институте, он каждый раз обязательно спрашивал: когда, когда, когда... Имелось в виду, когда, наконец, буду защищаться. Признаюсь честно, он этими своими вопросами изрядно давил на самолюбие. Знал, с какой стороны подойти. И не ко мне одному. Человек поневоле задумывался: действительно, а почему не я? Другие-то могут, у них получается. Стимулировать самолюбие, вызывать у человека желание идти вперёд, действовать, не останавливаться, не расслабляться – в этом он был мастер. Как впрочем, и во многих других вещах. Личность была уникальная. По-настоящему уникальная. По отношению к науке, к людям, которые должны заниматься наукой, бескомпромиссный был человек. Я бы даже сказал, военный. Он и к себе так относился – безжалостно, без всяких поблажек, и других держал в своеобразном

тонусе. И при всём при том, зная его строгий и принципиальный характер, никто его не боялся. Скажу так: мы на работу буквально бежали и не спешили вечером покинуть кабинеты и кафедры. Это о многом говорит.

Особенно такая атмосфера сложилась, когда Николай Васильевич повторно вернулся к руководству университетом. Народ ходил с горящими глазами. Чувствовался какой-то подъём, невероятный настрой, несмотря на то что время было чрезвычайно тяжёлое – середина 90-х годов. Он быстро сумел всех нас воодушевить новыми идеями, перспективой, настроить на творческую работу. Это его стиль руководства, показывающего людям, что мы должны увидеть в конце и как этого достигнуть. Ему по-настоящему верили, это точно. Тут других мнений, думаю, ни у кого быть не может.

Тема докторской Андрея Валентиновича была связана с биологически активными центрами иглоукалывания. Но не человека, а животных. Если говорить обобщённо, это можно назвать ветеринарной акупунктурой, все проведённые исследования были связаны с этой тематикой. Защищался в городе Боровске во ВНИИ физиологии и биохимии питания сельскохозяйственных животных. Защита, по его словам, проходила непросто, вопросов было очень много, потому что тема сама по себе не обычная, не банальная.

– Николай Васильевич, встретив меня после защиты, – признаётся Андрей Валентинович, – выразился коротко и в своём стиле: «Молодец! Не обижайся, но всё-таки я тебя додавил! А как ты хотел? По-другому нельзя. Времени у нас с тобой нет. Надо спешить. Видишь, всё у тебя получилось!» Это была одновременно и похвала, и оценка наших общих усилий. «Ну, а теперь за дело, – продолжил он, – принимай кафедру, хочу, чтобы ты поднял её на должный уровень». Что у меня получилось в итоге на этой кафедре, об этом судить не берусь, недочётов, думаю, хватает. Во всяком случае поработать пришлось, как следует.

Кафедра, которую я сейчас возглавляю, появилась в университете 20 лет назад. Её научная направленность связана с изучением вопросов переработки сырья животного происхождения, главным образом молока и мяса. Исследования имеют очевидную практическую направленность, и спрос на них есть.

Работаем, как правило, на договорных началах. Нередко организуем встречи с руководителями сельхозорганизаций, переработчиками. Чего хотят? Конечно же, заработать денег, поскольку новые технологии позволяют создавать новый продукт, и он может быть полезным, а значит, востребованным на рынке. Например, есть такая компания «КарачевМолпром», она заказывала у нас технологию переработки молока для производства кисломолочной продукции. В связи с этим хотел бы заметить следующее: то, что молока в стране стало меньше, – это одна история. Но хуже всего, что не хватает качественного молока. И тут весь вопрос в состоянии наших ферм, санитарно-гигиенические условия на них этому пока не способствуют. До сих пор до трети всего объёма молока переработчики собирают у населения, с личных подворий, где условия для содержания животных едва ли можно назвать идеальными. Фермеры понемногу осваивают эту нишу. Но это же не промышленный поток. Это мелкие ручейки никак не сформировавшейся молочной реки. Второй не менее важный момент связан с тем, что жиров в молоке стало меньше. Хозяйств современных, с племенным высокоудойным скотом на пальцах пересчитаешь. А что говорить про интерес к племенной работе, к животным, к той же корове? Это животное требует очень серьёзного к себе отношения: хороших знаний, сбалансированных кормов, если хотите, душевной доброты и так далее.

Корову ведь надо вырастить, довести до ума. И не три-четыре месяца, как пшеницу в поле или горох. Два года день ото дня такая животино требует к себе внимания, заботы и человеческого ухода, чтоб из неё настоящая молочная бурёнка выросла.

Не берусь утверждать, хорошо ли на самом деле Николай Васильевич разбирался в тонкостях непосредственно животноводства, это всё-таки не его стихия. Но вот что касается кормов, кормопроизводства... В этом деле ему, пожалуй, не было равных. Он многое делал, чтобы из стен вуза выходили специалисты с багажом самых современных знаний, с хорошими навыками, в том числе в вопросах переработки молочной продукции, которые будут работать в животноводческой отрасли.

В учхозе «Лавровский», например, появился класс по животноводству. Здесь же работал цех по переработке молока, позже появился частный колбасный цех, но нас туда не пускали, я имею в

виду науку, а студентов пускали. Перенести, перетащить что-то, погрузить, разгрузить.

В животноводческом классе было установлено некоторое оборудование, предназначенное для переработки небольшого количества молока, например маслобойка, танки стояли хорошие, где можно было заквасить сырьё и получить кисломолочный продукт.

Что давал студентам этот небольшой животноводческий класс? В первую очередь практику, навыки применения полученных в институте знаний. А это, согласитесь, для будущих ветврачей и зооинженеров очень важно.

У нас, к примеру, были такие преподаватели на факультете, которые ни за что не поставят студенту зачёт, не говоря уже об экзамене, если он не сможет, извините за такие подробности, отрихталить корову. Это одна из важных практических функций зоотехника, который отвечает за показатели на молочной ферме или комплексе. То есть, если говорить понятным языком, этот специалист должен владеть техникой искусственного осеменения.

Помню, у нас была доцент Синельникова, она всегда во время практических занятий имела при себе ножницы для девчонок, чтобы они этими ножницами могли обрезать себе ногти, потому что работать с коровой, имея на руках, простите, такие ногтищи, невозможно.

Николай Васильевич, разумеется, знал об этих вещах. И, конечно, поддерживал, потому что красота ногтей и учёба, овладение практическими навыками не всегда совпадают. И не просто поддерживал, а всячески стимулировал. Поскольку все те направления, о которых мы говорим, исключительно прикладные. Это же не теоретическая физика. Человек должен всё попробовать сам, прежде чем приходить на конкретное производство и что-то там делать.

Никто, на мой взгляд, не станет спорить с тем фактом, что Парахин был по-настоящему генератором идей. Постоянно что-то искал, придумывал, предлагал. И так к вопросу подойти, и эдак. На учёном совете частенько возникали дискуссии, споры, и он их нередко и вполне сознательно инициировал. Был убеждён, что нужно подходить к той или иной научной проблеме с разных позиций. И это абсолютно оправдано, поскольку вариативность в науке – ключ к нахождению лучших решений и в конечном итоге

ключ к успеху. Он всегда с чувством относился к таким вещам, к самой постановке вопроса. Конкретно. Это не было, как выражается сегодняшняя молодёжь, какими-то понтами. Сто процентов не было. Он горел реально, душой горел за всё, что было в поле его ведения, его интересов и его ответственности. И даже за границами этого поля. Мы всегда поражались: сколько же у человека энергии, сколько у него идей, которые он пытается реализовать! Разных идей у него было значительно больше, чем все мы, его единомышленники, его команда, могли в настоящий промежуток времени реализовать.

Где он всё это набирал? Мне кажется, он никогда не переставал думать. Постоянно находился в движении, встречался с людьми, с производственниками, руководителями и специалистами хозяйств, бывал в командировках, что-то где-то подмечал, спрашивал, уточнял. И не просто рассказывал о том, что увидел полезного и ценного. Он брал автобус, снимал нас с занятий и вёз. В тот же учхоз «Лавровский», в акционерное общество «Славянское» – одно из лучших хозяйств нашей области, да и во всей России, к замечательному руководителю и новатору сельхозпроизводства Дмитрию Михайловичу Пониткину. К слову сказать, Пониткин не всегда был согласен с некоторыми нашими акцентами в зооинженерии, но здесь нужно спрашивать у специалистов, и наших, и его, в чём проблема. Времена изменились, отношение к животному, той же корове, стало другим. Давайте вспомним: раньше сколько лет корова ходила в удойных? И по восемь, и по десять лет. А сейчас? Максимум пять-шесть лет, а на Западе так и вовсе два-три года. Выдоили, как говорится её, получили отдачу по полной – и на замену.

Я сейчас скажу одну неожиданную вещь, и многие могут со мной не согласиться, но именно эта мысль, когда встречались с Николаем Васильевичем, не раз приходила в голову: мне кажется, он смог бы достичь немалых высот, если бы пошёл по военной стезе. Военный человек. По духу, по своей реакции на происходящие вокруг него события. По своей собранности, подтянутости, внутренней и внешней. По дисциплине, которую он почитал во всём, даже в мелочах.

Таких людей, как Николай Васильевич Парахин, я немного встречал в своей жизни. Его невозможно забыть так же, как не-

возможно согласиться, что его уже нет рядом с нами. О нем можно говорить бесконечно долго, вспоминая каждую деталь, каждый эпизод и каждую встречу с этим незаурядным и в сущности очень простым человеком.

Эмоции – плохой советчик

Проректор по научной и инновационной деятельности Сергей Александрович Родимцев (НИИ охраны труда) добавляет, что Николай Васильевич обладал острым чувством руководителя, умеющего и знающего, как подбирать кадры, которые нужны университету. Чаще всего это было ненавязчиво, как бы между прочим, в разговоре, вскользь – так, что собеседник не сразу мог сообразить, о чём речь. Но порой это было иначе, и предложение звучало, что называется, в лоб, открыто, без всяких обиняков. Например, так: «Хочу, чтоб вы работали здесь у нас, в нашем вузе. Верю, у вас получится».

Что это было? Некое природное чутьё? Или уверенность в своём отменном знании природы человека, его возможностей?

Сергей Александрович пришёл в университет в 1998 году, в Орёл приехал из Узбекистана с целью поступить здесь в аспирантуру. В Ташкенте к тому моменту окончил автодорожный институт, какое-то время после вуза работал, но потом в Средней Азии начались известные процессы. Хотел поступать в аспирантуру ещё там, но предполагаемый научный руководитель из тех, из «местных», откровенно сказал, что лучше этого не делать. Одним словом, ему дали понять: в научной сфере ему ничего не светит и что пора возвращаться в Россию или искать что-то другое, кроме науки.

– В Орле познакомился с Николаем Васильевичем, рассказал о своих планах. Он очень по-доброму ко всему отнёсся и просто посоветовал не тянуть время. После аспирантуры и защиты кандидатской, которая состоялась в Москве, в той же Тимирязевке, некоторое время работал во ВНИИЗБК и, собственно, сразу после этого был принят на работу в университет. Для меня было полной неожиданностью, когда ректор предложил мне должность заместителя декана по научной работе. Некоторое время спустя он же

назначил меня заведовать кафедрой безопасности жизни на производстве и одновременно оставил на той же позиции в деканате.

При всей своей строгости Николай Васильевич в то же время умел в нужный момент поддержать, похвалить человека, не сломать крылья, найти нужные, ободряющие слова. Не стеснялся и на похвалы, если человек этого действительно заслуживал.

Сергей Александрович вспомнил один показательный, как он выразился, для него случай. Однажды он пришёл в ректорат и принёс заявление об уходе. Ситуация была семейная, и, чтобы это никак не отражалось на работе, не нашёл ничего лучшего, кроме увольнения.

– Николай Васильевич выслушал меня, покачал головой, – говорит Родимцев, – потом обращается ко мне, подбирая каждое слово, чтобы я мог услышать, прочувствовать не только умом, но и сердцем. Говорил он в том смысле, что жизнь как она есть – штука сложная, всякое в ней случается. Но не нужно пороть горячку, идти на поводу у своих эмоций, по каждому неприятному моменту разбрасываться заявлениями. Надо, мол, перетерпеть, переждать, всё наладится. Одним словом, решение моё не одобрил. Не только потому, что не хотел меня отпускать. Просто почувствовал, что в этот момент надо поступить именно так, найти нужную тональность, нужные слова, успокоить. Не пожалел времени, чтобы разобраться в той ситуации, которая у меня возникла, и удержать от опрометчивого шага.

У него в кабинете стояла специальная машинка для уничтожения бумаг, вот туда он моё заявление и опустил. Чтоб значит, никаких следов не осталось. По большому счёту ректор не просто дал мне ещё один шанс – он просто не позволил из-за моей горячности совершить поступок, который мог в корне изменить всю мою дальнейшую жизнь.

| Хозяин

Пожалуй, нет такого уголка в аграрном университете, где бы Парахин не контролировал ситуацию. Он знает о тайнах и перипетиях жизни в студенческом общежитии, о взаимоотношениях преподавателей и студентов, о том, как расцвели розы на чудес-

ных клумбах вокруг вуза, и кто вчера наводил порядок на альпийских горках. На огромной территории ОрёлГАУ нет ни одной соринки и травинки, если только ей не положено здесь быть. Во всём чувствуется крепкая рука хозяина.

Николай Васильевич считает, что университетский городок – это центр красоты любого города. Он должен быть таким, чтобы сюда не стыдно было привести людей на экскурсию. А ещё аграрии создали этот оазис для того, чтобы Орловщина стала краше. Это тот малый вклад, который они могут внести в общее дело по благоустройству родного края.

Привычка всё брать в свои руки и умение работать на конечный результат сформировались у Парахина с детства. Родившись в бедной деревушке Бобылёвке Новодеревеньковского района, он привык трудиться смолоду. Работать, не суетясь, не спеша, рассудительно, с расстановкой, как это делали все бобылёвцы. И так же он привык говорить: не тараторя, вдумчиво, взвешивая каждое слово. К нему не применима фраза Петра I: «Сказать, дабы не умолчать». Рассуждая, он как будто ищет главную мысль. Подходит к проблеме то с одной, то с другой стороны. На первый взгляд может показаться, что он никак не может поставить точку в затрагиваемой теме. Впечатление обманчиво. Не в его правилах делать легковесные заключения. Хозяин не должен говорить попусту.

Но если затронуть его любимую тему о сельском хозяйстве, Парахин начинает говорить, пожалуй, слишком эмоционально, и тогда фразы текут словно из глубины души. А когда коснешься непростых моментов жизни, глаза наполняются слезами, и он не стыдится этого.

| Комплиментов не надо

Декан факультета агротехники и агротехнологий Иван Вячеславович Коношин очень много рассказывал о контактах и отношении ректора к университетской молодёжи

– Я вообще-то выпускник этого университета, – напомнил Иван Вячеславович, – как говорится, свой, доморощенный кадр. После учёбы до службы в армии работал главным инженером в

совхозе «Рыжковский», что в Сосковском районе. Вернувшись со службы, зашёл в университет: хотелось повидаться с преподавателями, поздороваться с ректором.

Николай Васильевич увидел меня, обрадовался. Долго расспрашивать не стал, сказал без обиняков: «Ты у нас уже поработал на производстве, армию, вот прошёл, вижу, человек серьёзный. Нам такие нужны. Думай над темой, поступай в аспирантуру».

О студентах забота у ректора была особая. Он увлечённо слушал ребят, интересовался, чем живут, о чём думают, какие читают книги и смотрят фильмы, чем занимаются, помимо учёбы. В любой момент мог завести дискуссию на всякую тему, сам с удовольствием рассказывал ребятам разные истории из жизни. А их у него было в достатке.

Зимой обязательно напоминал преподавателям: следите за тем, чтобы ребята не ходили с непокрытой головой, а девчонки не модничали в тонких колготках и коротких юбках, поскольку холодно. Это были не просто формальные знаки внимания – это был его стиль, убеждённость, необходимая мера сохранения здоровья, которая впиталась с самого детства.

Очень трогательно и бережно относился к молодым преподавателям: старался помочь, поддержать, делал всё, чтобы человек почувствовал уверенность в себе, в своих силах, раскрылся, продвигался в науке. Многим помог решить квартирный вопрос.

Всегда с большим желанием встречался со студентами, с молодыми учёными, с преподавателями. Каждый учебный год начинался с таких очень эмоциональных запоминающихся встреч. Потом ещё непременно что-то подобное происходило в середине года и в самом конце. Было очень интересно, непринуждённо, с огромной пользой для всех.

Помимо неизменного для таких случаев праздничного фона, он всегда просил рассказывать о проблемах, делиться тем, что волнует. В большом университетском зале или в одной из аудиторий собирался студенческий актив: старосты, заместители старост, все равнодушные и продвинутые ребята и девушки со всех факультетов и групп. Разумеется, на каждую такую встречу приглашалось всё университетское руководство – проректоры, деканы, кураторы, руководители подразделений и служб. Условие было одно – открытый, честный разговор обо всём, что вол-

нует. Парахин так и говорил: «Я хочу слышать от вас не комплименты и благодарности в адрес ректората, деканов и руководителей кафедр, а ваши пожелания, просьбы, советы, что нужно улучшить, изменить, решить ту или иную проблему. Хочу знать, что вам нравится, а что нет, чтобы всем нам жилось и работалось лучше, комфортнее».

При этом разговор строился так, что людям не нужно было что-то приукрашивать, выдавать желаемое за действительное или, наоборот, приглаживать, ретушировать проблемный вопрос. Касалось ли это питания в столовой, качества продуктов и блюд или проживания в студенческом общежитии, прохождения практики, организации быта и досуга. Удивительно, что на упреки и замечания, которые были подчас очень даже нелицеприятными, никто не обижался. Это было нормой общения, способом выявления и решения различных проблем, которых в жизни всегда хватает.

Для ректора такие встречи были крайне важны. Он получал информацию из первых рук, был в курсе всего, что происходит в университете и, соответственно, имел возможность лучше строить работу ректората и всех подчинённых служб, своевременно принимать нужные решения. С другой стороны, для каждого, кто приходил на эти встречи, они были отнюдь не проходным мероприятием из категории «пришли – послушали, поговорили – и забыли». Декан ли, проректор, куратор группы мысленно всегда прикидывал, о чём могут спросить или рассказать студенты, какую проблему поднимут на этот раз. И, разумеется, старались делать так, чтобы подобных узких мест, недостатков становилось меньше. Разве это не замечательная практика? Тут, как говорится, и спорить-то не о чем.

Ещё одним важным обстоятельством было то, что по завершении разговора, если вскрывалась действительно значимая проблема, Николай Васильевич обязательно приглашал к себе того, кого это касалось, и вместе думали над тем, как лучше её решить.

| По праву старшего товарища

«Когда Николай Васильевич говорит о студентах, часто юморит, весь исполняется радостью и показывает их фотографии и

записки, не один год хранящиеся на самом видном месте рабочего стола. Он много знает об их жизни. Несмотря на разницу в возрасте, может быть с ними на одной волне, может понять. «Если я занят, то скорее не приму преподавателя, но пришедшего ко мне студента выслушаю обязательно», – это его неотступное правило.

Он никогда не игнорирует студенческие мероприятия. Сыновья помогают ему в выборе соответствующей моменту одежды. К ней он вообще относится щепетильно. Она не обязательно должна быть дорогой, но опрятной и аккуратной – непременно. Некоторые порой шутили, что о стрелки его брюк можно порезаться. На ботинках, начищенных до блеска, ни пылинки.

Сегодняшние студенты берут с него пример. Встречи ректора и студентов обычно проходят за круглым столом небольшого кабинета, но нередко и в лучшем актовом зале. Ходит Парахин и на вечеринки. Студенты без слов понимают, что они равные, но не равны. Они любят устраивать ему блицопросы, и, отвечая на них, Николай Васильевич никогда не кривит душой. Но откровенность порождает откровенность. И если они «раздевают» ректора, то он требует от них той же откровенности. Но делают это красиво, достойно, уважительно по отношению друг к другу.

Не праздный вопрос: зачем он ходит на эти мероприятия? Не лучше ли держать дистанцию от нынешнего не страдающего излишней скромностью студента? Он ответил, что хочет занять ту пустоту в их душах, которую, если не он, то обязательно займёт кто-то другой. Может быть, не лучший собеседник. А это будет неправильно. Ему необходимо знать, кто чем дышит, чтобы замкнутость и закрытость не обернулись в итоге против них же самих. Лучше предупредить ситуацию, чем потом разгребать её последствия.

На всех мероприятиях, на встречах студенческого актива ректор не приветствует выступлений по бумажке. Он хочет видеть истинное лицо своих студентов. И пусть сначала они заикаются, робеют и краснеют, но потом привыкают говорить всё то, что волнует, лежит на сердце, а не переписанные откуда-то выражения и цитаты. Человек, который что-то из себя представляет, должен аргументировать свои мысли, уметь проявлять свои амбиции и соответствовать им.

В вузе свой уклад, свои правила, закреплённые в уставе. Устав –

Студенческие семьи – радость для всех!

это священная книга ОГАУ. Воспитанный на высочайшем уважении к учителю, который был в деревне самым почитаемым человеком, Парахин требует такого же отношения к преподавателям и сейчас.

Да, время внесло свои коррективы и добавило в отношения демократичности, но в ОГАУ всегда было принято здороваться с ректором стоя, тем самым показывая уважение к старшему. На Руси вставать при приветствии старшего было принято издревле, а зазевавшуюся молодёжь секли кнутом. Сейчас кнута нет, но уважение к старшим надо воспитывать. С этого, считает ректор, начинается личность.

Если же первокурсник зазевался и не встал, Парахин не делает замечаний, он первый протягивает руку. Ответить на рукопожатие стоящего перед тобой ректора, само собой, можно только стоя. Потом Николай Васильевич уходит, а студенту остаётся сообразить, за что ему оказана такая честь. Пусть думает и берёт пример уважительного отношения к окружающим» (из статьи в газете «Орловская правда» от 31.08. 2011 г.).

Следует сказать, что на протяжении многих лет одним из самых чувствительных и сложных вопросов в университете оставалось жильё. Вернее, его нехватка. Во-первых, университет активно развивался, в его состав входили всё новые структуры. Увеличивался профессорско-преподавательский состав. В Орёл приезжали специалисты из других регионов. Наличие жилья было одним из главных аргументов для закрепления в аграрном вузе нужного специалиста. Николай Васильевич предпринимал титанические усилия для того, чтобы жильё не становилось камнем преткновения для людей, которые готовы отдавать свои знания будущим агрономам, экономистам, зооинженерам, строителям. Видя и зная это, молодые специалисты старались вдвойне, чтобы проявить себя, добиться лучших результатов.

У него была феноменальная память на всё, даже на мелочи. И не дай Бог забыть, выполнить плохо или не вовремя его поручение! Тут уж готовься к серьёзному разговору.

Однажды я уезжал в отпуск и уже выходил из университета, он встретил меня на дороге и как бы так между делом спрашивает: «Иван Вячеславович, как там у нас дела с классом «Биг Дачман»?» «Биг Дачман» – компания, которая производит оборудование для свиноводства, птицеводства, мне поручено было завязать с ней контакты и решить вопрос о поставках в наш университет такого оборудования. С этим тянуть было нельзя, и Николай Васильевич ещё раз напомнил об этом. Я, если честно, даже слегка обиделся. Отвечаю ректору, что работа идёт, написаны письма, необходимые документы отправлены, и, если у меня возникнут какие-то проблемы с этой фирмой, я обязательно к нему обращусь.

Николай Васильевич посмотрел на меня, по-видимому, такой ответ его устроил, и коротко заключил: «Ну что ж, договорились. Теперь верю, что сделаешь».

Через четыре месяца класс для обучения студентов с полным набором оборудования был готов. Во время его открытия Николай Васильевич детально ознакомился с тем, как всё работает, убедился, что класс действительно оборудован в соответствии с программой обучения, похвалил: «Молодец. И меня не беспокоил, и делал всё, как надо. Вот такой подход мне нравится».

В праздничной колонне.

Этого момента студенты и преподаватели Орловского государственного аграрного университета ждали несколько лет.

Демонстрационно-выставочный центр ОГАУ – это прежде всего учебная площадка для подготовки молодых специалистов для села.

Студенческий хор – музыкальная гордость ОГАУ. Н. В. Парахин и бессменный руководитель хора В. Г. Гапоненко.

Выпускники ОГАУ 2011 года. Красные дипломы за отличную учёбу им лично вручал ректор учебного заведения.

Патриоты своей страны – доктор Рошаль и академик Парахин.

С Юрием Ушаковым, советником президента России, Н. В. Парахин был знаком ещё по работе в Москве.

Верные помощники ректора – профессора Василий Тихонович Лобков и Лидия Павловна Степанова.

Владыку Паисия можно смело назвать духовником академика Парахина.

Дальний Восток тоже наша земля. Академик Парахин на совещании во Владивостоке выступал по вопросам развития Дальневосточного федерального округа.

Ректор ОГАУ Н. В. Парахин в кругу единомышленников и коллег – профессоров Орловского аграрного университета.

Николай Васильевич много раз принимал участие в крупных мероприятиях аграрной тематики, которые проводили первые лица государства.

В одном из хозяйств Орловской области. Спелое зерно можно попробовать и на зуб. Академиком Парахину, Романенко и Сандухадзе есть о чём поговорить.

Только что получил ещё одну заслуженную награду.

Почётные грамоты не каждому студенту дают – только по заслугам!

Орёл – символ полёта. Такой была вся жизнь Николая Васильевича Парахина, учёного и человека.

Студенческие, аспирантские конкурсы – неотъемлемая часть образовательного процесса в ОГАУ, сложившегося при Парахине.

По традиции гостей нашего города встречают хлебом-солью.

Открытая дискуссия.

Академик А. А. Жученко (крайний справа) – большой знаток земледелия.

На озере. С коллегами из Российской академии наук.

Глава 14.

ИСТОРИЯ МОЛОДЁЖНОГО ЦЕНТРА

«Меняем муку на кирпичи»

Не то что по меркам истории, но даже по меркам обычной человеческой жизни, если можно применить здесь такое сравнение, Орловский государственный аграрный университет совсем ещё молод: ему только-только исполнилось 45 лет. Это живой, современный и в чём-то даже креативный вуз, как выражается нынешнее молодое поколение.

Парахин, как мы уже говорили, любил молодёжь, трепетно к ней относился, обожал возиться с молодыми ребятами, общаться, улавливать их настроение, их мысли, размышления о жизни, о будущем. В молодых он видел не просто смену старшему поколению, продолжение традиций, завершение начатых дел. Он черпал новые идеи, впитывал азарт и энергию молодости и сам рядом с молодыми, по его признанию, чувствовал себя энергичнее, моложе.

Университет всегда многое делал для студентов, молодых преподавателей, аспирантов. Молодые кадры до 30 лет составляли в бытность ректором Парахина не менее половины от общего числа преподавателей. Самым серьёзным образом происходил отбор выпускников университета в аспирантуру, поскольку считалось за честь воспитать своих кандидатов наук, своих преподавателей, нежели приглашать откуда-то из других мест. Хотя, разумеется, никто никаких препятствий ни для кого не чинил. Но «ставка на своих» была неким негласным правилом для университетских учёных, руководителей факультетов и заведующих кафедрами.

Но всё, что делалось, ректор считал недостаточным. Ему нужен был большой и серьёзный проект, в центре которого всегда

должна быть молодёжь. Таким проектом, который стал настоящей находкой, своего рода изюминкой и огромным событием для университета, стало строительство молодёжного центра ОГАУ.

– Не знаю, права я буду в этом своём утверждении или нет, думаю, что всё-таки права, – считает директор центра кандидат экономических наук Нина Анатольевна Первых. – Всегда, работая в должности ректора, Николай Васильевич думал в первую очередь о молодёжи. Это была его фишка, как говорят сегодня. Он очень ратовал за то, чтобы ребята и девушки посвящали себя не только учёбе, но и активно отдыхали, занимались в кружках художественной самодеятельности, участвовали в общественной жизни университета, посещали спортивные секции. Считал, что лучшее лекарство от скуки – это когда человек находит занятие по душе, не проводит время зря, не тратит его впустую, а заполняет полезными интересными делами.

Но возникает вполне закономерный вопрос: а зачем всё это людям, которые выбрали для себя профессию агронома, животновода, механика сельхозмашин или строителя? Ведь, получив диплом, они поедут в село, в аграрную сферу, работать каждый по своей специальности.

Николай Васильевич считал иначе. Эти молодые специалисты должны быть, конечно же, в первую очередь профессионалами своего дела. Но они должны быть ещё и проводниками культуры в сельской местности, нести не только новые знания и технологии на поля и фермы, а показывать пример в общественной жизни, в поведении, в культурной сфере. Что плохого в том, если молодой специалист, помимо умения выращивать хлеб или поднимать надои на ферме, может спеть или прочитать стихи на праздничном вечере в сельском Доме культуры? Или соберёт ребят на спортивной площадке, организует команду, которая сможет отстаивать честь своего предприятия на футбольных полях? Это же замечательно, но такое может случиться, если в село придут выпускники университета, которые уже имеют соответствующие навыки и достаточный опыт. А где его взять? Да здесь, в молодёжном центре ОГАУ! Он же для этого и затевался!

Затяга была, без сомнения, великолепной. Но каково было её автору? Как он сумел довести её до конца в те безденежные, невероятно сложные годы? Об этом можно только догадываться.

Стройка растянулась на несколько лет. Официальное открытие центра прошло в 2007 году.

– Для того чтобы молодёжный центр состоялся, пота и нервов Парахин израсходовал немало, – вспоминает сегодняшний ректор университета Татьяна Ивановна Гуляева. – Строилось и оснащалось всё это за счёт внебюджетных средств, федерального финансирования не было совсем. Николай Васильевич рассказывал, что приходилось идти на всякие неожиданные варианты. Например, чтобы получить стройматериалы, он договаривался с тогдашним главой МЧС России Сергеем Шойгу о бартере: менял муку на кирпичи. А муку добывал у руководителей аграрных структур в счёт консультационной и методической помощи при обработке почвы и выращивании урожая.

Конечно, на стороне этой ректорской предприимчивости всегда, во всех полезных начинаниях на благо университета была поддержка руководства Орловской области, и прежде всего Егора Семёновича Строева. Без этой поддержки трудно было бы рассчитывать на полный успех да ещё без каких-либо последствий.

Сказать, что было тяжело, значит, рассказать не всю правду. Парахин, по выражению Татьяны Ивановны, как настоящий скупердяй, в хорошем смысле, конечно, следил за каждой гайкой, каждым кирпичом. Часами не выходил со стройки, сам следил за качеством любой операции, определял, какую плитку постелить, какого цвета и какого тона должны быть стены. Частенько приглашал на такие импровизированные совещания преподавателей, спрашивал у них, что думают по тому или другому вопросу.

– Ну что вы на меня так смотрите? – допытывался он, ожидая каких-то предложений, советов, замечаний. – Давайте вместе подумаем, как должна выглядеть вот эта стена в актовом зале. Какая цветовая гамма здесь лучше всего подойдёт. Требование одно – должно быть красиво, эстетично и мягко, чтобы не бросалось в глаза и не отвлекало.

Разговор, напоминавший строительную планёрку, потихоньку набирал обороты. Каждый из преподавателей, кого он приглашал на подобные импровизированные совещания, начинал включать воображение, выдвигал свои версии, обосновывал. Ректор слушал, качал головой, было понятно, что предложенный кем-то вариант его не устраивает. Некоторые в таких случаях пытались

оправдываться, дескать, мы же не художники-оформители, предлагаем то, что нам кажется подходящим.

Он слушал всех, благодарил за помощь. А в итоге придумывал свой вариант, который каким-то образом рождался в его голове.

| Что взять за образец?

– Однажды, – продолжает Татьяна Ивановна, – на очередном таком совещании долго обсуждали, какими должны быть стулья в актовом зале, чтобы на них было удобно сидеть и чтобы вдобавок ко всему они хорошо смотрелись. Одним словом, чтобы вид у них был праздничный, яркий, поднимающий настроение. Спорили, какой лучше материал подойдёт для обивки сидений. И даже если ни одно из предложений не проходило, мы понимали: он приглашает нас на совет, чтобы убедиться в правильности того варианта, который для себя обозначил. Для него было важно, чтобы мы в этом принимали участие. Согласитесь, не всякий руководитель имеет в характере такую черту.

С точки зрения современных методик это было одним из элементов приобщения к командной работе, выработке неких коллективных решений. Не забудем и о другой стороне: тем самым интуитивно, а может, и осознанно ректор способствовал эстетическому воспитанию своих коллег, формированию у них определённого вкуса по оформлению больших внутренних архитектурных пространств.

И это ведь далеко не мелочи. Заходя в то или иное помещение, мы вольно или невольно, но всегда обращаем внимание на интерьер, отделку стен, потолка, полов, оцениваем уют и общую так называемую пространственную составляющую. Николай Васильевич это осуществлял на практике при строительстве молодёжного центра. В этом плане он был, конечно, хозяин, можно даже сказать, трижды хозяин. Весь интерьер, подбор материалов, сочетание цветовых решений – всё шло от него, за ним было последнее слово. Вплоть до того, что он сам подбирал паркет для конференц-зала. Даже кресла в актовом зале, материал на спинки и на сиденья, которые должны быть яркими и праздничными. Это может показаться невероятным, но он специально ездил в

Кремлёвский дворец съездов, смотрел, сравнивал, хотел сделать что-то подобное, чтобы с эстетической точки зрения всё смотрелось безукоризненно. В итоге вышло так, как задумал: кресла оказались удобные, мягкие и в то же время сделанные основательно, с красивой конфигурацией. Люди, когда садятся в них, удивляются, качают головами: «Здорово, классно!»

Пол на танцевальной площадке, так называемом танцполе, выполнен таким образом и из такого материала, чтобы на нём было удобно двигаться. Он нескользкий, приятного цвета и в то же время необыкновенно лёгкий, располагающий к непринуждённому исполнению любых танцевальных движений. Потолок в актовом зале представляет собой картину необыкновенного неба с мерцающими и сияющими звездочками, особенно красиво всё это смотрится вечером.

Ещё больший восторг и удивление вызывают огромны люстры, свисающие вниз с этого звездно-небесного потолка. Говорят, их вообще делали в Чехии на заказ. Кто-то утверждает, что при изготовлении люстр использовалось богемское стекло или что-то похожее. Так всё обстоит или нет, пусть судят специалисты. Совершенно точно другое: люстры для молодёжного центра ректор выбирал лично, дотошно обговаривал и выверял каждую деталь, любую, самую незначительную мелочь. Это было в его характере, в его стиле. Наверное, во всём этом заключался некий глубокий смысл: и этот центр, и формирование парковой зоны, и демонстрационно-выставочный центр, и многое другое, имеющее отношение к аграрному университету, он считал своим детищем, делом всей своей жизни. А потому так внимательно, с неизменной любовью и трепетом относился ко всему, что происходило вокруг и в чём лично он принимал непосредственное участие.

В 2007 году уже готовый и выполненный, как говорится, с иголочки молодёжный центр открывал бывший в ту пору министром сельского хозяйства России Алексей Васильевич Гордеев. Министр приехал в Орёл во главе большой делегации, и здесь же, на площадке университета, состоялось совещание ректорского корпуса всех аграрных вузов страны.

Надо сказать, у Гордеева и Парахина, который на тот момент возглавлял ещё ассоциацию ректоров сельскохозяйственных вузов, сложились очень хорошие, в прямом смысле уважительные

отношения. Министру импонировали идеи и взгляды Николая Васильевича на развитие аграрного сектора страны, на формирование образовательного процесса в учебных заведениях, готовивших кадры для предприятий и организаций отрасли. Гордеев неоднократно приезжал в Орёл, был здесь в одной команде с президентом России Владимиром Путиным весной 2000 года. Та памятная встреча проходила и в аграрном университете, где на площадке демонстрационно-выставочного центра обсуждали ход земельной реформы в Орловской области. Это объяснялось тем, что студенты и преподаватели университета принимали самое непосредственное участие в реформировании аграрного сектора. Во многом благодаря их усилиям реорганизация колхозов и совхозов, передача земли и имущества в частные руки и последующие шаги по регистрации новых юридических лиц, созданию горизонтальных и вертикальных интегрированных структур, так называемых агрофирм и агрохолдингов, происходили цивилизованно, в строгом соблюдении всех законодательных норм. Этой теме будет посвящена отдельная глава.

| «Хлеб – всему голова»

Но продолжим рассказ о молодёжном центре. Сегодня этот университетский уголок насыщен разноплановой творческой жизнью. Работают студии народных и бальных танцев, театральная студия. Здесь же отрабатывают мастерство ребята и девушки, занимающиеся в известной далеко за пределами вуза студии исторического танца «Дворянское гнездо», которая принимает участие во всех городских и областных мероприятиях. Любое выступление этого коллектива вызывает неизменный восторг и признательность зрителей за бережное сохранение народных традиций, любовь к русскому танцевальному искусству, имеющему богатейшую историю.

По-настоящему гордится университет своим замечательным хоровым коллективом – участником и лауреатом многочисленных фестивалей и конкурсов. Учитывая особенности репетирования, вузовский хор занимается в специально отведённой комнате в студенческом общежитии, а все концерты с его участием

проходят здесь же, в молодёжном центре. Кстати, на этой сцене хор смотрится просто великолепно, поскольку чудесный интерьер зала, его убранство, акустика способствуют отличному звучанию и отличному восприятию выступлений университетских артистов.

Изначально идею создания студенческого хора в сельскохозяйственном институте предложил его первый ректор Давид Борисович Дунаевский. В ту пору специалистов по этому профилю не было, но были люди, которые хотели такую нужную идею продвигать, в их числе была и самая активная сторонница создания хорового коллектива – декан факультета общественных профессий Роза Фёдоровна Антипина. Она упростила одного из руководителей института культуры направить толкового выпускника в сельхозинститут, чтобы он помог в создании студенческого хора. Таким выпускником оказался Владимир Гапоненко.

– Молодые ребята тех лет, – вспоминает Владимир Григорьевич, – заметно отличались от сегодняшнего поколения. Не говорю: были лучше или хуже, дело не в этом. Во-первых, почти все они уже отслужили в армии, им было по 23–24 года. А там, если кто служил, тот знает: строевое пение очень даже в почёте. Это уже не пацаны, а серьёзная публика. Девчонки были тоже под стать ребятам – крепкие, голосистые. Отмечу ещё одно несомненное достоинство молодёжи тех лет – они знали много народных песен, потому что в деревнях, в крестьянских семьях народную песню любили за её красоту, мелодичность передавали из поколения в поколение. Сейчас другое время, молодые люди, которые приходят к нам учиться из сельской местности, таких песен знают немного.

Первый набор сделали достаточно быстро, немного порепетировали и уже через два месяца дали первый концерт. Правда, полноценным концертом назвать это сложно: спели две песни на праздничном вечере ещё там, в старом корпусе института на улице Красноармейской. Репертуара на тот момент как такового не было, многое подбирали сами по своему вкусу. Иногда просто по воле случая.

– Однажды, – признаётся Владимир Григорьевич, – услышал по радио песню в исполнении какого-то сибирского хора. Необыкновенная, красивая мелодия, и слова такие точные,

проникновенные. Меня она очень тронула. Думаю, вот она, наша песня. А где взять? Ни слов, ни нот, ничего не было. Поделился с Николаем Васильевичем, его уже назначили ректором, что было бы неплохо иметь такую песню в репертуаре вузовского хорового коллектива. Он посмотрел на меня и говорит: «Так в чём проблема? Поезжай в Москву, добывай свою песню».

На Шаболовке пришли на студию. Нам сказали: «Пожалуйста», переписали на кассету (тогда ещё такие катушечные были, с лентой). И с 1982 года эта песня стала основной музыкальной композицией нашего хора, его своеобразной визитной карточкой. Долго её поём, больше тридцати лет, и всякий раз она вызывает у зрителей много эмоций! Действительно, настоящая, большая песня с невероятным зарядом и смыслом. Такие песни не стареют.

Мне доводилось неоднократно бывать на выступлениях университетского хора. Удивительное, необыкновенное пение, восторг наполняют душу. Мурашки по телу. И ведь что любопытно: это же не профессиональные артисты поют. Весь хор – самодеятельные исполнители, обыкновенные ребята, студенты! Большинство из них даже музыкальной грамоте не обучались. Поют со слуха, то есть не читая нот. Гапоненко говорит, что это сложнее. Но есть тут и свои плюсы. Петь строго по нотам значит подчиняться неким ограничениям. А когда ты поёшь на слух, возможны импровизация, переливы голоса, другие находки. Собственно, Владимир Гапоненко и есть мастер музыкальной импровизации, оттого каждая песня в его аранжировке – настоящий шедевр.

– Иногда мы действительно кое-что упрощаем, даем возможность слегка отступить от оригинального звучания, но в этой кажущейся простоте есть своя сложность и своя прелесть, которую улавливает зритель. В нашем репертуаре есть такая песня Евгения Щекалёва и Алесандра Дармастука «Колокола», – рассказывает Гапоненко. – Помню, когда мы спели её в первый раз, Николай Васильевич не усидел на месте, встал, аплодировал, кричал «бис». На глазах у него были слёзы. Я сам этого не видел, поскольку, как дирижёр, стою к залу спиной, а ребята мне говорили: «У ректора слеза, слеза по щеке». Значит, ему понравилось. Потом услышали его голос: «Ещё раз, прошу. Пожалуйста, ещё».

Такое эмоциональное состояние под воздействием музыки или песни называется «катарсис» – в буквальном смысле «пере-

рождение души», сильнейший эмоциональный всплеск. Это говорит о том, что Николай Васильевич был человеком тонкой душевной организации, обладал обострённым восприятием прекрасного, не стеснялся показывать к этому свое отношение, был естественным и открытым человеком.

Сам он, по его же признанию, петь не любил и не мог. Всегда в таких случаях оправдывался: «Мне медведь на ухо наступил». Хотя, говорят, в школе был активным участником художественной самодеятельности. Но песни очень любил. Слушал всегда с большим удовольствием, старался не пропускать выступления студенческого хора, особенно если концерт проходил на университетской сцене. Не скрывая, восхищался мастерством и вокальными данными ребят, но иногда не стеснялся даже что-то подсказывать: вот здесь можно такую ноту взять, а тут бы вот такой переход подошёл. Самое любопытное заключалось в том, что нередко с ним соглашались. И это было вовсе не потому что он начальник и надо ему угодить, а потому что подсказка оказывалась по делу, она улучшала звучание мелодии.

– Когда Парахин возглавил институт, – продолжает Гапоненко, – многие сразу поняли: к нам пришёл крепкий руководитель с далеко идущими планами. Азартный, если можно употребить здесь такое слово, амбициозный, конкретный. Ярко выраженный лидер, который этого лидерства уступать едва ли захочет. Для этого у него есть всё необходимое: воля, характер, знания. Николай Васильевич хотел, чтобы у нас всё было самое лучшее: наука, образование, оснащение лабораторий и кабинетов. И спорт, и условия для молодёжи. Не стал исключением и студенческий хор.

Когда окрепли, сформировали репертуар, получили определённое признание, стали выезжать с концертами и по области, и в другие города, например в Москву, участвовали в праздничных и юбилейных мероприятиях, конкурсах, фестивалях. Николай Васильевич, разумеется, с нами не выезжал, такое случалось, но редко. Он, может быть, и хотел, но в силу его исключительной занятости сделать это было весьма проблематично. Однако на всех итоговых, или, как мы говорим, ответственных концертах, непременно присутствовал, сидел в зрительном зале. Я не помню такого случая, чтобы он по какой-то причине не пришёл, для него этот вопрос не стоял.

Владимир Гапоненко вспоминает, как в 2013 году в Саратове проходил первый всероссийский студенческий фестиваль песенного искусства сельскохозяйственных вузов, которому организаторы дали красивое название «Весна на Волге». Всего приехало 42 коллектива, больше тысячи человек.

– Мы ждали и готовились, – говорит он. – Выступить на каком-нибудь среднем уровне никак не могли. Нас бы просто не поняли ни ректор, никто. Да и сами мы к тому времени уже привыкли к тому, что способны на многое, есть свой творческий почерк, есть достижения. В Саратове провели незабываемые дни. В областном театре оперы и балета исполняли свои коронные «Колокола». Зал встретил наше выступление овациями, заместитель губернатора области лично приветствовал. После этого на сцену вышел ректор Саратовского аграрного университета Кузнецов, он был очень вдохновлён нашим выступлением. «Неприменно позвоню Парахину, скажу спасибо. Это ж, какие молодцы, какие голоса, какие таланты!»

Когда мы вернулись в Орёл, нас прямо у входа в главный корпус встречал Николай Васильевич. Каждого обнял, расцеловал, не скрывал слов благодарности за выступление. Показали себя, как говорится, во всей красе, поддержали высокую репутацию Орловского аграрного университета. Он это очень ценил.

Потом были поездки в Москву, в мае 2015 года выступали на таком же фестивале в Тимирязевской академии. Как бы принимаемая эстафету от Саратова, этот фестиваль называли «Весна на берегах Москвы-реки». Участников было еще больше – 50 студенческих коллективов.

Ждём, готовимся. Скоро наша очередь выходить на сцену, вдруг звонок на мой мобильный телефон. Слышу в трубке голос Николая Васильевича: «Володь (он в обычном разговоре или когда звонил по телефону, всегда обращался ко мне именно так – «Володь»), не начинайте без меня». Подхожу к жюри, объясняю, мол, так и так, нельзя ли нас немного передвинуть, чтобы мы могли выступить в присутствии ректора. Он в дороге, скоро будет. Хорошо, без проблем, сказали нам, сообщите, когда нужно выходить.

Исполнялось, согласно условиям, одно произведение, одна песня. У нас в репертуаре были те же «Колокола». Зал принимал очень тепло, буквально звучали овации.

После выступления вышли в фойе, построились так, как стояли на сцене. Николай Васильевич пришёл к нам, обнял каждого, потом встал на колени, слезы у него на щеках. А вокруг, вы только представьте себе, масса людей: ректоры, проректоры, руководители делегаций. Ему это было неважно. Вот таким, казалось бы, невероятным, необычным способом он благодарил всех своих воспитанников за высокое исполнительское мастерство, за душевность и преданность песне.

А потом в театре Надежды Кадышевой состоялся гала-концерт лауреатов и победителей фестиваля. Хор Орловского аграрного университета выступил первым. В его исполнении прозвучала песня «Хлеб – всему голова». Утверждают, что наряду с «Колоколами» Николай Васильевич Парахин очень любил эту песню, считал её чуть ли не гимном университета, своеобразной визитной карточкой студенческого хора. Как знать, может быть, слушая её, он мысленно возвращался в своё не слишком радостное детство, наполненное трудами. Вспоминал родную деревню, и всё, что связано с ней, что дорого сердцу: родителей, братьев и сестёр, замечательных своих земляков, простых и неприятельных тружеников, которые всю жизнь выращивали на полях главное богатство – ржаной и пшеничный хлеб.

На университетском отчётном концерте песню «Хлеб – всему голова» хор исполнял трижды. На бис. Люди аплодировали стоя, многие не сдерживали слёз.

К сожалению, за год до этого Николай Васильевич Парахин покинул этот мир, тогда отчётный концерт не состоялся. В университете скопилось много работы, предстояла аттестация преподавательских кадров, и ректор попросил перенести выступление. Но при нём студенческий хор уже больше не выступил.

Тем не менее жизнь продолжается, традиции университета, заложенные во многом благодаря Парахину, живут, получают развитие. Хор стал известным, востребованным коллективом. С концертами объездили все районы Орловской области: Мценск, Колпну, Малоархангельск, Болхов, Залегощь... Недавно со своей танцевальной и песенной программой участвовали в праздновании 100-летнего юбилея племзавода «Сергиевский», что в Ливенском районе. Это хозяйство возглавляет выпускник аграрного университета Дмитрий Кожухов. Все наши выступления делаются бесплатно, на благотворительной основе. Это было непреложным условием, которое сформулировал Николай Васильевич Парахин. Он считал, что дарить людям радость за деньги неправильно. Тем более когда речь идёт о тех, кто работает на земле, выращивает хлеб. Университетских артистов очень любят, ждут и каждый раз принимают с неизменной душевной теплотой.

| Выявить таланты

– Сегодня в различных студиях и кружках молодёжного центра, – продолжает свой рассказ Нина Анатольевна Первых, – на регулярной основе занимаются не менее 250 наших студентов. Только в одном студенческом хоре таковых около 60 человек. Примерно столько же в студии исторического танца. И здесь хотелось бы отметить одну такую особенность: ребята в силу некой природной застенчивости не очень охотно записываются в кружки художественной самодеятельности, а вот в студию исторического танца, наоборот, идут с желанием. Парней здесь не меньше, чем девушек. Ребята надевают старинные фраки и с удовольствием разучивают и показывают на концертах танцевальные номера,

которые были модными и пользовались успехом в XVIII – XIX веках, во времена Ивана Сергеевича Тургенева, нашего знаменитого земляка.

На «Исторический бал» – так называлась специальная программа, посвящённая русскому танцу – прошлой осенью приезжали гости из Калуги, Липецка, Брянска. Это были представители даже не вузовских, а городских коллективов, которые с удовольствием приняли приглашение Орловского аграрного университета и участвовали в программе. В Орле есть группа «Династия», которая также культивирует исторические танцы, а больше ничего подобного не замечено ни в других вузах города, ни в соседних регионах. Хотя это замечательная во всех смыслах идея и отличное занятие для молодёжи. Прекрасно, когда молодой человек 18–20 лет умеет красиво танцевать не только вальс, но ещё и полонез, мазурку, кадрили и другие танцы. Это же наша культура, история страны и замечательные традиции ушедших поколений, которые удаётся сохранить в современную эпоху.

На танцполе, так же как и в актовом зале проходят мероприятия как университетского плана, например посвящение в студенты, день студента, Новый год, 8 Марта, так и общегородские. Не остаются в стороне и областные службы и ведомства, которые с удовольствием проводят в университете различные конференции, заседания, посвящённые образовательным и аграрным вопросам, научно-технические и экологические семинары с участием учёных, практиков, руководителей департаментов и управлений и даже первых лиц региона.

На одно из таких мероприятий прибыл действующий губернатор Андрей Евгеньевич Клычков. Речь шла о работе университетского поискового отряда, который провёл успешный сезон на Кривцовских высотах в Болховском районе. Здесь были подняты останки свыше тысячи воинов Красной армии, погибших в боях на этом пятачке в 1942–1943 годах. Одного из бойцов опознали по сохранившемуся полуистлевшему медальону. В ходе мероприятия останки погибшего воина в торжественной обстановке были отправлены на его родину, в Новосибирскую область, его родственникам, которых удалось найти.

Мне было интересно: а как происходит отбор или привлечение новичков в творческие студии?

– На этот счёт, – поясняет Нина Анатольевна, – у нас уже сложилась традиция: как только в студенческую семью вливаются первокурсники, даём две недели, чтобы присмотрелись, обвыкли, почувствовали себя полноправными членами коллектива. И потом по факультетам, по группам проводим некое прослушивание, смотр талантов и способностей вновь прибывшей в университет молодёжи. Одновременно с этим рассказываем о культурных традициях вуза, проводим запись в кружки и в хоровую студию. Обязательно на таких просмотрах бывают руководители всех студий, каждый из них представляет своё направление. С фотографиями, отзывами, рассказывает об участии студийных артистов в различных мероприятиях, концертных программах. Таким образом выявляем желающих записаться и приступить к занятиям.

Что касается университетского хора, то здесь всё решает, конечно, его руководитель и дирижёр Владимир Григорьевич Гапоненко. У него своя методика отбора, впрочем, ничего сверхъестественного и секретного в ней нет. Просто через пение пропускает в буквальном смысле всех новичков, поскольку только ему известно, какой голос или тембр подходит для исполнительского коллектива.

– Удивительное дело, – будто вспомнив о чём-то очень важном, говорит директор молодёжного центра. – Здесь, в университете, я работаю уже 35 лет, а пролетели они, как один день. Когда смотрю на сегодняшних руководителей районов, руководителей хозяйств, крупных компаний и холдингов, ловлю себя на мысли: а ведь это всё наши выпускники. Выросли, возмужали, стали солидными людьми. Виктор Громов в Колпнянском районе, Владимир Марахин в Долгом, Олег Тимохин в Орловском районе, Николай Тураев в Нарышкино... Что уж говорить о главных специалистах, в том числе областного, районного уровня, фермерах. Только в одной нашей области их многие сотни. И все они прошли школу Парахина, не только учились по его учебникам и методичкам, набирались практики в учебном хозяйстве. Они брали с него пример, как строить свою жизнь, какие выбирать приоритеты, как относиться к земле. Это большая наука, и не всегда она прописана даже в обширных университетских программах.

Земляки

Интересна и сама история закрепления Нины Анатольевны Первых в аграрном университете.

– В этом вузе я не училась, – поясняет она, – закончила факультет иностранных языков Орловского государственного пединститута, сегодняшний ОГУ имени Ивана Сергеевича Тургенева. Было это в 1982 году. Оказалось, что мы с Николаем Васильевичем земляки, родились в одной местности. Он, как известно, родом из деревни Бобылёвки, которая входила тогда в состав Новодеревеньковского, а сейчас относится к Краснозоренскому району. А я родилась в самом посёлке Красная Заря. Так вот, после учёбы я долгое время работала в аграрном университете, тогда ещё в СХИ, на кафедре иностранных языков. Николай Васильевич знал, откуда я родом. Мы были с ним знакомы. И он в разговорах как-то так ненавязчиво, но не отпуская эту тему, предлагал мне защититься, причём на экономическом факультете. Не раз повторял, что знание английского языка это хорошо, но учёный-экономист с инязовским образованием гораздо лучше. В конечном итоге так и получилось, и я очень ему благодарна за это. Он сумел меня убедить и направил на путь, о котором я даже не думала. От его аргументов веяло такой уверенностью, как-будто всё уже в твоей жизни и в твоей карьере произошло: ты на новом месте, в новой должности, и у тебя всё уже получается.

В моём случае (и для меня это до сих пор удивительно) вышло так, как он говорил. Сначала прошла дополнительное обучение на экономфаке, потом защитила кандидатскую диссертацию. Где-то через месяц после защиты (я только-только отвезла документы в ВАК на утверждение) Парахин меня вызывает и задаёт вопрос:

– Ну что, Нина Анатольевна, как настроение?

Да, нормальное, отвечаю, настроение, ещё никак не могу прийти в себя после защиты. Уж больно всё как-то стремительно происходит в моей жизни. Он успокаивает, мол, ничего, это пройдёт. А вас, чтобы не слишком переживали о том, чего уже добились, предложено назначить проректором по международным связям и воспитательной работе со студентами.

Я собираюсь с мыслями, чтобы возразить, мол, какой проректор, какие международные связи: ни опыта соответствующего, ни специальных знаний у меня пока нет, но он упредил меня.

– Отказы не принимаются, вопрос решённый. Знания и опыт приходят с работой. Готовьте предложения и план мероприятий на ближайшие месяцы.

У него был не просто аналитический склад ума. Порой казалось, что он видит на три шага вперёд, как-будто предугадывает события. Этой его особенностью удивлялись многие. Наверное, во всём этом сказывался и накопленный опыт, и умение систематизировать явления и тенденции, происходящие в жизни. Ну и может быть, некое внутреннее чутьё.

– Была у него ещё одна черта, – замечает Нина Анатольевна, – может быть, не самая лучшая, но характерная для людей такого плана – он был достаточно прямолинейным человеком. О таких говорят: что думает, то и выдаёт. И это подчас мешало, могло иметь неприятные последствия. Но это мой вывод, моё мнение, я не могу выдавать его за истину в последней инстанции. Однажды было выступление Николая Васильевича на одной из конференций с участием больших людей из науки и правительства. На другой день телефоны в его кабинете в буквальном смысле кипели от звонков. Его упрекали, ругали, возмущались, дескать, кто тебе позволил, как ты мог и что ты хотел этим добиться? А была всего лишь, рассказывал он, брошена фраза, что в одном из направлений аграрной реформы мы взяли не тот вектор и правительству надо бы это исправить. В подтверждение своего тезиса Николай Васильевич пригласил участников собрания приехать к нам, в Орловскую область, и самим убедиться в справедливости его выводов.

Кто-то из присутствовавших в зале посчитал его слова в адрес правительства не теми, которые следует говорить с трибуны, и которые, наверное, от него хотели услышать. Но он не стал играть в дипломатию, а потому сказал всё как есть, как считал правильным в той ситуации.

Любил делать нестандартные вещи. Не шёл по открытой, уже проторенной дороге, а выбирал свой маршрут, который в итоге оказывался настолько тернистым, настолько тяжёлым, что порой диву давались: зачем ему всё это нужно? Неужто нельзя как-нибудь попроще, поспокойнее, без надрыва и вечных проблем?

Но, видимо, для него это было неприемлемо, это был его выбор, его путь. И по-другому он не хотел и не мог.

Отношение к своим землякам, одноклассникам, ученикам и учителям сельских школ, в которых ему довелось учиться, да и в ко всем, кто проживал в Бобылёвке и окрестных деревнях, у него было особенное. Очень душевное, трогательное. Приезжая на родину, всегда старался хоть чем-то помочь. Но делал это весьма аккуратно, чтобы не обидеть, не выставить себя, свою значимость, мол, смотрите, какой я теперь. Этого не было, он этого не любил. В любой ситуации оставался обыкновенным, простым человеком, который прекрасно понимает тех, с кем он ходил в школу, рос, набирался ума. А иначе как? Ведь у его земляков свои понятия о правде жизни. Например, соседи не поймут, если, приехав в деревню, он не зайдёт к ним на обед. «Зазнался, – скажут. – Побрезговал нашей яичницей на шкварках».

– Я уже работала бухгалтером колхоза им. Свердлова, он приехал к нам на практику, – рассказывает одна из одноклассниц Николая Васильевича – Нина Александровна Гурова. – Вспоминали, не могли наговориться. Связывало многое: наши любимые деревни – Бобылёвка, Щербачи, Протасово, любимые темы – школа, наши мечты о том, что мы, молодые специалисты, можем сделать для наших деревень, наших жителей. Он всегда с необыкновенной теплотой говорил о Василии Дмитриевиче Евтееве, которого, к сожалению, уже давно нет в живых. Это в нашей деревне был конюх, на тот момент в колхозе было никак не меньше 50 лошадей, целый конный двор. И вот Василий Дмитриевич укутывал в тулуп Николая Парахина, когда он приезжал в деревню зимой, и вёз на самой надёжной лошади на железнодорожный вокзал, к поезду. А это немалый путь – целых 22 километра. Поезд ходил один раз в сутки, автобусов вообще не было. Были случаи, когда это расстояние наши люди проходили пешком. А тут Василий Дмитриевич, добрая душа. Как его не вспомнить?

Когда узнали, что Николай Васильевич возвращается в Орёл уже в качестве ректора аграрного государственного университета, обсуждали эту новость, радовались. Однако ни у кого из нас, знавших его, друживших с ним, не было мысли, чтобы пристроить кого-либо из своих детей, родственников через ректора-земляка на учёбу. Просто мы гордились тем, что наш деревен-

ский парень из простой семьи, возглавил одно из престижных учебных заведений в областном центре. Он как бы стал нам ближе, и гордость за земляка, за его успехи переполняла душу.

Когда встречались на днях выпускников школы, всегда вели разговоры о самом обычном: кто как живёт, где работает, как устроился, есть ли семья, дети. То есть высокие материи не затрагивали, потому что нам интересна была не жизнь вообще, как большое понятие, философское, что ли, а наша, земная, обычная человеческая жизнь, которой живёт сельский человек.

Николай Васильевич никогда не приезжал на встречи с пустыми руками. Обязательно школе – подарки: волейбольные и футбольные мячи, книги, учебники, на общий стол – фрукты и овощи, много всего, чтобы хватило всем.

Он был удивительно пунктуальным человеком, но однажды не рассчитал и опоздал на встречу минут на 20. Все мы, кто его ждал, очень переживали и то и дело смотрели на дорогу. Волновались: не случилось ли что? В то время ещё не было сотовых телефонов, так что позвонить и выяснить, где он в данный момент, возможности не было. И как же все обрадовались, когда, подкатила машина и вышел Николай Васильевич с целой охапкой цветов, с каждым поздоровался, каждого обнял.

В своё время открыли в Протасово дом ветеранов. Я в тот момент работала главой сельской администрации. В разговоре с Николаем Васильевичем обмолвилась, мол, неплохо бы посадить хотя бы небольшой сад возле дома ветеранов. Людям приятно: весной деревца будут цвести, потом появятся яблоки, груши, вишни.

Через некоторое время, ничего никому не сказав, Николай Васильевич прислал к нам машину с саженцами фруктовых деревьев.

Когда мы праздновали дни района, каждое поселение выставило своё подворье и я всегда пекла домашний хлеб и делала домашнюю сметану. Это пришло из детства, от наших родителей. Такие вкусные вещи сейчас не делают, а в магазинах их не купишь. Николай Васильевич непременно приезжал на такие мероприятия, на нашем подворье задерживался подольше и всегда говорил: «Дороже и вкуснее этого хлебного ломтика на свете нет ничего. Он даже пахнет нашей деревней».

Эта привычка помогать другим в трудных жизненных ситуа-

циях прошла с ним через всю жизнь. Он перечислял деньги во время трагических событий в стране, находил время ответить на письмо, на звонок. К нему на приём шли люди со своими бедами. Он никому не отказал, если была реальная возможность помочь. Говорить об этом не любил, потому что делал всё не для красного словца или благодарности. Он просто этим жил.

Ко всему прочему, и это отмечают все, кто знал Парахина, он был великим патриотом своей страны, нашей России. Для него Россия начиналась, прежде всего, с малой родины, с той деревни, в которой он вырос, где узнал всю прелесть и всю тяжесть простого крестьянского труда.

– В Бобылёвку, когда ещё деревня была жива, в Протасово и вообще в те края, где Николай Васильевич рос, в школу, где он учился, – вспоминает Николай Николаевич Лысенко, – мы вместе с ним ездили не один раз. В основном помогали обрезать деревья в школьном саду. Сами ребята и учителя делать это не могли, поскольку не имели необходимых навыков, а сад был действительно очень хороший, хотя уже и немолодой. Но жалко было его потерять: для школьников, для деревни он многое значил. «С этим садом для нескольких поколений моих земляков, кто родился и вырос в здешних местах, связано не только школьное детство, но и целая жизнь, – объяснял Николай Васильевич свою привязанность к этим плодоносящим деревьям. – Они и радовали нас, когда цвели по весне, и кормили тем, что созрело на ветках. Вкус этих яблок, груш, вишен ни с чем не сравнить и забыть невозможно».

Он очень трепетно относился ко всему, что было связано с детством: к своим одноклассникам, односельчанам, жителям соседних деревень, даже которых не знал. Если при встрече оказывалось, что человек из его родных мест, радовался как ребёнок, ментально заводил разговор, подробно расспрашивал, откуда конкретно, из чьей семьи. Многих жителей тех мест знал по именам, фамилиям, прозвищам, которые в деревне всегда были неотъемлемой частью человеческого бытия. Наверное, как никто другой, он чтит свои корни, которые питали его живительным соком благословенной родной земли.

Глава 15.

ЧЬЁ ИМЯ У ПАРКА

| Корни преткновения

Среди невероятного множества самых разнообразных дел, начинаний и проектов, которые принадлежат Николаю Васильевичу Парахину и в которых непосредственным образом он принимал участие, история создания университетского парка, пожалуй, стоит особняком. Она не просто интересна, а во многом и поучительна.

То, что на территории, где возвели главные университетские корпуса, не могут расти никакие деревья, рассказывали многие. Объяснение было простым: земля здесь поганая, бедная минералами, культурным растениям из неё и взять-то нечего. По преданию, тут когда-то было то ли цыганское стойбище, то ли ещё что-то такое в этом роде. В народе это место называли Ведьмино поле или Ведьмин пустырь, по всей вероятности, по причине того, что здесь, кроме бурьяна, действительно мало что приживается. Деревья сажать всё же пробовали, но они часто болели и, в конце концов, погибали.

Когда Николай Васильевич вернулся из Москвы и снова возглавил сельскохозяйственный институт, посадки возобновились. Разговоры о том, что здесь ничего не вырастет, он всерьёз не воспринимал, считал, что это не более чем народное творчество, домыслы несведущих людей. «Мы здесь не просто деревья посадим, а разобьём настоящий парк, которому многие будут завидовать, – заявил он. – А насчёт бесплодного места... Что же мы за учёные такие, если не сумеем обустроить и озеленить такой малый клочок земли?! Грош нам будет цена!»

И он с присущей ему решительностью взялся за дело.

– Первые посадки в будущем парке были сделаны в 1995 году, – рассказывает заведующий кафедрой ландшафтной архитектуры

ОГАУ профессор Алексей Иванович Ковешников. – На следующий год этим занимались уже вплотную, очень активно. Начинали высаживать прямоугольные участки напротив здания ректората, привезли сюда для посадки уникальные, элитные сорта растений. И не один десяток. Были уверены: всё получится, не может быть, чтобы у Парахина не получилось! Он лично следил и лично планировал, где и какие деревья сажать.

Но случилось невероятное: проходит год, другой – деревья не растут, начинают сохнуть. Практически все. Стали смотреть, проверять состояние корней, лунки, в которые размещали деревца. И удивились: в них под верхним слоем земли обнаружили то, чего там никак не могло находиться – на глубине 50–70 сантиметров лежал разный строительный мусор, щебень, арматура, бетонные плиты, которые накапливались здесь по ходу строительных работ. Стройка на этом месте растянулась на много лет, всякий раз возобновляя её, строители насыпали щебень, укладывали плиты, чтобы проехал транспорт, подвозивший стройматериалы, технику, оборудование и так далее. Площадку неоднократно выровняли, подсыпали землю, так что со временем она скрыла весь мусор и настилы из плит.

Таким образом, большинство высаженных деревьев, имея так называемые стержневые корни (они есть, к примеру, у сосен, у дуба красного), упираясь в преграду и не имея возможности проходить дальше вниз, оказывались в западне.

Когда картина случившегося стала понятной, кажется, больше всех расстроился ректор. Надо было всё разбирать, расчищать, начинать сначала. Узнав об этом, он даже изменился в лице:

– Такую колоссальную работу проделали! Неужели всё насмарку?

Пришлось нанимать экскаватор, поднимать и увозить плиты, арматуру, прочий строительный мусор, сгребать землю, поскольку даже сорняку не по зубам, не по корням такая почва. Участки, предназначенные для посадки деревьев, привели в порядок, рекультивировали, завезли сюда свежий грунт.

Несколько дней ректор ходил сам не свой, сокрушался, глядя, как гибнут под ковшом экскаватора плоды уже выполненной работы.

– Николай Васильевич, да не переживайте вы так, – успокаива-

ли его коллеги. – Расчистим территорию, посадим новые деревья. Не велика беда.

Он качал головой, отмахивался.

– Это я виноват, не нужно меня жалеть, – бросал в ответ. – Моя ошибка. Понадеялся, что тут всё в ажуре, полный порядок. А надо было первым делом проверить грунт, изучить и обследовать весь участок. Вот теперь все должны расхлёбывать мою глупость.

| Лангуты, чёрная сосна и другие

– Мой приход в институт, – продолжает рассказ профессор Ковешников, – начался с организации кафедры. Именно новой кафедре, по задумке Парахина, предстояло взять на себя выполнение основной задачи по формированию парковой зоны. Николай Васильевич деятельно в этом участвовал, помогал советами, наработкой материала, подсказывал, куда лучше позвонить, с кем связаться. Одним словом, определил то направление, которое нужно было наполнить содержанием. Сначала это направление получило название садово-парковое строительство, а затем, по мере расширения и уточнения задач, стало называться ландшафтной архитектурой.

Параллельно с формированием кафедры сделали наброски будущего парка, составили предварительный план, как всё должно выглядеть, где что необходимо разместить. Нарисовали будущие аллеи, основные дорожки, поляны, цветочные клумбы. Определили, где разместятся питомник для выращивания саженцев, опытное поле, которое тоже необходимо иметь. Короче говоря, попробовали представить на рисунке образ будущего университетского парка с развитием на перспективу.

Тут же встал вопрос, где брать посадочный материал. Нужны были саженцы не абы какие вообще, а те, что наметили по плану. Приступили к поискам. Обращались по разным адресам, ездили в Мещёры – известный лесопитомник в Липецкой области, старый, элитный. В нём ещё академик Арцибашев в своё время работал. Договаривались, выбирали, привозили первые образцы посадочного материала.

Посадки деревьев старались организовать так, чтобы они не

выглядели рутинной работой. В первую очередь привлекали, конечно, студентов. Это была одновременно и учёба, и полезная практика. Николай Васильевич лично приходил смотреть, как выкопали ямки, какой глубины, какой ширины. Мелочь, казалось бы, но иногда от мелочей зависит успех всего дела. Преподобных ошибок никто допускать не хотел. Надо, чтобы саженцы чувствовали себя в своём гнезде комфортно, чтобы корни не заплетались, не упирались в бетонное дно, а земля была рыхлой и влажной.

Хороший, с перегноем грунт привозили из учхоза «Лавровский», заполняли им приготовленные лунки и только после этого в них размещали саженцы.

Работа была кропотливая, но гнать никто не гнал, поскольку задача стояла одна – не просто посадить деревья, а заложить парк, который будет украшать эту территорию долгие годы.

Николай Васильевич очень хотел иметь в парке, как он сам выражался, эксклюзивные сорта. Например, красу и гордость Сибири – лиственницу: у него к этому дереву было особое отношение. По всей вероятности, он планировал сделать нечто похожее на знаменитую лиственничную аллею в Тимирязевке.

В числе эксклюзивных на тот момент деревьев были колонновидные и шаровидные туи, золотистые и серебристые сорта деревьев, плакучие ивы. Высаживались и привычные сорта, распространённые в средней полосе: сосна обычная, сосна Веймутова серебристого цвета, с тонкими маленькими голубоватого цвета иголками. Сосна, затем ель и лиственница пошли на так называемые стратегические аллеи. Этот термин я услышал непосредственно от Николая Васильевича.

Разумеется, в составе такой аллеи не только одна лиственница. Высаживали и ясень, и клён остролистный. Есть довольно редкие, можно сказать, экзотические экземпляры – та же чёрная сосна. Кусты акации, спирея (этого растения десятки, даже сотни сортов) хорошо поддаются стрижке, красиво цветут. Прижились лангуты, кизильник блестящий, из которого удобно делать живые изгороди, голубой колонновидный можжевельник и целый ряд других.

О некоторых деревьях хочу сказать особо. К сожалению, в настоящий момент с ясенем в нашем городе, в том числе и в нашем парке, дела обстоят не лучшим образом. Его придётся ликвидировать, поскольку произошло поражение этого вида тонкотелой

изумрудной златкой – беспощадным жучком с изумительно красивым названием, который уничтожает взрослые деревья, парализуя слои, по которому проходит сокодвижение.

Много было высажено каштанов, которые хорошо прижились и первые годы чувствовали себя превосходно. Но, к сожалению, каштан тоже сейчас поражён – минирующей молью, чернеет, засыхает. Особенно это бросается в глаза на городских улицах в Орле и других местах. Спасти удивительно красивые опрятные каштановые посадки можно. Есть, к примеру, биологический метод борьбы – наши соседи и коллеги брянские учёные вывели такую муху, которая поедает личинки минирующей моли. Но пока всё происходит локально, на уровне научного эксперимента. В промышленном масштабе метод до настоящего момента не используется.

Всего в университетском парке около пятисот видов и сортов растений. Сегодня он занимает общую территорию, равную тридцати гектарам, что для парка не так уж и мало. Есть ещё небольшие резервные площади, поскольку работа по формированию парковой зоны продолжается.

Не все деревья, как это было на первых порах, приобретены в Липецке. Многие сорта привезены из других мест, из парковых и садовых питомников. Было бы наивно говорить, что и тогда, в первые годы, и сейчас всё, что высажено, успешно проходит адаптацию, приживается. Два-три десятка так или иначе из-за морозов, ледяных ветров, летней жары или других причин пропадало, но постоянно шло обновление. Николай Васильевич за этим следил. Каждый год составлялся отдельный план по содержанию и развитию парка, на 150–200 тысяч рублей закупалось только деревьев. Для цветов бюджет был отдельным. Ректор не позволял никому расслабляться, всегда говорил: «Нужны такие-то деревья? Поезжайте, ищите. Парк не должен страдать по причине нашей неповоротливости». Привозили саженцы рябины, ивы плакучей, прочих видов.

В так называемых стратегических посадках ректор принимал участие лично. Он любил работать, когда все вместе – студенты, преподаватели, аспиранты. Не ради массовости, конечно. Важно было работу выполнить быстро, в срок, не растягивая во времени. А его присутствие придавало любому процессу динамику и порядок.

| Сотворить красоту

– Обычно я приезжал в институт пораньше, есть у меня такая привычка, – признается Алексей Иванович. – Пока есть время можно обойти территорию парка, посмотреть, что где и как, определить участки для предстоящей работы, наметить для себя некий план. Надо было буквально каждое деревце осмотреть, где подлечить, где провести санитарную обрезку, где формирующую. И очень быстро понял, что в этом деле у меня есть сподвижник. Николай Васильевич, оказывается, тоже страдал качеством «ранней пташки». Случалось, обхожу тот или иной участок, вдруг вижу: кто-то выбирается из-за ёлок. Удивлённо смотрю на него, дескать, что тут делает ректор в столь ранний час? А делает он то же самое, что и я: осматривает посадки, что-то для себя помечает.

Потом частенько мы с ним вместе и совершали этот утренний обход и осмотр. Он делал это, конечно же, не ради прихоти. Просто иначе не мог, поскольку переживал, душой болел за судьбу этого, как теперь говорят, проекта. Хотел, чтобы парк состоялся, был здоровым, интересным во всех отношениях.

Поначалу многие люди, приходившие посмотреть, что тут делается, сокрушались: «Ой, да когда это вырастет?! Сколько лет надо ждать!» А мы, улыбаясь, отвечали: «Не волнуйтесь. И не заметите, как всё зашумит, поднимется в высоту, и вы ещё погуляете здесь со своими детьми и внуками. Мы далеко не все цветы и деревья здесь посадили».

Красный дуб, который произрастает в основном в Канаде, вырастили здесь из семян желудей. Растеньица прижились, потом разводили и доразвивали их в питомнике, который был заложен в одном из уголков парковой зоны, сделали маточник. В настоящее время этот вид успешно развивается. Тогда он только-только пошёл, а сейчас это одно из наиболее приоритетных растений, которым можно, кстати, озеленять улицы Орла и других городов. Собственно, эта история уже началась: красный дуб вышел за пределы университетской территории. Осенью вместе со специалистами общества охраны природы в парке Победы было высажено около 200 саженцев этого растения.

На одном из заседаний совета ректоров Алексей Ковешников говорил о проблемах зелёных насаждений в городской черте и состоянии центрального городского парка. Здесь всё очень не просто, потому что парк запущен, многие деревья болеют и, чтобы ситуацию исправить, необходима специальная программа, серьёзное обследование с участием экспертов, учёных-биологов. В этом плане опыт закладки, формирования и поддержания парковой зоны ОГАУ может быть очень полезен.

Кстати, в университетском парке на этот счёт ситуация совсем другая. На каждое дерево с момента посадки заводится паспорт. Здесь проходят практические занятия студентов, на которых ребята изучают особенности того или иного вида, делают замеры ширины, высоты, диаметра ствола. Определяют лидирующие ветки, обрастающие ветки, подсчитывают, сколько имеется листопадных веток, какова густота хвои на ёлках и соснах и от каких природных и генетических факторов она зависит, какое количество древесного мусора образует то или иное дерево и прочие характеристики. То есть, помимо своей природной эстетической красоты, парк имеет и чисто прикладное, практическое значение в образовательном процессе.

Академик Юрий Федорович Лачуга вспоминал:

– В один из моих приездов в Орёл стоим мы с Парахиным у первого ряда маленьких, только что посаженных деревцов. Он размышляет. «Веришь, я постоянно думаю, как лучше всё здесь устроить, как сделать так, чтобы получились красивые аллеи, по которым молодые мамы будут гулять с колясками со своими маленькими детьми. Чтобы было удобно и в то же время эстетично, красиво». В этом месте, показывая он, должен быть розарий и много цветов, разных, приятных, чтоб радовали глаз. Тут сделаем клумбы, в этом месте заложим питомник.

Он говорил об этом неформально, с искренним чувством и огромным настроением на то, чтобы такая красота состоялась и все намеченное было непременно реализовано. У него во всём был такой подход – обстоятельный, деловой, настоящий. Этот подход помог ему сформироваться как личности. Цельной, неординарной, умеющей убеждать, организовать, поставить задачу и сделать всё для её выполнения. Во что бы то ни стало, чего бы это ему ни стоило.

| АКАДЕМИК ПАРАХИН соль земли

Оригинальные «сюжеты» парковой зоны.

Я знал, как он работает, как много берёт на себя, вникает в каждую мелочь, переживает. Когда говорил ему по-дружески, чтобы попридержал коней, сбавил хотя бы слегка обороты, он только отмахивался. «Слушай, Юр, ты-то меня понимаешь, я же это делаю не для себя. Для людей. А людям не нравится, когда всё делается кое-как. И потом, не могу я никак по-другому. Не умею. Не научили». В этом был весь Парахин. Таким он останется в моём сердце.

| А кто-то втайне от всех...

Николай Васильевич очень любил цветы, всячески поощрял и способствовал, чтобы цветочные клумбы, разбитые перед университетом, буквально поражали разноцветьем, благоухали и радовали глаз.

Татьяна Ивановна Гуляева знает немало историй, связанных и с этими клумбами, и с самим парком.

– Первые клумбы, – рассказывает она, – начали делать напротив и по обеим сторонам от центрального входа. Посадили здесь 200 роз. На второй день пришли, смотрим и не верим своим глазам – роз на клумбах осталось ровно половина. Кто-то не поленился, основательно здесь «поработал». Привезли, посадили по новой, потому что Николай Васильевич распорядился: сажаем несмотря ни на что, и у нас здесь обязательно будут цветы. И обязательно розы.

Через несколько дней картина повторилась, но роз на клумбах осталось больше – 150. И так продолжалось до тех пор, пока цветы перестали трогать, оставили, как говорится, в покое.

Конечно, было обидно, что кто-то бессовестно обирает клумбы. За розы ведь платили деньги, их закупали в разных местах, в питомниках, привозили даже из других городов. Парахин не только обсуждал и советовал, где и что разместить, но лично участвовал в посадках. Ему это нравилось, человек этим жил, гордился и очень хотел, чтобы всё получилось.

Нечто похожее в какой-то момент происходило и в парке. Когда ёлки и сосны перестали сохнуть и прижились, это было воспринято как настоящая маленькая победа. Значит Ведьмино поле,

которое местные жители считали мёртвым и чуть ли не заколдованным местом, все-таки живое и доброе. И это лишний раз свидетельствует об одном – что человеческий разум вкупе с настойчивостью и упорством преодолеет любые препятствия, даже если они такие же, как бетонные плиты.

– Так вот, – продолжает Татьяна Ивановна, – однажды зимой начались проблемы: молоденькие ёлки и сосны стали исчезать. Кто-то их безжалостно срубал, спиливал. Выход нашли самый простой: начиная с 20 декабря и вплоть до Нового года ректор распорядился организовать в молодом, еще не окрепшем как следует, парке ночное дежурство преподавателей. По графику. С восьми часов вечера до девяти утра. Эта история продолжалась на протяжении нескольких лет, пока деревья не подросли и вокруг парка не поставили металлический забор.

Кстати, спиленные деревья, а их оказалось немало, вернее, остатки стволов с нижними ветками кто-то посоветовал Николаю Васильевичу не выкапывать и не убирать, а связать оставшиеся ветки в некий пучок наподобие шапки. Удивительно, но они пошли в рост, до сих пор украшают парк и даже придают ему своеобразный элемент экзотики.

– В один из таких зимних дней, – продолжает свой рассказ профессор Гуляева, – Николай Васильевич был в командировке, а я оставалась за него. Приближался Новый год. В парке, как обычно, дежурили. Утром, я ещё ни о чём не знаю, он уже мне звонит:

– Вот, опять недосмотрели, ёлку-то, ёлку спилили. Молодую. Нет ёлки...

– Да не может быть, – отвечаю ему. – Где? В каком месте?

Оказалось, где-то в дальнем углу парка, куда, может, дежуривший преподаватель и не дошёл, кто-то срубил бедное деревце.

Трудно описать словами, как он переживал. Нет, не ругал, не бросался словами. Просто на лице у него всё было написано. Эту срубленную ёлку в дальнем углу парка я помню до сих пор. И не столько само деревце жалко, сколько жалко было, что он так расстроился, буквально как ребёнок. Казалось бы, пустяк, ну посадим мы вместо этой ёлки другую, а он вот так болезненно к этому относился. За каждую мелочь переживал, за каждый посаженный куст и каждое дерево в парке. Но быстро брал себя в руки, сжи-

мал кулаки и принимал решение, что нужно сделать, чтобы исправить ситуацию.

Вдоль дорожек, которые ведут к главному корпусу, высаживали липы, берёзки. Утром, ещё до работы, он эти аллеи обходил, осматривал чуть ли не каждое деревце, и не дай бог, если где засохло, заболело. Немедленно собирал всех, кто отвечает за парк, ну и, как полагается, отпускал кренделей, так что мы готовы были тут же бежать с вёдрами, с водой поливать и приводить в чувство эти бедные деревца.

Надо сказать, что сама концепция парковой зоны сложилась у Николая Васильевича не сразу. Эта тема его серьёзным образом интересовала. Он изучал различные варианты, сравнивал, прикидывал территориальные возможности размещения университетского парка. Когда бывал за границей, в городах и различных учебных центрах, видел, как такие объекты выглядят там.

У нас в бытность Советского Союза была принята схема, при которой деревья высаживались рядами, аллеями. А он решил делать по-другому, используя вариант так называемых полянок. То есть размещать деревья не в линию, а в кружок: там три клёна, там три берёзки. Есть, конечно, и аллеи в парке, их достаточно много, они видны, но если походить по всей территории парковой зоны, то схема полянок станет очевидной.

Когда закладка парковой зоны была в основном закончена и деревья уже подросли, появилась идея на каждое дерево закрепить бирочку с номером и кратким описанием, откуда привезено, где выращено, когда посажено, чтобы любой желающий даже спустя много лет мог прочесть историю университетского парка. Сделать это Николай Васильевич, к сожалению, не успел, поэтому завершать начатую работу будет уже сегодняшнее поколение учёных и преподавателей аграрного университета.

– Работа по формированию парка продолжается и сейчас, – замечает Татьяна Ивановна. – Вся территорию парка распределили и закрепили за кафедрами, специальными машинами-косилками скашиваем и поддерживаем травяной покров на полянах, на газонах и по всей парковой зоне. Это приятно, поскольку тем самым сохраняется память об этом человеке. Заботимся и развиваем питомники, где подращиваем молодняк разных древесных сортов. К 200-летию юбилею нашего великого земляка –

писателя Ивана Сергеевича Тургенева университет выиграл грант на право посадки в Орле, в районе Тургеневского бережка, 200 молодых дубков. Вот эти красные дубки, высаженные здесь, выращены в нашем университетском питомнике. Это тоже память, продолжение того, о чём Николай Васильевич мечтал, что хотел воплотить уже в масштабах города. Приезжают к нам за саженцами из многих организаций. Можно было бы, конечно, организовать продажу: как-никак это продукция, в неё вложены деньги. Но в основном отпускаем деревца в качестве подарков, пусть растут, украшают нашу природу. И нам радость, и людям. Знаем, где ещё в пределах Орла необходимо осуществить посадки, постепенно будем это делать.

Главное здесь – передать любовь к живой природе, желание молодых – тех, кто идёт за нами, заботиться о ней. Наш парк – это действительно гордость университета. Сюда приходят люди со всего города, останавливаются свадебные кортежи, приезжают гости, восхищаются, завидуют. Здесь проходят научные конференции, семинары по вопросам ландшафтной тематики.

Никак не меньше 12 лет заняла полная работа по закладке парка и его формированию. Дальше – уход, забота, борьба с болезнями, обновление. У парка нет имени собственного, его называют просто – «университетский». Но есть и другое имя, негласное. Имя человека, который его создал.

ИЗ НАУЧНЫХ РАБОТ

2.7. ЧИНА

«Студент должен знать основные морфобиологические признаки чины, разновидности и сорта, уметь составлять технологическую схему возделывания данной культуры.»

Задания: 1. Описать морфологические особенности чины. 2. Дать характеристику подвидов чины посевной и ознакомиться с признаками разновидностей различных групп чины.

Материалы и оборудование: семена различных сортов чины; гербарий и сноповый материал; разборные доски.

Методические указания. Чина (Lathyrus L.) – род однолетних и многолетних растений, насчитывающий более 200 видов. В культуре встречается три вида однолетней чины: L. sativa – посевная; L. cicera – нутовая и L. tingitanus – танжерская. Могут быть введены в культуру также L. arhaca – чина безлисточковая, L. hirsutus –

чина песчаная и *L. pratensis* – чина многолетняя, луговая. Наибольшее значение имеет чина посевная.

Корневая система чины посевной стержневая, хорошо развитая. Азотфиксирующие клубеньки среднего размера. Стебель высотой от 25 до 100 см, четырёхгранный, лежащий, ветвящийся (в нижней части), уплощённый, с крыловидными придатками на двух противоположных рёбрах. Боковые ветви быстро обгоняют в росте основной стебель. Крыловидные придатки имеют и черенки листьев. Листья однопарноперистые, реже 2–4-парные, продолговато-ланцетовидные или ланцетные с ветвистым усиком. Цветки белые, синие или розовые, расположены по 1–2 на длинных цветоножках в пазухах листьев. Бобы двукрылые широколинейной или эллиптической формы, 2–4-семенные, нерастрескивающиеся.

Семена светло- или темноокрашенные (белые, серые или коричневые), клиновидные, плоскоклиновидные, плоские или округло-угловатые. По массе 1000 семян чину подразделяют на три группы: мелкосеменную, (50–150 г), среднесеменную (150–250 г) и крупнесеменную (250–600 г).

Подвиды и разновидности чины посевной.

В современной систематике Ф. Л. Залкиндр подразделяет чину посевную на два основных подвида: *ssp.europeus* – европейский и *ssp.asiaticum* – азиатский, отличающийся по некоторым признакам.

Возделываемые в России сорта чины посевной относятся к европейскому подвиду. В пределах этого подвида чину подразделяют на разновидности по форме семян (клиновидная, плоскоклиновидная, плоская), окраске и наличию рисунка (желтовато-бурая, желтая, зеленоватая, серая, коричневая, без рисунка или с рисунком) и крупности (крупные – масса 1000 шт. более 250 г, средние – 250–150 г и мелкие – менее 150 г).

Н. В. ПАРАХИН

«Практикум по растениеводству» (Допущено Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по агрономическим специальностям)

Такой каравай вызывает только одно – гордость!

Глава 16.

НА ПОЛЯХ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Назревший вопрос

Летом 1994 года Орловская область стала участником важного и во многом исторического проекта – начала кардинальных преобразований в аграрном секторе. Здесь наряду с несколькими другими регионами была запущена «Программа приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий», разработанная учёными Московского аграрного института Василием Якимовичем Узуном и Натальей Ивановной Шагайдой.

Реформы в стране назрели. Дальнейшее существование колхозно-совхозной системы в том виде, в каком она перешла в новую Россию, становилось невозможным. Рыночная экономика, о которой было заявлено с самых высоких трибун устами первых лиц государства, требовала утверждения иных правил игры, иных подходов и принципов в организации сельскохозяйственной отрасли.

Суть программы приватизации заключалась в передаче колхозной и совхозной земли в руки тех, кто её обрабатывал, то есть самих колхозников и рабочих совхозов. Основанием для передачи служили вышедшие к тому времени указы президента России и другие нормативные документы, регламентирующие порядок и процедуру передачи и закрепления земли в частную собственность. Таким образом, земля переставала быть «ничейной», поскольку тем же колхозам в своё время она передавалась по специальному государственному акту в «вечное пользование», при этом собственником земли в юридическом плане оставалось государство.

Орловская область стала участником так называемого пилот-

ного проекта. Помимо неё, реализация проекта проходила в Нижегородской, Ростовской, Волгоградской, Ленинградской, Кировской областях и Республике Калмыкии. Войти в число участников этого без преувеличения исторического проекта нашей области помог Егор Семёнович Строев, ставший к тому моменту у руля региональной власти. Его обращение к премьеру федерального правительства Виктору Степановичу Черномырдину не осталось без ответа – Орловскую область добавили в состав участников программы.

Сразу же встал вопрос: кто будет осуществлять реформу, какими силами и на какие средства? В качестве спонсора на тот момент выступил Всемирный банк в лице одного из своих структурных подразделений – Международной финансовой корпорации (МФК). Позднее к участию в программе подключились Министерство внешних экономических связей Великобритании и фирма ADAS Corporation, помогающие продвижению структурных преобразований во многих странах мира.

| Немного истории

Как известно, проведение любых реформ – дело непростое. А если говорить о земле – ещё, ко всему прочему, и чрезвычайно опасное. Повсюду, не только в России.

Из истории мы знаем, чем закончилось освобождение крестьян от крепостного права в 1861 году после манифеста царя Александра II. По царскому указу крестьянин вместе со свободой получал от помещика небольшой надел земли, чтобы прокормить себя и свою семью. Но сделать это оказалось весьма проблематично по той простой причине, что у крестьянина практически не было орудий труда. А чтобы их купить требовались средства, которых бывший крепостной народ не имел.

В итоге полученные земельные наделы крестьяне сдавали тому же помещику, сами же и работали на них и снова попадали в кабалу. Итогом неудавшейся земельной реформы, по мнению некоторых экономистов и историков, стали поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 годов, и Первая русская революция.

Новую попытку решить земельный вопрос в пользу крестьянства предпринял председатель правительства дореволюционной России Пётр Аркадьевич Столыпин, инициировавший в 1906 году выделение желающих из крестьянских общин и переезд в малонаселённые районы и местности, на так называемые хутора. Крестьяне получали солидный земельный надел, им выдавалась банковская ссуда на 20 лет на приобретение необходимых орудий труда для обработки земли, предоставлялись другие весьма существенные льготы.

Успех столыпинской реформы, несмотря на критику тогдашних национал-патриотов и некоторых революционно настроенных общественных организаций, был ошеломляющим. Россия за несколько лет резко нарастила производство зерна, масла, мёда, картофеля, многих других товаров, которые стали стремительно заполнять европейские рынки.

В 1911 году Пётр Столыпин был смертельно ранен во время посещения театра в Киеве студентом-боевиком Багровым.

Октябрьская революция, провозгласившая лозунг «Землю – крестьянам», тем не менее поставила крест на земельной реформе в том виде, в каком её начинали Александр II и Столыпин. Вместо этого в конце 20-х годов в стране начался процесс объединения крестьянства в колхозы, который закончился всеобщей коллективизацией. Миллионы крестьянских дворов не всегда добровольно были объединены в коллективные хозяйства, ставшие на шесть с лишним десятилетий основой организации труда в российской деревне.

Обезличивание собственности, работа за «палочки», как метко прозвали трудодни в колхозе сами крестьяне, смешивание интересов личного подворья, собственного приусадебного участка с необходимостью работы на колхозной ферме или на колхозном поле не давали и не могли дать нужного стимула для развития аграрного сектора страны. При этом государство тянуло из колхозной деревни все соки – до 1961 года колхозники по существу пребывали в положении граждан с ограниченными правами, у них даже не было паспортов. И свободно покинуть колхоз было делом весьма затруднительным. Чем вам не вариант своеобразного крепостного права в новой обёртке?

В 60-е и 70-е годы развитию деревни и колхозно-совхозной

системы как основы сельскохозяйственной отрасли стало уделяться больше внимания. Хозяйства получали небывалое количество техники, повсюду внедрялись новые технологии, системы производства и стимулирования, были отменены трудодни, оплату труда перевели в денежный эквивалент, хотя размер её в среднем всегда был существенно ниже, чем в городе, у заводских рабочих или государственных служащих.

Единичные примеры появления колхозов-миллионеров и принятие государственных мер поддержки сельского хозяйства в эпоху Леонида Брежнева, были не более чем демонстрацией отдельных успехов. А глубинная суть принимаемых в ту пору программ сводилась к очередным списаниям долгов, накопленных колхозами и совхозами, и вливанию крупных финансовых потоков в производство и поставку коллективным хозяйствам сельхозтехники, машин и оборудования. Внутреннее содержание колхозно-совхозной системы при отсутствии должного материального стимулирования работников и наличие так называемой коллективной ответственности, которая на практике оказывалась элементарной безответственностью работников за судьбу своего предприятия, оставались прежними.

Приученные надеяться на государство и его неизменную поддержку колхозы и совхозы с развалом советской системы и переходом на рыночные отношения в начале 90-х годов показали свою полную несостоятельность. По данным открытых источников тех лет, к середине 90-х годов девять коллективных хозяйств из десяти в масштабах страны оказались банкротами. Непосильные долги, закредитованность, отсутствие механизмов регулирования финансовых ресурсов со стороны государства и банковских структур на перспективах такого варианта существования сельскохозяйственной отрасли ставили большой крест. Нужны были срочные и притом радикальные изменения.

| Нестандартные решения

Программа приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий изначально была запущена в Нижегородской области. Вся пахотная земля, а также луга, неудобья, ко-

которые находились в распоряжении колхозов и совхозов, передавались по долям, а имущество реформируемых предприятий – по паям в руки тех, кто имел на это право: действующим и бывшим работникам хозяйств и представителям соцсферы – учителям, библиотекарям, медицинскому персоналу, если такие объекты находились на территории конкретного колхоза или совхоза и обслуживали этот коллектив.

При всей кажущейся простоте работа была далеко не простой, поскольку предстояло провести широкое информирование населения, составить подробные и точные списки по каждому сельхозпредприятию, выявить всех, кто имел право на колхозную или совхозную собственность, утвердить эти списки сначала на внутрихозяйственной комиссии, а затем на общем собрании всего коллектива. Это же общее собрание являлось единственным законным органом, который имел право принимать решение о реорганизации своего хозяйства по предложенной программе.

В июле 1994 года масштабный проект реформирования аграрного сектора стартовал в Орловской области. Началу кардинальных перемен в жизни крестьян предшествовало крупное совещание в областной администрации с участием руководителей всех сельхозпредприятий, глав районов и специалистов отрасли. С программным заявлением, в котором по существу были изложены основные цели и задачи предстоящей работы, выступил глава региона Егор Семёнович Строев.

– Нашему поколению выпала великая честь довершить то дело, которое начинали Александр II и Пётр Столыпин, – передать землю в руки тех, кто на ней живёт и работает и кому она должна по праву принадлежать, – сказал он. – А именно в руки крестьян. И мы выполним эту поистине историческую миссию.

На совещании было озвучено решение о создании областной группы консультантов по земельной реформе, на которую возлагалось выполнение всех необходимых процедур в рамках первого этапа программы приватизации.

Но тут же встал закономерный вопрос: кто войдёт в эту группу, кому доверить столь непростое и ответственное дело? Мнения по этому поводу разошлись. Самым оптимальным вариантом назывался такой: работу должны вести специалисты областного управления сельского хозяйства, в котором к тому времени уже

имелся отдел реформирования АПК. Люди в нём собрались опытные, подготовленные, знавшие проблемы села не понаслышке – им, как говорится, и карты в руки.

Но была у этого варианта и опасность, что все реформаторские устремления забуксуют, потеряются в кабинетной возне и чиновничьих согласованиях. Каждый специалист станет делать свою работу с оглядкой на своего начальника, тот – на своего, и так по известной иерархической вертикали. Плюс у чиновников всегда найдётся куча других неотложных и срочных поручений, которые придумает руководство. До реформы ли будет?

Губернатору области был предложен неожиданный и весьма нестандартный вариант – набрать в группу консультантов молодых ребят из числа пятикурсников Орловского сельскохозяйственного института, предложив им пройти своеобразную преддипломную практику. По такой же схеме пригласили в группу студентов выпускного курса юридического факультета Воронежского государственного университета, поскольку своих юристов орловские вузы в ту пору не выпускали.

Аргументы в пользу такого варианта были следующие: да, молодые ребята не имеют опыта и практики на сельскохозяйственном поприще, это минус. Но у них нет и страха перед новыми идеями, нет в голове сложившихся стереотипов и схем.

Был и ещё один неожиданный момент – группа консультантов должна была напрямую подчиняться главе региона, поскольку только при таком условии появлялась возможность быстро преодолевать различные бюрократические процедуры. В дальнейшем такой подход полностью себя оправдал: молодые реформаторы получили мощную административную поддержку в лице руководителя области, а сам Егор Семёнович имел возможность в оперативном режиме получать информацию о ходе реализации программы.

Но всё это будет потом, чуть позже. А сейчас на первом плане стояла задача, где взять десяток-другой толковых, продвинутых ребят, которые захотят с головой уйти в работу, таившую в себе кучу всего неизвестного? И где гарантия, что будет достигнут необходимый результат?

Подобные опасения имели под собой реальные почва. Ведь, несмотря на все разговоры о рыночной экономике, частной соб-

ственности и тому подобное, на практике всё выглядело не столь однозначно. Психологически деревенские люди не были готовы отказаться от тех традиций и правил, по которым десятилетиями жили при советской власти. И уж тем более когда речь шла о земле. Хороша или плоха была колхозная жизнь, но для большинства сельского населения она была понятной, устоявшейся, а потому привычной. А что принесут с собой предлагаемые изменения? Станет ли лучше, сытнее, надёжнее? Известный принцип «от добра добра не ищут» народом воспринимался как некая страховка, защитная реакция от разного рода нововведений, которые в ту пору лавиной сваливались на головы неподготовленных людей. Эта психологическая блокада в полной мере проявила себя в первый, самый сложный год аграрной реформы.

Но вернёмся к группе консультантов. Первым делом за советом и помощью руководитель группы и автор этих строк Михаил Коньшин вместе с представителем МФК Крисом Гринингом обратились к ректору СХИ (который вскоре стал сельхозакадемией, а затем государственным аграрным университетом) Николаю Васильевичу Парахину. Разумеется, он был в курсе общей идеи, которая прозвучала на совещании у главы областной администрации. Но с ответом и своим одобрением относительно преддипломной практики студентов экономического факультета явно не торопился. Во-первых, подобный формат не был предусмотрен учебной программой, поскольку до Нового года, то есть целый семестр, пятикурсники продолжали занятия. А делать для кого-то исключения означало нарушить установленный учебный процесс.

Но самым главным было другое: Николай Васильевич в разговоре честно признался, что у него есть сомнения по поводу того, что студенты справятся с работой, которую им предстоит выполнять. Нет, относительно знаний, теории, способности сделать любые экономические расчёты, бизнес-план и так далее – тут сомнений никаких, заверил он. Беспокоит другое: хватит ли у ребят жизненного опыта, умения понять сельского человека, убедить его в необходимости перемен? Это ж какими надо владеть аргументами, какими психологическими приёмами, чтобы привлечь крестьянина на свою сторону?!

– Лично я двумя руками за всякое новшество, если от него

нашей деревне и сельскому жителю станет лучше, – рассуждал он. – Но вот что меня больше всего волнует: не будет ли наша реформа напоминать коллективизацию 30-х годов, только наоборот? Вы же знаете, что тогда было, читали в школьных учебниках. В те годы многих людей чуть ли не насильно загоняли в колхозы, а тех, кто не соглашался, в основном самых работящих, раскулачивали и подвергали гонениям.

О чём он думал в тот момент? Может быть, вспомнил трагическую историю своего отца Василия Борисовича, которого посадили в тюрьму и отправили на Соловки за то, что не захотел вместе с другими мужиками поддержать начавшиеся в деревне преобразования. Или как позже, когда отца оправдали, он, уже работая председателем колхоза, получил ещё десять лет за якобы вредительство, был причислен к врагам народа?

В конце разговора Николай Васильевич попросил оставить ему для ознакомления две увесистые брошюры землисто-зелёного цвета, которые мы принесли с собой. В них была напечатана «Программа приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий» с комплектом приложений, различных нормативных документов, образцов заявлений, расчётов, актов, анкет и прочей методической литературы, которая требовалась в ходе реализации проекта.

Неделю спустя разговор в кабинете ректора получился уже более содержательным. Было заметно, что Николай Васильевич добросовестно проштудировал брошюру, и его интересовали в основном чисто практические вопросы: как будет строиться работа группы консультантов? Какие конкретно хозяйства планируем отбирать в проект, из каких районов? Есть ли хотя бы предварительный список таких хозяйств? И ещё спросил в тот момент: собираемся ли мы пригласить для работы кого-либо из учёных? Из Москвы, из Орла, неважно. Поскольку без анализа, без мониторинга каждого шага, каждого этапа трудно будет отслеживать происходящие изменения, и двигаться дальше.

Честно признаться, в тот момент мы еще не задумывались ни про исследования, ни про анализ. Стояла задача сформировать команду, обучить её, освоить инструментарий и заняться информационной работой в районах. Но ректор как опытный человек,

к тому же связанный с наукой, смотрел несколько шире и дальше тех методических рекомендаций, которые были заложены в программе. И, видимо, в свойственной ему манере просчитывать ситуацию на два-три шага вперёд он сделал следующий вывод:

– Знаете, что я вам скажу, друзья мои. Определить людей, подготовить списки, провести собрание и даже проголосовать за передачу в частные руки земли, имущества – это всё хорошо. Но без серьёзной поддержки со стороны учёных, без специалистов-практиков, которые знают село, экономику хозяйств, без серьёзного анализа тех процессов, которые идут в деревне, поверьте мне, будет сложно выполнить то, что вы задумали. В процессе работы вам придётся отслеживать и осмысливать каждый сделанный шаг, вносить коррективы, иначе не будет никакого движения вперёд. Работа застынет. Вы же не хотите, чтоб так получилось?

И ещё одна важная мысль прозвучала тогда в ходе нашего разговора.

– А кто из вас хотя бы приблизительно знает, в каком состоянии находятся сейчас наши колхозы и совхозы? – спросил Парахин.

Мы недоумённо переглянулись: в общих чертах, разумеется, представляем. Одним словом, ответили мы, ничего хорошего в деревне сейчас нет.

– Вот именно, что ничего. А это ещё как важно. Поэтому не торопитесь. Поизучайте, посмотрите статистику. Неплатежи, долги, непосильные кредиты – это ещё не самые страшные проблемы. Я бываю в районах, вижу, что происходит, разговариваю со специалистами хозяйств, простыми работягами. Люди обозлены. Им не платят зарплату, потому что нечем платить. Они не понимают, как такое случилось, им не нравится сегодняшняя политика государства, они не хотят капитализма. А теперь с учётом всего этого, – акцентировал свою мысль Парахин, – попробуйте представить ваше появление в деревне с разговорами о том, что колхозную землю нужно раздать в частные руки...

Тем не менее итог наших бесед с ректором оказался положительным.

– В начале сентября, как только начнутся занятия, приходите. Расскажите ребятам о программе, мы посоветуем, на кого обратиться внимание, – сказал он.

Хороший совет в плане отбора кандидатур в группу консультантов дал тогдашний декан экономфака Иван Терентьевич Першин.

– Первым делом будем смотреть тех, кто вырос в сельской местности или живёт в селе, – заметил он. – Такие ребята есть, их настрой мы почувствуем сразу: кто из них за, кто – против.

Программу реорганизации представили дважды, пытаюсь выявить её союзников, найти тех, кто хотел бы заняться её осуществлением на практике. На первых порах, как выяснилось, многих пятикурсников смущало не само содержание документа, а необычные требования к консультантам и та степень ответственности, которая возлагалась на них, в общем-то, совсем ещё юных граждан, не имевших за плечами достаточного жизненного опыта.

Когда объявились первые смельчаки (а набор шёл исключительно на добровольной основе), им сразу же предложили новое испытание – тесты на знание основ экономики села, правовой базы, связанной с аграрным сектором, бухгалтерский минимум, современные методики управления и обучения. По результатам тестов и опросных листов отбирались наиболее способные для участия во втором туре этого своеобразного экзамена – в индивидуальном собеседовании уже по материалам программы реорганизации сельхозпредприятий.

На пятикурсников, прошедших сито конкурсного отбора, ректор сельхозинститута подписал приказ о направлении на практику в областную группу консультантов «для отработки процедуры реорганизации сельскохозяйственных предприятий». Как показало время, эта практика для большинства из них не только стала ярким, запоминающимся событием, но определила многим дальнейшую жизнь, профессиональные устремления, стала в хорошем смысле судьбоносным моментом.

Среди первых «молодых реформаторов» были отличники учёбы Наталья Кустова, Александр Новиков, Лариса Матусевич и их коллеги Ольга Орлова, Елена Ляпинкова, Лариса и Ольга Мишины, Татьяна Шиликова, Лариса Овсяник, Юрий Савкин, Татьяна Аверина, Алексей Кулаков, Вадим Анохин. Впоследствии к ним присоединятся Эдуард Булычёв, Андрей Ловчиков, Лариса Бобровская, Эдуард Иванников, Юрий Клеваев, Оксана Шишова, Андрей Марченко.

По мере развития программы и необходимости оказывать консультационные услуги и учить бизнес-планированию руководителей и специалистов хозяйств встал вопрос о привлечении в группу студентов-старшекурсников других факультетов Орловской сельхозакадемии или недавних её выпускников. Так в ряду реформаторов появились агрономы Владимир Савкин и Игорь Тимашов, зооинженер Николай Артамонов, ветврач Александр Свиридов и другие.

Пройдут годы, ребята повзрослеют, наберутся опыта, станут настоящими профессионалами. Кто-то из них выберет научную стезю, начнёт преподавать, в том числе в родном вузе, защитится. Лариса Матусевич и Владимир Савкин станут докторами наук, Лариса Бобровская, Лена Ляпинкова, Юрий Савкин, Николай Артамонов – кандидатами. Закончив работу в проектах, некоторые уйдут в бизнес, откроют своё дело, кто-то станет управленцем, банкиром, руководителем подразделений и служб. Но не один человек, участвовавший в реализации программы, не потеряется, не окажется невостребованным. Опыт аграрной реформы, незабываемые уроки, полученные в процессе работы, для многих станут бесценным капиталом, который даст хороший старт в будущее.

Но вернёмся к осени 1994 года. Закончив необходимое обучение, уже в конце сентября группа консультантов приступила к отбору хозяйств для участия в так называемом пилотном проекте. Число их не должно быть большим, так как основной смысл пилотного варианта заключался не в количестве реформированных хозяйств, а в отработке методики, самой процедуры реорганизации, поэтапном осуществлении всего механизма передачи и закрепления собственности за новыми владельцами.

Да, на бумаге, в красивой увесистой брошюре всё это было написано. Но как теория «наложится» на конкретное хозяйство, на реальную жизнь деревни? Этого никто не знал. И как поведут себя люди, руководители, специалисты тех самых колхозов и совхозов, которые предстояло реформировать? Поймут ли, воспримут предстоящие изменения, станут ли слушать зелёную молодёжь, набравшуюся разных идей в красивых книжках?

Надо сказать откровенно: в ту первую «реформаторскую» осень желающих было немного – всего шесть хозяйств, а если точнее,

шесть руководителей этих хозяйств с командами специалистов изъявили желание участвовать в пилотном проекте. Это были разные по типу, производственному потенциалу, экономике, кадровому составу и другим показателям предприятия. Но всю эту шестёрку объединяло одно – схожесть ситуации, в которой они оказались. Незавидная схожесть, в которой главными составляющими был огромные долги по кредитам и заработной плате, потеря управляемости и дисциплины, отсутствие мотивации к труду у рядовых работников и специалистов, растерянность руководителей перед лицом нарастающих, подобно снежному кому, проблем, связанных с вхождением в рыночную стихию.

Отправляясь в ежедневные поездки в районы, где проводилась информационная работа с людьми, студенты-реформаторы не раз вспоминали предупреждения и губернатора, и ректора института, что нужно быть готовыми к любым неожиданностям. Колхозники ко многому относились с большим недоверием, во всех своих бедах они хотели винить кого угодно: верховную власть, рыночную экономику, напоминавшую скорее базар, нарождающихся бизнесменов, которых называли не иначе как бандитами. Только не самих себя, свои просчёты и неумение приспособиться к новым условиям.

Следствием всех перечисленных негативных факторов явились натурализация экономической деятельности, обвальные темпы падения производства с ещё более тяжёлой перспективой самораспада хозяйств. К чему всё это в итоге вело, можно только догадываться. Например, общие долги в двух хозяйствах Троснянского района, участвовавших в пилотном проекте – КСП «Мухановское» и КСП⁴ им. Дзержинского – к моменту реорганизации составляли 800 и 840 миллионов рублей в ценах 1994 года. В ПК⁵ «Родина» Покровского района, ещё одного участника проекта, к тому дню, когда там впервые появились консультанты областной группы, заработная плата людям не выдавалась полгода, в том же «Мухановском» и им. Дзержинского – более года. Процветали воровство, пьянство, а невыходы на работу и откровенное игнорирование технологических требований считались едва ли не нормой.

⁴ КСП – коллективное сельскохозяйственное предприятие.

⁵ ПК – производственный кооператив.

Вот с такой удручающей картиной встретились в деревне студенты сельхозинститута, попавшие в группу консультантов по земельной реформе в зачёт своей преддипломной практики.

Позднее, когда первые, самые трудные шаги были сделаны, Николай Васильевич при каждой встрече обязательно просил:

– Расскажи мне, как там наши ребята? Не пасуют перед сельским народом? Народ-то деревенский непростой, его на мякине не проведёшь. Но и доверчивый тоже. Крестьянина в нашей жизни сколько уж раз обманывали...

Я в ту пору не знал, что случилось с отцом Парахина Василием Борисовичем, попавшим под раскулачивание в начале 30-х годов, когда самого Николая Васильевича ещё не было на свете. Какая незавидная судьба выпала его братьям и сёстрам и как они выжили в тех тяжелейших условиях, когда отец был арестован и осуждён на целых 10 лет, а у семьи «кулаков-мироедов» отобрали единственную корову и лошадь? Эти тяжёлые события и то, что последовало за ними, из жизни не выбросишь, не забудешь. Наверняка в семье эта тема не муссировалась раз за разом, не преваляровалась в разговорах о житье-бытье, ведь надо было смотреть дальше, в завтрашний день, верить в лучшее, строить планы. Но и забыть обо всём случившемся и пережитом тоже непросто, поскольку горечь и досада за ту несправедливость, которая обрушилась на семью, не отпустят, не скоро уйдут из сердца, как ни старайся.

Но вернёмся к реформе. Вскоре, ещё до завершения пилотного проекта, и по причине того, что программу продлили, распространили на большее число хозяйств и районов, было принято решение усилить группу консультантов специалистами по мониторингу и учёными.

Очень важным моментом в этом смысле стал приход в группу преподавателя кафедры экономики Орловской сельхозакадемии кандидата экономических наук Валентины Васильевны Печёнкиной, человека творческого, тактичного и очень эрудированного. С её появлением работа по реформированию хозяйств как бы получила новое качество. Проводимые группой мониторинга, которой руководила Печёнкина, анкетирование, анализ изменений в настроениях руководителей, специалистов, различных групп населения, воздействие полученной от консультантов

информации, обучающие семинары для членов районных и внутрихозяйственных комиссий – все эти составляющие повседневной работы предстали в ином свете, получили конкретное измерение и цифровые показатели. Имея на руках такую информацию, гораздо легче стало планировать дальнейшие действия, исправлять ошибки и недочёты, более грамотно и осмысленно расставлять акценты и приоритеты.

Работа группы и происходящие в хозяйствах изменения вызвали повышенный интерес и в структурах власти, и в СМИ. Всё чаще стали появляться публикации по этой теме, новые понятия и термины входили в обиход. Вопросы аграрной реформы не сходили с повестки дня административных совещаний у главы Орловской области. Проводились семинары, пресс-конференции и пресс-туры. На виду было всё: и первые положительные ростки, связанные с изменением в психологии, поведении и намерениях людей, получивших юридически закреплённое право на земельную долю и имущественный пай, то есть на часть бывшего колхозного или совхозного пирога, и очевидные в глазах активных критиков реформы её недостатки.

Одним из самых неприемлемых моментов, по мнению этих людей, считался факт выделения новоиспечённых собственников из общей массы в отдельную структуру для формирования фермерского хозяйства либо какого-то другого, но не связанного с бывшим колхозом. Такие примеры цивилизованного «развода», когда на месте бывшего колхоза или совхоза возникали два, три, а то и больше новых юридических лиц, фермеров или индивидуальных предпринимателей, желающих самостоятельно работать на своей земле и отвечать за результаты своего труда, были обычным делом. Проводимые в рамках процедуры реорганизации так называемые аукционы по разделу земли и имущества, такая цивилизованная форма «развода» в рамках бывшего предприятия, вызывала у критиков реформы особую ярость. То и дело из их рядов раздавались крики, что землю-кормилицу продают с молотка, что разрушение колхозов – это гибель страны и всё, дескать, делается под диктовку Запада и в угоду врагам России.

Непросто было преодолевать подобное противодействие, но интерес к реформе не только не ослабевал – он рос лавинообраз-

но. В Орёл за опытом реорганизации поехали сначала соседи из Курской, Липецкой, Воронежской, Тамбовской областей, а после едва ли не со всей России.

Весной 1997 года на базе областной группы консультантов, уже окрепшей, сработавшейся, почувствовавшей уверенность, создаётся межрегиональный фонд поддержки аграрной реформы «АгроМИР» в виде консалтинговой некоммерческой организации для продвижения и углубления аграрной реформы уже в масштабах чернозёмной зоны. Был утверждён попечительский совет фонда во главе с Егором Семёновичем Строевым. В него, помимо Строева, вошли заместитель губернатора по экономике Николай Николаевич Цикорев, начальник информационного управления областной администрации Сергей Васильевич Фефелов, исполнительный директор ассоциации «Черноземье» Григорий Фёдорович Фёдоров, начальник областного управления сельского хозяйства Вячеслав Михайлович Серов, ректор академии госслужбы при президенте РФ Анатолий Александрович Мерцалов и ректор Орловской государственной сельскохозяйственной академии Николай Васильевич Парахин.

Разумеется, выбор всех этих людей в попечительский совет был далеко не случайным. Каждый из них в той или иной степени отвечал за положение дел в области, курировал определённые направления и участки работы. Что касается кандидатуры ректора сельхозакадемии, то здесь был не просто некий символический жест и не только признание заслуг ведущего аграрного учебного заведения региона, его студентов и преподавателей в осуществлении программы приватизации земли и реорганизации сельхозпредприятий. Скорее, расчёт был на будущее. На подготовку дипломированных специалистов с учётом новых реалий, складывающихся в аграрной сфере, новых понятий и требований к экономической науке, организации производства, основанного на частной собственности, к земельным вопросам, бизнес-планированию и прочим составляющим рыночной экономики. Эти тенденции учёные и преподаватели аграрного вуза во главе с ректором не просто уловили. Вскоре они станут частью вузовской учебной программы, семинаров, спецкурсов, научных диспутов и научных трудов.

Анализируя тенденции и опираясь на результаты, которые

появились в сельскохозяйственной отрасли на примере проводимых в Орловской области рыночных реформ, Парахин готовит большую статью, где с научной точки рассматривает направления дальнейших преобразований в аграрной сфере. Один из главных выводов – реформа должна иметь необратимый характер, предусматривать различный комплекс мер поддержки, проходить в тесном взаимодействии с наукой.

Разумеется, создание фонда «АгроМИР» потребовало значительных качественных изменений в структуре самой команды и организации работы по более интенсивному продвижению реформы. Для этого по решению попечительского совета значительно расширилась в первую очередь география консультационной деятельности, увеличилось число хозяйств, участвующих в программе. Теперь зона охвата распространялась на шесть областей ЦЧО и Нечерноземья, а впоследствии мобильные группы «АгроМИРа» проводили обучающие семинары в общей сложности в 22 регионах страны.

Итогом всех этих усилий наряду с усилиями других консалтинговых структур, действовавших в тот момент России, стал прорыв в осуществлении аграрной реформы. Перестали её бояться, пугать население в оппозиционных СМИ распродажей страны, окончательным разорением села и торговлей земли в угоду расплодившимся бизнесменам и западным шакалам.

Ещё больший интерес вызвало появление в Орловской области так называемых агрофирм и агрохолдингов, созданных на базе частной собственности и частного интереса. В научном плане это были интегрированные горизонтальные и вертикальные объединения сельхозорганизаций с замкнутой структурой производства, переработки и реализации производимой продукции.

На базе одной из первых в России и, пожалуй, одной из самых успешных подобных структур – агрофирмы «Юность» Должанского района прошёл двухдневный практический семинар, на который съехались едва ли не все руководители сельхозпредприятий области и главы районов. Подробный и непредвзятый анализ изменений, произошедших за два года с момента создания такой структуры, впечатлил. В самом деле, за короткий период времени шесть бывших обанкротившихся колхозов, объединённых во круг стабильного предприятия, не просто погасили долги, но и

получили прибыль. В конце 90-х, когда банкротство сельхозпредприятий приобрело в стране едва ли не лавинообразный характер, получить в аграрной отрасли успешно действующую структуру было настоящей удачей.

Подводя итоги семинара, глава региона Егор Семёнович Строев скажет:

– Создание подобных вертикальных и горизонтальных интегрированных структур, работающих на частном интересе, на новых принципах, ставящих своей целью сохранение и наращивание производства, увеличение прибыли – наше стратегическое направление на ближайшие годы. Мы стремимся сформировать многоукладную экономику в сельском хозяйстве, когда рядом с крупными объединениями, такими как агрофирма «Юность», будут работать и взаимодействовать более мелкие предприятия, фермерские хозяйства, комплексы хранения, переработки и реализации произведённой продукции. Нам потребуется обеспечить доступ этих структур к финансовым ресурсам, новой технике и передовым технологиям. Нам нужны будут новые кадры, способные успешно работать в условиях рыночной экономики. В этом и будет состоять основная задача следующего этапа аграрной реформы в Орловской области.

| Неравнодушие

Всё это, без сомнения, здорово. Ну а как же университет? У него ведь свои задачи. Какая реальная польза для преподавателей, для студентов, для самого ректора была от реформы? Что она давала?

В этом плане нам показались интересными воспоминания преподавателя этого вуза, а по совместительству научного консультанта фонда «АгроМИР» на общественных началах кандидата экономических наук Валентины Васильевны Печёнкиной.

– Земельная реформа, о которой мы говорим, – замечает она, – если не брать во внимание её несомненную историческую значимость, на тот период воспринималась как большая и сложная инновация. Но отношение к ней, особенно на первых порах, было неоднозначным. Не только в деревне, но и в обществе в целом. Оно и понятно, потому что изменения касались многих сложив-

шихся устоев человеческого бытия, а применительно к аграрной сфере, по существу, менялся весь уклад жизни сельских людей.

Новшества не обошли в ту пору и лично меня. Николай Васильевич очень чётко уловил начавшиеся в обществе перемены и предложил мне выполнять некую аналитическую работу в созданном еженедельнике «Просторы России». Обосновывая свое решение, он сказал просто: дело новое, стоящее, надо поучаствовать и быть в курсе того, что будет происходить. Приходилось как-то и лекционные часы совмещать, и аналитику с публицистикой осваивать. Тогда кафедра, на которой я работала, называлась кафедрой политической экономии, возглавлял её Геннадий Александрович Гетьман, который был ректором до возвращения Парахина из Москвы.

В областном еженедельнике начавшиеся реформы освещались с разных сторон. Моя функция, собственно, заключалась в роли экономического обозревателя. Кроме того, нередко приходилось готовить статьи для публикации в газете от имени руководителей и ведущих специалистов области.

Парахин очень одобрял эту работу, поскольку она давала немалую пищу для размышлений о состоянии и проблемах сельского хозяйства, появлялись новая информация, новые понятия и термины. Всё это расширяло наш кругозор, служило поводом для корректировки учебных планов, формирования спецкурсов и дополнительных образовательных программ, отвечающих духу времени, чему ректор всегда отдавал предпочтение.

Он вообще по характеру был человек заводной и, если видел что-то интересное, если его это затрагивало, включался активно, рьяно, мгновенно принимал решение. Он видел новации, которые принесут результат, будут полезными для вуза, для углубления учебного процесса. Новации, кстати, в чём мы не раз убеждались в жизни, могут быть и со знаком минус, а он умел вычленивать позитив, я ни единожды видела такие моменты. У него была невероятная способность схватывать идею, новый какой-то подход, он очень быстро отсеивал лишнее и акцентировал внимание именно на том моменте, который считал наиболее рациональным и перспективным. Даже если это напрямую не входило в круг его функциональных обязанностей как ректора, он это поддерживал.

И ещё, Николай Васильевич был очень равнодушный человек. Пожалуй, это одно из его ключевых отличительных качеств. Само по себе совершенно непросто быть ректором, руководить таким вузом, но он относился к этой своей работе не только как к должности, как требует устав учебного заведения, но и исполнял её творчески, я бы сказала, с широкой амплитудой. Собственно, аграрный университет и стал делом всей его жизни, хотя у этого человека были, конечно, и другие дела, может быть, не менее значимые. Та же работа в ЦК КПСС, потом в Главнауки. Но Орловский СХИ, ставший с его помощью аграрным университетом, – это всё же особая и, наверное, главная страница его жизни. Он всего себя отдавал развитию вуза.

Что касается его личного отношения к земельной реформе, я напрямую с ним на эту тему не говорила, но ни единожды в ходе различных мероприятий, научных конференций он подчёркивал, что у земли должен быть хозяин. Мне кажется, это важный момент, который характеризует его позицию и его отношение ко всему, что происходило в тот период в аграрном секторе. Как человек здравомыслящий, он видел, что ход начавшихся преобразований кардинально изменит существующий сельский уклад. И что вспять это уже не повернётся, а значит, необходимо движение вперёд, нужно что-то отбрасывать, а что-то полезное оставлять. Не зря же он согласился помочь в этом деле кадрами, направив наиболее сильных, подготовленных студентов на необычную преддипломную практику, изменив действующие в вузе правила. Он и сам активно влиял на ход преобразований, был в составе попечительского совета известной консалдинговой структуры, каковой юридически и по сути являлся фонд поддержки аграрной реформы «АгроМИР».

Помню, в самом начале работы, когда ещё шёл пилотный проект, был такой момент. По календарю – суббота, я нахожусь дома, раздаётся телефонный звонок из приёмной вуза. Мне передают, что завтра, то есть в воскресенье, Николай Васильевич просит меня прийти. Оказалось, что из Москвы приехал журналист газеты «Сельская жизнь». Его интересовали как раз аспекты, связанные с земельной реформой. На встречу пригласили консультанта по земельной реформе Наталью Кустову, на тот момент пятикурсницу института. Мы тогда полдня просидели в кабинете

Николая Васильевича, отвечая вместе с ректором на вопросы столичного журналиста, многие из которых носили откровенно провокационный характер. Но, может быть, таким способом журналист хотел получить для себя более достоверные сведения о сути программы приватизации земли, её задачах и целях? К чему приведёт передача колхозной и совхозной земли в частные руки, смогут ли люди правильно ею распорядиться и не получится ли так, что, реорганизовав коллективные хозяйства, мы останемся вообще без структурированного сельского хозяйства, а значит, без хлеба и других продуктов питания?

Николай Васильевич как учёный-почвовед и как человек, прекрасно знающий сельское хозяйство, в этой дискуссии принимал самое активное участие и был настроен оптимистично. Свою позицию он аргументировал тем, что, получив свой земельный надел или долю в общем колхозном массиве, крестьянин в одиночку обрабатывать эту землю не сможет. Значит, начнут формироваться новые объединения, фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы на основе частной собственности. Что и происходило впоследствии по мере продвижения аграрной реформы.

В подтверждение этих тезисов мы приводили данные опросов опросов по земле, уже проводимых к тому времени вместе с коллегами из Московского аграрного института имени академика Никонова. Были также собраны опросы коллег по другим регионам. Ход этих опросов показывал, что большая часть сельских жителей и рядовых работников хозяйств на начальном этапе выступала против частной собственности на землю. Но если смотреть в динамике, по мере углубления реформы, появления достаточной информации в СМИ, тенденция в сторону увеличения сторонников частной собственности и, соответственно, снижения числа её противников прослеживалась однозначно. Пусть на 2–3 процента, но это имело место.

Ключевой момент дискуссии был один – земля не должна быть ничейной, государственной или общей, у неё должен быть хозяин. Мириться и закрывать глаза на тот факт, что свыше 90% коллективных хозяйств по стране на тот момент были фактически банкротами, становилось попросту невозможным. Так что иного пути, кроме кардинальных преобразований этой системы,

глубокого реформирования основ сельского уклада в России, уже не было.

Как реформа влияла на содержание образовательного процесса в самом вузе? И влияла ли вообще?

– Чтобы ответить на этот вопрос, – продолжает Валентина Васильевна, – необходимо понимать, что любой учебный процесс уже сам по себе достаточно консервативен. Есть планы, программы, стандарты и так далее, которые разрабатываются и утверждаются заранее и, как правило, не на один год. В рамках этих программ каждый преподаватель ведёт свою тему, свой предмет или направление, за которые несёт ответственность. Но в зависимости от интересов и самой позиции преподавателя можно эти же классические темы в той же экономической теории приводить в примеры уже из новой практики, которая возникала по ходу реформ. Учебников, пособий, методичек по этим новшествам, разумеется, не было, но в привычные теоретические схемы вносили свежие элементы, выводы, аналитику, что добавляло новизны, вносило дискуссионность и среди преподавателей, и в студенческую среду. Порой сами преподаватели, в том числе и я, чтобы заострить на этом внимание, даже провоцировали такие дискуссии острыми вопросами.

В тот период не без участия и при полной поддержке ректора стали организовывать студенческие конференции на экономическом факультете. Естественно темы давали уже с учётом тех особенностей, которые несла в практическую жизнь программа реформирования сельхозпредприятий.

Давайте отметим ещё и такой момент: студенты, которые работали в качестве консультантов в группе по реформированию, постоянно общались со своими коллегами на факультете, в своих учебных группах, рассказывали, обменивались информацией о том, что происходит в хозяйствах, как реагируют сельские жители на те новшества, которые возникают. То есть это был открытый процесс обмена и перетекания полезной информации. Те из студентов, кто не работал в группе консультантов, на лекциях и практикумах часто задавали вопросы, связанные с особенностями земельной реформы, пытались лучше понять, уяснить, что в итоге получится на месте реформируемых хозяйств, не приведёт ли это к тяжёлым последствиям для деревни.

Однако далеко не все в институте положительно восприняли начало земельной реформы. И даже не столько саму реформу, сколько тот факт, что её будут делать студенты выпускного курса. Недовольство высказывали, как это ни странно, некоторые преподаватели. Дескать, почему это одним надо ходить на занятия, посещать лекции, готовить доклады по тем или иным темам, а другие в это время разъезжают по колхозам в красивых нарядах, рассказывают людям какие-то непонятные вещи, рисуют ни на чём не основанные перспективы, да ещё получают за это деньги?..

Действительно, те, кто прошёл достаточно жёсткий конкурсный отбор в группу консультантов, работали не бесплатно. И вот этот факт, по всей вероятности, и вызывал у одних непонимание, у других обыкновенную человеческую зависть.

На опыте работы областной группы консультантов можно было создавать нечто подобное и внутри сельскохозяйственного института. Николай Васильевич не раз предлагал преподавателям нескольких факультетов подумать о создании таких консалтинговых групп, которые могли бы заниматься оказанием помощи аграриям в ведении современного бухучёта с использованием компьютерных программ, которые уже появлялись, нового анализа состояния экономики хозяйств, которые работали на основе частной собственности, разработкой основ прогнозирования в сельскохозяйственной отрасли, без чего двигаться вперёд и добиваться хороших результатов весьма проблематично. Как ни странно, но на первых порах желающих взять на себя этот дополнительный груз, оказалось немного. Может быть, к такой работе и психологически, и методически вузовский коллектив был ещё не готов?

Николай Васильевич, понимая это, стал решать проблему «неготовности» иначе, а именно: отправлял на стажировку за рубеж наиболее «продвинутых» молодых преподавателей. Причём такие командировки были довольно продолжительными – от шести месяцев до одного года. Одна из преподавателей, проходившая стажировку в США в рамках российско-американской образовательной программы, вернувшись в вуз, не нашла понимания у своего непосредственного руководителя на кафедре. Отношения у них невероятным образом испортились, и она в конечном итоге была вынуждена уволиться. Что здесь стало причиной, – её

стажировка за границей, какие-то личностные моменты – трудно было судить. Но факт остаётся фактом: лучшая, можно даже сказать, любимая ученица профессора вдруг увидела резко поменявшееся к ней отношение. Это, кстати, тоже можно воспринимать как следствие начавшихся в российском обществе перемен. Перемен, связанных с приходом в вузовскую среду рыночных отношений.

Конечно, организационный потенциал, умение зарядить, настроить себя и весь профессорско-преподавательский состав на освоение чего-то нового, на достижение поставленной цели у Парахина был заметно выше, нежели у его коллег и предшественников по ректорской позиции. Да, он имел немалый опыт работы и в партийных органах, и в Главнауки. Но и личностный фактор, его природный темперамент и организаторский талант никто не отменял.

Даже когда я уже ушла в другой вуз, он при встрече всегда интересовался, как дела. Это был первый вопрос, на который Николай Васильевич непременно хотел услышать ответ. При этом всегда здоровался за руку, даже с женщинами. Некий дипломатический вариант, при котором не обязательно, что первой руку протягивает женщина. Второй вопрос был тоже из разряда обычных: «Что нового?» И это были не просто дежурные вопросы, в них сквозил неподдельный интерес, некое желание не пропустить для себя что-то важное, уловить какую-то свежую идею, нетривиальную мысль. Кажется, это чувство и жажда новизны были у него в крови. Он искренне радовался и по-хорошему удивлялся успехам других людей, своих коллег, учеников, студентов, для которых был всё равно что отец родной. Но и сам любил удивлять и преподносить сюрпризы.

Иногда приходилось слышать о нём такое дескать, он проповедует деспотичный стиль руководства. Лично я никогда такого не видела и не испытывала. Да, человек достаточно жесткий, требовательный. Не любил разгильдяйства и необязательности. Но в этом и состояла его индивидуальность, его отличие от многих других руководителей, возглавлявших вузовские коллективы.

Николай Васильевич Парахин в Кремле во время награждения орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Глава 17. **ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА**

На фоне острой дискуссии

25 апреля 2000 года, через несколько недель после избрания, в Орёл приехал новый президент России Владимир Владимирович Путин. Визит состоялся, надо полагать, по приглашению главы региона Егора Семёновича Строева, который к тому же возглавлял верхнюю палату российского парламента. Возможно, тем самым Владимир Владимирович хотел продемонстрировать уважение к спикеру Совета Федерации, одному из старейших и опытных политиков страны, каким являлся Строев. Не исключено, что была и другая, не менее важная причина. В тот период в Государственной думе, в средствах массовой информации шла ожесточённая полемика вокруг принятия земельного кодек-

са – основополагающего документа, призванного регулировать в стране земельные отношения. А земля в России, о чём свидетельствует история, это момент не только правовой.

Особенно бурные дискуссии, переходившие, как правило, из юридической в политическую плоскость, вызывал вопрос купли-продажи земли, её свободного оборота. Фракция коммунистов, имевшая в том составе Думы парламентское большинство, была категорически против свободной продажи земли, мотивируя свою позицию тем, что земля – это общее достояние, едва ли не главное национальное богатство, часть природы, а торговать природой кощунственно.

Аргументы другой стороны, которую представляли депутаты, относящиеся к либеральному кругу, так называемые младо-реформаторы, сводились к тому, что земля – это такой же товар, как дом, квартира, машина, и ограничивать её движение – значит тормозить развитие страны. Однако упования на то, что во всём цивилизованном мире земля продаётся и покупается, для парламентского большинства не являлись сколько-нибудь побудительным моментом.

Дискуссия зашла в тупик, грозила перерасти в настоящий парламентский кризис. Вот на этом фоне новоизбранный президент страны приехал в Орловскую область. Наверняка при встрече, обсуждая предстоящую поездку и примерную программу визита, Егор Семёнович рассказал Путину о проводимой в области земельной реформе, реорганизации колхозов и совхозов на основе передачи земли в частные руки, о тех процессах, которые идут в деревне, о формировании новых и довольно эффективных для сельского хозяйства России горизонтально и вертикально интегрированных структур, получивших в обиходе название «агрофирмы».

Видимо, эти аргументы и желание Путина всё увидеть своими глазами, послушать участников проводимой реформы, получить необходимую для себя информацию и стали определяющими в его намерении посетить Орловскую область.

Визит президента состоялся, как мы уже сказали, 25 апреля. Была на удивление тёплая, солнечная погода. Путин пообщался с ветеранами у музея-диорамы, возложил цветы и почтил память советских воинов, погибших при освобождении Орла от немецких захватчиков, в сквере Танкистов.

Следующий маршрут поездки – Орловский государственный аграрный университет. Здесь на встречу с президентом собралась огромная толпа народа. Согласно протоколу, знакомство с ведущим сельскохозяйственным вузом региона начиналось с посещения демонстрационно-выставочного центра, построенного рядом с главным корпусом учебного заведения. Но собравшиеся неподалёку орловцы так бурно приветствовали появление Путина, что он не мог не ответить на это приветствие. В какой-то момент президент изменил маршрут следования, на ходу сбросил с плеч пиджак и направился к людям. Многие протягивали руки, чтобы поздороваться, и Путин старался как можно большему числу ответить тем же. Одна очень настойчивая бабуля вручила президенту связанные собственноручно шерстяные варежки.

– Спасибо, конечно, – удивился подарку президент, принимая варежки из женских рук. – Но сейчас уже тепло, руки не мёрзнут.

– Ничего, зимой пригодятся, – не растерялась женщина. – Что ж я зря старалась?! Специально для Вас вязала.

В зале демонстрационно-выставочного центра, не такого уж большого по размеру, яблоку негде было упасть. Правительственные чиновники, ученые, репортёры, десятки телекамер, охрана, приглашённые, те, кому выдали специальные пропуска на это мероприятие, заполнили всё пространство. Собственно, в этом зале на стендах, в виде экспонатов, образцов, макетов, графиков и таблиц были представлены основные направления сельскохозяйственной отрасли региона, а также продукция ведущих предприятий переработки.

Отдельные стенды рассказывали об истории становления и сегодняшнем дне работы университета, организации учебного процесса, достижениях преподавателей и студентов. Николай Васильевич Парахин вкратце сообщил президенту о новых направлениях научных поисков с участием учёных университета. Путин внимательно слушал, что-то спрашивал, уточнял. Разговор был недолгий, но информация складывалась в определённую картину, имела свою логическую связь, поскольку Орловская область (и Путин это, разумеется, знал), представляла собой аграрный регион, где испокон веков выращивали хлеб, картофель, занимались животноводством.

Неподдельный интерес у Путина вызвала презентация этапов

земельной и аграрной реформ, которую провели специалисты фонда «АгроМИР». Здесь же, у стенда, на котором были обозначены все четыре этапа реализуемой в области масштабной реформы аграрного сектора, Путин задал тот самый вопрос о земле, который вызывал горячие дискуссии в Государственной думе.

– Так что, – спросил он у юриста фонда, который рассказывал о правах собственников земельных долей. – Может всё-таки человек, получивший документы на этот свой долевой надел, распорядиться им так, как он хочет? Например, продать, подарить, передать по наследству? Ведь это же его собственность?

Услышав утвердительный ответ, президент, кажется, получил для себя ещё один аргумент в пользу того, что земля есть товар и, как всякий товар, имеет право находиться в свободном обороте. Так и должно быть, это же очевидно.

Но юрист, проводивший презентацию, неожиданно обескуражил Путина следующей произнесённой фразой:

– В этом вопросе, Владимир Владимирович, не всё так однозначно. Если такая норма безо всяких ограничений будет заложена в земельном кодексе, вокруг которого ломают копья в Государственной думе, мы получим очень серьёзные проблемы, которые сведут на нет весь процесс реформирования.

Чтобы не открывать дискуссию прямо здесь, в зале, на глазах у сотен людей, было решено более предметно обсудить этот вопрос на круглом столе, который состоялся позднее. Формально речь шла вокруг всё той же юридической нормы – пускать землю в свободную продажу или ограничить определёнными условиями и рамками.

Путин в основном слушал аргументы тех, кто непосредственно занимался земельной проблематикой.

– Если мы пустим землю в свободный оборот, заложим такую норму в земельном кодексе, – повторяли юристы, – очень скоро она окажется в руках тех, у кого есть деньги: у банкиров, крупных предпринимателей, криминальных структур. И, что всего печальней, – у иностранцев.

– Но продажу иностранцам как раз можно запретить на законодательном уровне, – бросил фразу президент.

– Можно, – согласились с ним. – Но эту норму легко обойти через посредников либо подставных лиц.

Путину привели пример, что, пользуясь слабой осведомлённостью людей и несовершенством законодательства, некий известный бизнесмен в Белгородской области сумел в короткое время заполучить в собственность без малого миллион гектаров той самой пахотной долевой земли, которую распределили бывшим колхозникам. Схема оказалась простой: бизнесмену надоело вырывать погрязшие в долгах и кредитах сельхозпредприятия, выделяя тем деньги на весенний сев и уборку. «Я же не благотворительная организация! – объяснял он свою позицию, выступая на одном из совещаний. – Вот и давайте будем подходить к вопросу цивилизованно. У крестьянина есть собственность в виде земельной доли? Есть! Пусть это пока условная величина, но документы же на неё выданы? Значит, это документальное право и этот долевой участок можно продать, внести в уставный капитал предприятия. Всё будет законно и справедливо: мы вам – деньги на весенний сев, вы нам – землю. Тем самым крестьянин становится ещё и соучредителем предприятия».

Удивительно, как ловко был обойдён закон! С одной стороны, вроде бы всё правильно, но при этом произошла не просто подмена понятий, а элементарное жульничество. Сельхозпредприятие, чтобы оно могло посеять и убрать урожай, щедрый дядя субсидировал денежной суммой, а взамен получал землю собственников. Заметим: не юридического лица, а именно физических лиц, владельцев земельных долей.

Получилась формула: я дам вам деньги, чтобы вы могли работать (трудовые отношения), а взамен вы должны мне отдать свою машину, гараж или что-то ещё, что вам принадлежит на правах собственности (в данном случае – земельная доля в общехозяйственном массиве).

Путину, похоже, этот аргумент убедил или, во всяком случае, привёл к определённому решению.

– С этим белгородским случаем, если он действительно имеет место и всё происходит так, как вы говорите, – заметил он, – надо разобраться. Я дам поручение председателю правительства (на тот момент Касьянову М. М. – *Прим авт.*), мы это выясним.

Уже через неделю по всем центральным каналам ТВ шли репортажи о том, как в Белгородской и соседней Воронежской областях ушлый предприниматель фактически грабит крестьян, ли-

шая их собственности на землю. Ситуацию удалось вернуть обратно лишь потому, что были самым что ни на есть примитивным образом нарушены права людей и элементарные юридические нормы. Свои земельные доли крестьяне «отдавали» в уставный капитал юридического лица, хозяином которого был тот самый ушлый бизнесмен, просто по заявлению, тогда как в каждом случае требовалась оценка земли, и только денежный эквивалент этой доли можно было вкладывать в уставный капитал.

Помню, в ходе презентации этапов земельной реформы, где выступали консультанты фонда «АгроМИР», Владимир Владимирович спросил у Строева, где, мол, набрали таких грамотных ребят. «Так это наши, – ответил Егор Семёнович, – выпускники аграрного университета». И кивнул в сторону Парахина: «Его кадры. Знают больше любого профессора».

Конечно, это была шутка, но в каждой шутке, как известно, есть и своя доля истины.

| Фурсенко увильнуть не удалось

С президентом страны в последующие годы Николай Васильевич встречался не один раз. На крупных аграрных форумах, в Кремле, в том числе когда Владимир Владимирович вручал Парахину орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Одна из таких встреч произошла 24 августа 2011 года в Московском государственном строительном университете. В тот момент Путин занимал, правда, пост председателя правительства России. Для разговора с премьером собрался весь актив Российского союза ректоров. Парахин как ректор Орловского аграрного университета был не просто в числе приглашённых, а в числе тех, кто должен выступать с докладом.

По возвращении из столицы в интервью журналисту одного из местных изданий Николай Васильевич заметил, что встреча с премьером длилась четыре часа и Путин был прекрасно к ней подготовлен. Более того, он постоянно «разогревал» ректорскую аудиторию разными дискуссионными темами, задавал тон беседе. По всему было видно, что Владимир Владимирович отлично владеет ситуацией в образовательной сфере. В одной из своих

реплик он заметил, что правительство считает образование важным локомотивом развития экономики. А позже в своём выступлении развил эту мысль, подчеркнув, что «качественное современное образование – это залог устойчивого развития нашей с вами страны, основа для самореализации конкретного человека, основа для расширения социальных и экономических возможностей всех граждан страны, стратегический ресурс России, который мы должны укреплять и в полной мере использовать».

– Главная задача сегодня, – продолжил он, – повысить качество работы вузов за счёт научных исследований и подготовки выпускников.

Премьер также заявил, что будут меняться подходы к финансированию учебных заведений. Государство станет выделять деньги не под конкретные вузы, как это было до сих пор, а под целевые программы. Вузы должны будут принимать участие в конкурсах по этим программам, чтобы отстоять свое высокое звание и получить деньги на дальнейшее развитие.

Кроме того, одной из тем стало взаимодействие вузов с работодателями. В тот момент обнаружился серьёзный перекос в подготовке специалистов ряда профессий. Путин посетовал, что рынок труда перенасыщен экономистами, юристами и управленцами. «Но при всей значимости этих кадров, – обратил внимание премьер, – они не могут развивать экономику. Экономику развивают базообразующие специальности».

Тему и формат своего выступления Парахин корректировал на ходу с учётом уже состоявшегося обмена мнениями.

– Я буду говорить не о недостатках современного образования, они, конечно, есть, – заметил он, – я хочу остановиться на проблемах нашего роста. В 90-е годы, о которых все, конечно, помнят, мы не знали, где найти деньги на зарплату и стипендии, даже, смешно сказать, на моющие средства. Сегодня стоят другие задачи – подготовить квалифицированные кадры, которые смогут работать на современном оборудовании, быстро осваивать и внедрять передовые технологии и обеспечивать инновационное развитие экономики.

Еще один важный момент, который был озвучен в его выступлении, – необходимо уже сегодня не на словах, а на деле войти на равных в международную систему образования. Орловский аграрный университет в этом отношении сделал первые и

довольно успешные шаги. Но для того, чтобы плодотворно работать вместе с зарубежными коллегами, необходимо хорошее знание иностранных языков. Пока таких знаний у преподавателей и студентов, прежде всего, отраслевых вузов, к сожалению, нет. Кроме этого, отсутствие в течение длительного времени в вузах современного оборудования не позволяло готовить высококлассных специалистов, способных работать на международном уровне, где техническое оснащение учебных лабораторий и кабинетов на порядок выше того, что имеется у нас.

Другая не менее серьёзная проблема российских вузов, которая была обозначена в выступлении Парахина, – это проблема с жильём. По мере возможности каждый ректор так или иначе старается её решать. Но и тут не без сложностей.

– Дело в том, что земля, которая якобы принадлежит высшим учебным заведениям, – сказал он, – находится в собственности Фонда российского жилья, поэтому мы не можем её использовать для строительства домов и квартир для молодых специалистов. Сейчас вносятся предложения создавать вузовские кооперативы, которые на льготных условиях будут брать землю у этого фонда и строить жильё для молодых преподавателей и учёных. Мы предложили строить общежития для студентов, как за рубежом, чтобы в этом участвовало не только государство, но и российский бизнес.

Парахин не обошёл вниманием и такой вопрос, как подготовка специалистов для агропромышленного комплекса, поскольку она является одной из самых затратных в образовании. Для подготовки грамотного агронома, инженера, заметил он, нужны современная техника и высокие технологии, а подготовить ветеринара или зоотехника без специализированной клиники вообще невозможно. Если обучение одного экономиста или юриста обходится в 70–80 тысяч рублей, то подготовка инженера или специалиста АПК требует значительно больших затрат.

Но Парахин не был бы самим собой, если бы не сказал о других проблемах сегодняшней российской деревни. Его мысль заключалась в том, что необходимо на государственном уровне обеспечить устойчивое развитие сельских территорий, разработать и принять комплекс мер, чтобы обеспечить сельскому человеку достойную жизнь. Нынешняя деревня нуждается не только в

специалистах аграрных вузов. На селе нужны медики, учителя, культработники. Нужны дороги, хорошая связь, детские сады и новые школы. Если, конечно, мы хотим сохранить в нормальном состоянии русскую деревню. Парахина в этом очень поддержали коллеги из медицинских и других вузов.

– А Путин вас услышал? – спросил тогда журналист. Николай Васильевич ответил, что Путин услышал не только его, но и многих других выступавших. Во всяком случае, уже в ходе совещания были даны соответствующие поручения присутствовавшим здесь руководителям департаментов правительства, министру образования и науки Андрею Фурсенко.

Поскольку, как отмечалось, подготовка специалистов для села – дело затратное, Парахин попросил Путина включить этот вопрос отдельным пунктом в государственную программу по подготовке инженерных кадров, о чём председатель правительства говорил в своём выступлении. Услышав это предложение, министр образования Фурсенко что-то стал тихо докладывать Владимиру Владимировичу. Когда он закончил, Путин сообщает, вот, мол, Фурсенко мне подсказал, что это не его вопрос, так как он из сферы деятельности министерства сельского хозяйства. И, улыбаясь, смотрит на Парахина. Николай Васильевич среагировал моментально:

– Владимир Владимирович, – произнёс Парахин, – я до этой минуты считал, что Фурсенко возглавляет весь штаб образования России. Выходит, я ошибался?!

Зал взорвался хохотом. А Фурсенко, смеясь, ответил, что после таких слов орловского ректора ему ничего не остаётся, как решить этот вопрос в положительном ключе.

| «Чтобы слова были к месту»

Приведённый пример далеко не единичный в насыщенной и изобилующей разнообразными событиями биографии академика Парахина. Один только перечень его выступлений на официальных мероприятиях высокого ранга займёт не одну страницу. Для того чтобы просто представить интенсивность таких далеко не рядовых выступлений, мы сделали выборку некоторых из них за небольшой период, охватывающий чуть более двух лет,

Важный разговор с президентом.

где он выступал одновременно в качестве организатора и основного докладчика. Подчеркнём, это были международные и все-российские конференции, симпозиумы, совещания по самым актуальным вопросам развития аграрного сектора и научных исследований. В их числе – Международная практическая конференция «Кормопроизводство в условиях XXI века: проблемы и пути решения» (г. Орёл, 12–13 марта 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Состояние и перспективы энерго- и ресурсосберегающих технологий в АПК» (г. Орёл, 24–26 марта 2009 г.); выездное заседание Президиума Россельхозакадемии «Роль генетических ресурсов и селекционных достижений в обеспечении динамичного развития сельскохозяйственного производства», «День поля» и 3-я ярмарка сортов на Шатиловской СХОС (8–9 июля 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Интенсификация и оптимизация производственного процесса сельскохозяйственных растений (г. Орёл, 6–8 октября 2009 г.); всероссийская научно-

практическая конференция «Устойчивое развитие экономики и социальной сферы отраслей и предприятий народного хозяйства» (г. Орёл, 17–18 февраля 2009 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы обеспечения устойчивого развития АПК в условиях глобального экономического кризиса (г. Орёл, 18–19 марта 2009 г.).

Помимо того, Парахин неоднократно выступал на совещаниях по проблемам высшего образования и развития сельского хозяйства, проводимых руководством страны в городах Томске (2007 г.), Санкт-Петербурге (октябрь 2007 г.), Оренбурге (2009 г.), Мичуринске (2009 г.), Москве (2007, 2008, 2009, 2010 гг.).

Та лёгкость и уверенность, которую Парахин демонстрировал на трибуне, в ходе таких выступлений, вовсе не отражала всей степени волнения и сосредоточенности, которые испытывает человек в такие минуты.

– В его бытность ректором в России было 59 аграрных вузов, – вспоминает Татьяна Ивановна Гуляева, – но ведь можно по пальцам пересчитать, кто мог выступить перед президентом, правительством страны с серьёзным анализом, новой концепцией развития аграрной отрасли, аграрной науки, становления профильного образования.

Как-то раз Парахин признался: «Непростое, оказывается, это дело – стоять за трибуной, когда тебя слушают такие люди. Вроде бы и не волнуюсь уже: не впервые, привык. Но когда выступаю, пот по моей спине течёт рекой».

А как он готовился к таким ответственным выступлениям? «Ночью, – признавался он, – часто не могу уснуть ни на минуту. Сiju, что-то прокручиваю в голове, записываю какие-то мысли, правлю, переделываю, уточняю. Хочется, чтобы слова были к месту, выводы чёткими, а рассуждения по теме свежими, не затасканными. Глаза закрою, усталость-то берёт своё, и снова накатывает волной: надо вот это сказать, вот здесь добавить, тут пояснить, чтоб понятно было». Он всегда и самым тщательным образом готовил свои выступления, обдумывал и оттачивал каждую фразу. Знал цену слову, особенно если это слово было связано с наукой, развитием университета, исследовательским процессом. И, конечно, если оно касалось конкретного человека, ведь нужное слово, сказанное к месту и вовремя, возвышает челове-

ка, даёт ему крылья. Эту простую истину он ценил, как никто другой.

Несмотря на невероятную занятость, в абсолютном большинстве случаев все свои доклады и выступления Николай Васильевич писал сам. Информацию, конечно, собирал, подключая преподавателей или специалистов соответствующей тематики, но тексты готовил своей рукой, вкладывал свои мысли, свою аргументацию, свои заключения. Это тоже редкое свойство для руководителя в современном, крайне динамичном и насыщенном событиями мире, перегруженном информацией и потоком каждодневных дел.

А ведь если посмотреть хотя бы на то, что значит выступить с докладом, концепцией развития той же образовательной сферы в аграрной отрасли либо научным обоснованием предстоящих преобразований в сельском хозяйстве (а он выступал с такими докладами десятки раз), когда здесь же, рядом, сидит президент, глава правительства, министры, виднейшие учёные страны, академики?! На тебя смотрят сотни глаз, оценивается и анализируется каждое твоё движение, каждый штрих, тембр речи. Тебя, словно рентгеном, просвечивает этот заполненный зал, и каждый сидящий в нём делает свой вывод о твоей компетенции, твоём интеллекте, убедительности примеров и выводов, твоём умении говорить, держаться на трибуне и многом другом. Человек ведь не робот. Он живая плоть, с нервами, сердцем. Как тут не будешь волноваться? Для организма, как ни крути, как ни успокаивай и ни настраивай себя, огромный стресс. Одно неверное слово, выражение, не тот посыл или недостаточно проработанная идея – и ты уже другой в глазах этих людей, занимающих самые важные посты в государственных структурах. Не такой современный, не такой подготовленный. Не такой продвинутый и креативный. Попробуй любой из нас хотя бы однажды пройти и пережить такой момент. Тот, кому хоть раз доводилось стоять за трибуной, знает, что это такое.

К чести Николая Васильевича, оратор он был замечательный, зажигал своей энергетикой, своей убеждённостью, логикой и набором таких аргументов, с которыми трудно было не согласиться. Это тоже большое умение, высокий человеческий дар, который дается не каждому.

Глава 18. НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...

| «Не умею иначе»

В народе говорят: «Кто везёт, на того и грузят». Это незамысловатое суждение в полной мере относится к Николаю Васильевичу Парахину. Все, с кем довелось общаться во время работы над этой книгой, словно сговорившись и чуть ли не в унисон твердили: его трудоспособность и та мера ответственности, с которой он подходил к любым поручениям и обязанностям, служебным или общественным, поражали, вызывали одновременно и восхищение, и сочувствие. Ну, не может человек брать на себя столько всего! В голове не укладывалось: когда он всё успевает?! Это же уму непостижимо!

И жена, Тамара Васильевна, и его друзья и коллеги, видя, какой немислимый груз, оброставший постоянно, из года в год, из месяца в месяц новыми проектами, полномочиями, общественными поручениями, неотложными делами сваливается на его плечи, пытались ему об этом сказать, откровенно советовали сбавить ритм, поберечься, попридержать, как говорится, коней. «Николай, ну куда ты гонишь, подумай об отдыхе, ты же не железный!»

Куда там! В ответ он только махал рукой, отшучивался: «Не могу, не умею иначе». Он как будто всё время куда-то спешил, боялся, что не успеет сделать чего-то главного в своей жизни. Но чего? Об этом он никому и никогда не говорил. Просто, невзирая ни на что, шёл и делал то, что считал для себя необходимым.

| Долг общественный и научный

Неудивительно, что человек с такой активной жизненной позицией, креативным мышлением, как теперь говорят, оказался под завязку загружен множеством других полномочий и дел помимо своей непосредственной работы в университете. Такое впечатление, что разные службы и ведомства соответствующего профиля непременно хотели иметь в составе своих общественных комиссий, комитетов, союзов именно его, Парахина, прекрасно зная, что он не будет числиться здесь всего лишь ради присутствия, что непременно принесёт в работу этих неформальных образований свежую струю, новые идеи, необходимость рассматривать действительно нужные и важные вопросы.

Дважды Николай Васильевич избирался депутатом Орловского областного Совета народных депутатов второго и третьего созывов. Был председателем учёного совета и двух диссертационных советов в Орловском ГАУ, председателем Ассоциации образовательных учреждений АПК и рыболовства Минсельхоза РФ, вице-президентом Российского союза ректоров. Председателем координационного межвузовского совета ректоров при администрации Орловской области, председателем научно-технического совета по инновационному развитию АПК Орловской области, председателем Орловского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российское аграрное

движение – РАД», главным редактором рецензируемого ВАК журнала «Вестник ОрёлГАУ», членом редколлегии ряда научных журналов.

В 1998 году Парахина избирают заместителем председателя Орловского областного Совета народных депутатов. Его опыт работы на прежних должностях, глубокое знание аграрной проблематики пришлись как нельзя кстати и в законотворческой деятельности. По воспоминаниям депутатов, кто вместе с ним работал в тот период, Николай Васильевич принимал самое непосредственное участие в разработке и утверждении целого ряда нормативных актов, значимых для Орловской области, например: «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Орловской области» (2003 г.), «О служебных наделах на территории Орловской области» (2003 г.), «О предельных размерах и условиях предоставления земельных участков в собственность граждан» (2003 г.), «Об особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодьях на территории Орловской области» (2005 г.), «О распоряжении земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, в административном центре Орловской области – городе Орле» (2006 г.) и ряде других. В ходе обсуждения мог предложить иную концепцию по сравнению с той, что появлялась изначально, вносил важные поправки, которые уточняли и конкретизировали формулировки тех или иных статей и разделов закона.

– Он был настоящий знаток сельского хозяйства, профессионал высшего полёта, – так образно и ёмко отозвался о депутатской работе Николая Васильевича Парахина спикер областного парламента того периода Иван Яковлевич Мосякин. – С ним было невероятно комфортно работать, поскольку каждое его выступление, любое замечание или реплика выдавали в нём человека обширных и при этом очень глубоких познаний аграрной тематики.

– Думаю, избрание Николая Васильевича в областное законодательное собрание на протяжении нескольких созывов было не случайным и абсолютно оправданным, – делиться своим мнением на этот счёт академик-секретарь Российской академии наук, академик РАН Юрий Фёдорович Лачуга. – Он был человеком, который хорошо знал свой край, родную Орловщину, и его знали

практически все, в любом районе. Знали и видели, что все свои усилия как учёного, педагога, руководителя главного профильного вуза Орловской области он направляет на то, чтобы помочь селу, обеспечить его профессиональными кадрами, вывести сельское хозяйство на путь интенсивного развития.

Мы уже рассказывали в одной из предыдущих глав о совместной работе Юрия Фёдоровича и Николая Васильевича в союзном ведомстве Главнауки. Но даже после ухода из этой структуры и возвращения в Орёл пути этих двух больших учёных и руководителей не разошлись.

– До 1996 года, – рассказывает Юрий Лачуга, – я работал заведующим кафедрой в одном из столичных вузов, а затем министр сельского хозяйства РФ Виктор Николаевич Хлыстун пригласил меня вновь вернуться в Минсельхоз уже новой страны, современной России, на должность директора департамента кадровой политики и образования. В этом департаменте были объединены, по сути, три бывших союзных главка: главк сельхозвузов, главк средних специальных учебных заведений и главк кадров и повышения квалификации. С этого момента мы с Николаем Васильевичем Парахиным снова стали активно сотрудничать. И вот так, помогая и доверяя друг другу, решая насущные задачи, трудились на протяжении многих лет. Немало за это время удалось сделать, построить и обновить в том же Орловском аграрном университете. Основная заслуга, конечно, во всех этих преобразованиях принадлежит Николаю Васильевичу, поскольку его нацеленность на результат всегда давала свои плоды. Вспомним хотя бы удивительные по новизне подходов, по содержанию «Дни поля», очень важное не только для Орловской области, но и в масштабах всей страны мероприятие, одним из инициаторов которого был именно он. Ценность «Дня поля», которое стало уже традиционным, проводится каждый год на протяжении двух десятилетий, состоит в том, что есть возможность обсудить современные тенденции в сельском хозяйстве страны, поделиться передовыми наработками, идеями, обменяться опытом, достижениями в селекционной науке.

Юрий Фёдорович заметил, что Парахин всегда был открыт для общения, гостеприимен и педантичен до мельчайших деталей, жил не только настоящим, но и будущим. В этом была, пожалуй,

его отличительная черта. Он умел точно и чётко поставить задачу, умел организовать, но и спросить умел. А у нас на Руси как-то так повелось, что за спрос не очень жалуют начальников. И надо сказать, это умение спросить о выполнении порученной задачи, помогало ему достигнуть определённого результата. Не каждый руководитель может записать себе в актив именно умение и желание спросить со своих коллег, с подчинённых полный отчёт о выполненной или невыполненной работе.

– На одной из сессий Россельхозакадемии, – продолжает академик Лачуга, – когда уходил вице-президент академии Александр Александрович Жученко, а было это в 2009 году, занять должность было предложено не кому-нибудь, а Николаю Васильевичу Парахину. К тому моменту он уже не просто состоял в рядах Россельхозакадемии, а был признан как авторитет по целому ряду современных направлений развития аграрной науки. Скажу откровенно, он не хотел этой должности, долго сопротивлялся, приводил всякие доводы, какие-то свои аргументы, но мнение участников той сессии было единодушным, и Парахина утвердили вице-президентом РАСХН. А сопротивлялся он по той причине, что имел огромную общественную нагрузку у себя, в Орле, был ректором, вёл целый ряд научных проектов. Очень не хотел порывать с областью, потому что знал: Москва будет отвлекать, потребует от него дополнительных сил, времени, а работать спустя рукава, абы как, он не умел. Но тогдашний президент академии, уважаемый учёный, академик Геннадий Алексеевич Романенко и его заместитель Жученко всё-таки нашли нужные слова, нашли достаточно аргументов и уговорили Николая Васильевича согласиться на эту должность.

С этого момента мы стали работать с ним ещё теснее, снова бок о бок, как давние коллеги. Он курировал в РАСХН отделение растениеводства и защиты растений, я оставался на своей должности вице-президента, курирующего инженерные науки. Но учитывая, что инженерия, агрономия, то же растениеводство во многом взаимозависимы и не просто контактируют, а плотно взаимодействуют, мы с Николаем Васильевичем очень часто встречались, обсуждали научные проекты, новые разработки, которые способствовали развитию аграрной отрасли страны.

Он с присущей ему энергией активно включился в работу, пол-

ностью ей отдался, но с должности ректора университета не ушёл, хотя другой на его месте, наверное, поступил бы иначе. Аграрный университет он считал, если не своим детищем в полном смысле этого слова, то уж точно не пасынком. Здесь он оставил значительную часть своей жизни, свою душу и сердце, вложил в становление и развитие вуза своё умение, знания, опыт, и в одночасье поступиться всем этим, уйти на более высокую и, несомненно, престижную должность в академии наук Парахин не захотел. Конечно, ему в этот период тяжело пришлось. Здесь, в Россельхозакадемии, большой коллектив, много сложных и разнообразных задач, которые постоянно требуют твоего непосредственного участия, конкретных решений. В Орле, в университете тоже свои проблемы, от них не уйдёшь, не отмахнёшься, поскольку у ректора есть вполне чёткие и строго прописанные полномочия, которые на другие плечи переложить невозможно.

Мне было понятно, да он и сам не раз говорил, что долгое время совмещать две эти серьёзные должности очень сложно, и в один момент он честно признался, что покидает работу в Россельхозакадемии и остаётся в Орле, в своем университете.

Мы продолжали тесно и плодотворно общаться, проводили совместные конференции, я всегда с большим желанием приезжал в Орёл на «Дни поля», решали какие-то научные проблемы, говорили, как водится, о перспективах села, аграрной отрасли, о науке.

Вот на одном таком «Дне поля» я, к величайшему сожалению, увидел Николая Васильевича не таким как всегда. Болезнь уже чувствовалась, она проявила себя. Но он не жаловался, виду не подавал, не говорил ни слова о своих проблемах, хотя прежней энергии, темперамента уже не было. В нём как будто что-то стало угасать, стало меньше света, меньше жизни.

Это было летом, в июне. И только осенью он сказал, что болен, что болезнь очень тяжёлая и он всеми силами борется за жизнь. Его печаль была не о себе. Он думал, как тут без него будет Тамара Васильевна: здоровье у неё тоже не очень. Но есть сыновья, на них надежда, они позаботятся о матери.

– В нём, без сомнения, жила большая человеческая душа и такое же большое сердце, – отмечает профессор Гуляева. – Прошло уже несколько лет, как Николай Васильевич ушёл из этого мира,

но о нём до сих пор искренне вспоминают и его коллеги, и даже те, кто напрямую не был с ним связан по работе. На состоявшемся недавно совещании по вопросам аграрной науки и образования в Краснодаре, на базе Кубанского агроуниверситета, новый руководитель Минсельхоза РФ Дмитрий Николаевич Патрушев тепло отзывался и Парахине, его вкладе в развитие современной аграрной отрасли. Ко мне подходили коллеги из многих вузов, в их числе много новых, молодых руководителей, интересовались делами, благодарили за ту работу, которую мы проводим в Орле по сохранению и увековечиванию памяти Николая Васильевича Парахина, реализации тех идей и задумок, которые он озвучивал при жизни.

Вспоминают тот период, когда Парахин возглавлял Ассоциацию аграрных вузов России, и то, как он вёл дела, ставил и решал проблемы. Что особенно подкупало – он ни разу не воспользовался своим положением и никогда не просил чего-то отдельно для своего университета. Наоборот, ставил вопросы, которые касались всех сельскохозяйственных вузов и вузовской науки. То есть не пытался тянуть одеяло или искать каких-то привилегий для себя, Орловского аграрного университета. Это была его принципиальная позиция, и он следовал ей неукоснительно. Причём делал это дипломатично, но всегда настойчиво, в своём духе.

А проблем было много всегда, и приходилось заходить в самые высокие кабинеты, убеждать, доказывать, приводить аргументы. На всё это требовались огромные силы и нервы. Он ведь не отличался богатырским здоровьем. Нередко после таких совещаний или сложных переговоров выглядел словно выжатый лимон. О таких говорят: работает на износ, о здоровье не думает.

Он до последней минуты оставался верным своему призванию, тому делу, которому отдал всю свою жизнь.

| Неформальные формальности

Как известно, о масштабе той или иной личности принято судить не только по тому, что и сколько успел человек сделать за свою жизнь. Не менее важно, как он это делал, с каким подходом, с какими мыслями и чувствами, чем и каким запомнился окружающим людям, своим коллегам, друзьям и знакомым.

Если судить именно по делам, по отношению к работе, с которой он сталкивался либо которую ему поручали, Николая Васильевича Парахина в полной мере можно назвать государственным человеком. Даже не с точки зрения занимаемых им постов, а в силу того понимания и тех подходов, которые он демонстрировал фактически на протяжении всей своей жизни. Он всегда себя чувствовал частью нашей большой и сложной страны, с её непростой и богатой историей. И эта история начиналась для него с родительского дома, с родной деревни, с земляков, по отношению к которым он до конца своих дней испытывал самые добрые чувства.

Уважая законы и принятые в обществе правила, он тем не менее никогда не вёл себя как формалист, не боялся принимать нестандартные решения, даже если это могло грозить ему всевозможными неприятностями. Не боялся ответственности, если это было продиктовано интересами дела, шло на общую пользу.

Бывший заместитель губернатора области по сельскому хозяйству Александр Николаевич Майоров рассказал весьма любопытную историю о том, как ему удалось в своё время за короткий срок и очень продуктивно решить проблему нехватки кадров для села. Было это в тот период, когда Николай Васильевич в 30-летнем возрасте возглавил Орловский СХИ, а Майоров работал первым секретарём Кромского райкома партии.

– Когда я принял район, – вспоминает Александр Николаевич, – первое, с чем столкнулся, так это с острой нехваткой специалистов среднего звена и специалистов с высшим образованием. Это явилось одной из причин, что показатели хозяйств, урожайность, надои фактически стояли на месте, были очень низкими. Оставляли желать лучшего управляемость предприятиями и производственная дисциплина. Что нужно делать в такой ситуации? Выход простой – срочно исправлять положение. Я обратился к директору Глазуновского сельскохозяйственного техникума, где готовили как раз специалистов среднего звена, и к Парахину, в Орловский СХИ, с одним вопросом: возможно ли ускоренным методом организовать заочное обучение молодых сельских жителей, как мы говорили тогда, без отрыва от производства? Понятно, существовали определённые правила поступления и учёбы, за нарушение которых можно было не только выговор

получить, но и основательно испортить карьеру. Но выбора у меня не было, я на это пошёл, и моё предложение было поддержано. Со средним образованием дело обстояло попроще. Включили в список всех молодых людей в районе, окончивших 7–10 классов, их набралось где-то 190 человек. 123 человека направили на учёбу в техникум, экзамены принимала выездная комиссия прямо в райкоме. С институтом было сложнее, но вариант нашли. Договорились с Парахиным организовать в районе консультационный пункт и 8-месячные курсы для тех молодых людей, кто имел среднее образование. Нужно было по ускоренной программе обновить их знания, как бы заново пройти школьную программу по ряду предметов. Набрали таких 64 человека. Преподавание дисциплин велось два раза в неделю в субботу и воскресенье по восемь часов. Преподаватели института целой бригадой выезжали сюда, в район, по-другому было никак нельзя. По ходу занятий по разным причинам половина слушателей курсов отсеклась, уехала, просто не захотела учиться. Осталось 32 человека. Все они потом поступили в институт без экзаменов, это тоже было одним из условий обучения. Часть молодых людей выбрали агрономический факультет, другие учились на зооинженерном и факультете механизации сельхозмашин. На следующий год эксперимент повторили, ещё 32 человека по той же схеме направили на учёбу. И уже через три года полностью закрыли потребность в специалистах, и даже получился избыток, если можно так выразиться. На одно сельхозпредприятие приходилось не меньше 20 человек с высшим и средним специальным образованием. Собственно, это позволило району заметно продвинуться вперёд. Ребята, которых мы направили на учебу по заочной форме, они же практики, работали бригадирами, заведующими фермами, мастерскими, руководителями тракторных бригад. У них уже имелся определённый опыт и, откровенно говоря, уже через два-три года 8 или 10 человек из числа обучающихся были избраны руководителями хозяйств. Некоторые из них ещё учились на четвёртом или на пятом курсе.

К чему я вспомнил об этой истории? Чтобы ещё раз сказать: Николай Васильевич был из тех людей, для кого общие интересы, или как тогда говорили, общественные интересы, а не свои, личные, узковедомственные, всегда стояли на первом месте. Он сме-

ло мог пойти против правил, против инструкций и схем, если от этого выигрывали все.

Много было неформальных подходов при строительстве молодёжного центра в университете, демонстрационно-выставочного центра, той же парковой зоны. Не говорю, что только и делали, что нарушали закон, нет, с этой стороны всё было в порядке. Просто Николай Васильевич хотел сделать всё как можно быстрее, не любил, когда приходилось долго согласовывать, ждать, не терпел, если бумаги без движения лежали где-то по кабинетам. И находил всякие способы, чтобы ускорить процесс: звонил, напоминал, спрашивал, ездил в Москву, в министерства, заходил к министрам, членам правительства, от кого зависело решение того или другого вопроса. Конечно, и губернатор, и мы все, кто работал в команде Егора Семёновича Строева, всегда активно ему помогали, потому что знали, видели: человек старается не для себя, а для университета, для его развития, укрепления материально-технической базы. А значит, в конечном счёте – для совершенствования учебного процесса и качественной подготовки специалистов для села.

Кстати, в том же демонстрационно-выставочном центре, необходимость которого поначалу не все понимали, в последующем проходило серьёзное обучение кадров всей области. Здесь по отдельной программе готовили фермеров, приглашали на учёбу руководителей хозяйств. Жизнь в ту пору очень быстро менялась, людям, которые управляли производством или открывали своё дело, нужна была свежая информация по экономическим, юридическим, бухгалтерским вопросам, менеджменту, налогообложению, кредитам, лизингу и прочим моментам. Углубленную 72-часовую программу по предложению Парахина разработали в университете для инженеров, агрономов, бухгалтеров, экономистов, работавших непосредственно на производстве, в хозяйствах. И так продолжалось несколько лет. Могу сказать откровенно, что на этой волне Орловская область в тот момент шагнула далеко вперед. Был период, когда мы занимали лидирующие места не только в ЦФО, но и по всей стране по молоку, яйцу куриному, мясу, картофелю, плодам. К нам едва ли не каждую неделю приезжали делегации со всех российских регионов и даже из ближнего зарубежья – из соседней Белоруссии, Молдавии, Украины.

В Орле проводились серьёзные общероссийские и международные научно-практические конференции, совещания, устраивались дискуссионные площадки по самым актуальным вопросам развития сельского хозяйства. Учёным аграрного университета и самому Николаю Васильевичу Парахину нередко отводилась на этих мероприятиях ключевая роль.

Лично мне он запомнился деловым, серьёзным человеком. С ним можно было контактировать и решать самые сложные проблемы, которые стояли не только перед университетом, но и перед областью тоже. В плане полеводства, развития растениеводческой отрасли, подготовки сильных, образованных кадров для села его роль трудно переоценить.

| «Это наша легенда»

Ещё один представитель региональной власти, Ефим Николаевич Вельковский, работавший в своё время мэром города Орла, а затем заместителем губернатора, вспоминая Николая Васильевича Парахина и отдавая ему должное, характеризует его не только как большого учёного, но и как успешного хозяйственника, что, по мнению Вельковского, далеко не всегда органично соединяется в одном человеке

– Вообще, на мой субъективный взгляд, – говорит Ефим Николаевич, – и, я думаю, здесь со мной согласятся многие, Николай Васильевич Парахин – это легенда нашей области. За свою жизнь, к сожалению, не такую уж долгую, он немало сделал для нашего Орловского края и громадную роль сыграл в становлении и развитии аграрного университета.

При всех сложностях нашего бытия, при всех спорных моментах, без которых жизнь любого человека не обходится, какой бы он пост ни занимал, Николаю Васильевичу выпала высокая и трудная миссия – довести до определённого логического конца строительство и формирование главного аграрного вуза Орловской области, развить его инфраструктуру, оснастить лабораториями и службы, дочерние подразделения современным оборудованием и приборами для проведения передовых исследований и подготовки кадров для села. С ним спорили, его критикова-

Подарок большому ученому В. И. Зотикову.

ли, ему завидовали, порой пытались вывести из равновесия, но в спину никто не плевал. И если сам он вступал с кем-то в спор, то делал это открыто, не таясь.

Все понимают, как сложно работать в научном коллективе, где пересекаются амбиции большого количества людей, переплетаются различные проблемы и мнения. Надо отдать должное: ему как-то удавалось находить компромиссы, сглаживать острые углы, принимать нужные решения.

Трудно не согласиться с тем фактом, что университет со всеми его службами, структурными подразделениями – это сложное административно-хозяйственное образование с парком машин, опытным хозяйством в селе Лаврово. До того момента, как на его базе создали учхоз, это было заброшенное запущенное сельскохозяйственное предприятие. Парахин его взял, реанимировал, дал ему вторую жизнь.

Я иногда думал, глядя, как бьётся, старается ректор учебного заведения преобразовать лавровский совхоз: зачем университету такая обуза? Это ж какая головная боль для человека, которому поручено руководить учебным заведением?! А он взял да и повесил себе на шею ещё и убитый совхоз со всеми его нерешёнными

проблемами, разрушенным производством, неясными перспективами. Много ли найдётся среди нас таких храбрецов-оптимистов? Но он ведь размышлял по-другому. Готовить специалистов для сельского хозяйства в вузовских кабинетах и лабораториях – это одно, а подкреплять теорию практикой на учебных полях, занимаясь обработкой земли, севом, уборкой, то есть исполнением всех агроприёмов, согласитесь, совсем другая история.

Он фактически построил и развил производственную и научную базу университета. Для этого нужно многое. Деньги, связи, упорство, если хотите, определённая настырность в достижении той цели, которую поставил перед собой, великое желание и полное отсутствие страха за последствия принятых тобой решений. И, конечно, всё это должны объединять большая человеческая любовь и преданность делу, которому он посвятил свою жизнь.

Не скрою, лично я, да и другие руководители города, области не оставляли его один на один со всеми проблемами, всегда старались помочь. Когда он звонил, о чём-то просил или советовался, я шёл навстречу. Иногда приходилось его останавливать, и такое случалось, чтобы, как говорится, не сильно увлекаться, продвигая какую-то свою идею. Приезжал к нему, говорил, что вот так делать не нужно, необходимо подойти к вопросу иначе.

Он очень хотел и много для этого делал, чтобы студенты, преподаватели – все, кто здесь работает и учится, с уважением относились к своему учебному заведению. И гордились им. Строил жильё для преподавателей, для молодых семей, всячески способствовал, чтобы молодые учёные росли, закреплялись на определённых должностях, чувствовали себя защищёнными. Это достойно уважения и самых высоких похвал человеку, который проявлял такую заботу о своём коллективе, о людях, которые работали в его команде.

Человек был очень целеустремлённый, иногда, может быть, несколько азартный. В любом случае, если брался за какое-то дело, сбить его с толку было невозможно. Он непременно доводил задуманное до логического конца. Я имею в виду, конечно же, дела общественные, которые касались университета, его непосредственной работы. И он многое успел, многое у него получилось.

Сейчас в рамках традиционного «Дня поля» в университете уже несколько лет проводятся Парахинские чтения, где уче-

ные, приезжающие из столицы, из разных уголков страны, из зарубежных научных центров обмениваются информацией о проводимых исследованиях по аграрной тематике. Тем самым как бы подтверждая: то дело и те направления научных поисков, которым был привержен академик Парахин, имеют своё продолжение.

Но, думаю, было бы неплохо в честь большого учёного, каким был Николай Васильевич Парахин, учредить в университете либо в нашем научном сообществе специальную премию имени академика Парахина, а также именные стипендии для лучших студентов университета. Это было бы ещё одним знаком уважения и благодарности достойному человеку, нашему земляку, посвятившему служению родному краю всю свою жизнь.

| Есть ли у дружбы цена

Мы уже говорили о том, что ректор Орловского аграрного университета никогда не ограничивал свою работу узкими рамками научного либо образовательного процесса. Решая ту или иную проблему, выбирая то или иное направление исследований, запуская тот или иной проект, он непременно задавался вопросом: «Для чего? С какой целью? Что это даст?» Любой шаг старался соизмерить с практикой, с реальной жизнью. И принимал самое деятельное участие в процессах, которые были связаны с преобразованием и укреплением аграрной отрасли. Примеров подобного участия множество. Одну из таких историй, весьма характерную для Парахина, вспомнил Михаил Георгиевич Михайлов, занимавший в своё время должность заместителя губернатора Орловской области.

– Было это в середине 80-х, когда экономическая обстановка в стране складывалась не лучшим образом, – рассказывает Михайлов. – Меня назначают первым секретарём Хотынецкого райкома партии. Район сложный, по терминологии тех лет «отстающий». Дорог не было, а территория немаленькая: в ту пору в его состав ещё входил сегодняшний Знаменский район. Так вот, из угла в угол, от одного края до другого, до границы Болховского района – сто километров. Нищета в деревнях страшная. Производство разваливается, теплится еле-еле. Что делать, с чего начинать? Чтобы

наладить экономику, обеспечить хоть какое-то движение вперёд, нужны кадры. Новые кадры, с более прогрессивным мышлением, отвечающим задачам времени. А их нет. Несмотря на то что работа с кадрами считалась приоритетной в деятельности партийных органов, на каком-то этапе время стало опережать сложившиеся подходы к решению кадровых вопросов. Похожая картина была в каждом районе. Те руководители, что имелись на тот момент, устарели, не тянут. Потолок у многих, как говорится, такой, что выше того, что есть, уже не прыгнут. Но это один вопрос, другой-то сложнее: на кого менять? На месте из молодых выбрать некого: ни образования, ни опыта работы, ни желания возглавить хозяйство, повести за собой коллектив никто не высказывает, хотя приглашал, беседовал со многими. А времена были такие, что кандидатура любого председателя колхоза утверждалась на бюро обкома партии. Оправдан был такой подход или нет, разговор не об этом, но то, что каждый человек был на виду и от него многое зависело – факт, с которым не поспоришь.

Обращаюсь к Егору Семёновичу Строеву (он тогда уже занял должность первого секретаря областного комитета партии), прошу его содействия. Он выслушал меня, согласился с теми предложениями, которые я озвучил. А предложил я направить в район несколько выпускников сельхозинститута. Зелёных, необстрелянных, не имевших опыта. Но выхода другого у меня просто не было.

– Я не против, – сказал тогда Строев. – Но вопрос надо решать с Парахиным. Он лучше знает, какие у него кадры и справятся ли они.

Николай Васильевич мою идею поддержал, не задумываясь: «Правильно мыслишь. Ребята такие есть. Грамотные, способные. Эти не подведут, можешь не сомневаться». И сразу же называет несколько фамилий, пять или шесть человек. Мало того, каждому даёт характеристику, подчёркивает сильные стороны, увлечения и даже привычки. Для меня это было удивительно: ректор так глубоко осведомлён о каждом из своих студентов? «А ты как хотел? – не без гордости в голосе отвечает Парахин. – Дать человеку знания – это одно. А увидеть его возможности, задатки, его потенциал и помочь им раскрыться, – совсем другое дело. Как ни крути, мы уже сейчас обязаны думать о том, кто придёт нам на смену».

Для меня, честно признаюсь, были поразительными такие мысли. Нам самим-то едва за тридцать, жизнь, карьера, можно сказать, только ещё начинаются, а тут какая-то смена... Хотя чего там лукавить, это же Николай Парахин, он и сам умел удивляться, а ещё больше умел удивлять.

Так вот, встречаюсь я с пятикурсниками, которых назвал Николай Васильевич. Первым был Виктор Киреев, очень интересный человек, с кучей разных идей, нестандартным мышлением, новаторским подходом к решению производственных вопросов, отличный организатор. Это всё в полной мере он продемонстрирует потом, в процессе работы. Спрашиваю у него: «Как настрой? Уже решил, куда отправишься после учёбы?» Он в ответ: «Предложения есть, но хочу сначала закончить институт. Осталось четыре месяца, а уж потом будет видно». А учился Виктор на отлично, шёл на красный диплом. Я открываю карты, мол, ждать четыре месяца невозможно: скоро весна – пахать, сеять надо. Готовиться к весне нужно уже сейчас. И предлагаю ему возглавить колхоз имени Бадаева. Ему, 20-летнему парню, за плечами которого школа да институт. А хозяйство далеко не простое, проблем хоть отбавляй, вытащить его из ямы способен молодой энергичный руководитель, который не боится трудностей. «Ну, как согласен? Не страшно будет взвалить на себя такую ношу?» И привожу в пример ректора: вон, говорю, Парахин не сильно старше нас с тобой, а не испугался возглавить институт, стройку ведёт, учебное хозяйство организует.

Одним словом, убедил его. Виктор приехал не один, привёз с собой целую команду специалистов, таких же, как сам, студентов выпускного курса: зооинженера, ветврача, экономиста, инженера по сельхозмашинам. Удивительные, отличные ребята. Костя Мещеряков, Володя Голенцов, Юра Бакурин, Галя Мещерякова. Один одного лучше, а в целом – великолепная команда! Они в хозяйстве настоящую революцию сделали, быстро наладили дисциплину, поставили производство, за несколько лет из нищеты подняли колхоз, запустили обширную программу строительства жилья и культурно-бытовых объектов.

И это, кстати, были не единственные выпускники аграрного института, которых рекомендовал и направлению в район которых способствовал Николай Васильевич Парахин. Вслед за

Киреевым к нам приехали Владимир Семёнов, Дмитрий Ветров, Владимир Селищев, специалисты высокого класса, настоящие профессионалы. Все они впоследствии стали руководителями хозяйств, а двое, набравшись опыта, в разное время стояли у руля Хотынецкого района. Владимир Васильевич Селищев много лет возглавлял один из местных совхозов, неоднократно избирался депутатом областного совета.

Но, как это часто у нас бывает, через несколько лет после приезда Виктора Киреева в районе сменилась власть, и пришедшие сюда другие руководители, к сожалению, не поняли и не оценили ни его планы, ни старания его команды. Это было очень досадным событием, вразумительных объяснений которому я не находил и никогда уже не найду. Просто глупость и только... Ребята, конечно, не затерялись, не пропали. Стали фермерами, занимались выращиванием зерна, животноводством. Но это уже страницы другой истории.

Кстати, когда работал в Хотынце, наше сотрудничество с сельхозинститутом и непосредственно с ректором обрело какие-то новые грани. Он плотно занимался темой неудобий, приезжал сам, приезжали его специалисты, разрабатывали методику и технологию возделывания неудобных земель с той целью, чтобы превращать их в культурные участки для производства тех же кормов, разнотравья, вводить их в структуру севооборота.

Что ещё удивляло в нём и вызывало уважение: при всей близости к власти Николай Васильевич Парахин не был для неё ручным, удобным и сговорчивым, неким пай-мальчиком. Когда дело касалось принципиальных вопросов – не мелочей, нет, именно серьёзных моментов – в научных дискуссиях, спорах по концептуальным позициям, он становился жёстким, правду-матку рубил сплеча, что не всегда нравилось его оппонентам. Но и таким безоглядным рубакой, записным правдолюбом назвать его тоже нельзя. Он прекрасно знал, что и где говорить, и слово своё, свою позицию уважал, знал им цену.

Как бы то ни было, и дипломатом тоже был отменным. В этом плане я могу назвать его тонким человеком, склонным к анализу и прогнозированию тех или иных ситуаций. Жизнь, как говорится, научила. Немногие знают, что ему не раз предлагали разные позиции и в области, и выше. Отказывался, говорил, что его всё

устраивает. Так это было или нет, судить не нам, это был его путь, его выбор, которому он оставался верен до конца.

Мне иногда трудно представить, как в одном человеке так много может быть сконцентрировано: и практик, и учёный, и преподаватель, и организатор современной системы образования. Неформальный и во многих своих поступках, действиях, мыслях нестандартный человек. Таким он навсегда останется для всех, кто его знал.

Была у него ещё одна очень важная черта, о которой не могу не сказать – дружбу он ценил безмерно. Если что-то обещал, для него, кажется, не существовало обстоятельств, которые могли заставить его изменить решение, нарушить слово. Никогда в жизни не смогу забыть эпизод, который случился однажды в ходе поездки в Курск на встречу с ректором медицинского института. Мне предстояло решить один очень важный вопрос. Мы заранее созвонились, но знакомы до этого не были, и я, можно сказать, для компании попросил Николая Васильевича поехать со мной. Дело в том, что они с ректором медицинского были в хороших отношениях, вот мне и подумалось, что такая поддержка в лице Николая Васильевича Парахина не помешает. Встретиться и познакомиться в итоге не удалось, поскольку ректор медицинского неожиданно слёг с температурой как раз перед нашим приездом. Но дело не в этом.

Когда уже сели в машину, я заметил, что Николай Васильевич как будто не в своей тарелке, хмурый, без настроения. Не такой, как всегда. Я стал спрашивать, что случилось. Он сначала отнекивался, молчал, дескать, потом, расскажу, после поездки, поскольку ехать надо, раз договорились. Но всё-таки, когда уже выехали из Орла, я настоял, чтобы он объяснил причину такого своего состояния. Оказалось, что накануне врачи поставили Тамаре Васильевне, его жене, очень тяжёлый диагноз. Николай Васильевич не спал всю ночь, страшно переживал, но поездку со мной не отменил. Я, когда узнал об этом, был потрясён. Стал настаивать, чтобы мы вернулись, перенесли поездку на другое время. Он ни в какую: надо ехать, и всё, люди ждут. Так и не сумел его отговорить. Это же каким нужно быть человеком, чтоб так ценить данное слово, не менять своих планов?! Хотя, наверное, многие поступили бы иначе, учитывая всю тяжесть обстоятельств. А ещё, думаю, и

тогда, и сейчас нашлись бы те, кто с лёгкостью предпочёл бы отнестись с осуждением к поступку Парахина.

Чтобы не возникало по этому поводу никаких кривотолков, скажу откровенно: он сделал всё возможное и невозможное, чтобы помочь жене справиться со страшным недугом, чтобы она продолжила жить.

| Кусочек сала

По утверждению людей, близко знавших Парахина, ещё в раннем возрасте у него зримо стали проявляться некоторые черты характера, заложенные и природой, и воспитанием, и примером родителей. Даже те, кто учился с ним в школе и Тимирязевской академии, удивлялись, насколько чутким, необыкновенно внимательным и понимающим был этот человек: в быту, в обыденной жизни и на профессиональном поприще тоже, в должности преподавателя, ректора, научного руководителя.

– В городе Орле, куда я приехала после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации, – вспоминает Лидия Павловна Степанова, – у меня не то что родных, но и знакомых не было. Кроме Николая Васильевича и его жены Тамары, с которыми мы вместе учились. Дело в том, что я родилась и приехала сюда из города Урюпинска Волгоградской области, и семья будущего ректора была, особенно на первых порах, как островок или маяк, который в любой момент готов сориентировать и помочь в незнакомой для меня обстановке, в чужом, незнакомом городе.

Ректор института, которым был в тот момент Давид Борисович Дунаевский, встретил меня радушно и был настроен очень доброжелательно. По тону разговора чувствовалось, ему было приятно, что институт пополнился ещё одним выпускником, точнее, выпускницей Тимирязевской академии. Посмотрел документы, задал несколько уточняющих вопросов, подписал заявление о приёме на работу. И, уже прощаясь, спросил: «А деньги-то у вас есть?» Конечно, ответила я. Мне было как-то неловко, что ректор института справляется о таких бытовых мелочах. Нам перед выпуском в последний месяц выдали стипендию. То есть деньги в кошельке на полмесяца-месяц имелись. И можете себе пред-

ставить: первая лекционная неделя, где-то в аудитории или ещё в каком-то месте я оставила сумку. Сумка вскоре нашлась, вроде бы всё на месте. Пришла вечером домой, открыла кошелек, а он пуст. И есть нечего, поскольку продуктами впрок не запасалась. Не на что даже хлеба купить. Что делать? Рассказывать обо всём и просить помощи было стыдно: воспитание не позволяло, считала, что сама во всём виновата. У кого спрашивать, к кому обращаться – ума не приложу.

И тут (в это трудно поверить) на другой день Николай Васильевич пригласил меня к себе домой. Мол, несколько дней, как приехала, но всё не заходишь. А жили мы в одном пятиэтажном доме, только в разных подъездах. Он с семьёй в однокомнатной квартире, а мы, несколько преподавателей, размещались в 4-комнатной квартире, приспособленной под общежитие.

Пришла к ним, он говорит жене: «Тамара, налей-ка Лидии тарелку супа. Она, небось, без первого сидит: на новом месте пока обустроишься, не до супов». Отказаться было нельзя, они оба настаивали, да и мне, если честно, очень хотелось есть. Съела я суп, попили чаю, поговорили. О пустом моем кошельке я не обмолвилась и словом. Неловко было загружать людей ещё и своими проблемами.

Перед моим уходом Николай Васильевич снова обращается к жене: «У нас там немного сала есть, давай мы Лидочке отрежем кусочек». И он отрезал, чтобы я взяла с собой. Можете представить, как выручили меня в тот момент этот кусочек сала и ужин в семье Парахина! Я об этом никогда не забуду до своей последней минуты. Такие вещи из памяти не уходят. Он не знал, конечно, что у меня произошло, но интуитивно, на подсознательном уровне почувствовал, что поступить надо именно так, как он поступил. Наверно, он ещё помнил наши студенческие и аспирантские годы в Москве, в Тимирязевке, когда жили достаточно скромно, экономили на всём, в том числе на еде. Разносолов каких-то не было – хлеб, кефир, молоко, картошка. Иногда от родителей привозили тот же кусочек сала или курицу, старались поделиться с соседями по комнате в общежитии.

Он всё это сам прошёл, прекрасно знал, что такое жить в чужом городе, где нет ни родных, ни знакомых.

Николай Васильевич никогда не скрывал своего происхожде-

ния. Гордился и с величайшим уважением и нежностью относился к своим родителям, братьям и сёстрам – всем, кто происходил из рода Парахиных и был связан с ним кровными узами.

Особенности и некоторые привычки, вынесенные из детства, оставались с ним до самых последних дней. Он не боялся, что его за это осудят, будут шептаться. Например, нужно было видеть, как он относится к хлебу, как бережно и почти трепетно ест этот продукт: он брал небольшой кусочек и отщипывал от него крохотные ломтики. Отщипывал и ел, отщипывал и ел. Да так, чтобы не падало, не терялось ни единой крошки. Этому специально не научишься, сколько бы ни старался. Этому учит сама жизнь, голодное, бедное детство.

На столах, на разных торжествах и банкетах, когда уже встали на ноги, получили определённые посты, были, конечно, разносо-лы. Но он ко всему этому изобилию блюд относился равнодушно. Предпочитал простую пищу, да и вообще ел очень мало. По суще-ству, был аскетом, никогда не перегружал свой организм лишней едой. Зато очень любил угощать других и очень переживал, что-бы никто за столом не остался голодным.

| «Готов подписаться»

В числе несомненных достоинств Парахина как человека вы-деляют его умение ценить дружбу, о чём уже было сказано выше, готовность ради неё в любой момент совершать неожиданные, порой дерзкие поступки, которые могли даже навредить ему са-мому. Но, видимо, иначе он не мог, и уж если вступал с челове-ком в такие отношения, проникался к нему уважением и довери-ем, то никогда не давал повода усомниться в искренности своих дружеских чувств.

С Николаем Михайловичем Баранчиковым, сегодняшним ру-ководителем Орловского отделения Пенсионного фонда России, судьба свела Парахина ещё в молодые годы.

– Мы познакомились с Николаем Васильевичем в далёком те-перь 1976 году, когда он после Тимирязевки приехал в Орловский СХИ. Я в то время работал в обкоме комсомола, а его избрали се-кретарём комитета комсомола сельхозинститута. Знакомство и

состоялось на почве комсомольских дел, поскольку в сферу моего взаимодействия входили комсомольские организации вузов. Обычное знакомство быстро переросло в дружбу. У нас уже были семьи, мы общались, ходили к Парахиным в гости, они ходили к нам.

Через некоторое время жизненная ситуация поменялась, меня и его перевели на работу в областной комитет партии. В ту пору это было в порядке вещей, когда комсомольский актив привлекали на партийную работу. Мы даже сидели с ним какое-то время в одном кабинете. Я был инструктором по сельскому хозяйству, курировал определённые вопросы экономики, а у него – вопросы земледелия, растениеводства и всё, что с этим связано. И ещё он курировал вопросы, связанные с механизацией агропромышленного комплекса.

Собственно, нужно отметить, что и на партийной работе дела у него складывались вполне успешно, хотя к партийной карьере он никогда не стремился. Но тогда отказаться, положим, от предложения перейти в обком партии или позднее в ЦК КПСС было невозможно. Партийные функционеры всегда держали в поле зрения молодёжный актив, выискивая из их числа наиболее толковых ребят. Да и сама система ротации кадров и продвижения людей на разные посты в любых государственных органах была заточена таким образом, что без подчинения уставу, без лояльности к вышестоящим лицам в партийной иерархии ты дальше расти не мог. Хорошо это или плохо, судить не берусь, только по-другому в советские годы поступать было нельзя. Поступавшие иначе, несогласные с «линией» попадали в негласные чёрные списки, оказывались на обочине.

Замечу, что никакие высокие посты его не изменили: всегда, в любой ситуации он оставался простым и доступным человеком, открытым и честным. Нос не задирали и ничем, ни единым жестом, выражением лица или движением бровей не показывал свою значимость. Это, к слову сказать, дано не каждому человеку, получившему власть.

Если нужно было кого-то отстоять, вступить, особенно когда становилось очевидно, что обижают несправедливо, или прийти на помощь, Николай Васильевич реагировал мгновенно, не задумываясь о репутации и последствиях.

Был такой очень показательный во многих отношениях случай. Я в какой-то период работал помощником Егора Семёновича Строева. Человек он, как известно, непростой, с огромным опытом и широким мировоззрением. Но иногда выводы делал, исходя из своего понимания ситуации. Так вот. Посылают меня проверить жалобу, поступившую из колхоза «За коммунизм» Урицкого района. Я поехал, побывал на месте, поговорил с людьми, выяснил всё, что нужно, сопоставил с тем, что приведено в жалобе, и в отчёте указал, что дела в хозяйстве идут хорошо. Егор Семёнович за такой анализ ситуации изрядно меня отстегал, дескать, не разобрался, не увидел главного, что людей беспокоит. А я на тебя рассчитывал.

Одним словом, выставил меня, как мальчишку, который не разбирается в жизни и наступивших реалиях. Впору после этого было писать заявление об уходе «по собственному». Я, конечно, был расстроен, рассказал о случившемся Николаю Васильевичу, просто в расчёте на понимание и вовсе не ожидал, что с его стороны последует некая реакция. А она последовала незамедлительно. Он тут же пошёл к Строеву и заявил, что Баранчиков честно выполнил поручение, ситуацию, сложившуюся в хозяйстве, изложил объективно, а потому плохой оценки не заслуживает. «Если нужно, я сам готов подписаться под этой справкой», – закончил он.

Сказать такое в ту пору первому лицу области означало, самое меньшее, впасть в немилость, а то и запросто улететь с работы под любым благовидным предлогом. Понимал ли он это в тот момент, когда направлялся в кабинет первого секретаря? Думаю, понимал. Но принципами своими поступиться не мог.

Конечно, мы поддерживали друг друга и по работе, и в обычной жизни. Например, если его жена Тамара Васильевна что-то дома приготовила, она в обязательном порядке посылала Юру или Виктора (это дети Парахиных) принести это нам, нашим детям, благо мы жили тогда в одном доме, только в разных подъездах. Мы что-то испекли, зажарили рыбу, курицу, кусок говядины – наши дети несли Парахиным. Кстати, наши старшие ребята были одноклассниками, а младшие даже ходили в один класс. То есть по большому счёту это была настоящая семейная дружба, основанная на искренних человеческих чувствах и взаимном уважении.

С ветеранами Орловского аграрного университета.

Было в нашей семейной дружбе заведено и ещё одно правило, оно случилось с подачи Николая Васильевича, который постоянно что-то придумывал: каждую субботу мы все вместе ходили в кино, в кинотеатр «Победа». Обязательно с детьми. Вот сегодня, положим, суббота, Николай Васильевич берёт восемь билетов, то есть на две семьи, желательно на какой-нибудь премьерный, патриотический или военный фильм. После сеанса обязательно всей этой толпой отправляемся к Парахиным и там садимся за чаепитие с пирожными, с тортом. За столом вместе с детьми обсуждаем увиденную картину, отмечаем, что в ней понравилось, что нет, как воспринимает увиденное на экране наша подрастающая смена, правильно ли расставляет акценты. То есть в этой ненавязчивой домашней обстановке учили детей мыслить, выражать своё мнение, по достоинству оценивать то, что несёт человеку культура.

На следующую субботу уже я покупаю те же восемь билетов, а после просмотра фильма идём уже к нам, и моя жена Галина накрывает общий стол и заваривает чай. Это было регулярно от субботы к субботе на протяжении всего времени, пока мы вместе работали. Получилось так, что даже дачные участки оказались у нас напротив друг друга. Понятное дело, на них надо было что-то

построить. Но всегда выходило так, что в силу своей вечной загруженности (ну, трудоголик человек, что тут поделаешь?!) Николай Васильевич не мог раз за разом отрываться от работы. А стройка, все знают, дело такое: то фундамент нужно завести, то бетон залить и так далее. Так вот, мы с Тамарой Васильевной сами растаскивали этот раствор, как-то пытались продвигать строительные работы.

Он, конечно, не оставался в долгу, ценил это человеческое участие и сам всегда готов был отдать последнее, сделать для человека всё, что только оказывалось в его силах.

Парахины, то есть в первую очередь, конечно, Тамара Васильевна, делали очень хорошее блюдо под названием бешбармак. Всякий раз, приезжая из Казахстана, они привозили хороший кусок конины, а без неё, как известно, приготовить настоящий бешбармак невозможно. Тамара Васильевна настолько искусно готовила это блюдо, что пальчики, как говорится, оближешь. Моя жена Галина, сколько ни пробовала потом повторить этот кулинарный шедевр, такой вкусотищи никак у неё не получалось. Видимо, там были какие-то нюансы, которые не всем удаются.

Когда он работал в Москве, я к нему приезжал, был на квартире, которую они получили. Зная, что я еду в командировку, он звонил и буквально требовал, чтобы никакую гостиницу не снимал, а ехал сразу к нему. Для меня выделялась комната, благо их в той московской квартире было несколько, завтракал, ужинал, говорили с ним допоздна. Разговоры были самые обычные: о друзьях, о знакомых, кто как живёт, чем занимается, как складываются дела у того и другого. То есть никаких высших материй. Заговаривали иногда и политику, времена тогда были такие, в стране бушевала горбачёвская перестройка, и никто не понимал, не гадавался, куда всё это могло завести.

Он, смею заметить, хороший собеседник. В разговорах никак не давит, слушает, высказывает своё мнение, при этом не отменяя и не отодвигая твоё. Может поспорить, приводит какие-то аргументы, а если видит, что их недостаточно или они слабо подкрепляют его точку зрения, соглашается, в позу или в обиду не становится. То есть интересный человек, с которым можно было разговаривать на многие темы.

Провожая меня домой, всегда соберёт подарки моей жене, де-

тям, что-нибудь вкусненькое купит в кремлёвском буфете. Тогда ведь дефицит был на всё, и какой-нибудь мармелад, палка хорошей колбасы считались деликатесом.

| Вишнёвое угощение

Помню в связи с этим одну забавную историю, – рассказывает Николай Баранчиков. – Моя жена Галина любит готовить из вишни очень вкусное домашнее вино, её научил покойный ныне директор Орловской плодово-ягодной станции (сегодняшний ВНИИСПК) Юрий Викторович Осипов. Когда к нам приходят гости, мы этим вином угощаем.

В очередную командировку в Москву решил я сделать подарок Парахиным, привёз им трёхлитровую ёмкость этого вишнёвого вина. Николай Васильевич крепкие напитки не очень любил, а домашнее вино ему нравилось. Получилось так, что в этой банке, в которую налили вино, до этого хранился чеснок, а мы, видимо, плохо её простерилизовали. Николай Васильевич принял подарок, благодарил, но открывать сразу эту ёмкость не стал.

В следующий раз приезжаю снова к нему, он улыбается, говорит: «Ну, что давай ужинать. Собственного винца хочешь выпить?» Я отвечаю, дескать, ты что, до сих пор его бережешь? «Да вот, всё тебя ждал». Наливает мне бокал. Спрашиваю: «А себе?» Он отвечает: «Пей, пей, я уже это пробовал. Теперь твоя очередь».

Я, когда выпил, всё понял: вино густо пропиталось чесночным запахом, так что пить его было невозможно. «Вот так угостил винцом!» – подумал я.

Ну, посмеялись над моей такой оплошностью, что ещё оставалось. Вино, конечно, пришлось вылить.

О том, чтобы остаться в Москве, делать дальше карьеру на каком-то чиновничьем поприще, лично я от него никогда не слышал. Наоборот, в Москве он чувствовал себя неуютно, сетовал, что это большой город с большими проблемами, в котором человеку не хватает простора, свободы из-за вечной суеты и бешеного ритма. Он был связан с землёй, с природой, его тянуло назад, в Орёл.

Вместе с тем он был человек очень деятельный, пробивной, где

бы и с кем ни работал, у него непременно завязывалась с коллегами дружба, возникали какие-то интересы, человеческие отношения. И это получалось естественно, само собой. Он по-другому не мог, поскольку его коммуникабельность, широта интересов и простота в общении вызвали доверие, располагали.

Когда Николай Васильевич закончил работу в ЦК и перешёл на одну из ведущих должностей в Главнауки, ему пришлось много ездить по стране. В те годы в научной сфере, в вузовском образовании накопилось невероятное количество проблем. Безденежье, отсутствие внятных перспектив, растерянность кадров – всё это сказывалось на общей ситуации, не давало возможности сосредоточиться, определить главные направления в дальнейшем развитии. Он прикладывал массу сил, решая сиюминутные вопросы, поддерживая какие-то идеи, участвуя в научных дискуссиях, конференциях, обсуждениях самых разных вопросов, которые волновали научное сообщество. Но чувствовал: нет, это не его путь. Его не прельщала участь стать «чистым» чиновником от науки. Он хотел самостоятельной научной работы, где есть творчество, поиск, возможность сосредоточиться на одном-двух главных направлениях.

В конце концов, это случилось с его возвращением в Орёл. Посмотрите, что он сделал после того, как снова возглавил институт! Такую базу отгрохал, достроил главный корпус, парк такой заложил! Разве не чудо?

Пример Парахина воодушевил многих. Тот же Николай Михайлович Баранчиков у себя возле дома посадил больше 400 разных деревьев – целую рощу.

– Порой друзья и знакомые мне говорят: «Зачем ты это делаешь? Деревья солнце затеняют», – рассказывает он. – А я отвечаю: «Пусть растут. У меня в этом лесочке уже грибы появились. Ходите, гуляйте, только мусор не оставляйте после себя». И всякий раз, когда смотрю на эти деревья, этот маленький лесок, вспоминаю Николая Васильевича и всё, что было связано с ним.

Конечно, его возвращение в Орёл было и естественным, и правильным. Он здесь по-настоящему нашёл себя, нашёл своё место. Здесь в полной мере раскрылся как руководитель, как учёный, как личность, проявил все свои лучшие качества организатора вузовской науки, человека, который умело и органично

совместил систему вузовского образования с практическим производством. Далеко не каждый учёный и ректор добивается такого результата.

Николай Васильевич на протяжении почти всей своей жизни жил очень скромно. Это только в последние годы в семье появился достаток, появилось приличное, не служебное жильё. Я всё это видел, многократно бывал у него на квартирах, видел обстановку, в которой жила семья, как она питается и так далее. Никаких там изысков, роскоши, никаких богатств у них не было никогда. Уютно, опрятно, со вкусом – это да, но не больше того.

| Хитрая рыбалка

Был ещё один интересный случай, о котором поведал Николай Михайлович Баранчиков.

– Меня, как это иногда случалось с молодыми активистами той поры, отправили на учёбу в Москву, в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Стипендия не больше 90 рублей, я – там, а здесь, в Орле – семья, дети. Надо было на эти деньги как-то жить самому и, приезжая домой, купить детям какие-то гостинцы. В очередной такой приезд решил пойти подработать на стройку. На этой стройке увидел меня один важный человек из обкома партии. Удивился, что это я тут делаю в рабочем комбинезоне. Так и так, говорю, хочу немножко семейный бюджет пополнить, пока выдались каникулы. Ну, поговорили, разошлись.

Через пару дней звонит мне Парахин. Интересуется, не хочу ли я съездить на рыбалку? Знаю, что заядлым рыбаком он никогда не был, но раз такое предложение, почему бы не съездить, не отдохнуть. А какую брать леску – двухжильную, трёхжильную? Отвечает: и двух -, и трёхжильную бери, пригодится.

Наловили мы рыбы ужас сколько. Вернулись – товарищ, который был с нами, взял три-четыре рыбки. Николай Васильевич тоже. Спрашиваю: «Остальную куда? Тут же ещё килограммов десять будет, если не больше».

Парахин мне говорит: «А эту ты бери домой, пожаришь, часть завялишь. Жена, дети помогут».

Я только потом понял: это он специально придумал рыбалку,

чтобы меня поддержать. Хотя бы и рыбой, таким вот образом. Мы потом дома эту рыбу целую неделю ели, да еще и вяленой сколько осталось.

На многие сложные вещи, какую-то проблему, вопрос или ситуацию реакция у него было удивительной. Словно он заранее знал, что нужно делать и как поступить. Порой казалось: ну куда спешит человек, почему торопится?! Тут надо спокойно обдумать, взвесить все за и против, а он уже выдал решение. Проходит какое-то время, и ты вдруг понимаешь, что он был прав и его, казалось бы, спонтанное решение оказалось верным.

В то время, когда работали в обкоме партии, к важным совещаниям вместе с другими отделами писали выступления по своей тематике для первых лиц. Так у него всё получалось с ходу, как будто он всю жизнь только и делал, что готовил нужные формулировки, обороты речи, расставлял акценты.

Вспоминается такая деталь. Будучи первым секретарём обкома партии, Николай Андреевич Володин, к сожалению, ныне покойный, не любил заниматься такой работой. Обычно даст поручение, ему подготовят текст, он его посмотрит, либо вернёт, если не нравится, либо оставит как есть.

В отличие от него, предшественник Володина на этом посту Егор Семёнович Строев подходил к любому своему выступлению на пленуме, конференции, даже на любом оперативном совещании иначе. Обязательно собирал команду, обсуждал, говорил, какие главные мысли, главные моменты он бы хотел видеть в тексте выступления.

Зная эту его особенность, тексты, конечно, готовили более тщательно: что-то находили в газетах, в журналах, различных других источниках. То есть формировали как бы скелет выступления, основные тезисы, которые потом дополняли примерами, обобщениями, выводами.

Дня за три, за четыре до мероприятия материал приносили на стол Егору Семёновичу, он его смотрел, потом снова собирал всех, кто готовил. Делали так называемый прогон, то есть кто-то читал, все остальные и он тоже слушали. Строев очень тонко чувствовал любой нюанс, любой оборот речи или формулировку, поэтому часто останавливал, просил что-то добавить, усилить или смягчить речевой оборот, сделать более понятной или акцентированной ту

или иную фразу. Он серьёзно работал над текстом, делал его под себя, под свою манеру говорить, под свою дикцию и тембр голоса. Неслучайно его выступления всегда были яркими, запоминающимися. «Говорит, будто песню поёт» – так отзывались многие, кто участвовал в таких мероприятиях, о его докладах и выступлениях. Частенько бывало и так, что он отрывался от написанного и говорил как бы от себя, но к тому моменту он уже вжился в тему, точно знал, что сказать, какие примеры привести и какой акцент сделать в том или другом месте.

Николай Андреевич был совершенно другим. Бывшие работники обкома партии вспоминают в связи с этим некую довольно примечательную историю.

Приближалась одна из последних ленинских дат, которую в стране и, разумеется, в нашей области ещё отмечали публично, с проведением различных собраний, попыткой привлечь к этому общественность, развернуть какую-то акцию в прессе. Итогом так называемой ленинской вахты должна была стать областная партийная конференция.

Так вот, в процессе обозначенных мероприятий первый секретарь обкома Володин (Строева к тому времени уже забрали в Москву секретарём ЦК КПСС по сельскому хозяйству. – *Прим. авт.*) даёт поручение подготовить текст выступления перед партийным активом области. Акцентов или каких-то тезисов не указывает. Люди, работавшие в качестве помощников Володина, за основу, естественно, берут доклад генерального секретаря ЦК КПСС на прошедшем съезде, выступления других членов политбюро. Всё основательно проштудировали, насытили примерами из жизни области, принесли Николаю Андреевичу. Он прочитал, через какое-то время вызывает помощников и говорит недовольным голосом: «Ну что вы ерунду какую-то написали! Совсем неинтересно».

Второй вариант сделали, третий. Он всё недоволен. Приглашает к себе в кабинет Александра Алексеевича Лабейкина (он на тот момент возглавлял отдел пропаганды обкома партии) и просит, типа, подскажи этим двум «недоумкам», что и как нужно написать. Но опять ни слова о том, какие сделать акценты, какие мысли обозначить в тексте выступления.

Лабейкин пришёл к помощникам, попросил все три варианта выступления. Просмотрел накоротке и выдаёт: «Я заберу первый».

Через какое-то время, ничего не меняя, ни единой строчки, заходит к Николаю Андреевичу, вот, дескать, мы тут посидели, поработали.

Володин взглядом пробежал по странице: «Ну вот, совсем другое дело». Одобрил.

Конечно, уход Парахина, уход несправедливый, несвоевременный, для всех нас, кто его знал, кто с ним дружил и работал, оказался ударом. Он и здесь, на фоне тяжёлой болезни, проявил себя человеком незаурядным, особенным. Сделал так, чтобы избавить своих друзей, знакомых от лишних хлопот и лишних переживаний, отказался от всех встреч и разговоров. Разрешил только двум или трём самым близким.

Я приехал, встретились с ним возле дома. Говорили долго, вспоминали всё: какие-то события, встречи, памятные эпизоды. Попросил его, чтобы он сходил обязательно в храм, потому что все мы ходим под Богом. Он обещал, что сделает это. Конечно, он хотел жить, планов было громадьё. Ведь жизнь по большому счёту уже сложилась, дети выросли, внуки пошли. В научном плане всё было как нельзя лучше: академик, вице-президент РАСХН, ректор одного из лучших аграрных университетов страны... И тут такое, как гром среди ясного неба...

Настоящий русский человек с широкой душой и большим добрым сердцем – таким он навсегда останется в нашей памяти.

| Удивить и растрогать

Дружба с Николаем Александровичем Паршиковым, профессором, ректором Всероссийского государственного института культуры и искусств, также как и с Николаем Баранчиковым, завязалась у Парахина ещё по молодости. И тоже всё началось с комсомольской работы. И так – на десятилетия.

– Он был по-настоящему преданным, но ненавязчивым другом, – говорит Николай Александрович. – Были моменты, которые невозможно переоценить, сколько бы лет ни прошло. Но даже среди самых-самых незабываемых некоторые всё равно стоят особняком.

В 1997 году было решено отметить 25-летие нашего института

культуры. Решение, разумеется, принималось не только нами, то есть руководством института, но мы посчитали, что было бы неразумно не воспользоваться благоприятным моментом. Во-первых, дата определённая, есть повод показать, как говорится, достижения, поднять престиж вуза. А во-вторых, поставить перед руководством области ряд вопросов, которые назрели и касались развития учебного заведения. Мы на тот момент находились в статусе филиала Московского института культуры, а хотелось уже самостоятельности. Выросли из детских пелёнок.

Но то, что случилось в дальнейшем... При одном лишь воспоминании меня до сих пор бросает то в пот, то в холод.

На юбилей института, будем говорить так, на сам праздник, Егор Семёнович пригласил Президента Республики Якутии Николаева: они в тот период обсуждали какие-то совместные с нашей областью проекты. В областном драмтеатре состоялся концерт, подготовленный студентами нашего вуза. Яркий, эмоциональный, с песнями, танцами, театральными сюжетами, как всегда. Всем очень понравилось.

После этого, уже на банкете, руководитель области завёл разговор вообще о положении творческих вузов. Все понимали, что времена тяжелые, нелегко приходится многим: и сельскому хозяйству, и промышленной сфере. Но культура оказалась наиболее уязвимой. Тем более, сказал губернатор, надо бы в честь юбилея сделать нашему самому культурному вузу, как он выразился, какой-нибудь подарок. Предложений было несколько: построить новый корпус, поменять статус филиала, подарить музыкальное и другое оборудование для обучения студентов.

И тут в какой-то момент слово берёт Николай Васильевич Парахин и говорит:

– Всё, что мы тут наметили, это замечательно и очень даже здорово. Давно пора и статус институту дать, и новый корпус построить. Но давайте в честь такого юбилея сделаем ещё одно хорошее дело: дадим достойному человеку, ректору этого института, квартиру, пусть, наконец, заберёт к себе свою одинокую маму, съедется с ней.

Я, честно скажу, побагровел, услышав эти слова. При таком стечении народа, при таких гостях поднимать подобный вопрос... Ну, думаю, Николай Васильевич, удружил. Нашёл время и место.

Разве ж так делают? Не сейчас, так потом, за такое и его самого, и меня по голове не погладят.

Но нужно знать Парахина: он поступал так, как считал нужным. А тут Нина Семёновна, жена Егора Семёновича, с удивлением в голосе спрашивает: «А что, у ректора института нет квартиры?» Другие, сидевшие за столом, тоже поддержали. Егор Семёнович посмотрел на меня, на всех, сказал: «Подумаем».

1 января, как известно, Новый год. Меня зовут в администрацию. Дали листок бумаги: пиши заявление. Егор Семёнович, накладывая резолюцию, попросил: «Выделим тебе большую квартиру, пусть мама живёт с тобой. А эту, в которой живёшь сейчас, надо сдать». Вот так закончился тот юбилейный банкет. Разве ж такое забудешь?

– Спустя какое-то время, – продолжает Николай Александрович, – мы начали строить новый корпус института. На этой почве наши отношения с Парахиным ещё окрепли. Он при любом разговоре часто подсказывал: там посмотри, здесь обрати внимание, вот так бы лучше сделать. Опыта в таких делах у него был побольше, потому что аграрный университет постоянно вёл какое-то строительство. В итоге новый корпус обошёлся нам даже дешевле, нежели планировалось по смете – мы целых 22 миллиона вернули государству.

Когда из совета ректоров орловских вузов (есть такое общественное объединение), ушёл Фёдор Степанович Авдеев, который возглавлял педагогический институт, администрация области решала, кем его заменить. Предложили кандидатуру Парахина. Опытный, известный человек, прошёл немалый путь, поработал в серьёзных инстанциях. Правда, кто-то спросил: не трудно ли будет Николаю Васильевичу? Он мог отказаться, но, видимо, этот вопрос показался ему неуместным. Ответил просто: «Трудности в чём? Дело знакомое».

Совет ректоров при Парахине как бы обрёл новое дыхание. Раньше в нём многие вопросы рассматривались по принципу «эти – почётные, эти – нет» – имелись в виду некий вес, рейтинг того или иного учебного заведения. Николай Васильевич с первых же заседаний ввёл новые правила работы, в результате совет действительно стал советом, где решались серьёзные, значимые для всех без исключения вузов проблемы, а не посиделки за столом.

Не могу не рассказать ещё об одном случае, когда Парахин в очередной раз подтвердил своё реноме незаурядного и в хорошем смысле непредсказуемого человека. Произошло это в день уже моего юбилея. Все, кто был приглашён, друзья, коллеги собрались, как полагается, к назначенному часу. Не хватает Парахина. Стоим у парадного входа нашего института, ждём его одного, не начинаем. А он, хитрюга, видно, с кем-то договорился, ему открыли служебный вход. И вдруг совершенно неожиданно у нас за спинами появляется этот человек, в руках у него огромный букет свежих роз. Встал театрально на колени и преподносит мне. Вот артист, настоящий театрал! Кругом все в восторге, аплодируют, смеются. Мне неловко: «Коля, – кричу, – да ты что?! Встань немедленно!» Он улыбается, пожимает плечами: «А как ещё надо перед артистами? Ты ведь у нас артист и готовишь артистов. Вот, я тоже решил попробовать». Да, он умел удивить. Умел подойти ко всему неформально, с неожиданной и творческой стороны. Этого не отнять.

Николай Александрович вспомнил момент, когда областная газета публиковала целый цикл материалов о ректорах наших орловских вузов.

– Мне кажется, о Парахине был самый лучший очерк. В нём он так тепло о матери говорил, так проникновенно. Как-то признался: «Знаешь, Коля, я перед ней в вечном долгу. Как вспомню сейчас, спустя годы, что вёл себя по отношению к ней не слишком внимательно... Приеду, бывало, из Москвы с учёбы и, вместо того чтобы вечером лишнюю минуту побыть с ней, поговорить, да просто посидеть дома, скорей лечу в клуб на танцы». Он очень любил свою маму, думаю, просто боготворил её. Так много эта простая женщина сделала для него. Он это понимал и очень ценил.

| О том, что было святым

«Да, он может высечь без кнута, этот прямолинейный, но мудрый Парахин. Своих сыновей, Виктора и Юрия, с малых лет воспитывал в строгости. Но без всего – только своим примером. Всё остальное – заслуга жены. Тамара Васильевна, может, и была всю

жизнь в тени мужа, но именно на ней держался дом. Они и работали вместе: она – обычным преподавателем, а он – её начальником. Она была равной среди всех, но именно этим и заслуживала уважение. Бережно относилась к тому, что создаётся годами – авторитету ректора. Не позволяла себе обсуждать поступки его подчинённых. И с честью выдержала испытание властью мужа. Пожалуй, эта жертвенность и есть проявление настоящей любви!

Какой бы взвинченный, уставший и заваленный проблемами он ни пришёл, Тамаре Васильевне достаточно просто сесть рядом и положить его руку на свою. Не задавая никаких вопросов. И сразу становится легче.

Женщина, будь то мать или жена, для Парахина – святое. В их семье никто и никогда не смел повыситься на Тамару Васильевну голос. Сыновья, скорее, могли в чём-то поспорить или не согласиться с отцом. А вот с матерью – никогда. Наверное, здесь свою роль сыграло и полученное ими военное образование. Ведь отношение к женщине у офицеров особое.

А ещё они видели, как относится отец к своей матери. При воспоминании о ней взгляд Парахина теплеет. В его памяти она навсегда осталась той скромной, душевной деревенской женщиной, какими были тогда все матери из глубинки: в шубе-плюшке, валенках и платке. Но именно такой она была ему милее всего.

У неё он просит прощения, когда приходит на могилу родителей. Собственно и корить-то себя не за что. Молод был Коля Парахин. Приезжал на выходные в деревню, вместо того чтобы побыть с матерью, бежал на танцы. Возвращался к утру. Вечером снова девушки... Так и проскакивали выходные. Провожая сына, мать лишь утрёт концом платка слёзы да украдкой перекрестит. За этот свой юношеский эгоизм и корил себя часто Николай Парахин» (*«Орловская правда» от 31.08.2011 г.*).

– В июле 2015 года мы были на дне рождения у Леонида Музалевского, спикера нашего областного парламента, – продолжает Николай Паршиков. – Я первый раз обратил внимание на Николая Васильевича. Он всегда был подтянутый, сухопарый, а тут вижу: что-то изменилось в лице – щёки, седина в висках. Раньше я этого не замечал, не знаю, может быть, он её прятал как-то, закрашивал что ли. А тут явно бросалось в глаза. Спрашиваю потихоньку (людей рядом с нами много: губернатор, другие высокие

фигуры областной власти): Как ты себя чувствуешь?» «Ничего, – отвечает, – потихоньку. Да вот жена Тамара болеет».

Другие тоже стали замечать. Через какое-то время узнаём: опухоль. Невероятная. Семь сантиметров. Уже после операции как-то звоню ему. Он долго не брал телефон. А потом говорит мне: «Ну, ты там держись, береги себя». Это он мне, представляете?! Он тогда, видимо, уже понимал и, наверно, прощался со мной, со всеми, кто по жизни шёл рядом с ним. Шестого апреля его не стало... Столько людей, которые пришли проститься с академиком Парахиным, я в Орле не видел никогда. Море людей. Весь город. Вся область...

Он был смелым человеком: когда нужно, умел пойти на компромисс. Но чаще не боялся отстаивать свою позицию, защитить человека, воевал, если дело того требовало. Нелегко это в нашей жизни. Нагрузка на сердце, стрессы. От стрессов и все болезни. Он оставил яркий след не только в сердцах его друзей – у огромного числа людей, кто с ним пересекался по жизни.

В образовании, в своём вузе это был огонь, непререкаемый авторитет. Его же весь учёный и особенно аграрный мир знал. Медведев, Путин не один раз слушали его в Москве и тут, когда бывали в Орле. Один шатиловский форум «День поля» чего стоит! Не говорю, что заслуга возрождения этого замечательного мероприятия принадлежит исключительно ему. Но он немало сделал, чтобы наполнить Шатилово новыми идеями, включить научный подход, пригласить сюда виднейших учёных из академии наук, других научных центров.

Такие люди, я так скажу, они как кометы. Ярко пролетела и быстро ушла. Видимо, и там, на небесах, такие люди тоже нужны.

Я очень рад, что коллектив университета вышел с инициативой присвоить учебному заведению имя Николая Васильевича Парахина. Это абсолютно справедливо, поскольку именно благодаря ему этот вуз стал одним из лучших учебных заведений страны. И чем дальше будет уходить время, тем больше мы будем понимать, какая это была незаурядная, неординарная личность.

Глава 19.

ПО ЛИНИИ ДУШИ И СЕРДЦА

Учиться у Парахина

О том, что связывало Николая Васильевича Парахина с Некрасовской школой-интернатом, говорили многие. На протяжении долгих лет он опекал это учебное учреждение и помогал ему и как ректор университета, но ещё больше как человек. Хотя как тут определить, где проходит эта невидимая черта, отделяющая одно от другого? Да нет, и не может быть такой разделительной линии, поскольку она находится где-то в глубинах души, в самом человеческом сердце.

– Эта история, если можно применить здесь такое слово, – рассказывает директор Некрасовской школы Татьяна Владимировна Паршикова, – началась давно, наверное, с первых дней, как Николай Васильевич приехал в Орёл. Мне кажется, у него было какое-то особенное отношение к детям-сиротам и особая забота о них. Я не знаю, чем это объяснить, может быть, всё это пришло из детства, когда он видел, как живут дети, которые остались без отцов, не вернувшихся с войны. Или заложенными в нем самой природой качествами человека, равнодушного к чужой беде. Суть не в этом. Важно другое – ребята чувствовали его отношение к себе, к нашей школе вообще, и, когда подрастали и вставал вопрос, куда идти учиться дальше, многие непременно выбирали аграрный университет. «Хотим учиться у Парахина», – так аргументировали свой выбор. И до сих пор поступают туда: это желание и это чувство передаётся от наших старших ребят к младшим.

А как иначе? У него было какое-то проникновенное, очень естественное участие ко всему, что касалось повседневной жизни и будущего наших воспитанников. Он часто сюда приезжал, заходил просто так, без повода, без всякой официальщины. Общался с ребятами как с давними и душевными знакомыми, знал

каждого по имени, интересовался их увлечениями, любил слушать, что и как они говорят, о чём думают, о чём мечтают. В этом проявлялись, конечно, в первую очередь его душевные качества, которые нельзя изобразить, придумать, если их нет. Но в то же время и отменные педагогические навыки.

Ко всему прочему, для таких неформальных встреч имелась и очень удобная, вполне естественная причина – здесь, неподалёку, Николай Васильевич строил дом. И когда наши ребята пробегали мимо, непременно заглядывали посмотреть, как идёт стройка и спрашивали у него: «А можно мы вам чем-нибудь поможем?» Если это не мешало работе, он говорил: «Ну что ж, ребята, проходите, только осторожно: здесь стройка, разный мусор, стройматериалы, не подверните ногу». Разрешал что-нибудь принести, переставить, например лестницу или строительные козлы, посидеть или постоять немного, наблюдая за тем, как ловко и аккуратно каменщики укладывают очередной ряд кирпичей на стену дома. Но больше всего ему хотелось пообщаться с ребятами, угостить их чем-то вкусненьким. Его жена готовила разные домашние куличи, плюшки, которые в нашей школьной столовой не пекут, и ребята с удовольствием принимали такое угощение.

Часто, прогуливаясь по территории посёлка и проходя мимо школы, если видел меня, всегда высказывался одобрительно: «Молодец, хорошо у тебя, чисто, аккуратно. Полный порядок. Вот так бы везде у нас, как бы замечательно было».

Если в университете проходили какие-то мероприятия, он непременно позвонит, попросит, чтоб приехали. Мы общались, обсуждали разные вопросы, в том числе связанные с учёбой тех наших ребят, которые поступили в аграрный на тот или иной факультет. Многих хвалил, при этом подчёркивал, насколько ребята успешные, старательные. Одним словом, опекал их, не выпускал из поля зрения. Не стеснялся ставить в пример тем, кто, может быть, хуже учился, не отличался усердием, дисциплиной. Выпускник нашего интерната Дима Голобородько учился потом в аграрном, у Николая Васильевича. Разносторонний парень, организовал вокально-инструментальный ансамбль, и как-то на одном из мероприятий Дима с ребятами исполняли песни, показывали то, чего смогли добиться. Николай Васильевич вышел на

сцену, очень тепло говорил об этих ребятах, их увлечении, призывал других не разбрасываться временем, заполнять его полезными делами, творчеством.

Он был не просто внимательным, чутким человеком и талантливым руководителем. По большому счёту он был настоящим наставником молодёжи, который не морали читает, а учит, поддерживает, создаёт условия для развития личности. Такое участие и такая поддержка всегда имели важное значение для молодых ребят, и наше время не исключение.

Когда вернулся из Москвы и вторично возглавил аграрный вуз, наше сотрудничество и контакты с университетом обрели постоянный характер. Выпускники школы выбирали в качестве учебного заведения не просто аграрный университет. Многие из ребят так и говорили: «Пойдём учиться у Парахина». При всей своей незамысловатости в этой фразе заключён глубокий смысл. Не просто «к Парахину». А именно «у Парахина». Человека, наставника, лидера.

| Поездка в Америку

Удивительной и, прямо скажу, неожиданной выглядела его идея свозить группу наших выпускников, которые уже стали студентами университета, в Соединенные Штаты Америки. Это произошло на волне известной в своё время кампании, когда иностранцы хотели забирать в свои семьи наших детей-сирот. Егор Семёнович Строев, который руководил тогда областью и возглавлял Совет Федерации, был противником того, чтобы раздавать граждан нашей страны в чужие руки налево-направо. Николай Васильевич состоял в числе тех, кто был с такой позицией абсолютно солидарен. Но решили так: пусть ребята съездят и сами посмотрят, как там люди живут, что у них есть такого, чего у нас нет. И расскажут другим.

Сформировали группу из 15 человек, в основном студентов аграрного университета, и все выпускники Некрасовской школы-интерната. За двенадцать дней побывали в разных американских городах и штатах: Вашингтоне, Нью-Йорке, Южной Каролине. Поездка, конечно, понравилась. Красивые места, небоскрёбы,

вечером много огней. И хотя на календаре был январь, было совершенно тепло, снег выпал только один раз и то быстро растаял.

Николай Васильевич спрашивал потом: «Ну как, ребята, хорошо здесь?» «Хорошо, – отвечали ему, – красиво живут». «Хорошо-то, хорошо, – соглашался он. – Только не забывайте о том, чтобы хорошо жить, нужно много работать. Может быть, даже гораздо больше, чем это делаем мы с вами, у себя, в своей стране».

Разных встреч и посещений было много. Приехали в Вашингтон, в один университет, где нас ждали и даже специально готовились целых два месяца, как потом признавались сами американцы. Всю нашу группу пригласили на сцену, посадили там, как почётных гостей, начался разговор. И что больше всего удивило, так это сами вопросы, которые задавали нашим студентам их американские сверстники. Практически все вопросы были из разряда примитивных, рассчитанных на необразованных и недалёких людей. То есть стало очевидно, что кругозор и общее развитие американских студентов были заметно ниже, нежели у наших ребят. Они даже не знали многие фильмы, которые выпускаются у них в Америке, и тут приехали русские и спокойно, со знанием дела, им, американцам, обо всё об этом рассказывают. Выяснилось, что наши студенты знают больше всяких американских музыкальных групп, музыкальных направлений, певцов, режиссёров. Не менее странным оказалось и то, что каждый из американских студентов, кто поднимался и задавал свой вопрос, обязательно читал его по листочку, который держал в руке. Это говорило о многом. А наши отвечали без всякой подготовки, с ходу. То есть сразу был замечен реальный контраст в образовании, в интеллекте.

Николай Васильевич не скрывал улыбки и незаметно показывал мне большой палец, повёрнутый вверх. Мол, смотри, какие наши молодцы, не сравнить же с этими, по сути говоря, неучами.

Были и ещё встречи, в других университетах. И все как под копирку: похожие, достаточно примитивные вопросы, из разряда тех, правда ли в России, в наших городах, по улицам медведи гуляют. Какие там серьезные рассуждения, обсуждение молодых, студенческих проблем, того, что происходит в мире, и так далее?! Американские ребята оказались от этого очень далеки. Не берусь утверждать, хорошо это или плохо, но, чтобы сделать

для себя какие-то выводы, пищи оказалось достаточно. Кстати, наши студенты тоже заметили эту особенность контактов со своими заокеанскими сверстниками.

На одной из встреч прозвучал вопрос, в котором даже утверждалось, что во Второй мировой войне победили американцы. Нужно было видеть и слышать, как наши посадили того, кто спрашивал, в лужу. Рассказали им, кто, когда и на кого напал, когда был атакован японцами Пёрл-Харбор, когда открыли второй фронт, кто и на кого сбросил атомную бомбу. Что уж там говорить о битвах под Москвой, под Сталинградом и нашим Орлом? Американские ребята об этом совершенно ничего не слышали.

Но встречали, надо отдать должное, очень тепло. В одном студенческом городке Николаю Васильевичу понравилось, как всё расположено и устроено. Компактно, продуманно. Здесь и корпуса для занятий, и общежития для студентов, и спортивный городок. Но самое интересное, здесь же живут и преподаватели университета, и сам ректор. Он, кстати, нас принял, у него свой хороший дом, красивая обстановка. В этом плане отличия от наших вузовских структур, конечно, есть.

Кстати, для меня оказались удивительными некоторые педагогические приёмы, которые Николай Васильевич как бы между прочим использовал в ходе той поездки в Америку. В один из дней мы пришли пообедать в ресторан, все расселись, и вдруг Николай Васильевич громко так говорит: «Всем нашим ребятам сейчас закажем вина». От неожиданности я внутренне напряглась. Ничего себе, думаю, дает наш дорогой ректор! Они же дети, каждому по 17–18 лет. С удивлением на него посмотрела, а он хитро так улыбнулся, дескать, поглядим, что будет. Но никто из ребят ни переспрашивать, ни уточнять не стал. «Нет, нет, – говорил каждый подходившему официанту, – мне сок или воду».

Оказывается, Николай Васильевич таким способом проверял ребят, их естественную поведенческую реакцию, которая, как правило, в наибольшей степени проявляется в расслабленной, дружеской обстановке, как раз за обедом. Тут нужно ещё учитывать, что в Америке спиртные напитки, вино и прочее, молодым людям не разрешено употреблять до 21 года. Для нас как туристов, тем более русских, могли, наверное, сделать исключение, но это грозило обернуться скандалом, дать повод вездесущей

американской прессе раздуть из этого целую историю. Но ребята повели себя очень достойно, так что никому и ничего не пришлось объяснять.

Этот момент говорит о многом. Во-первых, Николай Васильевич наглядно показал, что он действительно мудрый человек, настоящий педагог. Поскольку в обычной обстановке провёл очень тонкий и показательный урок и для меня, преподавателя с большим стажем, и для своих студентов. Людям надо верить, говорил он потом, и, конечно, объяснять им вот такие, казалось бы, несущественные моменты. А на поверку очень даже важные житейские, хотя, какое там, житейские – жизненные моменты! Потому что такие эпизоды непременно откладываются в памяти и для формирования личности делают не меньше, чем все наши лекции и нравоучения.

Интересно было наблюдать, как наши ребята ориентируются в той или иной незнакомой для себя обстановке. Взять американскую кухню. Она заметно отличается от нашей. Например, там нет первых блюд. В основном в ресторанах при гостиницах практикуется так называемый шведский стол. И набор блюд здесь не всегда приходится по вкусу русскому человеку. Как наши студенты решали эту проблему? Если кто-то выбирал, скажем, сосиски с омлетом, все видели, что это можно есть и дружно выбирали то же самое. Всякие вафли с каким-нибудь клубничным соусом, пирожные – всё это красиво смотрится, но на вкус, скажу так, не очень. Клубника у них какая-то неестественная, безвкусная, как трава, не то что у нас. И многие другие продукты. Понравилась стейки из говядины: блюдо действительно вкусное, а многое другое из американской кухни уступает нашему столу по вкусу, по качеству.

Во время поездки вся наша группа жила в гостинице при нашем посольстве. Была организована встреча с послом России в США Юрием Ушаковым, который сейчас работает помощником президента страны Владимира Владимировича Путина. Николай Васильевич и Юрий Ушаков хорошо знали друг друга. Мы подавили послу сувениры, которые привезли из Орла, презент от губернатора области Егора Семёновича Строева. Они, оказывается, с Ушаковым тоже большие друзья.

Деньги, которые нашим ребятам выделили по линии благоотво-

рительного фонда, в основном шли на какие-то покупки, сувениры. Нас привезли в один магазин где-то на окраине Вашингтона. Мы уже к этому времени побывали в нескольких торговых центрах, видели и перевидели американские товары. Николай Васильевич походил немного в этом окраинном супермаркете и говорит: «Татьяна Владимировна, не пойму я, что это такое? Секонд-хенд какой-то. У вас в интернате ребята делают вещи лучше, чем здесь продают». А на деле нас привезли в некий брендовый магазин, может, удивить хотели местной экзотикой. Но такие бренды в виде мешковины с рукавами, маек с росписями и вычурным текстом, наверно, для другой публики. Простому человеку подобная брендовина, как правило, не по душе.

Николай Васильевич очень помогал нашей школе в широком плане, в том числе материально. Подарки разные покупал к Новому году, например ко дню рождения школы, к началу учебного года: столы, стулья, другую мебель. Часто приглашал нас на разные мероприятия в университет, сам бывал в школе на всех наших праздниках. Любил говорить с ребятами о вещах незамысловатых, понятных, о жизни, что она непростая и, чтобы чего-то добиться, надо иметь цель, свою мечту, много и упорно работать. Он не любил рисовать розовые перспективы, а учил твёрдо ступать по земле, рассчитывать на свои силы и свой характер. Приводил примеры из своего детства, учёбы в школе, запоминающиеся, поучительные. Что, конечно же, подкупало.

И так продолжалось постоянно, из года в год. До самого последнего момента, пока он был здоров, пока были силы.

Скажу откровенно: таких ярких, по-настоящему самобытных и открытых людей, каким был Николай Васильевич Парахин, не много на этой земле. Они дают нам ориентиры, показывают пример доброты, благородства, тот самый дополнительный свет, который мы долго храним в своей душе.

Глава 20.

СЕМЬЯ

На ком держался дом

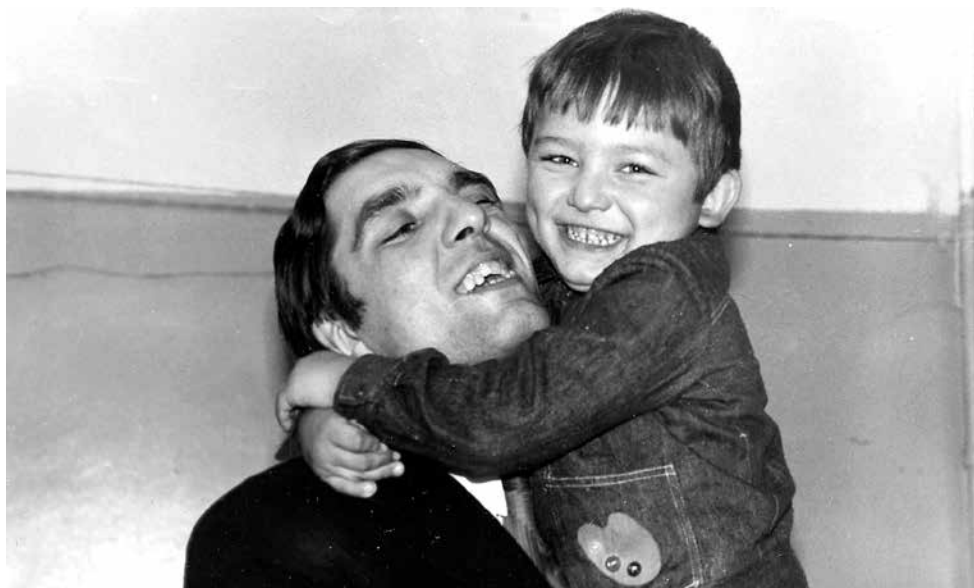
Николай Васильевич довольно рано обзавёлся семьей, в 21 год, ещё будучи студентом 4-го курса сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. К жене Тамаре Васильевне и обоим сыновьям относился с огромной любовью и теплотой, был не просто опорой, настоящим мужчиной, истинным джентльменом для неё и своих детей. Где бы ни находился, куда бы ни ехал, обязательно позвонит при любой возможности, скажет добрые слова, поддержит, ободрит. Непременно спросит у Тамары Васильевны, как дети, чем заняты, как себя ведут. Поговорит и с ними, спросит об учёбе, о настроении, даст какие-то советы. Но сюсюкаться не любил, хотел, чтобы росли неизбалованными, капризам ребячьим никогда не потакал. Это был его принцип.

При всей его невероятной занятости, разъездах, командировках, в том числе зарубежных, на протяжении многих лет семья оставалась для него тем островком, в котором он находил хотя бы малое, кратковременное спасение от бешеного ритма жизни, вечных проблем и забот, в которые неизменно погружался, едва оказавшись за порогом своей квартиры или дома. В конечном итоге (и он это понимал, наверное, как никто другой) именно семья всегда была главным достоянием в жизни, при всех его высоких должностях, званиях и карьерных ступеньках. При той нагрузке, какую он взваливал и тащил на своих плечах, времени побыть с женой, с детьми у него, конечно же, не хватало, и он старался компенсировать это хотя бы своим вниманием, чуткостью, добротой, тёплым словом.

Николай Васильевич не любил обсуждать семейные дела даже с близкими друзьями, так, бросит вскользь, если спросят, дескать, всё хорошо, всё отлично. Это было его личное пространство, его

Семья Парахиных во время учёбы старшего сына в Калининском суворовском училище: Тамара Васильевна, суворовец Виктор Парахин, глава семьи и младший сын Юрий, 1987 год. Город Москва, на Воробьевых горах.

Урааа! Папа приехал! Мы с ним так долго не виделись!

На лыжной прогулке с сыном Виктором.

внутренний мир, особый, недоступный никому постороннему, и он им бесконечно дорожил.

«Моей жене надо памятник поставить только за то, что она меня постоянно ждёт, – обмолвился он как-то в дружеском кругу. – Только она может вытерпеть рядом такого муженька. Я ведь и дома-то почти не бываю. Всё держится на ней. И хозяйство, и дети».

| Тамара Позднякова

Они познакомились, когда Тамара, получив аттестат за 10-й класс, только-только приехала в Тимирязевку поступать на тот же факультет, на котором учился Николай Парахин. Он к тому времени уже окончил три курса академии и был довольно известной фигурой в студенческих кругах. В те дни, когда на вступительные экзамены стали собираться абитуриенты, Николай был в Москве и помогал в расселении прибывающей молодежи.

Тамару и ещё 12 её коллег-абитуриентов поселили в красном уголке академического общежития. Устроились, пошли в приёмную комиссию сдавать документы. В этот момент и заглянули в аудиторию, где работала приёмная комиссия, двое парней. Вели себя скромно, но как-то так свободно, раскованно. Сразу видно: хотели произвести впечатление на молоденьких девушек, вчерашних школьниц. У ребят это обычное дело.

– Когда все формальности со сдачей документов были закончены, – вспоминала об этом моменте Тамара Васильевна, – мы, несколько девчонок, вышли в коридор. И эти двое с нами. Познакомились, назвали свои имена. Забавные такие: то серьёзные, то смешные. Стали нам говорить про учёбу, про условия, про то, как здесь здорово, и какие замечательные преподаватели работают в академии. Один из них, Николай, почему-то всё время смотрел на меня. Как потом сам признавался, положил глаз, дескать, понравилась с первого взгляда. Через день пригласил в кино. Картина называлась «Белые волки». Но попасть в кинотеатр, который находился неподалёку от академии, не получилось: по какой-то причине сеанс не состоялся.

Но это было неважно. Молодые люди стали общаться, общение доставляло удовольствие и скоро переросло в сильное

чувство. Николай не хотел тянуть и сделал Тамаре предложение руки и сердца.

Спустя год после знакомства Николай и Тамара поженились. И хоть ему уже исполнился 21 год, позади был 4-й курс академии, всё равно оба были совсем ещё молодые, зелёные.

– Что мы тогда понимали в жизни? – качает головой Тамара Васильевна. – Но он же какой? Решения принимает быстро, если слово сказал – ни за что не отступится. Упрямый, настойчивый. Во всяких делах. Но и уважительный, добрый. Он был уверен: всё получится, у нас будет замечательная семья. Главное – ничего не бояться, идти по жизни прямо, без оглядки.

Чтобы дали семейную комнату, Тамара Васильевна устроилась убирать помещения, а Николай Васильевич подрабатывал дворником. Причём уборщице платили 60 рублей в месяц, а стипендия была 35–40 рублей. Но в связи с тем что Николай Васильевич учился по направлению от колхоза, у него эта самая колхозная стипендия была выше, чем у студентов Тимирязевки, получавших государственное пособие. Колхоз каждый месяц перечислял своему стипендиату 60 рублей. Он потом очень переживал, сокрушался, когда решил поступать в аспирантуру. «Ты понимаешь, они же оплачивали мою учёбу, и я должен всё отработать. А я в науку решил... Как теперь буду смотреть им в глаза?!» Но люди, которые не отказали ему в праве учиться, поддержали и на этот раз, не стали ему препятствовать. Он ценил это и помнил всю жизнь.

Возвращаясь ко времени учёбы, Тамара Васильевна заметила, что при всей той скромности и небольших финансах, которые были в семье, он никогда не был жадным.

– Экономным, в меру расчётливым – да. Но не скупым, не жадным, – добавляет она. – Понимал одну простую истину, которую уяснил для себя ещё с детства: денег в кармане, в кошельке сколько есть, столько есть. Никогда не ставил своей целью добыть их во что бы то ни стало, за богатством не гнался и разговоров на эту тему никогда и ни с кем не заводил. И у меня не требовал никаких отчётов за какие-то покупки, не спрашивал, куда истратила ту или другую сумму. Просто знал: на всякую ерунду семейный бюджет я использовать не буду.

В ходе нашей беседы Тамара Васильевна делает паузы, ино-

гда вздыхает, и во время таких остановок лёгкая, едва заметная улыбка проскользнёт по её лицу. Воспоминания даются нелегко, трудно говорить о близком, дорогом человеке, с которым прожил всю свою жизнь, и вот теперь его с тобой нет. Он ушёл. И мир как будто осиротел.

– Когда мы жили вдвоём и снимали комнату в общежитии, – продолжает она, – было как-то попроще с финансовой точки зрения. Мы оба люди непритворные, оба работали, получали стипендию. Денег хватало. Но и траты, конечно, были: хотелось и одеться красиво, и стол разнообразить, и хотя бы иногда выбираться в кино, в театр, на ту же ВДНХ. Как-никак, Москва, столица страны, здесь много чего интересного. Да и маме своей он тоже всегда помогал – и деньгами, и подарки разные старался купить из одежды, из обуви. Необычайно трепетно к ней относился, очень её любил.

| Казахские дали

Когда в семье появился Виктор, первый их сын, Николай попросил маму помочь в уходе за ребёнком. Тамара не хотела прерывать учёбу и брать академический отпуск. Полина Фёдоровна приезжала, но долго не задерживалась, говорила, что хочет домой, что там ждут какие-то дела, земля, сад, огород.

Летом, после сессии, Тамара уезжала с сыном в Казахстан. В Казахстане жили родители, брат. Её отец Василий Иванович Поздняков был человек не рядовой, руководил огромным даже по сегодняшним временам хозяйством, имевшим 70 тысяч гектаров целинных земель. Представить этот простор в реальности очень сложно. Трактор во время вспашки или комбайн в ходе уборки урожая мог ехать от одного конца поля до другого несколько часов. Посевы пшеницы были бескрайними. Для удобства работы поля разбивались на клетки (квадраты) площадью не меньше 400–500 гектаров. Двенадцать бригад в совхозе имени Фурманова, под тысячу человек народу, и этим немалым хозяйством Василий Иванович управлял весьма успешно.

На целину он приехал из Одесской области, где служил в воинской части. В 1960 году попал под сокращение, проведённое в

вооруженных силах страны Никитой Хрущёвым. Тогда многих уволили на гражданку, а так как у Василия Ивановича специального военного образования не было, он, естественно, остаться в армии не мог.

В Казахстане оказался по очень простой причине – он там родился в Кустанайской области, там оставалась сестра. Вот и поехал в родные места, а куда же ещё? Закончил по приезду механизаторские курсы, освоил трактор, но пахать и сеять долго ему не пришлось. Как-никак человек имел армейскую практику, дисциплинирован, организован, собран. Его назначают бригадиром одной из бригад, которая в скором времени становится лучшей по всем показателям. А когда прежний директор отправился на заслуженный отдых, на его место назначили Василия Позднякова.

– Первый раз, – вспоминает Тамара Васильевна, – Николай Васильевич приехал в Казахстан, когда старшему сыну Виктору исполнилось 10 месяцев. Летели самолётом до города Целинограда, потом ещё ночь ехали поездом до города Аркалык. Несколько лет так и осваивали эти маршруты – то в Орёл из Москвы, то из Москвы в Казахстан. Несладко приходилось, особенно ребёнку. Но выбора не оставалось, надо было как-то приспособливаться.

Рассказывая о детях, о том, как с ними общался Парахин-старший, какие воспитательные правила использовал, Тамара Васильевна улыбается.

– Он же всю жизнь работал как заводной. Поэтому не так уж часто их видел, просто времени не было. Но из поля зрения никогда не выпускал. А в те моменты, когда их не было рядом неделю-другую, страшно по ним скучал, начинал волноваться, нервничать. Однажды кто-то из сыновей был в Казахстане у моих родителей. В один из дней у Николая Васильевича до невозможности защемило сердце. Я даже испугалась за него. Он тут же купил билет на самолёт и улетел. Приехал к сыну, добирался, как только мог, обнял его и буквально через час уехал обратно.

Как воспитывал? Примером, только примером. Своим отношением ко всему, что окружает: к родственникам, соседям по дому или по двору, к своим друзьям, к людям вообще. Был убеждён: «Если я буду говорить им одно, а делать иначе, они не поймут, запутаются, потеряют нужные человеку ориентиры». При этом говорил всегда убедительно, твёрдо, чтобы до них дошло, чтоб не

возникло сомнений в его правоте. Иногда конечно, мог и отругать, дети есть дети. Особенно если спать долго не хотели, резвились, шкодничали. Юрий, младший из сыновей, бывало, что-то такое сделает, возьму его за руку, напомним: «Я не буду отцу докладывать, сам расскажешь». Он идёт и рассказывает всё как было.

Старший сын хотел быть военным, всегда говорил, что будет генералом. Николай Васильевич не возражал, но и не настаивал. У Юрия мечта была другая – стать дипломатом. Но сложилось иначе. Времена наступили такие – горбачёвская перестройка, потом девяностые годы. Тамара Васильевна допоздна на работе, отец в бесконечных разъездах, командировках. Виктор уже учился в Москве, а Юрий целый день один, фактически сам себе предоставлен.

– Что нужно было делать в такой ситуации? – как тогда, много лет назад, задаёт себе вопрос Тамара Васильевна. – Мы очень переживали. Парень он хороший, понимающий, но всё равно какая-то боязнь за него присутствовала. Когда заходил разговор о Викторе, его учёбе, Юрий неизменно говорил: «Я тоже хочу, как он – в Суворовское училище».

– Старший брат и тогда и сейчас, был и остаётся для меня авторитетом, – признаётся Юрий Николаевич. – Я твёрдо решил идти по его стопам.

Как отец Николай Васильевич рассуждал так: пусть поступает в Суворовское, поучится. Там дисциплина, порядок, шалостей никаких. Станет или не станет военным – вопрос другой, главное – пройти этот опасный подростковый возраст.

Он был, конечно, главным в семье, и не только в своей собственной, но и в материнской, отцовской.

Рассказывают, был у него старший брат, Сашка. Взбалмошный такой, очень беспокойный человек. Сколько же он хлопот доставлял своим близким! На самом деле человек уникальный, мастер на все руки, любую работу может сделать: плотницкую, по электричеству и так далее. Сам себе дом построил, что угодно мог смастерить. Но слабость у человека была – заглядывал, как говорится, в рюмку. Не сосчитать, сколько раз Николай Васильевич вытаскивал этого Сашку из разных неприятностей и передрыг! Беседовал с ним, разговаривал, пытался достучаться до его

сознания, наставлял на путь истинный. Помогал и финансами, и в клиники разные устраивал, лучших врачей привозил. Боролся за него до конца, используя все возможности.

Его не просто слушали, его уважали. Даже отец Тамары Васильевны, крупнейший колхозный руководитель, несмотря на разницу в возрасте, признавал в нём настоящего лидера, человека, который вправе давать советы и принимать нужные семейные решения. В нём был такой внутренний стержень, который чувствовался и в словах, и в поступках.

«Почему Овсянников? Мой отец – Парахин»

Мало кто знает, что до восьмого класса Николай Васильевич носил другую фамилию – Овсянников. Это была фамилия его матери Полины Фёдоровны. Потом стал задумываться: «Как это так? Отец у меня есть, он родной, значит, сын я у него не приёмный. И фамилию он носит Парахин. А семейный род у нас принято вести по отцовской линии. Почему я должен в таком случае быть Овсянниковым?»

Трудно сказать, кто его подвигнул к этой мысли: сам ли так решил или кто-то из деревенских стал ему задавать такие вопросы, но факт остаётся фактом. Однажды Николай Васильевич решил всё исправить. Дело в том, что его родители официально не были расписаны. В то время в деревне это считалось неправильным и даже осуждалось, хотя история, которую пережил Василий Борисович, в какой-то степени его оправдывала и вызывала снисхождение.

Но вот восьмиклассник Коля решил всё поставить на свои места. В один из дней он заходит в сельский совет и говорит председателю совета, что «надо бы расписать моих родителей». Он думал, что его вежливо отошлют, мол, не детское это дело – решать за взрослых людей, на то в первую очередь требуется их согласие. Но нет. Женщина, возглавлявшая сельсовет, говорит ему, улыбаясь: «Ну что ж, семья приняла правильное решение. Расписаться родителям надо. Давайте паспорта, мы это устроим».

Удивлению родителей, ничего не знавших о намерении сына, не было предела, когда он через несколько дней принёс им сви-

детельство о заключении брака. Но ещё больше был удивлён и растроган отец, когда узнал, что его младший сын Николай теперь тоже носит фамилию Парахин.

| Гонка длиною в жизнь

Тамара Васильевна окончила Тимирязевскую академию, когда Николаю Васильевичу оставался год учёбы в аспирантуре. Понимая, что жизнь может повернуться по-всякому, она поступает на годичные курсы по подготовке преподавательских кадров. Фактически это была возможность получить дополнительное образование по ускоренной программе.

– О научной стезе ни тогда, ни после не думала, – признаётся она. – Во-первых, к моменту окончания учёбы на руках уже был ребёнок. А во-вторых, двое учёных в семье, которые одновременно работают над своими темами, – это уж слишком. Такой вариант я считала неприемлемым, поскольку семьи просто не будет.

Николай Васильевич время на раскачку себе не давал. Это был его неукоснительный жизненный принцип, которому он следовал до конца: время бесценно, его нельзя транжирить или использовать как придётся.

Конечно, при всём многообразии дел и проблем, которые ему приходилось решать, он не был роботом, а был живым и естественным человеком со своими достоинствами и недостатками. Если уж заводил с кем-то дружбу, то воспринимал это как драгоценность, которую нельзя разменять ни при каких обстоятельствах. Умел довериться, рассказать о каких-то сложностях, которые возникали, к примеру, на работе. Мог выслушать чьё-то мнение, получить совет, но решение о том, как поступить и что нужно сделать, всегда принимал сам, сообразуясь со своей собственной оценкой сложившейся ситуации.

Смена преподавательской кафедры на партийные кабинеты его не изменила, это отмечали практически все, с кем довелось общаться в процессе работы над данной книгой. И самые близкие ему люди, жена и дети, это безоговорочно подтверждают. Та же полная отдача, командировки, работа допоздна, поездки и прочее. Ему не раз задавали потом вопрос «А была ли такая уж острая

необходимость переходить на работу в партийные органы?». Это сейчас, по прошествии лет, мы можем рассуждать, дескать, захотел бы не пойти – не шёл бы, не согласился бы. Но времена были не такие, эпоха другая. Отказаться от предложения, которое поступило, положим, напрямую от главы региона Егора Семёновича Строева, было невозможно, в противном случае на каких-то карьерных перспективах можно было поставить крест. Аргументация Егора Семёновича была простой: «Ты мне нужен, давай, приходи. Дел невпроворот». То же самое было, когда его позвали на работу в ЦК. Может быть, он внутри себя переживал, сомневался, но это никак не отражалось на его настроении, на отношении к делу. Продолжал собирать материалы по теме, которая его интересовала, от науки не отходил. Всех всегда удивляло: как это он успевает писать книги, монографии, учебники, научные статьи? За ним же целый университет, студенты, преподаватели, тысячи дел, тысячи проблем. До науки ли здесь?

Время для такой работы оставалось только ночью. В дневные часы трудно было выкроить хотя бы минуту. По субботам и воскресеньям любил ходить в университет. Чтобы никого не было, никто не мешал. Часто, помимо ночных часов, это была единственная возможность полностью сосредоточиться на своей теме, закончить статью, книгу, учебник и прочее. Тамара Васильевна рассказывала, что нередко были такие моменты, когда приходил домой выжатый как лимон. Падал без сил. Но старался поддерживать свою физическую форму, делал зарядку. Жаловался подчас на сердечные боли. Поморщится, приложив ладонь к левой стороне груди, произнесёт: «Тянет что-то вот здесь. Неприятное ощущение». Берётся от сердца, а получилось совсем другое.

Видя, как он работает по ночам, спит урывками, Тамара Васильевна подходила к нему со словами: «Коля, Коля, ну ты погоди, не торопись. Не гони так. Позволь себе хотя бы немного отдохнуть, оставить свои дела. Никуда они от тебя не уйдут».

«Надо бы, – отвечает, – ты, как всегда, права. Да вот опять всего накопилось: и то нужно сделать, и это. И всё не терпит, всё срочно».

У него была одна черта – он никогда никого не преследовал, не пытался унижить и так далее. Наоборот, делал всё, чтобы его коллеги по университету продвигались, писали, защищали кандидатские, докторские. Были, конечно, и недовольные, были те,

кого Николай Васильевич, наверно, обидел, критиковал, уволил, но это жизнь, у любого человека, занимающего руководящий пост, без этого не обходится.

В свободное время любил просто погулять на свежем воздухе, играл в теннис, но за неимением времени это удавалось нечасто. Всё-таки он стоял во главе большого и сложного коллектива, интеллектуального, творческого, где порой личные амбиции человека зашкаливают, берут верх над разумом.

Когда стал академиком, как-то в разговоре признался Тамаре Васильевне: «Теперь мне будет легче. Теперь они меня не достанут».

Что он имел в виду, можно только догадываться. Может быть, это относилось к некоторым завистникам из учёной среды, которые, несомненно, были и у Парахина. А может, он имел в виду кого-то из представителей властных структур, которые не без ревности относились к его научным успехам.

– Неприятности тоже были, их хватало, – вздыхает Тамара Васильевна. – Очень сильно переживал, если какие-то упреки, претензии были надуманными, голословными. Может быть, это явилось одной из причин его болезни. Он привык дело делать, а порой приходилось оправдываться, писать какие-то объяснения. Это било по душевному равновесию, но больше всего угнетала несправедливость. Он же по-другому воспитан, у него с детства выработались высокие жизненные принципы, которые не позволяли перейти некую нравственную черту – ту самую грань, за которой человек теряет уважение к себе, не говоря уже об отношении окружающих. Я думаю, немного найдётся на этом свете людей, которые позволят усомниться в порядочности и кристальной чистоте Николая Васильевича Парахина, бросить даже не камень, а мелкий камешек в его сторону. Тем не менее при всех его достоинствах, никто не собирается его идеализировать. Он был живой человек, а любому человеку, как известно, свойственно допускать ошибки.

Вспоминая какие-то события, значительные и не очень, те или иные эпизоды из жизни, Тамара Васильевна непременно возвращалась в разговоре к семье, к тому, что было дороже и ближе всего.

– Когда оба наших сына выросли, обзавелись семьями, у них появились дети, а у нас – внуки, – рассказывает она, – мне кажется,

Николай Васильевич стал немножко другим. Не таким строгим, что ли, как будто с его плеч упал некий груз ответственности. Теперь Виктор и Юрий уже сами отцы, они отвечают за воспитание и будущее своих детей. А он просто дедушка, дело которого – радоваться и наблюдать, как внуки растут и открывают для себя этот мир.

Говорят, что внуков дедушки любят даже больше, чем собственных детей. Не знаю, может, и так. Точно могу сказать одно: ко всем троим нашим внукам, Полине, Коле (дети старшего сына Виктора) и младшей – Нике (дочери Юрия), он относился так, как относится самый близкий и любящий человек, настоящий дедушка, у которого большое и доброе сердце.

Он был счастлив, когда внуки с родителями приезжали и приходили в гости, собирались в доме, усаживались за столом. Подарками не задаривал, нет, но и не забывал порадовать каждого каким-нибудь сюрпризом. От него исходило такое тепло, такой интерес и участие ко всему, чем они живут, о чем говорят и думают, что это не могло остаться без ответа в детских искренних душах. Было забавно вести с ним разговоры, играть, слушать всякие истории, которых у него всегда имелось в избытке. Может быть, он интуитивно дарил внукам ту любовь, которую в молодые годы за бесконечной работой недодал, не имел возможности в полной мере дать своим сыновьям.

Я бы отметила здесь и ещё один не менее важный момент. Николай Васильевич очень гордился нашими с ним детьми, верил им, уважал их выбор. Жену Виктора Аню, а потом и жену Юрия Настю принял безоговорочно, будто они всегда были членами нашей семьи. Называл их не иначе как «наши дочери». Не раз признавался мне, какие замечательные, умные и красивые жёны у наших ребят. «Вкус как у меня, – говорил он при этом. – А иначе и быть не должно». Это было трогательно. Его слова невозможно забыть...

Тамара Васильевна пережила своего мужа всего на три года.

| Отцовские уроки. Виктор

– Мама говорила, что в детстве я мечтал быть генералом? – уточняет Виктор Николаевич, старший сын Николая Васильевича,

*Тамара Васильевна и Николай Васильевич с семьей старшего сына:
Анна и Виктор и их дети Полина и Николай.*

в самом начале нашей беседы, состоявшейся в одной из гостиных Москвы. – О чём только дети не мечтают! На самом деле я хотел идти в лётное училище, но по каким-то моментам не прошёл медкомиссию. У лётчиков, как известно, особые требования по здоровью, любой нюанс может поставить крест на твоих мечтах. Вот со мной этот самый нюанс и случился. В итоге в авиацию всё же попал, но не в строевую и не в боевую, а туда, где готовят не лётчиков, но учат летать самолёты. То есть в академию имени Жуковского. А началось всё с Суворовского училища в городе Калинине, нынешней Твери. Кстати, брат мой Юрий тоже потом здесь же учился.

Мне было в ту пору 15 лет, я закончил 8 классов орловской школы № 22 и твёрдо решил, что пойду по военной стезе. Родители в этом не помогали, но и не препятствовали – как получится, так получится. Отец, правда, не очень понимал, почему выбираю именно военную специальность, поскольку в ближайшем семейном окружении профессиональных военных замечено не было. Но не мешал. Был, правда, один момент после Суворовского. Мне как воспитаннику этого училища можно было идти

дальше в любое военное без экзаменов. Но медкомиссия спутала, как говорится, все карты. Отец переживал, я, разумеется, тоже. Он тут же включился, стал успокаивать: ну, почему обязательно в лётное? Можно ведь в любое другое, их же всяких полно. Но «всяких» я не хотел. Тогда он сказал, что в моём случае очень даже неплохо пойти в военно-инженерное, поскольку тяга к технике, к техническим наукам у меня действительно была. Специально ездил со мной в училище связи в Орле, рассматривался даже вариант академии ФСБ, но я решил, что буду всё-таки поступать в военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского.

После её окончания четыре года служил в одном из оборонных КБ. К тому моменту я уже был человек семейный, да и в стране многое поменялось. Самым ужасным было то, что военным месяцами не давали зарплату. А семью надо кормить. Мне неудобно перед женой: она музыкант по профилю, а вынуждена была пойти работать секретарём, чтобы хоть какие-то деньги заработать. Сейчас я уже давно не служу, но всё равно вся моя жизнь связана с информационными технологиями, как и в том КБ.

Возвращаясь к школьным годам, Виктор говорит, что родители за его с братом учёбой практически не следили. Во-первых, им обоим в силу загруженности было некогда, но больше всего они приучали сыновей к самостоятельности.

– Мы всё делали сами, даже в младших классах, – признаётся Виктор Николаевич. – Пожалуй, единственным исключением было то, что отец очень ревностно относился к моим занятиям по английскому языку. Считал, что английский нужно учить обязательно. Время, дескать, такое, поскольку английский – это язык мирового общения. К сожалению, уровень школьного преподавания языка в ту пору оставлял желать лучшего, я это понял позднее, когда уже поступил в академию. Но, как ни странно, по остальным предметам не то что контроля, но даже видимого интереса со стороны родителей не было. Во всяком случае, мне тогда так казалось или контроля такого я просто не замечал.

А что касается английского, это, видимо, отец как-то пытался себя, что ли, реабилитировать, поскольку у него с этим не слишком получалось, и он хотел исправить этот свой недостаток уже через нас, своих детей.

Я вообще по натуре, по складу ума технарь стопроцентный.

Юра всё-таки больше финансист, он любит всё считать, просчитывать, мне так кажется. Не деньги, конечно, нет. Хотя, думаю, с этим тоже отлично умеет справляться.

Кстати, я никогда не видел и не слышал, чтобы в семье когда-нибудь заводили разговор о деньгах. Да их никогда и не было много, где бы отец ни работал. Родители жили экономно, рачительно, лишнего ничего не позволяли. Но жадностью ни отец, ни мать не страдали.

Вообще, в моём понимании жадность ведёт к бедности. Отец в этом плане был очень щедрым человеком. Во всём. И на эмоции щедрый, не стеснялся проявлять свои чувства как в радости, так и в горе. Так же и в делах. Кому-то помочь, подсказать, поговорить, успокоить. Этого не жалел, готов был горы свернуть, разбиться в щепки, а сделать. Тем более если видел, что есть такая необходимость и по-другому нельзя.

Известен случай, который, мне кажется, Николая Васильевича достаточным образом характеризует. С одной стороны, я так думаю, он в хорошем смысле карьерист. И, конечно, молодому человеку, перед которым весь мир открыт, хочется подпрыгнуть высоко, найти лучшее место. А тут отец заканчивает аспирантуру, и ему предлагают остаться преподавателем в академии, в Москве, на кафедре, где он защищал кандидатскую. Со мной даже мои близкие иногда спорят, но я уверен, что он бы там продвинулся. С его-то напором, характером и трудолюбием. Кстати, по прошествии многих лет, когда мы вспоминали этот момент, он признался, что сам всё прекрасно понимал. Но за год до этого в Орле открывается новый сельскохозяйственный институт, и отец просится туда рядовым преподавателем с единственной целью – чтобы попасть на родину. Представляете: тут, в Москве, академия и огромные перспективы. И там, в маленьком провинциальном Орле – самый обычный сельскохозяйственный вуз, к тому же только что открывший двери, с неясными перспективами, с отсутствием базы и всего другого.

Но, на мой взгляд, не всё нужно воспринимать так просто. Думаю, отец обладал хорошим природным чутьём, интуицией, прозорливостью, неким расчётом – можно называть это как угодно. В том числе на выбор пути. Я это потом много раз для себя отмечал. Он мог подсказать, посоветовать ненавязчиво,

аккуратно, дескать, я бы сделал вот так-то и так-то. И, как ни странно, практически всегда оказывался прав. Не исключаю, и в этом случае, когда не захотел остаться в Москве, в Тимирязевке, он интуитивно прочувствовал, что в новом институте может продвинуться даже быстрее, нежели в академии, где конкуренция на порядок-два выше.

Когда я поступил в Калининское суворовское училище, отца перевели в Москву, в ЦК партии. Встретаться мы стали гораздо реже, поскольку работа захватила его целиком. Тем не менее он использовал любую возможность, чтобы встретиться, позвонить, спросить, как дела. Пару раз, направляясь в командировку, специально ехал через Тверь, чтобы увидеться хотя бы на минутку. О чём спрашивал? О том, что и все родители. А родителей интересует прежде всего эмоциональное состояние ребёнка, его здоровье, его мысли, ощущения, слова и тональность его разговора, его глаза, если хотите. Какие они – весёлые, грустные? Проблемы, которые ребёнок может испытывать. Учёба да, это важно, но в данном случае, думаю, для него это было не главное в общении со мной. Во-первых, он представлял себе, что такое Суворовское училище. Это в определённом смысле закрытый коллектив, где в основе лежит дисциплина. Каких-то вольностей и ненужных связей здесь не бывает. Он очень внимательно относился к моим просьбам. Если мне что-то надо, старался непременно исполнить.

Виктор уточняет: эти просьбы не касались каких-то материальных излишеств.

– Во-первых, мы с братом воспитывались в традициях бережливости, отец с самого детства был таким человеком. Мы это видели, мы это знали, поэтому и относились ко всему соответственно. Как-то отец рассказывал такую историю. Когда он был ещё подростком, ему родители подарили кирзовые сапоги. Не обязательно новые, может быть, на рынке купили ношенные, но крепкие. Он пошёл в них рубить дрова и топором рубанул по сапогу. Сидит и плачет. Мать его испугалась и спрашивает: «Чего плачешь?». «Мне, – говорит он, – сапог жалко». Не ногу, которую мог сильно поранить, а именно обувь на ноге. Он и нас так воспитывал – в бережливом ключе. Хотя человеком скупым никогда не был. Наоборот. Это была именно бережливость для щедрости.

– А просьбы, – продолжает Виктор Николаевич, – касались главным образом нашего развития, то есть личностные. Когда я решил поступать в академию, мне нужно было подтянуться по математике, физике. Он нашёл репетитора, договорился, хотя нужно понимать, что в Суворовском училище сделать это было не так-то просто. Меня отпускали на некоторое время в субботу и воскресенье, чтобы я мог заниматься с репетиторами. Не скрою, что в этом случае он употребил своё влияние как работник ЦК, но, видимо, считал, что серьёзных нарушений или использования служебного положения в корыстных целях здесь нет. Я ведь не гулять куда-то ходил, а в выходной день, когда у воспитанников училища свободное время, занимался, работал, повышал уровень своих знаний.

Такие просьбы он всегда выполнял трепетно и относился к ним крайне внимательно. Помню, у мамы одного из моих однокашников по Суворовскому училищу случилась проблема со здоровьем. Я обмолвился об этом в разговоре с отцом. Он тут же узнал и записал фамилию, связался с врачами, с этой женщиной, серьёзно помог. Эта черта – оказание помощи другим людям: и близким, и совсем незнакомым – останется в нём неизменной до последнего дня.

Мне кажется, у отца не было какой-то границы, для того чтобы употребить, если можно так выразиться, свои добрые душевные начала. В любом регионе и в любом месте он обязательно найдёт человека, которому нужна помощь, и непременно поможет. Наверное, это было не столько свойство характера, сколько потребность – нести людям добро, отдавать частичку себя.

Отцу моей жены, то есть, попросту говоря, моему тестю, нужна была операция – он лежал в онкологическом центре на Каширке. Отец не знал главврача этого центра, а это был прекрасный хирург по фамилии Давыдов. Кто-то посоветовал обратиться именно к этому доктору, мол, не нужно к другому, но этот очень занят, оперирует нечасто. Тем не менее Николай Васильевич набрал ему сам, представился, так, мол, и так, у вас лежит мой родственник, не могли бы вы лично сделать ему операцию. Если примете решение, позвоните, вот мой номер телефона. И что вы думаете? Видно, энергетика у отца была такая, что даже такой человек, главный врач всероссийского онкоцентра, не смог отказать.

После разговора с отцом Давыдов спустился в палату, где лежал мой тесть, осмотрел его и сказал: «Не волнуйтесь, я лично сделаю вам операцию. Мне, – говорит, – позвонил академик Парахин и попросил об этом». «А вы его знаете?» – удивился мой тесть. Нет, – отвечает Давыдов, – я сейчас первый раз слышал его по телефону».

В большей степени, мне кажется, эта черта передалась моему младшему брату Юрию. У него такое же внимательное и доброе отношение к людям. Это, видимо, некий душевный склад, который переходит к человеку на генном, если хотите, уровне. Я, с одной стороны, не чёрствый человек, но, скажу откровенно, иногда мне не хватает каких-то душевных усилий, что ли, чтобы ринуться не раздумывая на помощь другому человеку. Конечно, что-то делаю в этом плане, стараюсь, но получается как-то не так и даётся мне совсем непросто, поскольку требует больших усилий, не столько, может быть, физических, сколько эмоциональных.

Что ещё в отце по-хорошему, по-человечески удивляло и радовало, так это его умение всегда быть в форме. Он очень следил за своей одеждой, за внешностью, всегда был аккуратен в этом, одет с иголки, с хорошей причёской, подтянут. По-другому нельзя, поскольку он считал себя человеком публичным, на которого внимательно и оценивающе смотрят тысячи глаз. Был довольно спортивным человеком. На лыжах всегда таскал нас с собой. Вообще зимние виды любил больше, хотя в легкоатлетических кроссах участвовал неоднократно. Много ходил пешком, если случалась такая возможность, мог пройти и 10, и 15 километров. Откуда у него эта способность к беговым видам, к ходьбе? На самом деле, из детства, когда в школу приходилось добираться за многие километры. Зимой – на лыжах, летом – пешком. Глядя на него, уже далеко не юного человека, я на самом деле радовался. Вот ему уже за 60. Спортивный, энергичный, деятельный, вечно напичканный всякими идеями и планами. Он не то, что ограничивался но меру знал во всём: в еде, питье, не позволял себе какой-нибудь безудержной радости, но и унывать не любил. С таким подходом к жизни, такими установками и устремлениями человек должен жить долго.

Виктор на секунду задумывается, прерывая рассказ, а потом снова возвращается к детству, к школьным годам.

– Кстати, моё первое по-настоящему спортивное увлечение, –

говорит он, не скрывая улыбки, – случилось во втором или третьем классе по одной уважительной причине. В школе на переменах или после занятий меня иногда доставали одноклассники – те, кто был посильнее, здоровее физически, как это обычно бывает. Я пытался отвечать, но сил не хватало. Это было обидно. После очередной неудачной для меня потасовки с одним из таких силачей нашего класса, отец взял меня за руку и отвел в спортзал общества «Трудовые резервы» на дзюдо.

– Твоя защита от тех, кто обижает, вот здесь, на татами. Не ленись, тренируйся. Тебя научат при необходимости постоять за себя и давать отпор тем, кто считает себя сильнее других.

Он вообще из тех людей, кто даёт удочку, а не рыбу. Мог, наверно, воспользоваться своим влиянием, как это делают многие, кто состоит при власти – к тому времени он уже работал в обкоме партии, занимал не последнюю должность, так что имел возможность разобраться в нашей ребячьей ситуации по-другому. Позвонить, например, директору школы и тому подобное в этом роде, но он никогда этого не делал. Никогда. Более того, очень аккуратно всегда относился к возможностям влияния на людей, от которых зависела, скажем, моя судьба. Я не помню случая, чтобы когда-нибудь он воспользовался своим служебным положением, например, чтобы сказать: вы там освободите моего сына от того-то и того-то, сделайте так-то и так-то. Когда я начал ходить на дзюдо, он очень интересовался моими успехами на этом поприще, по возможности всегда присутствовал на соревнованиях, болел за меня, переживал, особенно когда я проигрывал. Видимо, в нём присутствовал дух человека, который непременно должен побеждать. А это означало, что победителем в любом поединке, даже на ковре, должен быть и его сын. Мама, в отличие от него, не могла смотреть борцовские схватки.

| Наказание длиной в месяц

В качестве наглядного примера на тему, как отец относился к его школьным проблемам, Виктор привёл один весьма показательный случай.

– В ту пору, когда я учился в 6-м классе школы № 22, одной из

лучших в Орле, были приняты ученические дежурства. Мы все, ученики средних и старших классов, по графику где-то раз в неделю убирали на своём этаже школьный коридор, весьма, кстати, немаленький. Однажды очередь дежурить дошла до меня, и свои обязанности уборщика я должен был выполнять с девочкой из нашего класса. Случилось так, что я халатно отнёсся к этому поручению – не принёс ведро с водой или, наоборот, забыл его отнести. Наш классный руководитель Татьяна Николаевна Бухтиярова сама отнесла это ведро за меня и говорит: «Вот что, Витя, пусть в школу твоя мама или папа придёт. Не забудь сказать». Это был единственный случай, когда родителей из-за меня вызывали в школу. Хотя я не был паинькой, тем не менее им не приходилось за меня краснеть.

Пришла мама, послушала, сказала учительнице: «Хорошо, мы посоветуемся с отцом, что делать». Когда я пришёл домой, они мне выносят семейный вердикт: «Знаешь, Витя, ты поступил неправильно, не по-мужски. Поэтому будешь месяц мыть в школе полы, завтра пойдёшь и сообщишь об этом Татьяне Николаевне. Не забудь добавить, что так решили родители».

– Конечно, я стал возражать: почему сразу месяц? Это же так много! – признаётся Виктор. – Но с отцом спорить было бесполезно, авторитет его был непререкаемый, и, коли он какое-то решение принял, возражать ему было бессмысленно. Да, мог и голос повысить. Но только в том случае, если речь шла о какой-то физической опасности либо в связи с каким-нибудь вопиющим случаем. Но чтобы взять там ремень или руку приложить – этого не было никогда. Я так понимаю, и в его семье, когда он рос, был мальчишкой, физические наказания никогда не использовались.

| В компании

Конечно, мы видели его в разных ситуациях: дома, в кругу друзей или родственников, на всяких публичных мероприятиях. Не скажу, что он как-то особенно менялся, но вёл себя, разумеется, по-разному, учитывая, где он и кто перед ним. Это свойственно любому человеку. Если семейное торжество – это одно. Если соби-рал земляков, школьных друзей – совсем другое. В деревню, где

родился и вырос всегда приезжал с особенным чувством. Обязательно придумает и приготовит какие-нибудь подарки, цветы, что-то для школы, учителей. Он очень трогательно к этому относился.

В компании земляков вёл себя как-то по-особенному. Все это чувствовали. С одной стороны, он лидер, заводила, этакий непоседа, и этого нельзя было скрыть или отнять. А с другой – во всём с его стороны чувствовались забота и уважение к людям, с которыми он рос, учился, вырос, переносил все трудности послевоенного детства. Не отгораживался. Где-то мог трактор, пусть старенький, приобрести для колхоза, где-то кому-то с фуражом помочь, особенно в 90-е годы, когда людям было очень тяжело. Он много ездил по хозяйствам, бывал в разных районах, знал практически всех руководителей. Такие связи помогали ему решать какие-то житейские вопросы, например, с тем же фуражом для своих земляков.

Мне посчастливилось быть на застолье, когда он защитил докторскую. Событие для любого человека не рядовое: там за столом были академики, члены-корреспонденты, доктора, то есть его коллеги, люди науки. Он вёл себя с ними, как партнёр. Ни в коем случае не панибратски или выделяя кого-то, уделяя кому-то больше внимания. Я уже тогда хорошо понимал, что отец принадлежит к когорте серьёзных учёных мужей. Они достойно отзывались о его работах, говорили об уровне проводимых отцом исследований, его аргументации, выводах, свежих идеях. Мне как его сыну слышать такие слова и отзывы было приятно, потому что они исходили от его коллег, от тех людей, которые от Николая Васильевича никак не зависели. Многие из них (справедливо это или нет, не мне судить) в общем-то, считали его вожаком, катализатором разных идей и начинаний. Но он не позволял себе демонстрировать эти качества явно, картинно, играя, как говорится, на публику. А старался делать как бы так обыденно, в контексте, в разговоре, в увязке с коллегами и партнёрами по научной стезе.

– Известно, что вся жизнь Николая Васильевича Парахина и как педагога, и как учёного, так или иначе была связана с земледелием, с землёй. А вне этой сферы, на бытовом, что называется, уровне земельный вопрос имел для него какое-то значение?

– Ещё какое! – с улыбкой на лице отвечает Виктор Николаевич. – Это всё время было, как себя помню. На первых порах появилась дача в Орле, где-то в районе завода «Химмаш». Машины в ту пору мы не имели и ездили туда на трамвае с сумками, с ведрами через весь город, потом – шли пешком в одну сторону, в другую. Выращивали картошку, помидоры, огурцы, всякую зелень. Мне нравилось тренироваться с ведрами, которые были наполнены дарами земли: два ведра в руки – и вперёд. Ну чем не тренировка, чем не спорт?! Шутка, конечно. Но тогда было совсем не до шуток. Понятно, что дача кормила, без неё было бы сложно прожить, как и всем людям в то время. А с другой стороны, как вспомню сейчас... Начиная с весны ни выходных не видели, ничего. Даже среди недели посещать приходилось эту «fazенду». Из школы пришёл – обязательно надо съездить, прополоть грядку морковки или лука, а потом ещё на тренировку успеть. Может быть, по этой причине всю такую земельно-огородную работу, честно признаться, не люблю, чего не скажешь об отце. По-моему, он использовал любую возможность, чтобы покопаться в земле, с растениями, на грядках. Считал это отдыхом, прекрасным временем, проведённым с пользой.

Понятное дело, в то время в стране увлечённость огородами, дачами считалась нормой, поскольку таким нехитрым и естественным способом обеспечивалась продовольственная безопасность конкретной семьи. Наша не была исключением, чего там греха таить. Многие из сегодняшнего поколения этого не понимают, а тогда для простого человека прожить без земельного участка, без своего огорода было весьма проблематично. И в Москве было такое, когда отец там работал. Только расстояния там другие. Мы ездили на дачу полтора часа в одну сторону, полтора – обратно. Особенно было сложно, когда реконструировали МКАД. По три часа в пробках торчали.

Сейчас я живу за городом, теперь это новая Москва, но никакого дачного участка у меня нет. А вот мой сын Николай интерес к земле, видимо, перенял от своего деда. Ещё совсем маленьким с удовольствием ему помогал: грядку с ним вместе наметить, землю разровнять, картошку посадить. Здесь у нас возле дома есть газон, деревья растут. Так он, уже не маленький, меня просит: сделай мне грядку, давай с тобой посадим клубнику. Ковыряется,

что-то там делает. Агрономом, насколько я знаю, быть не собирается, но вот эта тяга к земле у него явно просматривается. Я, кстати, всячески это поддерживаю. Почему бы нет, если нравится человеку. Он ведь не просто так делает, видимо, получает какое-то удовольствие, энергетику от земли-матушки. Дочь Полина (они с её братом двойняшки) воспринимает такие увлечения и копания на грядке очень негативно. Её предпочтения – книги, желание побольше узнать, расширить свой кругозор. В этом плане она очень интересующийся человек.

Оба учатся в физико-математическом лицее, в сложном классе – весь упор на два эти предмета. Одно время хотели стать биотехнологами: это сейчас новое направление в науке – с одной стороны, технологии, физика, а с другой – всё-таки биология, то есть опять близко к тому, чем занимался их дед. Рассматривают применение биотехнологий в медицине, сейчас уже появляются биороботы, нанороботы, что-то такое связанное с понятием индивидуальной медицины. Я такие устремления молодёжи только приветствую, считаю, что это очень интересное направление.

Сам Виктор Николаевич – кандидат технических наук, работает в сфере защиты информационных технологий.

– Отец очень приветствовал, когда я взялся за кандидатскую, был готов помогать, но мне повезло с руководителем, и помощи никакой не требовалось. Руководитель моей кандидатской был настоящим учёным и способным организатором. В этом плане чем-то похож на Николая Васильевича, прежде всего своей заряженностью, умением вселить веру, обеспечить необходимый исследовательский процесс. Это ведь совсем непростое дело.

Кандидатскую, кстати, заканчивал уже после того, как ушёл из НИИ министерства обороны, а защищался в Санкт-Петербургском техническом университете, но с этим же руководителем.

В ходе наших бесед с Виктором Николаевичем мы вспомнили историю, связанную с храмом в селе Лаврово, и что за этим последовало.

– Отец был человеком не набожным, – заметил он, – но однажды настоял на том, чтобы меня покрестили. Было это на второй день моей свадьбы, которая проходила в обыкновенной столовой этого самого села Лаврово. Подходят ко мне мой отец, Михаил Георгиевич Михайлов, который, кажется, в тот момент

уже работал в обкоме партии, директор учхоза «Лавровский» Иван Петрович Правдюк и начинают меня обрабатывать на предмет того, что надо бы покреститься. Тут ещё жена моя Анна подключилась, она человек верующий и очень хотела, чтобы это произошло. «Крещёный – Богом защищённый», – говорили мне. Я, если честно, не смог им отказать, хотя к таким вещам отношусь достаточно спокойно. Думаю, отец так же относился, во всяком случае, явных признаков того, что он стремится к вере, мы у него не наблюдали. Хотя в конце жизни, особенно, когда болеешь, к Богу приходит, наверное, каждый человек. Отец тоже, когда понимал, что надежды на выздоровление нет, исповедовался, хотел очиститься.

Болезнь переносил мужественно, хотя всё проходило очень сложно. Мы, конечно, пытались помочь, обращались к нашим врачам, в разные научные центры и клиники, и за рубеж – в Германию, в Англию. Ответы приходили такие, что курс лечения, который выбран, правильный, ничего нового они, к сожалению, предложить не могут.

В одной из последних бесед отец жалел лишь о том, что многое не успел сделать, что есть ещё большое число задумок, которые хотел осуществить.

Не сложилось.

| Отцовский дом. Юрий

Тамара Васильевна Парахина вспоминала, что относительный достаток в семье появился, когда выросли и стали работать оба их сына – Виктор и Юрий. Много лет ей вместе с мужем и детьми приходилось жить на съёмных и служебных квартирах, а Николай Васильевич очень мечтал иметь собственный дом. Хороший, крепкий, чтоб в нём могли собираться и многочисленные родственники, и друзья.

– Такой дом отец начал строить по возвращении из Москвы примерно в 1995 году, – говорит младший сын Парахиных Юрий. – Тогда же он меня и старшего брата первый раз привёз на эту стройку. Здесь ещё ничего не было, залит только фундамент. Мы с Виктором стоим на плитах фундамента, отец смо-

третит на нас и говорит: «Вот, ребята, я начал строить наш дом и, если по-честному, очень хочу, чтобы он получился светлым, просторным, чтобы в нём было тепло и уютно и места хватило всем». Надо сказать, что это была уже его третья стройка. Сначала построил маленькую дачку в одном из садоводческих кооперативов в районе завода «Химмаш», это было сразу после того, как отец приехал в Орёл после аспирантуры. Потом, в период его работы в ЦК и Главнауки, была дача побольше – в подмосковных Вялках.

И вот этот дом. Строился он года три, может быть, даже четыре. И это при его вечной занятости, при всех тех нагрузках, которые у него были всегда. Сегодня, вспоминая отца, могу сказать, что только очень волевой и сильный духом человек мог раз за разом начинать одну стройку, другую, третью. Ведь даже небольшое строительство, садовый или дачный домик, помимо каких-то средств, требует немало усилий, времени, постоянного внимания и решения самых разнообразных вопросов, связанных с документами, разрешениями, стройматериалами, их доставкой, разгрузкой, контактов с рабочими и так далее и тому подобное. Приехал на новое место – и всё начинай сначала.

У него по жизни был такой принцип: где бы ни работал, обязательно должен построить что-то своё – не столько для себя, сколько для семьи. Он считал это важным, потому что, на мой взгляд, каждый такой переезд представлял окончательным и хотел закрепиться на новом месте, как положено. Он любил делать всё основательно, этого не отнять. Учился хорошо, будь то в школе, институте, работал изо всех сил. И старался в какой-то степени привить эти качества нам, своим детям.

Признаюсь: у нас с отцом не всегда были ровные отношения. Он человек с характером, мы у него тоже не паиньки. Скажу так: может быть, только последние десять лет я стал больше понимать его, анализировать его слова, его поступки, эту его непреклонную тягу к работе в ущерб многим другим жизненным вопросам, в ущерб своему же здоровью. У нас стало больше взаимного доверия, появилось уважение к этим его невероятным нагрузкам и вечной занятости. Он был такой, так воспитан, по-другому просто не мог.

С другой стороны, мы вместе с братом не особенно много

имели возможностей подолгу находиться с отцом, хотя при этом видели: он всегда любую свободную минуту старался уделить нам, поговорить, вникнуть в наши детские проблемы.

Также, как старший брат, я в 15 лет уже покинул родительский дом. Учился в Суворовском училище в Твери, потом в Ярославском военном училище. Сыграл ли здесь пример старшего брата Виктора? Трудно судить, может быть, и это тоже. Но мне, как многим ребятам в таком возрасте, хотелось быстрее стать взрослым, хотелось самостоятельности. Не то чтобы подобным способом уйти от родительской опеки, скорее, было желание сделать что-то самому, без их подсказки.

В 1994 году я заканчивал Суворовское училище, а отец снова переехал в Орёл. Сняли маленькую двухкомнатную квартиру на пересечении улицы Герцена и 60 лет Октября, в шумном месте, рядом с остановкой общественного транспорта. Родители чувствовали себя счастливыми, потому что вернулись домой, туда, где начиналась их преподавательская, а для отца ещё и ректорская стезя. Я размышлял, что делать дальше, куда идти учиться. Родители это заметили, однажды отец мне говорит:

– Слушай, Юр, мать переживает. Смотрю, ты куда-то опять собрался, давай-ка оставайся в Орле. Садись, спокойно подумаем, куда ты можешь здесь двинуться. Если по военной специальности, так есть у нас институт правительственной связи. Если гражданскую профессию выберешь, можно и в аграрный. А почему нет?

Все знают, он умел убеждать, был у него такой дар. Аргументы находил всегда основательные, доводы приводил – не поспоришь. И потом, нужно учитывать, что в семье он всегда был непререкаемым авторитетом, окончательным звеном в принятии всех важных решений. Когда мы видели, что он нахмурился, всем сразу было понятно, что лучше уже не спорить и согласиться с его мнением.

Для меня, молодого парня, этот наш разговор склонялся к тому, что нужно оставаться. Хотя на тот момент уже имелось немало предложений, собственных идей, связанных с будущим, были разные институты, в их числе военные. Например, Краснознамённый институт министерства обороны, где готовили военных переводчиков, военных атташе для зарубежных посольств на-

шей страны. Но основная моя идея была поступить в Ярославское высшее военное финансовое училище.

Однако отец взял меня за руку и повёл в сельскохозяйственный институт, где его снова избрали ректором. Заходим в кабинет, он звонит в приёмную комиссию, вызывает председателя этой комиссии и говорит:

– Вот перед вами молодой человек, он не прочь поступить к нам на учёбу, надо у него принять документы. Ну и проконтролировать, чтобы всё было в порядке.

Делать нечего. Я написал заявление, вышел из его кабинета, иду домой, размышляю. А в голове вертится и с каждой минутой крепнет мысль, что учиться в сельскохозяйственном вузе я не хочу. Не хочу, чтобы за мной смотрели, водили по кабинетам и каждый мой шаг контролировали. Всё-таки те два года, что я провёл в Суворовском училище, научили меня самостоятельной жизни.

Пришёл домой, молча собрал в чемодан вещи и вечером сказал, что уезжаю в Ярославль. Мать, конечно, в слезах, отец пытается на меня давить. Но делать нечего, я стою на своём. Он это понял, собрался и поехал со мной в Ярославль, довёз до самых летних лагерей военного училища, где проходила сдача экзаменов – это недалеко от административной границы Ярославской и Костромской областей. Я пришёл, подал документы. И всё. Предстояло пройти медкомиссию, физподготовку и профотбор. Я был зачислен.

Отец потом всегда вспоминал, как он привёз меня к воротам контрольно-пропускного пункта. Очень длинная была дорога от КПП до расположения части. Его, разумеется, за КПП не пустили, мол, нечего делать, пусть сын проходит, он уже взрослый. Я был в форме суворовца, взял в руки чемодан и шагаю по этой бесконечной асфальтовой дорожке.

Отец признавался, что этот момент был для него очень тяжёлый. «Я, – говорит, – стою у ворот пропускного пункта, а ты идешь так уверенно, как будто всю жизнь ходил по этой дорожке, и даже не обернёшься. Слезы на глазах навернулись, не могу ничего поделать. И так стоял до тех пор, пока ты не скрылся за дверью здания».

У меня тоже комок к горлу подступил, но оборачиваться я

просто не имел права, чтобы и его не расстраивать ещё больше, и себя тоже.

Делать нечего, надо ехать обратно. Николай Васильевич продолжает воспоминания об этом моменте: «Сел в машину, сию, слезы платком вытираю, бегут, зараза, не остановить. Успокоился немного, говорю Андрею, водителю автомобиля: «Ну всё, Юрика доставил до места, благословил, поехали домой». И промолчали всю дорогу до самого Орла, ни единым словом не обмолвились».

Вот так тяжело получилось у него расставание с младшим сыном. На долгих четыре года.

Юрий согласен с братом, насколько всё-таки уважал Николай Васильевич выбор своих детей. При всей своей строгости и непростом характере, он умел уступить, согласиться, не доводить ситуацию до конфликта. Любил повторять, что молодёжь должна быть настырной в хорошем смысле, настойчивой и, когда нужно для дела, показывать зубы. Иначе что из неё получится? Размазня, маменькины и папенькины дети.

– О молодёжи вообще, не только о нас с братом, – замечает Юрий Николаевич, – разговор отдельный. Чем старше он становился, тем больше уделял внимания именно молодёжной проблематике, бережнее относился к своим студентам. Пожалуй, последние лет десять отец неоднократно по разному поводу и в обычных беседах за столом, и на публичных мероприятиях говорил, что смену, в том числе на всех руководящих позициях, нужно готовить заранее, нежели перед тем, как уйти с каких-то постов. Он любил возиться с молодёжью, общаться, приглашать к доверительному разговору, к неформальным дискуссиям. Окружал себя молодыми людьми, заставлял учиться, идти в науку, не бояться ставить перед собой высокие цели. И это, кстати сказать, нравилось далеко не всем из его коллег по университету. Прекрасно понимал и видел человека, его потенциал и открыто мог сказать, что вот этот справится и с колхозом, и с агрохолдингом. И дальше пойдёт, если не будет останавливаться на достигнутом.

Многие ученики говорили потом Николаю Васильевичу огромное спасибо за науку, за те бесценные уроки, которые он давал своими советами, поддержкой, стремлением открыть человеку его перспективу, вселить уверенность в своих силах.

Вспоминая детство и школьные годы, Юрий Николаевич во

многим солидарен со своим старшим братом: родители в их учебные дела вмешивались нечасто.

– Процесс моего становления и учёбы пришёлся на момент, когда отец работал особенно интенсивно, в буквальном смысле не покладая рук. Это был период его работы в ЦК КПСС. Время, как я теперь понимаю, было сложное, отец находился на работе допоздна. В первые несколько лет моей учёбы родителям было по большому счёту не до меня. Спросят, как дела, посмотрят тетради, послушают, как читаю, как запоминаю стихи. Учился, по правде сказать, далеко не идеально. Поддадут родители на оре-хи, прочитают мораль, начинаю стараться, основательно делать домашние задания. Ослабят внимание к моим тетрадкам и дневнику, и я расслабляюсь. Одним словом, учился и вёл себя как все нормальные пацаны. Было бы глупо утверждать, что с детства у меня была такая колоссальная тяга к знаниям, хотя с возрастом понимание необходимости учёбы пришло. Сегодня по прошествии лет могу сказать, что мало меня тогда наказывали, ставили в угол за некоторые предметы, например за английский. Хотя для своего возраста на школьном уровне я знал этот предмет на отлично, но это же не то знание, которое необходимо, чтобы говорить на нём уверенно. Пару раз в неделю, возвращаясь вечером с работы, отец обязательно скажет:

– Ну-ка, Юрик, тащи сюда свой дневник.

Посмотрит, подумает. И непременно найдёт, к чему «прицепиться».

– Так, а как у нас с английским дела обстоят? Бери учебник, садись. Почитаем, поговорим. Заодно и я с тобой подучусь. Мне тоже полезно. А ты помогай. Ты же должен больше отца знать. Произношение, грамматика. Давай, не ленись. Какие там слова тебе задали?

Он всю свою жизнь переживал именно из-за того, что не знает английского. Ему просто в школьные годы негде было его учить. Но он до последних дней пытался ликвидировать этот пробел и постоянно брал в руки словари, разговорники, книги по английской грамматике, штудировал какие-то фразы, особенно в те моменты, когда предстояла поездка за границу. Словом, учил язык постоянно. Другой вопрос, как это получалось и далеко ли он в итоге продвинулся... Но учил не только язык. Самообразование,

самообучение у него были в крови. Он был фанат всякой новой, нужной и полезной информации, жил этим постоянно. Недаром всё-таки стал академиком. Мы на уровне своего обыденного восприятия далеко не всегда понимаем, кто такие академики, что это за люди, что они умеют и знают и как вообще пройти этот путь, чтобы ты попал в эту научную, я бы даже сказал, элитарную семью. Даже просто стать кандидатом, доктором наук – это же колоссальный труд, часто до изнеможения, до нервного истощения.

Нередко отец приходил домой, когда мы уже спали, а уходил на работу – мы еще лежали в кроватях. Порой просыпаясь ночью, определяли, дома он или нет, по свету под дверью его кабинета. Он был очень ответственный человек, для которого существовал неукоснительный принцип: всё должно быть фундаментально, существенно, и всё надо сделать по максимуму. Считай, что на века.

Он был тонкого ума человек. Имел явную склонность во всех делах – и в больших, и в малых – к серьёзному анализу. Глубоко это делал, находил аргументы, убедительные слова, так что спорить с ним и крыть его аргументы было нечем. На этой почве у нас порой возникали трения, споры.

Хорошо помню, как я увольнялся из армии. После окончания Ярославского военного училища меня распределили в центральный аппарат министерства обороны. Где-то немногим больше года работал в системе полевых учреждений Центрального банка, в одном из таких подразделений, которые занимались обслуживанием центрального аппарата минобороны.

Почему решил уйти? Сейчас-то, спустя уже два с лишним десятка лет, понимаю: захлёстывали амбиции. Хотелось чего-то большего, хотя бы неких перспектив карьерного роста. Нормальное желание для любого человека, начинающего трудовую жизнь. Но с этим в Москве всегда было сложно. Мне говорили: хочешь двигаться вверх по лестнице – давай, отправляйся куда-нибудь в Забайкалье или на Кавказ. Но не факт, что через какое-то время снова окажешься в столице в таком же учреждении, где работаешь сейчас. Как-никак это военная служба, пусть и связанная с финансами. Тут куда Родина пошлёт, командование прикажет – туда и поедешь.

Жил в то время у брата, в его небольшой квартире. У него семья, свой уклад, своя жизнь. Не мог же я бесконечно пользоваться его добротой и гостеприимством. А так как я тогда был один, семьей ещё не обзавёлся, получить собственную квартиру в Москве было практически нереально.

В какой-то момент пришло понимание: развиваться и делать карьеру в рамках министерства обороны больше не хочу. Да, я получил хорошее образование, прошёл определённую школу взросления, у меня появилось много друзей. Но что-то внутри изменилось, захотел уйти на гражданку, а с учётом тех бытовых условий, которые сложились, такое решение выглядело для меня вполне логичным и объяснимым.

Так в 1999 году вернулся домой, в Орёл. По сути, с этого момента началось, можно сказать, новое становление наших отношений с отцом. Отношений уже двух взрослых людей, родных и очень близких. Непростое, совсем непростое становление, учитывая характер Николая Васильевича, да и мой тоже.

Представьте себе: офицер, прошедший определённую школу, семь лет фактически живший и взрослевший вне дома, бывавший у родителей всего лишь наездами на несколько дней... И вот я снова поселяюсь у них, в отцовском доме, и снова, как после Суворовского училища, размышляю, что делать дальше. Отцу, надо полагать, не понравились эти мои размышления. Приходит вечерами домой и начинает меня воспитывать, как 14-летнего подростка. Но у меня же свои амбиции. Я уже взрослый, самостоятельный человек, правда, не понимающий, не знающий, что делать и куда идти в этой новой для меня гражданской жизни. Но пытаюсь вести себя так, будто мне всё нипочём, море по колёно, я же столько прошёл, столько всего видел и испытал, кто и зачем будет меня учить уму-разуму. Сам разберусь, не маленький. А тут вдруг тебе говорят, мол, не то делаешь, не так. Не туда пошёл, не тем занят. Погулять нельзя, с друзьями нельзя, унывать нельзя. А что можно? Вопрос...

Не скажу, что в тот непростой для меня момент отец был неправ. Прав, и во многом прав. Скажу даже больше: он прав был всегда. Потому что лучше знал жизнь, трезвее и рациональнее к ней относился. Не разбрасывался и не разменивался по мелочам. Он имел право так говорить со мной не просто с позиций роди-

теля, но с позиций прожитых лет, своего опыта. Со всего того, что он действительно прошёл и пережил.

Возможно, подходы с его стороны не такие жёсткие должны были быть. Но это уже другой разговор. Глядя на меня, ему, наверное, было виднее, какую выбрать тональность и какие слова подобрать, чтобы, как он полагал, дошли до сыновнего ума и до сердца.

Именно поэтому новое становление наших отношений проходило непросто. В конце концов, оно состоялось, и во многом именно благодаря ему.

Я устроился на работу в местный филиал Центрального банка России, за пять лет написал и защитил кандидатскую, окончил юридический факультет академии госслужбы, и в один прекрасный день в 2004 году пришёл к нему и говорю:

– Так и так, отец, я принял решение и ухожу из банка.
– И куда? – коротко спросил он и удивлённо на меня посмотрел.
– Финансовым директором в одну коммерческую структуру, – и называю её. А сам думаю: ну, сейчас начнётся. Отец, в самом деле, не любил таких неожиданных и непродуманных, как он считал, ходов.

– Да ты что?! – действительно начал он, впрочем, стараясь быть максимально спокойным. – В коммерческую? А ты хоть знаешь, что такое бизнес?! Как там работать?! Ты себе и представить не можешь, потому что не пробовал! Не варился в нём. Тебя там обманут, обведут вокруг пальца. Юрий, ты же слишком порядочный, честный, а в бизнесе другие правила игры.

Надо сказать, что у него после Главнауки был небольшой и не очень успешный опыт ведения бизнеса, отсюда и такое негативное отношение к такому виду деятельности.

Но справедливости ради замечу, что он долго на меня не давил. Пытался ещё какое-то время переубедить, приводил свои аргументы, но видя, что они никакого действия не возымели, колебаний и сомнений в моей позиции не произошло, понемногу успокоился, принял, как должно.

Потом был опыт работы в страховом бизнесе, после чего Юрия Николаевича пригласили работать в правительство области, в команду нового губернатора Александра Козлова, пришедшего на смену Егору Семёновичу Строеву.

Сам Александр Петрович, вспоминая Николая Васильевича, не забыл и этот немаловажный момент своей жизни.

– Он, конечно же, был патриот своего края, абсолютный патриот, – убеждён бывший губернатор Орловщины. – Я это говорю не потому, что мы дружили с ним, вместе потом работали, когда я стал во главе Орловской области.

Помню, когда приехал сюда 28 февраля 2009 года, кроме него, я абсолютно никого здесь не знал. Не считая, разумеется, больших фигур, таких как Строев, ещё пару человек, с кем пересекались в министерстве или по роду профессиональной деятельности.

Николай Васильевич познакомил меня, например, с Сергеем Аристеевичем Будаговым, со многими другими людьми, кого потом я пригласил на работу в областную администрацию. Помню, о чём бы его ни спросил, с какой бы просьбой к нему ни обратился – он ни разу не отмахнулся, не сослался на занятость, хотя, сами понимаете, работы у ректора всегда невпроворот. И это не потому, что я губернатор и губернатору нельзя отказать. Отказывали, всякое бывало. Ещё как отказывали! Если человек не захочет помочь, он найдёт тысячу причин для этого. Вежливо сошлётся на разные неотложные дела или скажет, что готов заняться моим вопросом, но не сегодня, а завтра.

Он говорил только про тех людей, которых, разумеется, хорошо знал, с акцентом на деловые и человеческие качества. И знаете, что самое удивительное? Время показывало, что его субъективный взгляд весьма недалёк от объективной оценки, что, конечно же, не могло не подкупать и вызывало уважение.

Впрочем, с этим приглашением произошла довольно любопытная история, о которой её главный герой рассказывал, не скрывая улыбки.

| «Пойду, но вашим замом»

Фамилия Юрия Парахина тоже оказалась в списке потенциальных кандидатов на одну из вакантных позиций в команде нового главы региона. Скрывать тут нечего: Козлов, хорошо знавший Николая Васильевича, именно его попросил предложить несколько

кандидатур перспективных молодых управленцев в формируемую команду регионального правительства.

Сам Парахин-младший, кстати, об этом не знал, но до той минуты, когда его пригласили на беседу к новому главе региона, который на тот момент был еще врио губернатора.

– Утром, ровно в семь часов, – рассказывает Юрий Николаевич, – звонит телефон. В трубке сообщают, что новый глава региона Александр Петрович Козлов просит подойти к нему в кабинет к восьми часам.

Разговор получился неожиданно жёсткий, не очень приветливый, и Юрий, к удивлению Александра Петровича, на его предложение не согласился. Просто-напросто отказал. Причин было две. Первая заключалась в том, что Юрий почувствовал здесь «руку» отца Николая Васильевича, и это его расстроило. А вторая была более весомой. Буквально накануне ему позвонили из Москвы и предложили возглавить экономический департамент в министерстве регионального развития.

– Александр Петрович очень удивился отказу, – продолжает Юрий Парахин. – Но, видимо, желая до конца выяснить для себя его причину, спросил: «А кем, интересно, ты, такой молодой, хотел бы работать в правительстве»? «Вашим заместителем», – сказал я в надежде, что после этих слов продолжения разговора не последует. Тут было всё: и желание показать характер, и мои амбиции, и какая-то детская выходка, граничащая с откровенной глупостью.

Ответ привёл Козлова в лёгкое замешательство. Чего-чего, а уж такой прыти от тридцатилетнего претендента на место в команде губернатора он явно не ожидал.

– Наступила пауза, секунд двадцать он молча смотрел мне в глаза, видимо, соображая, что делать дальше, что мне ответить и как поступить. Потом встал, протянул мне руку и говорит:

– Хорошо, я понял. Будешь работать моим заместителем. А там увидим.

Пять лет Юрий Парахин работал в должности заместителя губернатора по экономике и финансам. По его словам, это был хороший, деятельный период. Не всё получалось. Но лично для него это стало временем колоссального опыта, реальной работы и максимального приложения своих знаний и сил.

– Отцу я благодарен за многое. За науку. За жизненные уроки.

За дом, который он построил. За настоящее мужское воспитание, за то, что с малых лет приучал нас к труду. Вот на этом огороде, в этом саду, где сейчас дом стоит – сколько тут всего оставлено?! Под лопату копали, вручную сажали, сеяли, пололи. В конце концов, брат Виктор однажды не выдержал: «Я тут к вам на два дня приезжаю, и всё на огороде. Называется, приехал к родителям на выходные проведать, отдохнуть от московской суеты. А вместо этого с грядок не вылезает. Всё, больше меня не трогайте со своим огородом. Иначе перестану приезжать».

Тем не менее через труд, через не могу, через преодоления отец воспитывал в нас и характер, и отношение к жизни, понимание её настоящих, а не условных законов.

Вспыльчивым был, да, этого не отнять, иногда даже резким. Но быстро отходил, переосмысливал, извинялся. Маму очень любил, берёг её, заботился. Как-то признался, что без неё не представляет своей жизни, и он ни за что не стал бы тем, кем стал, не сделал бы того, что успел сделать. Он был стержнем семьи, брал на себя решение всех сложных вопросов, в том числе если это касалось родственников по его или маминой линии. Это не обсуждалось. Такую планку и такое поведение он для себя определил сам. По жизни. И следовал этому правилу до последних дней. Для него это был закон. Семья, её благополучие, дети, жена – это было святое, самое главное. Даже с учётом того, что времени у него очень часто на всё другое, кроме работы, оставалось в обрез. Работа его поглощала, была в приоритете, но всё равно это было как бы вторично, а в центре стояла семья, хотя заметно это было только близко знавшим его людям. И если, не дай бог, в семье что-то происходило, кому-то требовалась поддержка, он мгновенно принимал решение и делал всё, чтобы оказать необходимую помощь.

В своей семье у отца он был самым младшим ребёнком, а младшие в крестьянских семьях не верховодили. Но именно он со временем стал для всех примером, беспрекословным лидером, его мнение считалось решающим.

Я всегда поражался, насколько непритязательным, нетребовательным к себе он был в быту, в повседневной жизни. Этот дом появился, когда отцу было уже под пятьдесят. Были связи, дружба, огромное уважение и огромные возможности, но он никогда не использовал их в личных целях, для себя. За всю свою жизнь

столько у него было разных кабинетов, постов, отношений с министрами и другими крупными чиновниками из правительства и других государственных ведомств! За помощью обращался, стучался во все высокие двери, когда что-либо требовалось для дела, для университета. С президентами общался, стоял перед ними, выступал, делал доклады, отвечал на вопросы по разным научным и прочим аспектам. Бояться не боялся, но это ведь всё не просто, это напряжение воли, интеллекта, своего сердца.

Юрий Николаевич поведал одну историю, которая была связана с президентом Борисом Ельциным, когда он приезжал в Орёл. Именно здесь шёл разговор о заключительных моментах проекта «Пшеница-2000», крупного российско-германского инвестиционного проекта, едва ли не первого в России на конец прошлого века.

Докладывать об этом проекте и участии в нём Орловской области Егор Семёнович поручил именно Парахину.

И тут накануне визита звонит Николаю Васильевичу Татьяна Дьяченко, дочь и по совместительству помощник президента. Не особенно выбирая выражения, вот так прямым текстом говорит: «Попробуйте только доложить об этом проекте. Не дай бог. Я вас просто уволю, имейте это в виду».

Дело в том, что она была категорически против этого проекта, но говорить об этом Строеву, который возглавлял Совет Федерации, не захотела. А пошла по другому пути с намерением заставить Парахина просто отказаться от выступления. Под любым предлогом. Тем самым зарубить, как говорится, проект на корню. Не было презентации – нет и проекта. Мол, сама область передумала, не захотела.

Строев Николая Васильевича успокоил: не переживай, докладывай. Не посмеет она, хоть и дочь президента, вмешиваться в большую политику.

Доклад состоялся, но осадок от того далеко не дипломатично-го разговора с Татьяной Дьяченко, конечно же, остался надолго.

Университет к 2010–2012 годам вошел в число одного из лучших сельскохозяйственных вузов страны, в тройку самых продвинутых по качеству обучения, инновациям, научной проблематике. Делегации, приезжавшие в Орёл на конференции, «День поля», прочие мероприятия, непременно посещали вуз, знакомились с его достижениями.

Ректор открыто говорил и под камеру, и в ходе встреч с Путиным о том, что нужно университету для улучшения работы, если требовалось какое-то оборудование для лабораторий, учебных корпусов, хозяйственной деятельности. Не стеснялся и не считал это чем-то зазорным. И ему, как правило, шли навстречу, потому что понимали: речь идёт о деле, о развитии вуза.

В последние лет пять или шесть ни одно крупное мероприятие в Москве либо в другом каком-то месте, особенно если рассматривались вопросы аграрной политики, не обходились без участия Николая Васильевича. Часто он становился инициатором острых дискуссий, не боялся обозначить проблему, поставить вопрос ребром, защитить смелую инициативу.

Очень болезненно воспринимал сельскую тему, утрату деревень. Переживал, когда не стало его родной Бобылёвки, с которой были связаны детство и подростковые годы. Добрую память об этом, о своих земляках он пронёс через всю свою жизнь.

ТЕЛЕГРАММА

Город Орёл, ул. Генерала Родина, д. 69. ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ». Коллективу.

Ассоциация аграрных вузов Центрального федерального округа с чувством удовлетворения восприняла решение о присвоении Орловскому государственному аграрному университету имени академика Российской академии наук Николая Васильевича Парахина, руководившего университетом с 1982 по 1986 и с 1994 по 2016 год.

Ваша инициатива, поддержанная администрацией Орловской области и Министерством сельского хозяйства РФ, совпадает с мнением ректорского сообщества аграрных вузов страны.

Николай Васильевич был талантливым руководителем Орловского ГАУ, одним из самых ярких представителей аграрного сектора Орловской области. Под его руководством университет по праву вышел в лидеры аграрного образования России, стал центром научных исследований. Вся деятельность Николая Васильевича Парахина была посвящена служению Родине, Орловскому краю, университету, который он поднял на такую высоту, была посвящена науке и воспитанию молодёжи, которую он беззаветно любил, возлагал надежды и делал всё для обретения студентами настоящего профессионализма, собственным примером учил патриотической гражданской позиции.

Николай Васильевич был одним из инициаторов создания ассоциации аграрных вузов ЦФО и самым активным её участником. Благодаря его настойчивости, активной жизненной позиции ассоциация смогла стать площадкой для принятия решений, которые реально помогут развивать аграрное образование в наших вузах.

Пройдут годы, и то, что коллектив университета принял такое решение – увековечить имя Николая Васильевича Парахина – у потомков будет вызывать уважение и признательность за оценку роли человека, заложившего крепкий фундамент в их будущее, благодаря которому они смогут получить достойное образование и воспитание как основу для своей жизни.

Ректоры ассоциации аграрных вузов ЦФО России.

23.06.2016 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2007 г.).
2. Орден «Знак Почёта» (1986 г.).
3. Орден Дружбы (1996 г.).
4. Орден Почёта (2000 г.).
5. Орден Русской православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского (2006 г.).
6. Знак «Почётный работник высшего образования России» (1996 г.).
7. Золотая медаль «За вклад в развитие агропромышленного комплекса России» (2006 г.).
8. Почётная грамота Министерства сельского хозяйства РФ (2000 г.).
9. Почётная грамота Министерства сельского хозяйства РФ (2006 г.).

У памятника отцу. Сыновья Николая Васильевича Виктор (слева) с супругой Анной и Юрий с супругой Анастасией и дочерью Никой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Для блага страны. Во имя науки

Одна из незыблемых истин, принятая в научной среде, да и в обществе в целом, гласит: о каждом учёном принято судить по тому наследию, которое он оставил после себя и какую практическую пользу для продвижения научной мысли и для реальной жизни людей несут его труды.

По отзывам коллег, Николай Васильевич эпитетов не любил. Не терпел, когда публично превозносили его заслуги, начинали славословить, подчёркивали его достижения. Он не раз повторял: «Всё, что мы делаем, должно служить единственной цели – развитию нашего края, нашей страны, укреплению экономики, улучшению жизни людей».

«Степени и звания ума не прибавляют», – говорил один хороший человек. А что прибавляет ума? А ума прибавляют настойчивость в достижении цели, желание узнать что-то новое, разобраться в вопросе, в котором до тебя ещё не разбирались, докопаться до самой сути проблемы. Мы растём в своих собственных глазах и в глазах окружающих только в том случае, если приносим реальную пользу, добиваемся конкретных результатов. Таким, по нашему мнению, был академик Российской академии наук Николай Васильевич Парахин.

Собирая материал для этой книги, мы не ставили перед собой задачу создать исчерпывающий портрет этого человека, ученого, педагога, организатора вузовского образования. Сюда вошли лишь некоторые штрихи, эпизоды и события, которыми была наполнена его жизнь. Приведены краткие воспоминания и свидетельства совсем небольшого круга лиц, кто знал его близко по совместной работе, кто на протяжении многих лет имел возможность видеть его в разных жизненных обстоятельствах, кто понимает значимость всего того, что он сделал в плане научных открытий, в образовательной сфере, в становлении и развитии Орловского государственного аграрного университета.

Нам представляется, что наиболее полную оценку заслуг Николая Васильевича Парахина сделал ещё один выдающийся учёный отечественной аграрной науки – академик, член Президиума Российской

академии наук Иван Григорьевич Ушачёв. Кстати сказать, наш земляк, уроженец Орловской области. Его слова, которые мы взяли из одной из статей, посвящённых памяти академика Парахина, надеемся, станут достойным завершением нашего повествования.

«Вся жизнь Николая Васильевича Парахина, – пишет Иван Григорьевич Ушачёв, – это яркий пример непрерывного профессионального роста, преданного служения отечественному аграрному образованию, воспитанию молодого поколения.

Многие годы Николай Васильевич верно и преданно работал на благо своей страны, во имя российской науки. Как ведущий учёный в области растениеводства, земледелия и кормопроизводства, он внёс значительный вклад в развитие сельского хозяйства. Под его руководством разработаны и усовершенствованы технологии возделывания важнейших кормовых культур. Он автор нового научного направления «Использование эколого-стабилизирующих свойств кормовых растений в адаптивном растениеводстве».

Благодаря академику Парахину создана научная школа, развивающая теоретические основы биологизации и экологизации интесификационных процессов в земледелии.

Николай Васильевич внёс значительный вклад в решение поставленных руководством страны стратегических задач по обеспечению конкурентного импортозамещения в сельском хозяйстве, развитию отечественного рынка продовольствия, социальному развитию села. Те серьёзные успехи, которые демонстрирует современный аграрный комплекс Орловщины, во многом обеспечены трудом высококлассных специалистов, настоящих профессионалов, которые получили образование в стенах Орловского государственного аграрного университета.

Посвятив свою яркую жизнь служению родной Орловщине и России, развитию передовой аграрной науки и современной системы образования, Николай Васильевич Парахин последовательно отстаивал идею инновационного, опережающего развития нашей страны, искренне верил в гигантский интеллектуальный потенциал российской молодёжи, отдавал все силы и знания поддержке и развитию её талантов, созданию условий для обучения, воспитания и всестороннего развития молодого поколения.

Обладая обширными знаниями, богатейшим опытом практической работы, замечательными человеческими качествами, Николай Васильевич на всех участках работы проявлял себя как профессионал высочайшего уровня. Блестящий организатор, принципиальный руководитель, которого всегда отличали преданность делу, твёрдая жизненная

позиция, уважительное отношение к людям, он пользовался заслуженным авторитетом в самых широких кругах российского и зарубежного научного сообщества, у руководителей федерального и регионального уровня, муниципальных органов власти, аграриев-практиков, простых жителей области.

Возглавив Орловский сельскохозяйственный институт в переломные для нашего аграрного комплекса и аграрной науки годы, он сумел не только сохранить его базу, но и заложить прочные основы для дальнейшего развития. Высокими темпами совершенствовалась инфраструктура вуза, открывались новые специальности, формировался высокопрофессиональный профессорско-преподавательский состав, были созданы новые научные школы по приоритетным направлениям развития аграрного комплекса.

Подготовка кадров в Орловском государственном аграрном университете ведётся с учётом требований работодателей и перспектив развития отраслей агропромышленного комплекса. ОГАУ обладает собственной научной и производственной базой для приобретения и развития компетенции студентов. Это специализированные аудитории и инновационные экспериментальные лаборатории. Совместно с ведущими российскими и зарубежными фирмами создан учебно-выставочный комплекс новейшей техники и передовых технологий, организована центральная научно-инновационная инфраструктура, включающая научно-исследовательские центры и лаборатории, оснащённые самым современным научным оборудованием.

В университете традиционно проводятся конкурсы, международные летние школы, слёты ученических производственных бригад, балы отличников, в которых участвуют школьники Орловской и других областей ЦЧО.

Николай Васильевич Парахин внёс значительный вклад в создание новых учебников и учебных пособий, которые стали образцовыми в системе высшего сельскохозяйственного образования. Он являлся членом и руководителем многих авторских коллективов по созданию учебной и методической литературы, имеющих в своём составе ведущих учёных и педагогов высших учебных заведений страны. Изданные им монографии и статьи существенно развивают идеи русских учёных-агрономов. При его непосредственном участии и под его руководством были разработаны и усовершенствованы технологии возделывания многих культур, направленные на экологическую устойчивость и эффективность растениеводства.

Иван Григорьевич УШАЧЁВ – академик, член Президиума Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор.

Иван Григорьевич Ушачёв родился 20 января 1938 года в деревне Алёшенка Дмитровского района Орловской области.

В 1960 году окончил Одесский сельскохозяйственный институт.

С 1961 года работал на Кубе агрономом-экономистом, советником по экономическим вопросам Министерства сельского хозяйства Кубы.

В 1967 году в Одесском СХИ защитил кандидатскую диссертацию.

В 1967–1979 гг. – ассистент, доцент, зав. кафедрой управления АПК, декан экономического факультета, ректор Одесского СХИ. В 1976 году стал доктором экономических наук.

С 1979 года – руководитель отдела проблем управления АПК, с 1983 года – зам. директора ВНИИЭСК по науке.

В 1988–1994 гг. – советник по вопросам АПК в посольстве СССР (затем в посольстве РФ) во Франции.

В 1994–1996 гг. – зам. министра сельского хозяйства России.

С 1996 года – директор Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСК).

В 2003–2014 гг. – вице-президент Российской академии сельскохозяйственных наук.

С 2014 года – член Президиума РАН.

Заслуженный деятель науки РФ (2003 г.).

Награждён орденами «Знак Почёта» (1977 г.), «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2008 г.), медалями «Передовик труда Республики Куба» (1964 г.), орденом Франции «За заслуги в сельском хозяйстве». Член Французской академии сельскохозяйственных наук (2000 г.), Украинской академии аграрных наук (2002 г.).

Под руководством Николая Васильевича Парахина в университете активно проводилась интеграция образования, науки и производства, создана система непрерывного профессионального образования. Университет одним из первых стал активно сотрудничать с профильными вузами, разрабатывать интегрированные учебные планы с сокращённым сроком обучения, развивать систему многоуровневого и дополни-

тельного профессионального образования. На всех специальностях и направлениях подготовки ВПО введены по 2–3 специализации.

Благодаря деловым и профессиональным качествам ректору ОрёлГАУ удалось обеспечить стабильное развитие университета, поднять на качественно новый уровень подготовку кадров, научную деятельность.

Несомненной заслугой Парахина является тот факт, что подготовка специалистов осуществляется с учётом требований современной жизни и непосредственного участия работников производства, так называемого стратегического партнёрства. Благодаря его усилиям были заключены договоры о творческом сотрудничестве и организованы 48 филиалов кафедр на предприятиях различного профиля. Студенты университета активно участвуют в проведении весенне-полевых работ и уборке урожая. В целях изучения новых технологий, оказания помощи хозяйствам, а также улучшения практической подготовки студентов функционируют научно-внедренческие студенческие отряды. Например, в 2009 году в 52 строительных отрядах работало около половины всех студентов университета.

Высокое качество образования всегда было приоритетом в деятельности всего коллектива вуза. По инициативе и под руководством Николая Васильевича Парахина в университете создана эффективная система менеджмента качества подготовки специалистов, основанная на требованиях международного стандарта ISO 9001:2008, стандартов и директив ENQA, типовой модели системы качества образовательного учреждения. В учебном процессе и научных исследованиях используются информационно-коммуникационные технологии. Лекционные аудитории университета оснащены мультимедийным оборудованием, лаборатории – современными научными приборами. Функционируют электронная система управления вузом Naumen University, электронная библиотека, центр диагностического оборудования, Региональный центр тестирования и развития. Вуз постоянно принимает участие в интернет-тестировании, интернет-олимпиадах, видеоконференциях.

На протяжении многих лет Парахин является членом редколлегий научных журналов, председателем региональ-

ных диссертационных советов по защите докторских диссертаций. В соответствии с концепцией развития вуза, благодаря грамотной кадровой политике в университете резко возросло количество преподавателей, имеющих учёную степень доктора и кандидата наук. Он являлся руководителем научной школы «Ресурсо- и энергосберегающие технологии в растениеводстве», руководителем научных исследований, финансируемых по заказу Министерства сельского хозяйства РФ «Проведение исследований и разработка модели устойчивого растениеводства в ЦЧР РФ», руководителем большого исследования и специального гранта «Эндо- и экзогенная регуляция процесса биологической азотфиксации для разработки энергосберегающих приёмов получения конкурентоспособной экологически чистой высокобелковой продукции растениеводства». Кроме того, он руководил научными исследованиями, финансируемыми за счёт внебюджетных средств, целью которых была необходимость обосновать и разработать ресурсосберегающие высокопроизводительные экологически устойчивые экосистемы и агроландшафты на основе использования научных принципов адаптивной интенсификации растениеводства. Все эти исследования имели огромное значение для нашей науки и всей страны в области земледелия, землепользования и сельскохозяйственной отрасли в целом.

Он был большим и глубоким учёным, который навсегда вписал своё имя в историю российской аграрной науки».

Список основных научных трудов академика Н.В. Парахина

1. Настольная книга фермера / Н. В. Парахин. – М.: Изд-во МСХА, 1992. – 20 с.
2. Предотвращение критических ситуаций в агроэкосистемах / Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков, И. В. Кобозев. – М.: Изд-во МСХА, 1995. – 264 с.
3. Этот трудный путь в ноосферу / Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков, И. В. Кобозев. – М.: Изд-во МИФИ, 1995. – 186 с.
4. Луговоеводство: учебник для с/х вузов / Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков. – М.: Колос, 1995.
5. Технологии заготовки кормов / Н. В. Парахин. – Орел: Вешние воды, 1995. – 141 с.
6. Оптимизация режимов орошения сельскохозяйственных культур / Н. В. Парахин. – М.: Изд-во МСХА, 1996. – 77 с.
7. Электронный практикум по кормопроизводству / Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков, В. В. Коломейченко. – Орел: Тургеневский бережок, 1996. – 183 с.
8. Эколого-стабилизирующее значение кормовых культур в растениеводстве / Н. В. Парахин. – М.: Колос, 1997. – 176 с.
9. Введение в сельскохозяйственную биотехнологию: учебное пособие / Н. В. Парахин, Л. В. Гольшикин, Н. Е. Павловская. – Орел, 1998.
10. Рекомендации по возделыванию многолетних трав на семена / Н. В. Парахин. – М., 1998. – 17 с.
11. Рекомендации по технологии возделывания люцерны на семена в среднерусской лесостепной провинции / Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков. – М., 1998. – 46 с.
12. Технологические схемы возделывания многолетних и однолетних трав на семена в среднерусской степной провинции / Н. В. Парахин. – М., 1998. – 26с. //
13. Организация агрохозяйственной и финансово-правовой деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств: справочное пособие / Н. В. Парахин, Е. Ф. Злобин, Н. И. Прока. – Орелиздат, 1999. – 232 с.
14. Биологизация земледелия России: учебное пособие для с/х вузов / Н. В. Парахин, В. Т. Лобков. – Изд-во ОрелГАУ, 2000. – 175 с.
15. Биологизация и адаптивная интенсификация земледелия в Центральном Черноземье / Н. В. Парахин. – Воронеж: Изд-во ВГАУ, 2000. – 306 с.
16. Агрономическая оценка гумусового состояния почв / Н. В. Парахин, В. И. Савич, Л. П. Степанова, Л. Л. Шишов, М. Кершенс. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2001. – 437 с.
17. Экологические основы повышения устойчивости и продуктивности агроландшафтных систем: сборник научных трудов / Н. В. Парахин. – Изд-во ОрелГАУ, 2001. – 473 с.
18. Эколого-экономические аспекты развития растениеводства в рыночных условиях: материалы выездного заседания Президиума РАСХН / Н. В. Парахин. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2002. – 475 с.
19. Вика мохнатая (*Vicia vilosa roth.*) в Европейской части России / Н. В. Парахин, А. П. Лаханов. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2002. – 343 с.
20. Газоноведение и озеленение населённых территорий / Н. В. Парахин, В. А. Тюльдюков, И. В. Кобозев. – М.: Колос, 2002. – 264 с.

22. Почвенная экология / Н. В. Парахин, В. М. Савич, Л. П. Степанова, В. Т. Лобков, А. П. Щербаков, Н. Г. Сычев. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2002. – 580 с.

23. АПК российского Черноземья / Е. С. Строев, Н. В. Парахин, Г. С. Полтавченко, И. Ф. Хицков и др. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2003. – 607 с.

24. Пути повышения эффективности сельскохозяйственной науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2003. – 426 с.

25. Кормопроизводство / Н. В. Парахин, И. В. Кобозев, И. В. Горбачев, Н. Н. Лазарев, С. С. Михалев. – Москва, КолоСС, 2006.

26. Практикум по растениеводству / Н. В. Парахин, Г. И. Дурнев, В. В. Коломейченко. – Москва: КолоСС, 2010. – 334 с.

27. Адаптивные технологии возделывания сельскохозяйственных культур в условиях Орловской области: учебное пособие / Н. В. Парахин, А. Ф. Мельник, С. Н. Петрова. – Изд-во ОрелГАУ, 2010. – 234 с.

28. Вика мохнатая (*Vicia villosa* Roth) в кормопроизводстве России: монография / Н. В. Парахин, В. Н. Золотарёв, А. П. Лаханов, Ю. С. Тюрин. – Изд-во ОрелГАУ, 2010. – 507 с.

29. Учебно-методическое пособие по самостоятельной работе студентов магистратуры с грифом УМО / Н. В. Парахин, Г. И. Дурнев, М. А. Внукова, Е. М. Титова, А. В. Амелин, Е. Кирсанова, Ю. В. Кузмичева, А. Ф. Мельник, С. Н. Петрова. – Изд-во ОрелГАУ, 2014. – 21 с. – (Гриф № 43 от 13.05.2014 ФГБОУ ВПО РГАУ МСХА им. К. А. Тимирязева).

30. Ресурсосберегающая роль растительно-микробных взаимодействий в растениеводстве / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова, Ю. В. Береговая. – Изд-во ОрелГАУ, 2018. – 272 с. – (*Работа была подготовлена при жизни Н. В. Парахина, вышла в свет уже после его ухода).

31. Влияние АЦК-утилизирующих ризобактерий на экологическую устойчивость сои / Н. В. Парахин, Ю. В. Кузмичёва, И. Л. Тычинская // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. – 2014. – № 2 (30). – С. 29–32.

32. Мир микроорганизмов с позиций энергосбережения / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Химия. Биология. Экология. – Вып. 3. – 2014. – Т. 14. – С. 81–84.

33. Повышение продуктивности и качества семян сои за счёт интенсификации азотфиксации / Н. В. Парахин, А. А. Осин, М. В. Донская // Сельскохозяйственная биология. – 2014. – № 2. – С. 118–122.

34. Эффективность интродукции АЦК-утилизирующих ризобактерий в агроценозах сои в условиях Орловской области / Н. В. Парахин, Ю. В. Кузмичева, И. Л. Тычинская, С. Н. Петрова // Сельскохозяйственная биология. – 2015. – № 3. – С. 377–383.

35. Методические подходы к созданию устойчивого и эффективного растениеводства в условиях глобального изменения климата (на примере Орловской области): практические рекомендации / Н. В. Парахин, А. В. Амелин, С. Н. Петрова, Н. Н. Лысенко, В. М. Кузьмин, А. Ф. Мельник, Ю. В. Кузмичева, В. М. Новиков, И. А. Рыжов, И. И. Брусенцов. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2015. – 68 с.

36. Влияние эндо- и экзогенных факторов на урожайность, содержание белка и клейковины в зерне современных сортов озимой пшеницы / Н. В. Парахин, А. В. Амелин, А. Ф. Мельник // *Зерновое хозяйство России*. – 2015. – 3 (39). – С. 26–32.

37. Использование биологических факторов в повышении продуктивности и реализации средообразующего потенциала гороха посевного / Н. В. Парахин, Ю. В. Кузмичева // *Доклады Российской академии сельскохозяйственных наук*. – 2015. – № 1–2. – С. 31–33.

Научные статьи

1. Международный инвестиционный проект «Пшеница-2000. Орёл». Содержание, методология и практика реализации / Н. В. Парахин, Я. Я. Мауль // *Продовольственный рынок России: кооперация и сотрудничество: сборник*. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2000. – С. 263–265.

2. В реформы – с концепцией биологического земледелия / Н. В. Парахин, В. Т. Лобков // *Человек и экология: сборник*. – Орел, 2000. – С. 134–148.

3. Симбиотическая фиксация азота многолетними бобовыми травами / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // *Кормопроизводство*. – 2000. – № 3. – С. 16–19.

4. Новое в формировании экономического механизма и управления АПК: опыт Орловской области / Н. В. Парахин // *Сборник трудов под общей редакцией*. – Орел, 2001.

5. Азотфиксация и фотосинтез козлятника восточного / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // *Кормопроизводство*. – 2001. – № 4. – С. 21–23.

6. Селекция и семеноводство в России в рыночных условиях / Н. В. Парахин // *Селекция и семеноводство сельскохозяйственных культур в России в рыночных условиях: сборник*. – М.: Эконива, 2001. – С. 104–108.

7. Научное обеспечение АПК и подготовка кадров в Орловской области / Н. В. Парахин, В. Т. Лобков // *Новое в формировании экономического механизма управления АПК: опыт Орловской области: сборник*. – Орел, 2001. – 141 с.

8. Углубление исследований по оптимизации систем земледелия / Н. В. Парахин // *Земледелие*. – 2001. – № 3. – С. 44.

9. Воздействие кормовых культур на активизацию процессов воспроизводства плодородия почвы / Н. В. Парахин // *Кормопроизводство*. – 2001. – № 7. – С. 5–8.

10. Особенности формирования травостоя различных сортообразцов клевера лугового / Н. В. Парахин, З. А. Зарьянова, С. П. Егунов // *Кормопроизводство*. – 2001. – № 7. – С. 18–22.

11. Развитие кормовой базы в учхозе «Лавровский» / Н. В. Парахин, В. Т. Лобков, В. М. Иволгин // *Кормопроизводство*. – 2001. – № 7. – С. 28–31.

12. Оптимизация структуры агроландшафтов и её значение в земледелии среднерусской лесостепи / Н. В. Парахин // *Экологические основы повышения устойчивости и продуктивности агроландшафтных систем: сборник*. – Орел, 2001. – С. 131–139.

13. Кормовые культуры как фактор стабилизации агроландшафтов / Н. В.

Парахин // *Экологические основы повышения устойчивости и продуктивности агроландшафтных систем: сборник.* – Орел, 2001. – С. 174–194.

14. Азотфиксация и фотосинтез / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // *Продукционный процесс сельскохозяйственных культур: сборник.* – Орел, 2001. – С. 14–19.

15. Международная интеграция как фактор повышения качества подготовки специалистов / Н. В. Парахин // *Проблемы и перспективы интеграции высшей школы России в мировую систему образования и науки: сборник.* – Воронеж, 2001. – С. 129 – 138.

16. Размеры симбиотической азотфиксации люцерны изменчивой в условиях Орловской области / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // *Докл. ТСХА.* – Моск. с/х акад., 2001. – Ч. 1. – С. 211–414.

17. Экологические основы повышения устойчивости и продуктивности агроландшафтных систем / Н. В. Парахин // *Сб. трудов под общей редакцией.* – Орел, 2001.

18. Оптимизация структуры агроландшафтов и её значение в земледелии Среднерусской возвышенности / Н. В. Парахин, Г. И. Дурнев // *Экологические основы повышения устойчивости и продуктивности агроландшафтных систем: сб. трудов.* – Орел, 2001. – С. 131 – 139.

19. Кормовые культуры как фактор стабилизации агроландшафтов / Н. В. Парахин // *Экологические основы повышения устойчивости и продуктивности агроландшафтных систем: сб. трудов.* – Орел, 2001. – С. 174–195.

20. Сравнительная симбиотическая активность, урожайность и белковая продуктивность многолетних бобовых трав в условиях Орловской области / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // *Известия ТСХА.* – 2001. – Вып. 3. – С. 18–33.

21. Возделывание галеги восточной и люцерны изменчивой как один из путей к ресурсосбережению / Н. В. Парахин, С. Н. Петрова // *Кормопроизводство.* – 2001. – № 7. – С. 16–19.

22. Селекция и семеноводство в России в рыночных условиях / Н. В. Парахин // *Селекция и семеноводство с/х культур России в рыночных условиях.* – М.: Эко-Нива, 2001. – С. 104–108.

23. Научное обеспечение АПК и подготовки кадров в Орловской области / Н. В. Парахин, В. Т. Лобков // *Информационное поле орловского агрария.* – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2002. – С. 4–8.

24. У реформы «лицо» собственной системы / Н. В. Парахин // *Новый аграрный журнал.* – 2002. – № 1. – С. 108–111.

25. Девиз современного земледелия: меньше затрат, больше прибыли / Н. В. Парахин // *Сельская жизнь.* – 2002. – № 9. //

26. Научное обеспечение устойчивости растениеводства в Орловской области / Н. В. Парахин // *Доклады РАСХН.* – 2002. – Вып. 1. – С. 15–17.

27. Итоги и перспективы развития Орловского регионального центра биотехнологии сельскохозяйственных растений / Н. В. Парахин, Н. Е. Павловская // *Биотехнология: состояние и перспективы развития: материалы I Международного конгресса «Биотехнология: состояние и перспективы развития».* – 2002. – С. 122.

28. Использование оптимальных ландшафтов Центрального округа для повышения эффективности отраслей АПК / Н. В. Парахин // *Кормопроизводство.* – 2002. – № 12. – С. 8–10.

29. Совершенствование форм и методов образовательных технологий подготовки экономистов-аграрников в ОрелГАУ / Н. В. Парахин, Н. И. Прока // Пути совершенствования агроэкономического образования. – М.: Изд-во МСХА, 2002. – С. 85–90.

30. О некоторых направлениях повышения эффективности сельского хозяйства / Н. В. Парахин // Социально-экономическое развитие АПК: региональный аспект: материалы Международной научно-практической конференции. – Изд-во ОрелГАУ, 2002. – С. 3–7.

31. К научному обоснованию селекции гороха на кормовые цели / Н. В. Парахин // Кормопроизводство. – 2003. – № 2. – С. 20–25..

| СМС- сообщение

Уважаемый Юрий Николаевич! Как Вы знаете, в Покровской средней школе Краснозоренского района в течение последних двух лет обучения в старших классах занимался Ваш отец Николай Васильевич Парахин. Всегда при первой возможности он посещал потом родную школу, с благодарностью отзывался о каждом учителе. Высоко ценил и относился с огромным уважением к Виктору Никитовичу Внукову, который был в своё время директором школы, и его супруге – учителю русского языка и литературы Венере Ивановне Внуковой. В 1999 году Николай Васильевич приезжал на юбилей Венеры Ивановны, на каждый день рождения непременно присылал ей поздравительную телеграмму, с любовью писал о ней в областной газете.

Он присутствовал на встречах выпускников нашей школы в 2007, 2010 и 2012 годах будучи уже академиком, известным в стране человеком. Вёл себя просто, открыто, выступал, очень тепло отзывался о школе, ребятах, своих одноклассниках, с которыми учился, каждый раз непременно общался с жителями деревни.

7 июля состоится очередная встреча выпускников. Может быть, Вы найдёте время приехать, посетить места, близкие вашему отцу? Слава Богу, жива ещё моя мама Венера Ивановна – любимый учитель любимого ученика. Она могла бы многое рассказать о своём ученике, о его школьных годах. Их связывали не только уроки, но и художественная самодеятельность, в которой Николай Васильевич всегда активно участвовал, декламировал стихи на школьных вечерах и утренниках. Они часто на уроках и после беседовали на разные темы, которые волнуют подростков.

Как вариант, приезжайте в любое время летом, пока мы и мама в деревне.

С уважением Иван Внуков,
зам. директора лицея № 1502 при МЭИ г. Москвы,
организатор встречи выпускников Покровской средней школы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. Перед выбором.....	10
Глава I. КОРНИ ФАМИЛЬНОГО РОДА	13
Легендарный дед Борис.....	13
Бобылин верх.....	16
История отца. Пасхальные яйца.....	20
Трагедия.....	22
Не кулак – так просто враг.....	25
Глава II. НА ПУТИ В СВЕТЛОЕ ЗАВТРА	31
Пора взросления.....	31
Школа.....	36
Что нарушил директор.....	40
Про медаль.....	44
Между небом и землёй.....	48
До и после экзаменов.....	56
Глава III. ТИМИРЯЗЕВКА	61
Дворник по совместительству.....	61
Пропуск в науку.....	67
Что показал анализ протоколов.....	93
Глава IV. В ОРЛЕ	94
Выбор.....	95
Он был человеком с амбициями.....	104
Глава V. ИСТОРИЯ УЧХОЗА «ЛАВРОВСКИЙ»	111
Назначение.....	111
«Нам нужно расти».....	113
Ночь на раздумья.....	116
Сказ о спасённом храме.....	124
Соль земли.....	127
«Ты ко мне не ходи».....	130
Глава VI. ОСТРЫЕ УГЛЫ ВЫСОКИХ КАБИНЕТОВ	137
На волне перестройки.....	137
Случай в ресторане.....	141
Чуркин пожелал успехов.....	145
Перед развалом страны.....	148
Глава VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ	157
Дважды в одну и ту же реку.....	157
Стройка.....	162
Кадры.....	165
«Станешь доктором – приходи».....	173
От института к университету.....	181

Глава VIII. УЧЁНЫЙ. ПЕДАГОГ. НОВАТОР.....	199
Человек для науки.....	199
НОК как формула выживания.....	205
Не к чужому углу.....	213
Глава IX. ПРОЙТИ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СИТО.....	219
Простые и сложные вещи.....	219
Такая кухня непростая.....	224
Выборы.....	226
То, что не каждому по силам.....	229
Глава X. СЛУЖИТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛЕ	233
Не только теория.....	233
Что такое «скло»?.....	235
Как освоить ноу-тилл?.....	236
«Не просто большой учёный».....	238
Кадровый голод.....	243
Метод Парахина.....	247
Нож как инструмент науки.....	251
Не дилетантский взгляд на экосреду.....	256
Азот из воздуха.....	257
Биологизация земледелия.....	260
Ландшафтное земледелие.....	265
Глава XI. ПО ПУТИ ИННОВАЦИЙ И ЛИДЕРСТВА.....	272
Искусство собрать команду.....	272
Продать разработку.....	277
Внутри и за границами вуза.....	286
Глава XII. ЭТО БЫЛ ЕГО ПРОЕКТ	292
Чему поучиться у немцев.....	292
Порядок начинается с мелочей.....	294
Свой человек.....	297
Первая аспирантка.....	299
«Я помогу».....	307
Глава XIII. МОЛОДЁЖНЫЙ АКЦЕНТ	315
Красота ногтей или учёба.....	315
Эмоции – плохой советчик.....	321
Хозяин.....	322
Compliments не надо.....	323
По праву старшего товарища.....	325
Глава XIV. ИСТОРИЯ МОЛОДЁЖНОГО ЦЕНТРА	341
«Меняем муку на кирпичи».....	341
Что взять за образец?.....	344
«Хлеб – всему голова».....	346
Выявить таланты.....	352
Землики.....	355

Глава XV. ЧЬЁ ИМЯ У ПАРКА	361
Корни преткновения.....	361
Лангуты, чёрная сосна и другие.....	363
Сотворить красоту.....	366
А кто-то втайне от всех.....	369
Глава XVI. НА ПОЛЯХ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ	375
Назревший вопрос.....	375
Немного истории.....	376
Нестандартные решения.....	378
Неравнодушные.....	391
Глава XVII. ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА	398
На фоне острой дискуссии.....	398
Фурсенко увильнуть не удалось.....	403
«Чтобы слова были к месту».....	406
Глава XVIII. НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ	410
«Не умею иначе».....	410
Долг общественный и научный.....	411
Неформальные формальности.....	416
«Это наша легенда».....	420
Есть ли у дружбы цена.....	423
Кусочек сала	428
«Готов подписаться».....	430
Вишнёвое угощение.....	435
Хитрая рыбалка.....	437
Удивить и растрогать.....	440
О том, что было святым.....	443
Глава XIX. ПО ЛИНИИ ДУШИ И СЕРДЦА	447
Учиться у Парахина.....	447
Поездка в Америку.....	449
Глава XX. СЕМЬЯ	454
На ком держался дом.....	454
Тамара Позднякова.....	457
Казахские дали.....	459
«Почему Овсянников? Мой отец – Парахин».....	462
Гонка длиною в жизнь.....	463
Отцовские уроки. Виктор.....	467
Наказание длиною в месяц.....	472
В компании.....	474
Отцовский дом. Юрий.....	478
«Пойду, но вашим замом».....	487
Вместо ЗАКЛЮЧЕНИЯ. На благо страны. Во имя науки	494
Список основных научных трудов академика Н. В. Парахина.....	500
Научные статьи.....	502
СМС-сообщение	504

Михаил Иванович
Коньшин

АКАДЕМИК
ПАРАХИН
Соль земли

Оригинальный макет и вёрстка Н. А. Куксенко
Корректоры И. Л. Кургузова, М. И. Шустикова
Фото из семейного архива семьи Парахиных

Подписано в печать 7.04.2020 г.
Формат 60x84/16. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Объем п. л. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «КОНСТАНТА»
Лицензия
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пос. Северный, ул. Берёзовая, 1/12.
Тел./факс (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

« Давайте подумаем, что мы оставим после себя будущим поколениям. Что будет с пашней после бездумного вливания органических удобрений? Какие будем использовать сорта растений – естественные, полученные в результате селекции, или генетически модифицированные и как они повлияют на человека, на жизнь наших потомков?

Никто не станет оспаривать тот очевидный факт, что наша земля плодородна, что хлебное поле может служить источником хорошего дохода, даже богатства. Но не любой ценой. Если ты, руководитель, специалист, бизнесмен, действительно хочешь радеть о своей земле, проявлять о ней настоящую заботу, поразмысли, задайся вопросом: что ты хочешь в данный момент своей жизни – заработать побольше денег на этом поле? Или выберешь вариант, чтобы твоё дело, твой бизнес продолжались дальше? Хочешь разрушить или построить?»

Из выступления Николая Васильевича Парахина перед студентами, выпускниками агрономического факультета

